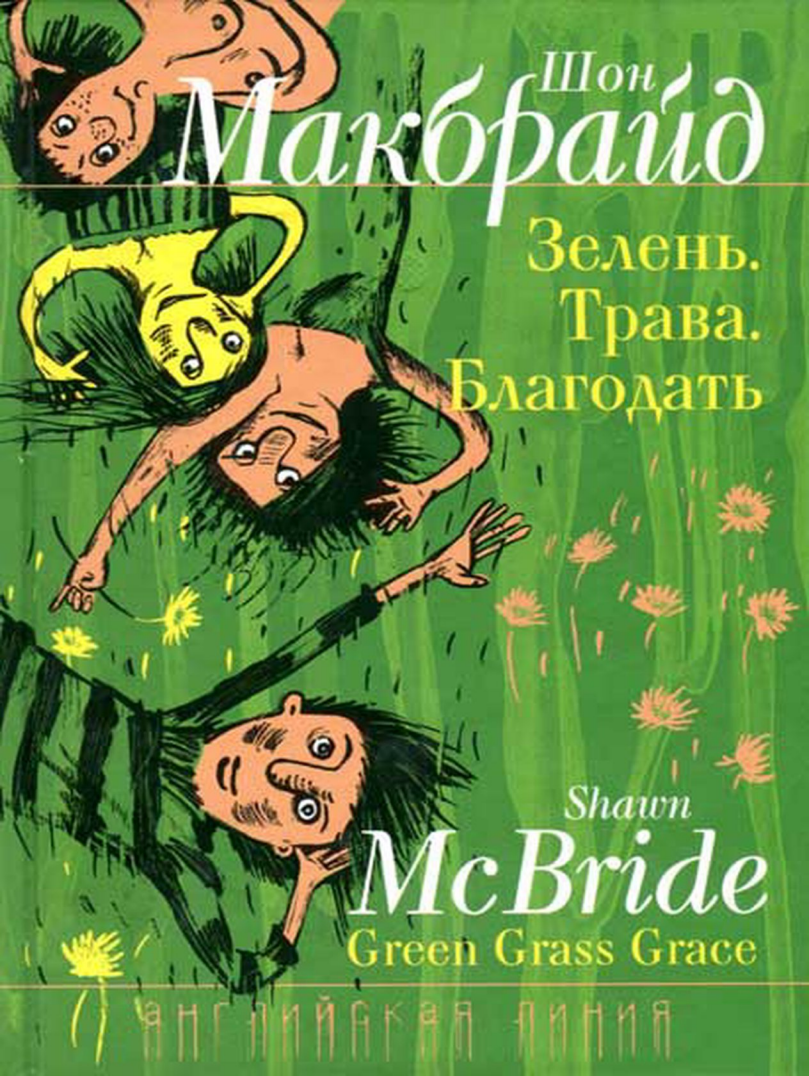
Шон
Макбрайд
Зелень.
Трава.
Благодать
Shawn
McBride
Green Grass Grace
АНГЛИЙСКАЯ ЛИНИЯ

Зелень. Трава. Благодать.
Шон Макбрайд

Аннотация
Шон Макбрайд. Зелень. Трава. Благодать.
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

Аннотация

«Зелень. Трава. Благодать.» — яркий дебют молодого американского писателя Шона Макбрайда. Роман получил признание как читателей, так и критиков, сразу став бестселлером. Проза жизни бедных ирландских кварталов, затерявшихся где-то в чаще бетонно-кирпичных джунглей Филадельфии, показана глазами неунывающего четырнадцатилетнего подростка Генри Тобиаса Тухи, который пытается по возможности расцветить жизнь себе и окружающим пестрыми мазками улыбок и маленьких радостей. Генри уже в первых строках признается, что любит «Бога, рок-н-ролл и Грейс Макклейн», и далее на страницах романа этим трем столпам его бытия уделяется равное внимание. Автор и его герой искусно и ненавязчиво перерабатывают прозу жизни в настоящую поэзию. Пожалуй, родись знаменитый персонаж Дж. Д. Сэлинджера лет на сорок — пятьдесят попозже, да еще от ирландских родителей… Впрочем, предоставим читателю самому чертить параллели на благодатной

почве этого сочного текста.

Шон Макбрайд
Зелень. Трава. Благодать.

Посвящается Хлое, Алисе и Айслинну

Ведь насколько вам, милостивый государь, должно быть известно, на свете существует превеликое множество разнообразных сисек. Одни по форме смахивают на яблоко, другие на грушу; одни совершенно непристойны, другие, напротив, скромны и застенчивы, и одному Богу известно, сколько еще их есть на свете.

Гюстав Флобер. Из письма к Луи Буйе, 1851

1

Аллилуйя, сто тысяч вонючих чертей. Майк Шмидт уселся помочиться.

Как дела, долбоеб? Меня зовут Генри Тобиас Тухи. Я люблю Господа Иисуса Христа, рок-н-ролл и Грейс Макклейн — только не в этом порядке. Могу я испросить у Тебя благословения? И свидетеля в придачу. Я иду к вам со святым именем Господа, Яхве, Большого Члена, Ока Небесного, Кого Бы Там Ни Было на устах. Мне было видение: Он явился предо мной и во имя любви возвестил мне мое предназначение. Он сказал: Генри, сделай так, чтобы Грейс стала твоей женой. Спой ей песню и предложи выйти за тебя на глазах у всей свадебной толпы. Соверши это ради ее любви, ради того, чтобы твои родители вновь полюбили друг друга и твой депрессивный старший брат наконец очнулся от унылого сна. Только-то и всего, Большой Брат? Нет проблем. Да будет исполнена Воля Твоя.

Доброе утро, улица Святого Патрика. Доброе утро, Филадельфия. Город братской любви. Город тупиков и одностороннего движения. Цветущая

метрополия, средоточие торговли, центр притяжения и самовыражения преступников — как организованных, так и не очень. Вотчина «Филлиз», «Флайерз», «Сиксерз» и «Иглз»[1] — именно в таком, бля, порядке. Доброе утро, Америка Северная, Южная, Латинская и Центральная. Доброе утро, Канада. Доброе утро, Россия, Чехословакия, Гондурас, Зимбабве, Бразилия, Пуэрто-Рико, Никарагуа, Австралия, Ирландия, Япония, Китай, Аппалачи, Чили, Мексика, Верхняя Монголия, Внешняя Монголия, Нижняя Монголия, Монголия Шиворот-навыворотная и Вверхтормашечная. Никого не забыл? Ну, тогда резкая пауза, говнюки.

За окном утро пятницы, прекрасное утро последнего уикэнда летних каникул, 1984. В спальне, которую я делю со своим старшим братом Стивеном Джозефом Тухи, солнце пробивается через шторы с символикой НФЛ[2]. Ему восемнадцать, он пьет. Он спит подо мной на нижней койке. Стивен громко храпит, на подушке у него блевотина, и, скорее всего, он не помнит,

---

[1] Примечания: 1

Четыре самых известных в Филадельфии бейсбольных команды. *(Здесь и далее прим. перев.)*

[2] Примечания: 2

Национальная футбольная лига.

как вчера бился на кулаках с нашим отцом, Фрэнсисом Натаниэлом Младшим.

Ночные драки Стивена с Фрэнсисом Младшим уже стали семейной традицией. Ночь Битвы смотрите каждый вечер дома у Тухи. В этом углу с довольно потерянным видом расположился наш неудачник, Стивен Тухи, рост — пять футов девять дюймов, вес — пятьдесят фунтов с небольшим. Курносый с Кружкой под Носом. В противоположном углу — рост пять футов семь дюймов, вес восемьдесят с чем-то — находится наш чемпион, Фрэнсис Натаниэл Тухи Младший, Фрэнсис Боепочтальон, у которого на спине растительность гуще, чем на голове.

Мне нужен чистый бой, ребята. Никаких клинчей, никаких ударов в затылок. И потише, чтобы соседи опять не вызвали копов, а Сесилия Реджина Тухи Младшая, известная также под именем Сес, не разревелась. Пожалуйста, воздержитесь от нанесения увечий Фрэнсису Натаниэлу Тухи Третьему, когда тот прибежит к нам в гостиную из соседнего дома, чтобы положить конец схватке. И самое главное, постарайтесь драться подальше от телевизора, к которому недавно подвели кабель. Свалив на пол телевизор с кабелем, вы совершите грех еще более ужасный, чем если бы

вы помочились в священнический потир, так что коли уж придется крушить мебель, то начните с кресла или кофейного столика.

Командные часы «Филадельфия Филлиз» у меня на руке показывают десять тридцать. Черт. Сейчас я уже должен был встретиться с моим лучшим другом Бобби Джеймсом. Однако меня это не беспокоит. Подойду через часок, после того как оденусь и причешусь. Но прежде всего следует заняться Майком Шмидтом. Наверное, придется объяснить, кто он такой, в том случае, если А) ты телка, либо же, в случае Б), если ты парнишка, который играется в куколки. Майк Шмидт — третий игрок «Филлиз» и мой злейший враг по причинам, которые я не желаю сейчас обсуждать, потому что эта тема для меня больная. Я пытаюсь устаканить свою жизнь после Происшествия. Точно в десяточку. Шарик жвачки, которым я плюнул в этого говнюка, угодил ему прямо в длинный шнобель, присоединившись к сотням себе подобных. Я делаю так каждое утро. Это такая терапия. Мне уже лучше.

Я иду по коридору, минуя ванную и комнату Сес прямиком в родительскую спальню, где стоят пластинки Сесилии Тухи. Коллекция впечатляет, как и моя шевелюра. У нее есть абсолютно все

альбомы, выпущенные с 1950 по 1979 год. Долгоиграющие пластинки рядами выстроились на полках вдоль стен, а те, что на 45 оборотов, — в разваливающихся шкафчиках. К ним-то я и направляюсь — нет времени слушать целый альбом. Чего бы такое послушать? Ага, вот оно: «Let It All Hang Out» Хоумбрз. Хорошая пластинка. Я вынимаю ее из чехла и иду в комнату Сес, где стоит проигрыватель, а также проходят репетиции нашей группы под названием «Филобудильник». Я опускаю иглу. Песня начинается с проповеди. Слышно, как хлопают. Я принимаюсь плясать в белых трусах, подпевая вслед за пластинкой. Признайтесь честно, вы когда-нибудь слышали такие ритмы в белой музыке? Ну, скажите, что да. А я над вами посмеюсь.

— Генри, заткни хлебало и выключи это дерьмо, — орет Стивен, не вставая с кровати.

Я убавляю звук, прекращаю петь и опять несусь в ванную. Вот я уже перед зеркалом, а Хоумбрз всё продолжают петь. Быстрая проверка подмышек на наличие волос не приносит положительных результатов. Долбаный карась, думаю я про себя, в то время как Стивен, шатаясь, заваливается в ванную, преклоняет колена и блюет в унитаз.

— Йоу. Сдается мне, Генри, ты сегодня не в

форме.

У Стивена ярко-зеленые глаза, даже когда он блюет в унитаз после пьянки. На голове у него шухер из черных, слипшихся сосульками волос. Росту в нем пять футов девять дюймов, смазливый, но до меня ему, конечно, далеко. Смазливый — не более того, по моей собственной долбаной шкале. Вам любая телка скажет — или я.

— Йоу. С чего ты взял? — спрашиваю я, смачивая волосы под струей из крана.

— Да что ни возьми. Музыка. Прическа. Проповедь. — Тут он снова блюет.

— Не читал я никаких проповедей. Это тоже была запись с пластинки. Я просто подпевал, придурок.

— Может, и так, — говорит он, — но я слышал, как ты повторял то фуфло, что проповедники гонят по телеку.

— И чё дальше? — спрашиваю его я. — Они прикольные. Тебе не кажется?

Я смотрю проповедников по кабелю и мотаю себе их прически и стиль одежды. А если не проповедников, смотрю юмористов. Та же фигня, только у этих прически катят, а некоторые отдельные придурки еще и одеваются дерьмово.

— Мне-то откуда знать, — говорит он. — Я их

не смотрю.

Блюет.

— Ты много теряешь, — сообщаю я ему в ответ.

— Если уж на то пошло, — говорит он, — мне больше нравится, когда ты подражаешь юмористам.

— Никому я не подражаю, ты, дятел долбаный. Я сейчас, — говорю я и, злой как черт, возвращаюсь в спальню. Открываю верхнюю дверцу шкафа — там в надежной коробке хранится Зеленухыч, моя расческа. Я снимаю крышку с коробки, достаю оттуда коричневую сумку, открываю пакетик из-под сэндвичей, разворачиваю спрятанный там платок — и вот у меня в руках Зеленухыч, этот трепаный, несгибаемый ублюдок.

— Какие проблемы, чувак? — говорю я ему. Да, я разговариваю со своей расческой. Зеленухыч, человек действия, молчит мне в ответ. Я отвожу его в ванную, а Стивен уже успел уснуть, примостившись на унитазе. Он набрал пятнадцать фунтов с тех пор, как в прошлом июне закончил школу с аттестатом, который теперь пригодится ему для того, чтобы, лежа в луже на улице, укрывать голову от дождя (это если верить угрозам Фрэнсиса Младшего).

Стивен начал пить после того, как его девушка

Мэган погибла в автокатастрофе в квартале от нашего дома. Месяц спустя, будучи уже без пяти минут выпускником, он бросил футбол. Его оценки поползли вниз. В нем куда-то подевалась его личность. Раньше он всех всегда смешил. Рядом с ним всем было весело, всем становилось легче жить, особенно мне. Он был моим кумиром. Если драка шла из-за фигни, он всегда мог ее прекратить буквально парой шуток. Не бывало такого, чтобы он не улыбался. Когда он входил в комнату, все сразу оживлялись. А потом погибла Мэган, и у него все пошло кувырком. Сюда влез еще Фрэнсис Младший, и с тех пор все покатилось по наклонной. Стивен напивается, приходит домой, рубится на кулаках с Фрэнсисом Младшим и затем отключается. На следующее утро он просыпается, блюет в унитаз, засыпает на унитазе, потом снова просыпается и начинает расспрашивать меня про вчерашний вечер, поскольку сам ничего не помнит.

— Генри, ты сегодня папу уже видел? — спрашивает Стивен.

— Нет, — отвечаю я. — Не видел с вашей вчерашней драки.

— Что? — спрашивает он. — Когда это мы с ним подрались?

— Издеваешься?

— Нет. Я помню, как вернулся домой, и еще была проблема, когда не мог подняться по лестнице.

Я втираю себе в волосы две капли геля. Дальше зачесываю волосы строго назад. Теперь можно делать пробор посередине, но мне хочется рассказать Стивену всю вчерашнюю херню. Я могу делать только что-нибудь одно. Но тогда это будет несправедливо по отношению к Стивену или же, наоборот, к моим волосам.

— Да, на лестнице у тебя и впрямь были *проблемы,* — говорю я ему.

— Ну вот, а я про что, — произносит он с облегчением.

— Папа и Фрэнни *поволокли* тебя наверх. А то так бы и замерз на улице. Так что сам смотри, были у тебя проблемы или нет.

— Серьезно?

— Серьезно.

— Я шел за папой или папа шел за мной? — спрашивает он.

— Не знаю, — честно признаюсь я. — Я стоял наверху, жевал конфетки и тянучку и оформлял билеты на предстоящий бой.

— Заткнись. Что я ему говорил?

— Точно не помню. Как обычно. Пошел на хрен, отъебись, отсоси, педрила.

— Я упоминал про то, что папа пялит миссис Куни за спиной у нашей мамы? — интересуется Стивен.

Фрэнсис Младший изменяет жене, нашей маме, Сесилии Регине Тухи Старшей, с миссис Куни, которая живет в конце квартала напротив. А наш дом стоит последним на этой стороне. Если представить себе улицу Святого Патрика в виде прямоугольника, то дорога от дома Тухи к дому Куни как раз поделит ее на два треугольника.

— Нет, такого не припомню, — отвечаю я.

— Мама плакала?

— Угу.

— Вот черт. Что еще было?

Неожиданно у меня пропадает всякое желание рассказывать дальше. Во-первых, я до сих пор не сделал пробор. Во-вторых, я до сих пор не сделал пробор. Упоминание о приезде полиции или о его рыданиях в данный момент ни к чему хорошему не приведут. Самое время заняться прической.

— Все не так ужасно, — говорю я. — Ну, сшиб там пару хреней.

— И все, больше ничего? Ты уверен, что я при маме не наговорил всяких глупостей?

— Уверен. В любом случае, она ведь в курсе, правда?

— Но это не значит, что ей надо все разжевать по слогам, не стоит мешать жанры. — Тут он снова блюет.

— Красиво пошло, — говорю я, — но мне надо уложить волосы, приятель. Иди еще поспи.

— Да, еще чуть-чуть и пойду, — отзывается он, и тут его выворачивает наизнанку. — Ну вот, чуть полегчало. Удачного дня, малыш Генри. Накинь на себя чего-нибудь. А то если отправишься на улицу прямо так, сбегутся телки и напихают долларов тебе в трусы.

Он со стонами удаляется в спальню, по дороге нервно и немного испуганно бормоча что-то про жизнь, которая катится к чертям. Меня возбуждает мысль о телках, пихающих баксы мне в трусы. Вставший у меня в белых трусах член отражается в зеркале. Что ты будешь делать с этой гребаной штуковиной? Знать бы, как его угомонить. В библиотеку записаться, что ли? Ну хватит, пора отвлечься от стояка и переключиться на прическу.

Она (прическа) уже почти стоит колом, и неплохо бы залезть под душ с шампунем и начать все с нуля, но не такой уж я дурак. Я не из тех, кого

обычно называют чистюлями. Я делаю пробор и распушаю волосы — это раз плюнуть; теперь одеколон. Поделюсь секретом: когда пшикаешь спреем голову, не смотри на инструкцию по применению. Надо, чтобы баллончик шипел без малого три минуты. И непроницаемая мгла да сгустится над ванной так, чтобы твой собственный пердеж звучал отголосками туманного горна. Так, то сделал, это сделал. Теперь, когда волосы в порядке, можно одеваться.

Но сначала окинуть прическу беглым взглядом на предмет соответствия писку моды. Слухи о пользе от ежедневного принятия душа сильно преувеличены. Нет такой необходимости. Я придерживаюсь расписания понедельник — среда — пятница. Воскресенье — День Господень, а посему грешно по таким дням тешить свое тщеславие, исполняя ритуалы типа купания. Однако ухаживать за прической и воздерживаться от купания — это лишь два шага на пути к сногсшибательной внешности.

Шаг третий — выбор одежды, которая бы выделяла тебя из стада. Каким образом? Очень просто. Старайся не носить футболки с логотипами спортивных команд, если, конечно, не собираешься торчать весь день под днищем машины или кор-

мить помоями свиней. Натяни лучше рубашку с воротником вроде той, какую я надеваю в данный момент. Попробуй-ка подбери себе такую же крутую рубашку, как моя с лосями, чтоб так же выгодно тебя подавала. Не обращай внимания на фырканье и бульканье в ванной — это Стивен. С шортами попроще. К рубашке с лосями имеет смысл надевать только шорты из шотландки. Девка вроде Грейс точно не устоит. А обуюсь, пожалуй, в черные беговые кеды с желтой полоской. Пусть они немного выбиваются из цветовой гаммы: если обувка не подходит к одежде — это не смертельно. Теперь самое время запихнуть Зеленухыча в носок для быстрого доступа в походных условиях.

Прикид нельзя считать законченным, если на тебе не надето ни одной вещи во славу Иеговы. Лучше что-нибудь неброское, скажем, наплечники. Это что-то вроде шнурков, к которым прикреплены два ярлычка с изображением святых. Наплечники нужно носить как двойное ожерелье: одна картинка спереди, другая сзади. И что особенно замечательно, наплечники — это гарантированный пропуск на выход из ада. Стоит умереть в наплечниках — и отправляешься прямиком в рай. Без вопросов.

Скажем, к примеру, угоню я сегодня автобус, потом, не знаю, ну там, перееду парочку старушек с ходунками. Затем выйду из автобуса, обчищу их сумочки. С деньгами пойду в бар и напьюсь. В баре начну спорить с чуваком по поводу того, кто лучше: я или Бобби Редфорд. Допустим, он скажет, что я чуть получше. А я скажу, что точно лучше, и намного. Тут я выйду на улицу, сяду за руль автобуса, снесу в баре стену и перееду болвана. Потом вытащу деньги у него из лопатника, подойду к музыкальному автомату и врублю Боба Сигера и его «Сильвер буллет банд», песню «Old Time Rock & Roll». Потом я снова сажусь за стойку, заказываю еще выпить и начинаю спорить с другим чуваком: кто круче — я или Бобби Де Ниро. Он говорит, что вроде бы Де Ниро. А я говорю, что Де Ниро без вопросов. Базар я кончаю точно так же — просто сбиваю его автобусом.

Потом опять присаживаюсь выпить. В бар заходит Де Ниро, садится рядом и заказывает стопку, лихо опрокидывает ее. Потом искоса смотрит на меня и спрашивает:

— Про меня говорил? Это ты про меня говорил?

А я ему:

— Ну да, но только хорошее, Бобби.

Но он не ведется на эту туфту. Он достает огромную бандитскую пушку и нашпиговывает меня свинцом. Я труп, но на мне наплечники. В свете всего этого возникает вопрос: смогут ли они спасти меня от ада? И да, и нет. По-хорошему, мне бы полагалось прямиком в рай, даже если бы я вошел в Жемчужные Врата с рулем от автобуса и холодным пивом.

Но мы забываем об ужаснейшем из всех грехов. Хуже убийства и даже хуже пропущенной мессы. Я врубил Боба Сигера на музыкальном автомате. А этого дерьма мне не простит и сам Бог.

В гостиной бардак. Лампа валяется на полу рядом с перевернутым кофейным столиком и кипой журналов. Синтетические чехлы на диване и кресле для двоих накинуты явно наспех. Еще хорошо, что уцелел телевизор с кабелем. Я хватаю пульт и жму на кнопку «вкл». По телеку, как обычно, одно дерьмо: сплошные ток-шоу, смотреть которые было бы намного интереснее, если бы их участники бились на кулаках, видеоклипы с немецкими придурками, которые играют на пианино, словно на гитаре, кулинарные шоу с жирными тетками в роли ведущих, повторы старых черно-белых фильмов, мыльники и игровые шоу. В итоге я нахожу религиозный

канал, где проповедник во фраке и в рубашке с оборочками, с коком под Элвиса, держит за руки даму необъятных размеров с двумя резиновыми грелками вместо сисек. Необъятная дама с грелками вместо сисек рыдает от счастья. Она где-то посеяла Господа, но вновь Его обрела, слава Ему же. Проповедник потеет и улыбается. Зрители аплодируют и кричат всякую чушь. Я выключаю телек. Потом опять включаю. Опять выключил. Теперь включил. И снова выключил. Обожаю этот пульт.

На улице рычит собака и человек кричит от боли. Я бегу на крыльцо. Там моя собака, Гвен Флэггарт, кусает почтальона, Фрэнсиса Натэниела Тухи Младшего, который еще вдобавок приходится мне отцом. Пока Флэггарт вгрызается ему в лодыжку, Фрэнсис Младший обзывает ее жирной сукой.

— Йоу, пап, — говорю я ему. — Посылку мне не принес?

Мы с Бобби Джеймсом написали на обороте «Мэгэзин» (журнал гарантированного взаимного уничтожения) заявку на кучу всякого дерьма, включающую в себя пластмассовые собачьи какашки, жвачку с приколом, ароматические палочки и доску, которая не просто доска. Мы

собираемся катиться на доске в школу. Цыпулям доски нравятся.

— Йоу, Генри, — отвечает он. — Чего? Ты про это?

Он достает из набитой до отказа почтальонской сумки маленькую коричневую коробочку и протягивает ее мне, а тем временем Флэггарт продолжает рычать и кусаться. Фрэнсис Младший прицеливается и отвешивает собаке смачного пенделя ногой. Бам. Флэггарт, эта уродина, валится на спину, закрывая морду лапами, и чихает, будто улыбаясь во всю свою желтозубую пасть.

— Загони собаку в дом, Генри, пока я ее не убил, — говорит он мне.

Я открываю дверь, и он дает ей пинок под зад. Уже в доме она с блядским видом подруливает к спящей Джин, другой нашей собаке. Джин просыпается, замечает Флэггарт и подвигается. Флэггарт садится на освободившееся теплое местечко. Мы с Фрэнсисом Младшим по-прежнему стоим на крыльце.

— Стивен все еще наверху, Генри? Дрыхнет? — спрашивает он.

— Не-а, вроде проснулся, — говорю я.

— Как он там?

— Бывало и лучше. Блюет.

— Это понятно. Я спрашиваю, вид у него подавленный? Расстроенный?

— Угу, но это дело обычное, — замечаю я.

— Знаю, — отзывается Фрэнсис Младший, который на вид — вылитый Стивен, только покрепче будет, лицо покруглее и волос на голове поменьше, да еще черные круги под глазами.

— Он что-то говорил — вроде собирается сегодня в Комьюнити-колледж, — вру я ему.

— Правда? Вау, — говорит в ответ Фрэнсис Младший, — может быть, до него дошло хоть что-то из того, что я ему вдалбливал.

— Ага, конечно, пап, — говорю я, хотя с его стороны думать так попросту тупо.

— Ну, ты меня понимаешь, это насчет школы и прочего дерьма.

— Конечно.

Бобби Джеймс высовывает из двери свою жирную морду и смотрит в сторону нашего дома, но он слишком плохо видит, чтобы разглядеть меня издали. Оно и хорошо, потому что иначе он бы принялся истерически свистеть. Как только он вновь исчезает за дверью, у меня начинает трезвонить телефон.

— Пора кончать со всем этим дерьмом, Генри, — продолжает Фрэнсис Младший. — Он катится

по наклонной. Нельзя, черт побери, ломаться из-за одного несчастья. Жизнь и впрямь летит к чертям, но при этом она еще и движется вперед, и нужно двигаться вместе с ней. Ему бы надо гонять мяч и поступить в колледж. И тебе тоже. Я не хочу, чтобы ты разносил по домам макулатуру и бегал от собак. Вы оба слишком смышленые для этого.

— Я понял тебя, брат мой, — говорю я ему.

— Хватит паясничать. Я серьезно. Наша работа не из легких, — заявляет он, глядя куда-то сквозь меня. А это значит, что сейчас начнется разговор, который будет прерываться всякий раз, когда ему придется отвечать на вопросы соседей по поводу почты. — Понимаешь, Генри, я просто хочу, чтобы у тебя в жизни все сложилось лучше, чем у меня — *Привет, Милдред, да, пришел твой «Ридерз дайджест», сейчас принесу* — в шестнадцать лет я уже работал на почте, Генри, и передохнул только во Вьетнаме — *Гарри, этого твоего чека на страховку сегодня не было, но я обещаю, что дождусь его* — у твоего брата в башке мусор, и потом он будет горько сожалеть об ошибках, которые совершает сегодня — *Юнис, подожди две минуты и хорош орать там, лысуха беззубая…* — ты даже посмышленее Стивена бу-

дешь; я не допущу, чтобы ты наполнял стаканы в сети обслуживания вместо того, чтобы читать нужные книжки в колледже и бегать за юбками вдали от всего этого крутежа. Я не позволю Стивену все забросить из-за того, что погибла его возлюбленная одноклассница. Когда мне было семнадцать, я сам на руках вынес из дома тело семилетнего брата. На следующий день нужно было идти на работу. И я пошел. Жизнь не желает ждать. И если для того, чтобы удержать твоего брата на этом свете, мне опять придется с ним драться, я, черт возьми, так и сделаю — *Да, Майк, меня покусала моя собственная собака* — ну все, мне пора, а то как бы они не зажгли факелы и не погнали меня всем скопом на почту. У тебя на голове все в порядке, хватит прихорашиваться. Слушай, чем планируешь сегодня заняться?

— Да как обычно, — отвечаю я. — Буду шататься с Бобби Джеймсом. Выглядывать на улице телок и мелочь под ногами. А также громко возглашать о своей любви к Яхве.

Я всегда несу такую чушь — все равно он меня не слушает.

— Напиши маме записку, ладно? — говорит он. — И не дури. Деньги есть?

— Откуда?

Он достает бумажник, в котором три рваных долларовых бумажки. Протягивает две мне, потом смотрит на последнюю и отдает и ее. И говорит:

— Держи, вот.

— Спасибо, дружище.

— Да не за что.

— Пап, — спрашиваю я его, меняя тон, — мужику обязательно кого-нибудь пялить за спиной у жены?

— Чего? — успевает выдохнуть он перед тем, как чуть не выпрыгнуть из кедов и выронить сумку, чтобы затем нагнуться, завязать шнурки и взглянуть на меня снизу вверх. — А почему ты спрашиваешь?

— Да так, — отвечаю я. — На днях на спортплощадке кто-то обмолвился.

— И про кого?

— Не помню. Но не про тебя.

— А я про себя и не думал, — сообщает он мне, распрямляясь и вновь надевая сумку на плечо.

— Знаю, — говорю я. — Ведь так только пидоры поступают.

— Да, вроде того. Ну ладно, мне пора. Будь паинькой.

— Ты тоже.

Фрэнсис Младший, перемахнув через крылечные перила, что твой гимнаст, удаляется, чтобы завершить обход улицы. С минуту я смотрю ему вслед, потом иду в дом, нахожу ручку, бумажку и пишу: «Ма, ушел. Вернусь. Искренне твой во Христе, Генри». Сесилия посмеется. Она любит шуточки про Иисуса. Я выключаю, затем опять включаю и снова выключаю телевизор. Дистанционные пульты. Вау. На часах пять минут двенадцатого. На кухне звонит телефон. Стивен наверху блюет и стонет. Игла скребет по сорокапятке, которую я никогда не снимаю с проигрывателя. Я делаю шаг — и окунаюсь в сладкий летний воздух. Яхве с безграничной любовью гладит меня ласковыми лучами солнца.

2

Как-то раз с утра (дело было в мае прошлого года) сестре Эдвине Непорочной, нашей приходящей матушке-наставнице, стало плохо прямо на глазах всего нашего седьмого класса при попытке наорать на Дэниэла Макдэниэла за то, что тот запихал себе в обе ноздри по стёрке. Признаться, я и сам тогда находил этот трюк довольно забавным, но такая уж у них, у монашек, порода. Вечно они смеются над пресными шуточками льстивых священников, не замечая стёрок в носу, которые как раз таки и отделяют истинные семена от плевел комического жанра. Я даже немного завидовал Дэниэлу. Пластическая комедия никогда не была моей сильной стороной. Пару раз за день мне доводилось повстречаться со столбом или смешно перескочить через лавку, но то были случайности. Совсем другое дело — Дэниэл Макдэниэл. Если уж стёрки и оказывались у него в носу, то исключительно по его собственной воле.

Мы все так ржали, что сестра Эдвина Непорочная, у которой из-за рака груди была только одна маленькая сиська, прекратила выписывать

на доску семь смертных грехов и повернулась к нам. Увидев, что один из учеников ведет себя неподобающим для истового католика образом, сестра, которой много не надо было, сорвалась на Дэниэла Макдэниэла и обозвала его безбожным лентяем, не желающим определять свой жизненный путь в соответствии с только что услышанными догматами истинной веры. Словом, она сломала об колено чертову указку и заорала: *лентяй лентяй лентяй.* И орала до тех пор, пока не стала красной как рак и не бухнулась на пол. Она рухнула, как от пули, и так и осталась лежать, если не считать момента, когда санитары подняли на носилки ее скрюченное тело. Легенда гласит, что она и по сей день сидит в кресле-качалке на крыльце санатория Сестер Непорочного Сердца в Кейп-Мей, штат Нью-Джерси, тянет через трубочку томатный суп и бормочет *лентяй лентяй лентяй,* покуда кто-нибудь не вгонит в ее прыщавую задницу шприц с лошадиной дозой снотворного.

Все вышесказанное не имеет значения кроме как в связи с молоденькой козочкой с грудками-орешками по имени Мизз Дженкинс, которая заменяла сестру Эдвину до конца года. Она была высокая, и у нее были длинные темные волосы и

темные глаза. Она носила кофточки без рукавов и коротенькие юбочки в цветочек. Когда она наклонялась над партой, чтобы помочь тебе с заданием, видно было, какой на ней лифчик. На одном из шаров у нее была темная родинка, которую так и хотелось скушать что твою шоколадку. Она смеялась над католиками и Святыми Пятницами в качестве Дней Творения, показывала нам картины великих художников и познакомила нас с минимализмом, своим любимым направлением в искусстве.

И вот, собственно, к чему я веду. Если ты, подобно Мизз Дженкинс с ее плоскими сиськами и ногами как у балерины, фанат минимализма, то улица Святого Патрика местечко не для тебя. Ровные шеренги типовых домов по обеим сторонам. Парадные двери — все как одна белые с черным фронтоном — выходят на бетонные веранды, обнесенные черными железными перилами. На верандах громоздится хлам: барбекюшницы, детские велосипеды, роликовые коньки, коробки из-под игрушек, колесные диски, автомобильные детали, знамена с символикой «Филлиз» и «Флайерз», безголовые куклы, собачьи экскременты и мусорные ведра, набитые пустыми пивными бутылками. Между каждыми двумя домами по

цементной дорожке с двумя рядами ступенек. Дорожки спускаются к тротуару, который тянется внизу вдоль чахлых, под уклон расположенных лужаек.

Лужайки — предмет особой гордости. Все они мало того что шириной немногим больше фута, так еще и очень крутые. Тем не менее соседи на улице Святого Патрика буквально из кожи вон лезут друг перед другом, украшая свои газоны всевозможными лозунгами вроде МОНДЕЙЛ И ФЕРРАРО — НАШИ ПРЕЗИДЕНТ И ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ, цветочными клумбами, картонными хрюшками и прочей скотинкой, табличками ПО ГАЗОНУ НЕ ХОДИТЬ, американскими флагами и статуями святых. На улице Святого Патрика ровно семьдесят восемь однотипных домов, ровно семьдесят восемь пригорков с лужайками и ровно семьдесят восемь статуй мертвых святых. Нет, постойте, вру: семьдесят семь святых и одна Дева Мария.

Сюда же прибавим жителей. Те роликовые коньки и детские велосипеды, которых не видно на верандах, находятся на ногах или под задницами у детишек, гоняющих повсюду. Их мамаши носят короткие прически в стиле «Невеста Франкенштейна» вкупе с позолоченными сережками

и фиолетовыми олимпийками, курят «Вирджиния слимз» и до хрипоты орут на детей, чтобы те не разгонялись, не тормозили, застегнулись, шли домой или играли на улице. Папаши ходят в «джефф-хэтах» — так мы называем широкополые фетровые шляпы, как у первопоселенцев, — и с важным видом шествуют в сторону «У Пола Донохью», бара на углу, предварительно выслушав от своих жен предупреждение не возвращаться домой пьяными. Подростки постарше тусуются возле машин кучками по пять-шесть человек, все как один с поднятыми капюшонами и в рубашках навыпуск. Старые кошелки стоят, скрестив руки на груди, и провожают хмурым взглядом всё и вся, чему не больше тридцати лет, а также перекрикиваются, громко поминают Отца Небесного и своих покойных мужей в связи с тем, что мелкаши потеряли нюх и стали вести себя как грубые неблагодарные чудовища. Улица Святого Патрика для ирландцев-католиков, и точка. И ни один говнюк, ни один язычник не может здесь жить, не может принадлежать этому месту, не может даже пройтись по тротуару, не собрав себе на черепушку десятка-другого пустых пивных бутылок. Здесь таких не любят.

Сегодня на улице Святого Патрика все как

обычно. Отец Бобби Джеймса мистер Джеймс, у которого волосы всегда ухожены и зачесаны набок, пришел в полицейской форме на вызов к дому Магонов. У миссис Магон торпедообразные сиськи. Она закрылась в доме от мистера Магона (лысая голова, если не считать комка жирных волос на макушке), потому что тот как раз возвращается с ночной вахты в баре «У Пола Донохью». Миссис Магон швыряет в него полными бутылками «Будвайзера» из окна на втором этаже с явным намерением раскроить ему башку.

— Получай, — вопит она, — ты ж больше всего на свете любишь эти чертовы штуки.

— Пэг, зачем ты это делаешь? — вопрошает мистер Магон невозмутимо и смиренно, параллельно пытаясь ловить своих деток на подлете к мостовой. И ему действительно удавалось спасти немало потенциальных жертв в рядах бутылок до тех пор, пока он не надумал одну из них открыть. Теперь его попытки ловить их одной рукой, не забывая про початую бутылку во второй, все чаще оборачиваются пеной и битым стеклом на тротуаре. Мистер Джеймс по кротости и деликатности своей натуры сохраняет спокойствие и приводит разумные доводы.

— Пэг, такими методами ничего не решишь.

Дэн, неужели так необходимо пить вторую именно сейчас? — спрашивает он.

— Йоу, мистер Джеймс, — приветствую я его. — Как идут дела?

— Йоу, Генри, — отвечает он. — Дела шли неплохо, пока я не решил проведать этих двоих.

— Привет, миссис Магон. Привет, мистер Магон.

— Здравствуй, Генри. Передавай маме привет, — говорит мне в ответ миссис Магон.

— Генри, помоги мне, поймай несколько бутылок, — говорит мне в ответ мистер Магон.

— Не смей вмешивать сюда детей. Стой где стоишь, Генри, — приказывает мне мистер Джеймс.

Черт. Было бы забавно поймать бутылку-другую, если уж они так и сыплются из окна. Наверняка я бы спас их больше, чем мистер Магон, который, должно быть, и сам нередко мечтает о падающих с неба бутылках «Будвайзера», если только они не пущены ему в голову собственной женой из окна во втором этаже строения, которое он именует своим домом. В его мечтах бутылки плавно спускаются с небес на парашютах и приземляются аккурат в красный холодильник, и без того набитый под завязку. В мечтах нет никакой жены, есть разве что ее голова, покоящаяся во

льду среди все тех же бутылок «Будвайзера».

— Генри, что бы ты предпринял, будь ты на моем месте? — спрашивает мистер Джеймс.

— Пристрелил бы обоих, — отвечаю я. — А потом вернулся бы к ларьку с пончиками.

— Не смешно, Генри. Все скажу твоей маме, — сварливо огрызается миссис Магон.

— Меньше шуток — больше реальный улов бутылок, — вставляет теперь уже разъяренный мистер Магон.

— Пристрелить их? — смеется мистер Джеймс. — С такими методами, пожалуй, хорошо, что ты родился в семье почтальона, а не копа. Когда будешь думать, чем в жизни заняться, знай: тебе лучше всего идти в почтальоны.

— Я бы хотел стать почтальоном-полицейским, — сообщаю я ему в ответ. — Разносил бы почту, а как увижу, что кто-то пытается залезть в чужое окно, сразу мерзавцу в рожу слезоточивым газом — и в почтовом мешке в тюрьму.

— Думаешь, этот парень поместился бы в почтовый мешок? — интересуется мистер Джеймс, указывая на мистера Магона и на его живот, которому никогда не удается полностью скрыться под выцветшей рубашкой с символикой «Филлиз».

К дому Магонов не спеша приближается Фр-

энсис Младший. Он принес им почту. Он кивает мистеру Джеймсу и мистеру Магону, затем поднимает голову и обращается к миссис Магон:

— Пэг, тебе случайно не нужна карточка с указанием нового адреса для твоего дуралея? Хочешь, я могу положить ее в ящик вместе с почтой?

— Да уж, Фрэн, будь так любезен, — отвечает она. — Тебя не затруднит переслать всю эту макулатуру в Сибирь?

— Нет, тут я пас. Я только путаться в адресах мастер.

— С чем с чем, а с этим ты справляешься лучше некуда.

Мужчины смеются и вместе принимаются ловить падающие бутылки.

— Ребята, кто-нибудь смотрел вчера вечером игру «Филлиз»? — интересуется отец, раскрывая почтальонскую сумку для очередной бутылки.

— Карлтон подавал не ахти, — замечает мистер Джеймс, одновременно перехватывая бутылку, не разбившуюся о навес крыльца, прежде чем скатиться вниз на бетон. — Прямую подал чисто, а крученый слишком высоко.

— Наверное, от той травмы никак не оправится, — говорит мистер Магон, ловя очередную бутылку и ни на секунду не спуская глаз с осталь-

ных.

— Вряд ли. Сейчас врачи такое дерьмо за полчаса вправляют, и через пару недель питчер на площадке как новенький, — говорит мистер Джеймс, не успевая к одной (вдребезги), но при этом спасая другую.

— Лучше бы Карлтону поправиться до игры на титул чемпионов. Не каждый же раз Шмидт в девятом раунде будет попадать в отбивающего, — говорит Фрэнсис Младший, тут же ловит бутылку, сбивает с нее крышку и уже в открытом виде протягивает мистеру Магону.

— Спасибо, Фрэн, — говорит мистер Магон.

— Нет проблем.

— На хрен Майка Шмидта, — сообщаю я им.

Вся компания, за исключением Фрэнсиса Младшего, смотрит на меня с улыбкой.

— Он не любит Шмидта, — пожимая плечами, поясняет Фрэнсис.

— Ага, терпеть не могу, — заявляю я. — Мне пора за Бобби Джеймсом. Пока, ребята.

Они тоже прощаются со мной, а затем возвращаются к своей забаве: миссис Магон продолжает запускать бутылку за бутылкой и вопить что-то про смену замков, а остальные трое — смеяться по поводу женитьбы и детей и к чему это в итоге

приводит.

И такой народ тут везде. Несмотря на постоянные драки, люди каким-то образом все равно сохраняют дружеские отношения. Примерно та же фигня происходит через каждые два дома на третий, пока я иду по улице к Бобби Джеймсу. Мистер Маллиган (триста фунтов чистого веса, маленькие бачки, шевелюра как у Элвиса) прилюдно спустил штаны с сына Табби (те же триста фунтов и то же самое на голове) и лупцует его голую задницу за то, что тот привязал телефонный шнур к пожарной сирене и таскал ее по полу. Рядом трехсотфунтовая миссис Маллиган с дирижаблеобразными сиськами объясняет Табби, что эта публичная казнь их самих ранит даже больнее, нежели его голую задницу. Пока эти жирные придурки разбираются, начальник пожарной команды мистер О'Молли, живущий в этом же квартале, стоит в брюках и без пиджака и прячет лицо в ладони. Пятилетние Джимми Килпатрик и Джимми Мулейни, два стриженных ежиком поросенка, несутся по улице с памперсом, который они свистнули из-под задницы у двухлетки Дениз Маккивер. Их с воплями преследуют миссис Килпатрик и миссис Мулейни (обе молодые, с сиськами как канталупы и без лифчиков — ал-

лилуйя!) и по ходу не могут удержаться от смеха при виде своих маленьких монстров. Мисс Фарбер, старая сова со славными сиськами, поливает прямо в лицо из садового шланга безгрудую мисс Уилсон, свою лучшую подругу и злейшего врага одновременно, на клумбе, от которой попахивает тухлой свининой. Теннисные мячики со стуком отскакивают от парадных дверей, откуда в ответ доносятся истошные родительские йоу. Ракеты из пластиковых бутылок и петарды со свистом проносятся мимо трехколесных велосипедов, груженных трехлетками. Собаки гоняют кошек и белок. В домах, где живут глухие и немые, орут телевизоры. Фрэнсис Младший раздает всем счета и конверты с квитанциями.

Я причесываюсь, и уже на подходе к дому Бобби Джеймса меня через улицу окликают Ральф Куни и Джеральд Уилсон.

— Йоу, Генри-хайросексуал, — кричит Джеральд. — Иди-ка сюда.

Я перехожу через дорогу и останавливаюсь у машины Джеральда, которая покоится на четырех шлакоблоках при полном отсутствии стекол в окнах. Джеральд, у которого густая шевелюра с зачесом набок, как у какого-нибудь долбоеба из шахматного клуба, — внук той самой миссис

Уилсон, которая сейчас откашливается после порции воды из шланга. Он живет с ней, потому что его родители умерли. У Ральфа сухие волосы и короткая квадратная армейская стрижка. Он сын миссис Куни, которую пялит мой отец. Ральф ненавидит всю нашу семью так, будто мы все как один пялим его мать. Джеральд и Ральф оба — фанаты оружия и вообще всего военного. Они носят камуфляжные рубашки, поджигают муравьев, мастерят бомбочки и все такое прочее, от чего телки просто тащатся. Джеральд худой и высокий. Ральф крепкий, небольшого роста.

— Йоу, — говорю я. — От двух танкосексуалов слышу.

Джеральд смеется.

— Заявление по поводу танкосексуалов свидетельствует о том, как мало ты знаешь о сексе и военной технике, Генри. Танк имеет только одно отверстие, слишком большой диаметр которого исключает всякую возможность получения удовольствия от трения при вхождении.

— Вы зря теряете время, я ни слова не понял в вашем военном жаргоне, генерал.

Ральф приближается ко мне, злобно посмеиваясь.

— Военный жаргон. Сколько тебе сейчас?

— Тринадцать, — сообщаю ему я.

— Тринадцать. Почтальон, вот уж кому как не знать все эти слова, верно, Тухи? — заявляет мне Ральф, который обзывает Фрэнсиса Младшего почтальоном скорее чтоб обидеть, нежели просто упоминает о его профессии.

— Чего? — спрашиваю я. — Наверное. Он воевал во Вьетнаме.

— Думаешь, были случаи, когда косоглазые реально могли его пришить? Похоже, нет, он ведь сам подлей любого косоглазого. Вон, смотри, твой подлючий косоглазый папаша крадется к нашему дому. Ма. Йоу, ма, — как теленок кричит Ральф своей маме, которая тем временем, стоя на крыльце и улыбаясь, принимает у отца почту. Это последний дом на нашей улице, куда он доставляет почту, перед тем как отправиться на Ав и туда, дальше.

— Чего тебе, Ральф? — нетерпеливо спрашивает она и прикуривает сигарету. Фрэнсис Младший стоит рядом с видом виноватого ублюдка.

— А где папа?

— Он на работе в тюрьме, — отвечает она. — Ты прекрасно это знаешь, Ральф.

Мистер Куни работает охранником в Холмсбургской тюрьме, что в пяти кварталах к востоку

от улицы Святого Патрика, недалеко от 1–95 и Дэлавер-ривер. Жить рядом с тюрьмой круто. Время от времени можно наблюдать, как какой-нибудь сбежавший придурок в спортивном костюме и наручниках несется по улице. В Холмсбурге работает куча папаш из окрестностей. Либо надзирателями, либо почтальонами, копами, пожарными, строителями, кровельщиками, водителями грузовиков, газовщиками или электриками. Ни один предок в нашей округе не ходит на работу в галстуке и не возвращается домой чистым. В общем, при такой работе никто не ложится спать голодным, но и ни у кого не водится банковских счетов. Игра называется «от зарплаты до зарплаты».

— Может быть, стоит отпустить *почтальона,* чтобы он мог дальше разносить *почту* и поскорее завершил свой *почтовый* обход.

— Может быть, тебе стоит заниматься своими гребаными делами и не лезть в чужие, а, Ральф? — парирует миссис Куни.

У нее сиськи номер три, она невысокого роста, с короткой стрижкой, негроидными чертами лица, и кожа у нее оливкового цвета. Она ничего, но до Сесилии Тухи ей как до Китая раком.

— Как дела, Генри? — с улыбкой интересуется

она.

Она всегда со мной приветлива, поэтому я разговариваю с ней вежливо, не заставляю ее чувствовать себя неловко, но при этом даю понять, что я от нее не в восторге.

— Да так, знаете, — говорю я, — не жалуюсь.

— Мой сын тебя достает? — спрашивает она.

— Нет, мы просто болтаем, обмениваемся рецептами, как водится между подружками.

Она смеется.

— Ладно, если будет доставать — скажешь мне, уж я ему задницу разровняю. Ральф, я иду в дом, чтобы позвонить по телефону и немного посмотреть телевизор. Разрешается?

Ральф ничего ей не отвечает, стоит, заткнувшись и уставившись в землю, только видно, как под кожей желваки ходят. Его мама говорит что-то Фрэнсису Младшему, чего мы не слышим, тот кивает, а затем перелезает через ограду и спрыгивает в сквер, на который торцом выходит дом Куни, чтобы идти дальше на Ав.

— Вы когда окна проделаете в своей хибаре, а то и посмотреться не во что? — спрашиваю я у Джеральда и знай себе причесываюсь, правда без зеркала. Не то чтобы оно мне нужно. Просто с зеркалом удобней.

— Опять ты со своими шуточками, Тухи, — фыркает Ральф. — Ох уж эти Тухи. Все-то они лапочки.

— Да, Ральф, что правда, то правда, — соглашаюсь я, а сам знай себе дальше причесываюсь. В общем-то, по большому счету, мне его жаль. Дом у него не из счастливых.

— Опять ты за свое, — говорит он, — хоть раз заткни свое хлебало.

— Спокойно, Ральф, — осаживает его Джеральд перед тем, как повернуться ко мне. — Генри, ты что делаешь сегодня вечером? В Тэк-парк пойдешь?

— Сомневаюсь, — отвечаю я. — Мы сегодня играем в «Свободу» на улице. А, да, еще Шеймас О'Шоннеси собирается провести семинар по сниманию лифчиков. Я пойду.

— Чего там Шеймас смыслит в лифчиках? — спрашивает Джеральд.

— А ты сам-то в них чего смыслишь? — спрашиваю я в ответ.

Джеральд прочищает горло и показывает на свою машину.

— Тут у меня будут языки пламени.

— А с чего такой интерес, что я делаю вечером? — удивляюсь я. — Мы вроде как не коре-

фаны.

— Иди ты, — отвечает мне Джеральд. — Все равно, ты можешь понадобиться вечером в парке.

— Пардон?

— Там сегодня может нарисоваться парочка говнюков из Фиштауна.

Фиштаун — это белый район, по большей части расположенный под надземкой, рядом с абсолютно черным Севером. Фиштаун — район еще более убогий и нищий, чем наш. А наш называется Холмсбург, точно как тюрьма.

— Ну? — говорю я. — И откуда ты знаешь?

— Вчера вечером слышал в парке, — отвечает Джеральд. — Парнишка сказал, что его сестра танцевала с пацаненком из Фиштауна на прошлой дискотеке, так вот он с парой дружков намыливается сегодня проведать ее и заодно в баскетбол погонять.

— И дальше чего? — спрашиваю я. — Там всегда трутся. Я-то вам на кой сдался?

— Нам нужны все и каждый, и не в баскетбол играть, — не сводя с меня глаз, объясняет Ральф. А в глазах страх пополам со злобой и зрачки то шире, то уже.

— А, извини, сразу не дошло. Вы их побить хотите: двадцать против трех — чтоб все по-чест-

ному.

— Не о том базар, чтобы по-честному, — сердито отвечает мне Джеральд. — Базар о том, что надо показать этим говнюкам, куда им не нужно соваться из их говенного района.

Бровь у него ползет вверх.

— Твой брат Стивен тоже там будет.

— По крайней мере, мы *надеемся,* — ухмыляется Ральф. — В смысле, все Тухи, конечно, лапочки, и все кругом это знают, но, может, вы двое и потянете за одного.

— Кончай с математикой. У тебя вон и так уже дым из лопухов валит, — в конце концов раздраженно отвечаю я. И, как выясняется, очень зря, потому что Ральф, которому уже давно только повод и требовался, резко делает движение, как будто хочет меня ударить. Я отскакиваю назад, зацепляюсь о бордюрный камень и приземляюсь на задницу. И тут же вскакиваю, но они уже все равно ржут надо мной.

— Тухи, лапусик долбаный, — говорит Ральф. — Тебе, братишка, не мешало бы у пацанов поучиться. Мы с мужиками идем сегодня на площадку. Можешь оставаться и играть с девчонками в свою «Свободу». Нам-то чихать. А теперь беги, а то как бы там твою подружку без тебя не облапали.

Он показывает в сторону Бобби Джеймса, который стоит на крыльце своего дома и орет в папашин мегафон: ГЕНРИ ТУХИ, ПРОСЬБА НЕМЕДЛЕННО ЯВИТЬСЯ К МОЕМУ ПАРАДНОМУ КРЫЛЬЦУ. ГЕНРИ ТУХИ, НЕМЕДЛЕННО К МОЕМУ ПАРАДНОМУ КРЫЛЬЦУ. КОНЕЦ СВЯЗИ.

Бобби Джеймсу, бля, помощь нужна. Парень явно не в себе.

3

— Йоу, — приветствует меня Бобби Джеймс. — Что-то ты поздненько, Генриетта.

— Йоу, — отвечаю я. — Будешь без конца волноваться, заработаешь себе язву, Роберта.

— А ты себе лысину заработаешь, если будешь без конца причесываться.

— Это что еще за плоские шуточки?

— Здесь не шутят, Коджак[3].

Ключей к пониманию Бобби Джеймса несколько. Он ни за что не поделится жвачкой «Базука», будь то простая, вишневая или апельсиновая. Не дождешься от него и чипсов, причем ни жаренных в масле, ни рифленых. Никакого лука в сметане. Никакой газировки. Ни пепси-колы, ни кока-колы и уж точно никакой RC-колы. Почему — вот главная загадка. У миссис Джеймс, его мамы, весь дом забит сладостями, будто накануне атомной бомбардировки.

Еще пара фактов касательно Джеймса. Он все-

[3] Примечания: 3

Лейтенант Тео Коджак — герой телесериала (1973–1978, 1989–1990) о работе нью-йоркской полиции, в 1970-е гг. занимавшего лидирующие места в рейтинге популярности.

гда носит кепку «Филлиз» и рубашку «Сиксер». У него светлые волосы, как у меня, но у него они чуть рыжее, а у меня чуть белее. Причесывает их он совсем неплохо, но потом эта жопа с ручкой все портит своей кепкой. Свои какашки он величает испражнениями и исключительно «опорожняет кишечник». Целует взасос своего китайского мопса Боргарда и — за вознаграждение — совочком собирает за ним дерьмо на газоне, причем и то, и другое делает с большим удовольствием. Он скрытый фанат «Каубойз»[4] и живет с сознанием того, как это стыдно. Он редкостный чистюля. Он всегда до блеска начищает кроссовки, причесывает волосы на ногах, наглаживает свои гетры и натирает «Уиндексом»[5] наручные часы. Если принести ему что-нибудь, будет прыгать от радости и нетерпения, как последняя сучка.

— Ты получил собачью какашку и сигареты-жвачки? — спрашивает он. — А скейтборд прислали?

— Спокойно, дорогая, — говорю я. — Вот сигареты. Скейтборд потом.

---

[4] Примечания: 4

Бейсбольная команда.

[5] Примечания: 5

Товарный знак универсального моющего средства для стеклянных поверхностей.

— Чего хотели эти двое? — спрашивает он, показывая в сторону Джеральда и Ральфа, слушающих «Crazy Train» Оззи Осборна на магнитоле, которую им каким-то образом удалось починить, и безбожно перевирающих песню на гитаре. Я не большой поклонник Оззи, но эта песня у него ничего.

— Они хотят, чтобы мы сегодня вечером помогли им побить ребят из Фиштауна в Тэк-парке.

— Что? — испуганно переспрашивает Бобби Джеймс. Он не участвует в разборках на спортплощадке по глубоко религиозным причинам: например, потому, что не хочет драться по дерьмовым поводам. Не сказать, чтобы я сам рвался. Никто не называет нас с Бобби Джеймсом крутыми с тех пор, как мальчишки перестали в драках тягать друг друга за волосы и обмениваться оплеухами.

— Ты все прекрасно слышал, ебанашка, — говорю я.

— Кто ебанашка? — обижается он. — Чего мы там забыли? Ты ведь не собираешься туда идти, правда?

— Чего ради? Мое лицо — мой хлеб насущный.

— Я серьезно, Генри.

— А я серьезно туда и не иду. У меня с фишта-

унскими косяков нет.

— Плюс ты драться не умеешь, — добавляет он и отправляет в рот пластинку жвачки.

— Вот-вот. Есть еще? — спрашиваю я.

— Нет. Нету. Вообще нет. Слушай, мы заваливаемся к Марджи и Грейс или как?

— А как же.

Мы даем друг другу пять.

— Круто. Самое время дать нам пощупать сиськи. Мы же теперь восьмиклассники. Пора сдавать товар, — сообщает он мне, запихивая себе в пасть еще жвачку, которой у него якобы нет.

— Согласен и еще раз согласен, — соглашаюсь я, даже несмотря на то, что еще ни разу с телкой не целовался.

— Бобби Джеймс, тебе звонят, — встревает Джинни Джеймс, его пышногрудая старшая сестра. Завтра она венчается в церкви Святого Игнатия. Появившись в дверном проеме с телефонной трубкой в руках, она замечает меня и улыбается, как и большинство других телок. — Как дела, Генри Тухи? Какие планы?

— А у тебя, Джинни? Как обычно. Стайлинг и профилирование. И красоток ищу.

Джинни смеется, и сиськи трясутся в такт ее смеху — чем не стимул и дальше отпускать шу-

точки.

— Так ты придешь завтра на мое венчание? — интересуется она. — За показ денег не берем.

— Да, приду, — отвечаю я. — Вопрос в другом — придешь ли ты сама?

— За меня не волнуйся, малыш. Вот об Эйсе стоило бы побеспокоиться.

Эйс без двух минут супруг. Он классный. Он таскает нас собой на игры «Филлиз» и орет вместе с нами на Майка Шмидта, хотя ему на него пофиг.

— Думаешь, у него есть любовник? — спрашиваю я.

— Не в том дело, — говорит она. — Хотелось бы поглядеть, как ты ему это скажешь. Просто он сейчас на взводе. Ничего не ел с прошлой недели. Ни горошинки, ни единого чипса.

— И чего он так боится? — говорю я. — Ну стоите вы там. Пару минут трете со священником. Говорите ага, потом целуетесь. Делов-то!

— Вот тебе бы с ним и пообщаться, — говорит мне она. — А то остальные мужики только и твердят ему, чтоб не женился.

Приближается Фрэнсис Младший, почтальон и всеобщий любимчик.

— Что нового, Джинни? Я забыл отдать вот это письмо, когда проходил мимо вашего дома.

— Чего нового-то? — смеется она. — У меня все хорошо, мистер Тухи. А сами-то как?

— С каких это пор ты стала называть меня мистером Тухи? — спрашивает он.

— Примерно с тех самых, когда вы начали лысеть, — отвечает она.

— Что?

— Да шучу я. А то, гляжу, вы чуть сумку из рук не выронили.

— Да я просто с ней так играюсь. Нехорошо говорить пожилым леди о том, что они начинают лысеть.

— Ваша шевелюра в полном порядке. Если уж кто из Тухи и облысеет, так это будет Генри.

— Может, хватит про лысины? Господи, пап, огрей ты ее наконец своей сумкой, — это я говорю.

— И не подумаю, Генри. Готова к завтрашнему дню? Никаких задних мыслей?

— Да, черт возьми. И нет, — говорит она. — Хотите мне что-то сказать? Или предостеречь?

— Не-а, ничего даже близко, — успокаивает он ее. — Просто интересуюсь.

— А вы сколько уже женаты?

— Приблизительно с того самого дня, как выяснил, что Сесилия беременна.

Тут он смущенно улыбается.

— У нас скоро двадцать пятая годовщина.

— Черт. Неплохо. Врете небось. Завтра у меня свадьба. Расскажите.

— Да, пап, расскажи ей, — прошу я его, потому что это про то, как мои родители любили друг друга и были счастливы вместе, чего уже, судя по всему, давно нет.

Фрэнсис Младший оглядывается по сторонам, будто желая убедиться, что никто посторонний его не услышит.

— Ну ладно, ладно. Я попросил своего приятеля, чтобы он, как наш личный шофер, отвез нас ночью за город на большом отцовском «олдсмобиле». Мы поехали на север к реке, в окрестности Нью-Хоуп, что рядом с Вашингтонз-кроссинг. Когда мы еще только встречались, мы часто строили планы, как уедем из города и поселимся в пригороде, там, где между соседними домами есть немного места. Чтобы дети могли играть в уиффлбол[6] во дворе. Чтобы ночью видны были звезды на небе. Так или иначе, я нарядился во фрак с белым жилетом. И мы поехали туда. Был

---

[6] Примечания: 6

Нечто вроде «дворового» бейсбола. Обычно играется на треугольной площадке с пластмассовой битой и пластмассовым мячом с отверстиями.

конец августа, ночь, и по-прежнему стояла такая жара, что у меня яйца чуть не плавились. Хотя, может, я просто сильно нервничал. Мы остановились у реки. Я сидел на огромном валуне. Она сидела у меня на коленях. Мы говорили про все то, о чем я сказал: про дом, про деревья, про траву и все такое. Потом я поднялся, спел ей «Далеко за синим морем» и сделал предложение.

Фрэнсис Младший прочищает горло. Лицо у него покраснело.

— Так вы и петь умеете? — удивляется Джинни.

— Ни единой ноты не вытяну, — теперь уже со смехом отвечает он.

— А почему именно «Далеко за синим морем»?

— Это была единственная песня, которая нравилась нам обоим.

— Мистер Тухи, я раньше и не подозревала, что́ вы на самом деле за человек.

Джинни светится улыбкой.

— Мистер-мистер — опять заладила. Ну-ка прекрати. А как Эйс делал тебе предложение?

— Над бургерами в «Макдоналдсе», — говорит Джинни, отводя взгляд.

Фрэнсис Младший смеется.

— Да ладно.

— Я серьезно, — отвечает она.

— Довольно романтичный ублюдок.

— Нет, ни капли. Но он меня любит. Ну и как, оно того стоит? Вы в упряжке уже четверть века. Поделитесь мудростью.

— Мудростью? Я разношу почту. Жалкое занятие. Смотри-ка, вам еще одно, — сообщает он, протягивая ей только что обнаруженное в сумке письмо. Оба смеются. — Иногда оно того стоит.

— Как насчет сегодня?

— Завтра спросишь. Мне пора двигать.

И он отправляется дальше по улице в сторону Ав. Заходит в боковую дверь «У Пола Донохью» — ею пользуются все — под большой неоновой вывеской со стрелкой, которая гласит: ВХОД ДЛЯ ЛЕДИ.

— Генри, у нас тут кризис, — сообщает мне Бобби Джеймс, который стоял на веранде и что-то бубнил в телефон все время, пока Фрэнсис Младший трепался с Джинни. Он прижимает к груди мегафон.

— Это Гарри Карран? — уже зная ответ, спрашиваю я.

— Ага, — говорит Бобби. — Спрашивает, какие у нас на сегодня планы.

— Скажи, что мы собирались гулять, — говорю

я ему. — Спроси, он пойдет с нами?

Гарри повернут на физической форме. Каждый день в шесть утра он бегает трусцой до Тэк-парка с баскетбольным мячом и блокнотом для записи всех удачных и неудачных бросков. Подстригает большинство газонов на улице Святого Патрика. Когда не занят ничем из вышеперечисленного, все равно об этом говорит.

— Не сработает. Я знаю, как от него избавиться. Ну держись, Гар, — это уже в трубку, — присоединяйся, если хочешь, но должен тебя предупредить: мы идем в музей изобразительного искусства, а потом на открытый концерт классической музыки. Что? Господи Боже. Ты только послушай, Генри, — теперь уже мне, — Гарри говорит, что любит изобразительное искусство и симфоническую музыку. Что же делать?

Я смеюсь. Влип Бобби Джеймс. Гарри на самом деле любит симфоническую музыку. Он объявил об этом вчера вечером в присутствии двух десятков ребят возле входа в «Семь-Одиннадцать», да и телок тоже.

— Ну что ж, Роберта, — говорю я, — похоже, мы отправляемся слушать классику. — Я вскакиваю на стол, стоящий на веранде, и принимаюсь дирижировать невидимым оркестром. Пам-па-па-

пам-па-па-пам-па-па-пам-па-пам! — Привяжем к лодыжкам гирьки — и трусцой на концерт. А ну-ка подвиньтесь. Прошу тишину в зале. Духовая секция начинает слоновьим пердежом.

Слышно, как за дверью смеется Джинни, которая держит телефонный аппарат, пока Бобби разговаривает.

— Джинни, не подначивай его. Не смешно, — фыркает он.

— Генри, слезь с маминого нового стола, — говорит он мне, а затем вновь обращается к Гарри: — Ладно, заходи. Только без своих гребаных гирек и скакалок. Давай резче, а то уйдем без тебя. Пока.

Он протягивает трубку Джинни, и она исчезает за дверью. Гарри, который живет по соседству с Бобби Джеймсом, выходит из дома, перепрыгивает через перила и вот уже стоит на веранде вместе с нами. Волосы у Гарри темные, плохо уложены, с пробором (как он думает) посередине; веснушки и плюс пять дюймов роста к нашим с Бобби Джеймсом пяти футам. Он носит красные гетры до колен и в тон к ним красную футболку со спортивными шортами с надписью FATHER

JUDGE BASKETBALL CAMP 1984[7]. Еще он носит защитные очки своей любимой марки «Карим Абдул-Джабар» с непременным ремешком на затылке.

— Йоу, — здоровается он.

— Йоу, — дружески приветствую его я.

— Йоу, — не очень дружески (рот набит жвачкой) приветствует его Бобби Джеймс.

Здесь я ненадолго отвлекусь, чтобы сказать, что слово йоу занимает важнейшее место в филадельфийском наречии. Им можно пользоваться, чтобы кого-то позвать, поприветствовать, обратить на что-то внимание, для выражения удовольствия или отвращения. Допустим, я увидел голые сиськи Джинни Джеймс и хочу, чтобы Гарри и Бобби Джеймс на другой стороне улицы тоже обратили на них внимание. Теперь допустим, что Гарри они понравились, а Бобби Джеймсу — нет, плюс он в придачу выходит из себя и мне нужно его успокоить. Вот как будет звучать наш разговор:

ГТ: Йоу. Йоу.

ГК: Йоу.

БД: Йоу.

---

[7] Примечания: 7

Father Judge — известный в штате Филадельфия католический колледж.

ГТ: Йоу!
ГК: Йоу!
БД: Йоу!
ГТ: Йоу.

Но поскольку сиськи Джинни находятся вне пределов ясной видимости, я спрашиваю у Гарри, как насчет ланча. Гарри живет богато за счет стрижки газонов. У него целый парк газонокосилок, он пользуется услугами личного бухгалтера и адвоката и бегает в лучших баскетбольных кроссовках, какие только можно купить за деньги. А именно «Конверс». Так, бля, или иначе, Гарри говорит всем, что в банке у него четыре сотни с лишним. Но я готов терпеть эту лапшу у себя на ушах, если к ней прилагается «геройский сэндвич»[8], газировка и пакетик чипсов.

— Получишь, — говорит Гарри, — если перед едой прочитаешь молитву, святой отец Тухи.

— Ты просишь меня о благословении перед походом в ад ко всем чертям? — спрашиваю я уже тоном проповедника, и Гарри, которому много не надо, начинает хихикать.

— Да, пожалуйста, — говорит он.

— Я пустой. Так что пусть Господь сам во мне

[8] Примечания: 8

Длинная, разрезанная вдоль булка с начинкой из нескольких видов мяса и сыра с салатом и приправами.

покопается.

— Аминь. Господь да покопается в тебе, — соглашается Гарри.

— Аминь — это ты верно заметил! — восклицаю я. — Итак, проследуем в сей район, — говорю я, делая рукой широкий приглашающий жест в сторону однотипных двухэтажек. Мне видны сиськи миссис Маккивер, пока она нагибается, чтобы поправить своей дочке памперс. — Господь Всемогущий! Промеж люда всех сословий мы будем искать, дабы обрести и восхититься, пышногрудых девиц из церкви Святого Игнатия, равно как и их пышных грудей.

— Точно, — орет Гарри мне в ответ.

— Аминь, — произносит Бобби Джеймс, наконец присоединяясь к нашему веселью.

— Воистину их прекрасные грудки — дары Господни, — заявляю я.

— Угу, — подтверждает Джеймси, закрыв глаза и воздев над головой руки.

— Истину глаголешь, — свидетельствует Карран, застывая в той же, что и Бобби Джеймс, позе.

Святой дух нашел свой путь к их грешным душам. А может, они просто думают о сиськах. Сложно сказать, хотя в принципе один хрен.

Главное, что сработало. Я забираюсь на деревянный стол.

— Могу ли я призвать кого-нибудь из вас в свидетели, дабы воздать хвалу Господу за грудные выпуклости? — вопрошаю я.

— А что это такое? — опуская руки, интересуется Гарри.

— Сиськи, осел, — сообщаю ему я. — Мне нужно, чтобы свидетельствующий взошел ко мне на стол.

Гарри карабкается ко мне:

— Я люблю Господа нашего и сиськи.

— Но только в таком порядке, верно? Сначала Господь и лишь потом сиськи. Правильно говорю, брат Карран?

Гарри приоткрывает один глаз и смотрит на меня:

— Да?

Возликуем!

— Именно так, брат Карран, ты должен любить Господа больше, чем сиськи. И ты, брат Бобби Джеймс, вступи на стол и засвидетельствуй.

— Но в моих ли это силах? Если стол сломается, мама выбьет из меня последнее дерьмо.

— Тем более. Взойди сюда, к братьям, и возгласи к холмам вместе с нами.

— Нет уж, приятель. Она только-только его купила.

— Ах ты тварь безбожная, — снижая голос, дабы донести до него свою мысль, взываю я к нему. А еще потому, что всякие долбаные зануды-соседи начинают орать: «Заткнись, Тухи».

— Брат Бобби Джеймс отказывается присоединиться к нам. Его душа и разум помрачены. Больше самого Иисуса Христа его волнует жвачка. Услышьте же, люди: жвачка «Базука», — снова громогласно возвещаю я, невзирая ни на каких язычников-соседей, которые уже величают меня говнюком. — Ведь сказано в Писании, что тем, кто не разделит жвачку с ближним своим, да будет как пером щекотать задницу адово пламя. Бобби Джеймс за наличку очистит от собачьего дерьма газоны ваши.

Бабах. Стол рушится. Мы с Гарри падаем на цементный пол: я — в смех, он — в слезы. Бобби Джеймс в панике и, как всегда в таких случаях, быстро-быстро читает «Аве Марию».

— Прекрати молиться. Я не хотел. Гарри, сними очки и вытри слезы.

— Вот-вот. Ты всегда «не хотел», Тухи, — ноет Джеймси. — Ты не хотел, чтобы Арчи ушибся, когда прикрепил петарды к его инвалидному

креслу. Ты не хотел ставить в неудобное положение свою маму, когда надевал на голову ее трусики и делал из них мини-парашют. До тебя доходит, нет? Ты помнишь про все это дерьмо?

— Нет, не помню, — вру я. Конечно, помню. И, бля, ничего из этого и выеденного яйца не стоило, чтобы поднимать скандал. Арчи, этот ущербный дружок моей сестренки Сес, *сам* хотел устроить трюк с петардами. Чтобы сделать парашют, я воспользовался старыми трусами, *которые мама носила, когда была беременна,* а не теми, что она носит обычно. — Я заплачу тебе за новый стол. Гарри, дай ему десять баксов.

Гарри, все еще хныча, лезет за пачкой купюр (одна сотенная, одна двадцатка и двадцать долларовых) и спрашивает у Бобби, будет ли у него сдача с двадцатки.

— Убери свои деньги. Давайте просто оттащим стол под веранду, — говорит Бобби.

Мы с ним беремся за стол и тащим его вниз по ступенькам, а оставшийся на веранде Гарри, хлюпая носом, принимается выполнять касания ступней ладонями. Когда мы возвращаемся, Бобби Джеймс спрашивает меня:

— Ну что, теперь уже можно завалиться к этим телкам?

— К каким телкам? — спрашивает Гарри, который до смерти их боится. — Я думал, мы идем на концерт и в музей изобразительного искусства.

Мы спускаемся с веранды и выходим на улицу. Нас ждет миллион девчонок и два миллиона сисек в придачу. Мне вполне хватит одной и двух соответственно.

4

Покуда Гарри отжимается на одной руке, мы с Бобби Джеймсом решаем, к кому из девчонок пойдем сначала — к Грейс Макклейн или к Марджи Мерфи. Долбаный дятел Джеймс говорит, что до Марджи идти ближе. Я говорю, что до Грейс. Признаю, спор глупый. Марджи живет по соседству с Бобби Джеймсом, а Грейс живет по соседству с Марджи.

Мистер Мерфи сидит возле дома на металлическом раскладном кресле и читает спортивный раздел. Он в обрезанных джинсах и без рубашки — пузо вываливается из-под ремня — и только что закончил стричь газон. Гарри направляется прямо к нему. Мистер Мерфи стоит на пути его газонной монополии. В среду вечером он ходит на то же, что и Гарри, собрание в церковь Святого Игнатия. Здесь Гарри обычно занимается тем, что клеит новых клиентов и старается угодить уже имеющимся. У парня промоушн.

— Йоу, Майк, — здоровается Гар. — Как оно? Как Черил?

Мистер Мерфи, симпатичный, прилично при-

чесанный чувак, улыбается в ответ:

— Йоу, Гарри. Ребята.

— Йоу, — отвечает Бобби.

— Йоу, — отвечаю я.

Гарри внимательно изучает дворик, чтобы дать понять мистеру Мерфи, что это он именно газон изучает. Не больно тонко, но не бывает тонких миллионеров.

— Неплохая работа. Вот здесь вы своим триммером срезали у Черил несколько цветов. Пропустили участок вокруг святого Петра и вон под теми коровами.

— Да я не сильно и заморачивался, — говорит мистер Мерфи. — Триммер под коров не пролезет, а самому нагибаться и выдергивать все по травинке не больно-то хочется.

— Спина все еще беспокоит? — осведомляется Гарри.

— Ага. Что-то лучше не становится.

— И все же, Черил никак не может быть довольна. Только посмотрите на заросли вокруг святого Петра. Он что, пробирается по рисовому полю? Господи, Майк.

Мистер Мерфи смущенно смотрит себе под ноги.

— Да слышу, слышу, Гар, но что я могу поде-

лать?

— Специально для начинающих, — говорит ему Гарри. — Купите себе секатор на длинной ручке. Тогда не придется гнуться: можно будет сидеть в траве с прямой спиной и подравнивать газон под животными. Кстати, на прошлой неделе моя мама купила точно такой же.

— Правда? — спрашивает Мерфи. — И даже под коровой в темных очках и с коктейлем?

— Да на спор, — отвечает Гарри. — И под бегемотом на тракторе, и даже под свиньей в раскладном кресле. А за вымя вы ее уже пробовали?

— Что?

— Смотрите.

Гарри нагибается к игрушечной корове и сжимает ей вымя. Корова говорит: *Мы знакомы?* Мы смеемся. Я причесываю волосы. Бобби Джеймс обновляет жвачку. Гарри сжимает вымя еще раз. *Могли бы хоть хмыкнуть для начала. А где ваш белый пиджак?* Потом еще раз. *Я люблю тебя. Возьми меня замуж.*

— Секатор позволит не только избежать боли в спине, — продолжает Гарри, — но еще и аккуратно все подстричь, избежав жертв из числа цветов и газонных животных, и Черил будет очень рада. Теперь по поводу спины. У меня есть новые

грузики для лодыжек, думаю, должны помочь. Я привязываю их, когда бегаю.

— Бегать? — переспрашивает мистер Мерфи. — Я уж лет двадцать как не бегал.

— А вы *ходите* с ними. Спина окрепнет. И мышцы на заднице будут в постоянном тонусе.

Я ловлю быстрый, но выразительный взгляд Бобби Джеймса: ему не верится, что Гарри посмел взрослому сказать *задница.*

— Правда? Я попробую, Гар. Спасибо. На этой неделе придешь на собрание?

— Да как же я могу пропустить, Майк, — отвечает Гарри, незаметно показывая пальцем на мистера Мерфи и подмигивая.

— Здорово. Тогда увидимся. Полагаю, мальчики, вы пришли к Марджи. Я позову ее.

— О'кей, мистер Мерфи, — отвечает Бобби.

— Пока, мистер Мерфи, — отвечаю я.

— До скорого, Майк. Сначала грелку, потом сразу лед на спину, — говорит Гарри.

— Ну ты и жопа, Гарри, — говорит ему Бобби Джеймс, как только мистер Мерфи отходит достаточно далеко, чтобы его не слышать.

— Это еще почему? Я что, не могу дать совет по поводу больной спины товарищу по церковной конгрегации?

Дабы выразить свое одобрение, Бобби Джеймс начинает скакать вокруг Гарри, производя звуки сирены и пожарного колокола. *Ту-туу, динь-динь-динь, наши выиграли,* орет он. Ровно в этот момент дверь открывается и выходит Марджи Мерфи, владелица маленького черного сердечка Бобби Джеймса, который ведет себя как долбаная пожарная машина. Не слишком хорошее начало. Почувствовав это, Джеймси густо краснеет и умолкает.

— Йоу, ребята, — приветствует нас Марджи — эдакий сорванец с сиськами размером в кулачок, — нервно покусывая губу. Стоя в дверном проеме, она очень быстро оглядывает нас бездонными голубыми глазами. Марджи понимает, что мы по амурному вопросу, но не знает, кто из нас Ромео. В ее голове начинают вариться хитрые расчеты.

— Йоу, — приветствует ее Гарри, застывая в глубоком, до земли поклоне, — скажи отцу, что я подстригаю газоны за разумную плату.

— Привет, аллилуйя, — говорю я (или какую-то другую хрень в этом роде) с улыбкой завравшегося сенатора на лице.

— Йоу, Марджи, — говорит Бобби Джеймс, приподнимая кепку, дабы сгладить неловкую

ситуацию. Но говорит с двенадцатью пластинками жвачки во рту, пока не решается все это выплюнуть. Жвачка приземляется на голову святому Петру.

— Привет, Бобби Джеймс, — отвечает Марджи, улыбаясь во все свои брэкеты.

— У тебя классный загар, Марджи, — сообщает он ей голосом сексуально озабоченного полуробота.

Марджи ухмыляется.

— Ты просто душка. Это я в летнем лагере. Мы там каждый день купались и катались на каноэ. И я все время ходила в бикини.

Стоны, вставшие члены, но тут из двери появляется противная безгрудая миссис Мерфи в скверном (как всегда) настроении (возможно, из-за отсутствия сисек). Она окидывает газон оценивающим взглядом, затем кричит куда-то внутрь дома.

— Майкл, подойди сюда, пожалуйста, — спокойным холодным голосом командует она.

— Да, дорогая? — по-бабьи откликается мистер Мерфи, давая понять, кто в доме настоящий мужчина.

— Майкл, я только на прошлой неделе ходила в цветочный магазин за этими бегониями,

помнишь?

— Конечно, помню, — отвечает он.

— Ну конечно же помнишь, — передразнивает она его. — И сколько я за них заплатила: много или не очень?

— Много.

— Так мы их затем купили, чтобы ты все покромсал газонокосилкой? — спрашивает она.

— Нет, дорогая, конечно же нет, — говорит он. — Правда?

— Правда. Так с какой тогда стати они валяются на газоне вместо того, чтобы расти на клумбе?

— Я ужасно извиняюсь, Черил, — встревает Гарри, — но у Майка боли в спине и он не может толком дотянуться до этих сложных участков. Я предложил ему несколько возможных решений, но лучше всего просто позвонить мне вот по этому номеру, — сообщает он, протягивая ей визитку, на которой значится следующее: ГАРРИ КАРРАН & К°. МЫ СТРИЖЕМ ТРАВУ НА ЗАГЛЯДЕНЬЕ — ВЫ НЕ ОТРЫВАЕТЕ ЖОПЫ ОТ СИДЕНЬЯ.

— А я — миссис Мерфи, — хмуро отвечает она, — а газон стрижет мой муж.

— Прошу прощения, я только хотел сказать, что стригу большинство газонов…

— Я знаю. Спасибо, в помощи не нуждаемся, —

огрызается она, возвращая визитку Гарри.

— Брось, Черил, улыбнись наконец, — испуганно просит мистер Мерфи. — Парнишка просто хочет помочь.

— Что, извини, ты, кажется, попросил меня улыбнуться? — переспрашивает она.

— Эээ… Да нет, я так… — бормочет он.

— Вот и хорошо. Иди в дом. Поможешь мне резать сэндвичи к ланчу.

— Уже бегу, дорогая. Ты ведь любишь треугольничками, правда? — спрашивает он уже за дверью.

Марджи с лицом, красным как у рака, смотрит куда-то вдаль.

— Марджи, — говорит Бобби Джеймс, — не хочешь сегодня погулять с нами?

Она благодарно улыбается.

— Может быть. А что вы собираетесь делать?

— Кататься на велосипедах, — отвечает он, подмигивая нам с Гарри. — Ведь так, ребята?

— О да. Кататься на велосипедах, — стараюсь подыграть ему я. Велосипеды — это то, что надо. Я за.

— Ну как, Марджи? — спрашивает Гарри, который все просек и радуется.

— Я с радостью, — отвечает она.

— Здорово. Мы заскочим за тобой, как только поедим и опорожним кишечник, — говорит Бобби.

— Ну давай, до скорого, Бобби, — с улыбкой говорит она, перед тем как неизвестно для чего удалиться в дом.

— А теперь поглядим, сможешь ли ты своей так же, как я, заговорить зубы, — с пятнадцатью пластинками жвачки в пасти говорит мне Бобби Джеймс, и я чувствую его острый локоть у себя между ребер.

Волосы у Грейс Макклейн прямые и темные, кожа бледная и все тело в веснушках — от кончика носа до кончиков пальцев на ногах. Сигаретный дым оставляет налет на ее крупных, как у кролика, зубах. Глаза у нее зеленые, как трава и листья на деревьях. Сисек пока нет. Но я весь терпение. Сиськи будут. Грейс не любит, когда ей вешают, и не важно кто. Она затушит бычок тебе об лоб, если сказанешь что-нибудь ей не по вкусу. У нее есть три биты для стикбола[9]: карвбол, фастбол, слайдер, да и все остальные — форкбол и наклбол, — грубо говоря, тоже (будут готовы к

[9] Примечания: 9

Упрощенная форма бейсбола, уличная игра, в которой вместо бейсбольного мяча используется резиновый мячик, а вместо биты — ручка от метлы или палка.

началу весеннего сезона 1985 года). Уж поверьте. Я влюбился в нее три недели назад, когда она позволила мне потрогать ее ноги под одеялом.

В тот вечер мы сидели вдвоем у нее на веранде под половинчатой луной после игры в «Свободу». Было прохладно, и большинство ребят уже разошлись по домам. Грейс на слабо предложила кому-нибудь остаться с ней на улице и поесть мороженого в рожках. Я сказал: а хули — и согласился. Мы переместились к ней на крыльцо. Она уплетала нехилые рожки, шарика на три, не меньше, так, что аж за ушами трещало. Мы их ели, разговаривали и смотрели, как мистер О'Тул, сосед из дома напротив (редкие седые волосы, сзади забранные в хвост), уходит от жены, миссис О'Тул (очень скучные шары не больше второго размера). Пару раз он мотался туда-сюда, из дома к своему грузовику, и зашвыривал в кузов мусорные мешки со всякой всячиной. Это был мирный развод. Миссис О'Тул придерживала ему дверь открытой, пока он бегал с вещами. Они поцеловались на прощание, когда он закончил. Их пятилетний сын Джулиан (плохая стрижка «под горшок») сидел у окна, выходящего на улицу, и, уперев кулаки в подбородок, наблюдал за происходящим.

— У Джона Леннона сына звали Джулиан, и он тоже пережил развод родителей, когда Джон ушел от Синтии к этой щуплогрудой морской ведьме Йоко Оно, — поведал я Грейс. — Чтобы как-то утешить Джулиана, Пол Маккартни написал песню «Hey Jude».

— Не люблю Битлз, — сказала Грейс.

— Ха! За что бы? — раздраженно поинтересовался я.

— У них все песни одинаковые, — ответила она.

— Значит, у тебя тут одни жевательные сигареты, — сказал я ей, указывая на пачку, которую она мяла в кулаке, — коли не слышишь разницы между «Знакомьтесь, Битлз» и «Сержантом Пеппером».

— *Знакомьтесь, бля, Битлз, Сержант, бля, Петер,* какая на хрен разница, — сказала она, прилепив к губе только что закуренную сигарету.

Я чуть не взбесился, пока она не накинула на нас одеяло и не положила ноги мне на колени. Тут у меня встал. Но вставшего члена мало. Я провел кончиками пальцев от ее лодыжек до шортов. Грейс не пыталась меня остановить. Она курила и улыбалась. Пока все это происходило, мы с ней о чем-то говорили, но я не помню о чем.

Я был на автопилоте. Мы с равным успехом могли говорить о колебаниях на бирже или о каком угодно прочем дерьме.

А потом на веранду вышла пьяная и косая миссис Макклейн и прервала нас.

— Я надеюсь, на вас еще что-нибудь надето, кроме одеяла, ребятки, — сказала она, зашвыривая пустую пивную бутылку в корзину для мусора. Хотя она тут же вернулась в дом, момент был потерян.

— Наверное, надо уложить ее в постель, — вздохнула Грейс, перед тем как унести в дом свои ноги вместе с одеялом до утра, а я с болью в сердце поплелся домой, благо вставший член указывал мне путь.

В данный момент мой член указывает на дом Макклейнов, поскольку мы стоим и стучимся к ним в дверь. Нам открывает улыбающаяся миссис Макклейн с банкой пива, которую она держит через синюю прихватку, в руке и, как обычно в жару, в трикотажной рубашке «Иглз» поверх сисек размером с апельсин.

— Йоу, Генри. Йоу, Гарри. — Затем пара секунд замешательства. — Добрый день, Роберт.

На прошлой неделе, когда мы играли в «Свободу», Бобби Джеймс пробежал по их газону и

потоптал цветы, посаженные мистером Макклейном, который погиб три года назад при тушении пожара. Миссис Макклейн со дня гибели мужа очень заботилась об этих цветах, пока Бобби Джеймс их не растоптал. Вот она на него и обозлилась.

— Йоу, миссис Мак Ка[10], — говорю я.

— Йоу, Ширли, — говорит Гарри.

— Да, миссис Макклейн, добрый день, — холодно здоровается Бобби Джеймс.

— Заходите, ребята.

— А Грейс дома? — переходя сразу к делу, спрашиваю я.

— Она наверху в душе, — отвечает миссис Макклейн.

Мы дружно всхрюкиваем, как последние идиоты, или бледнеем чуть не до обморока, как последние сучки, — выбирайте, что лучше.

— Присаживайтесь, мальчики, и отдышитесь. Я принесу чего-нибудь попить.

Мы плюхаемся на диванную синтетику. По телеку с приглушенным звуком идет «Достойная плата». Безгрудая телка-байкерша подбегает и вешается на шею хозяину, который целует ее, не

---

[10] Примечания: 10

Принятое в Америке сокращение фамилии по первой букве. В данном случае имеется в виду миссис Макклейн.

забыв облапить за задницу. Миссис Макклейн возвращается с двумя высокими стаканами с зонтиками и дольками лимона, протягивает один мне, другой Гарри, а затем садится рядом с хмурым и обделенным Бобби Джеймсом.

— Гарри, за газон мы с тобой в расчете? — спрашивает миссис Макклейн.

— Думаю, да, Ширли, — отвечает Гарри, вытаскивая толстый блокнот из пояса-сумки. — Да, все правильно. Я стриг ваш газон во вторник, и вы заплатили наличными — пять по доллару и пятерка.

— Вау, — говорит она. — Теперь вдобавок к бухгалтерии у тебя еще и эта штука. Вот это я понимаю — деловой человек.

— Блокнот — это мелочь. Дома, в офисе, у меня все хранится в компьютерных файлах.

— Даже так, в компьютерных файлах, — смеется миссис Макклейн. Она вообще очень любит говорить и слушать. Можно ей запросто поведать о том, что у тебя грибок на ногах, и в ответ получить: «Ну и ну, черт побери». — Знаешь что, давай-ка я заплачу тебе вперед за весь сезон. Пятьдесят долларов устроит? На-ка, подержи пиво, — обращается она к Бобби Джеймсу, — а я схожу на кухню, принесу Гарри деньги.

Слышно, как наверху выключается душ, и я с легкой дрожью представляю себе, как Грейс вылезает из ванны, завернувшись в полотенце. А внизу Бобби Джеймс запрокидывает голову и принимается глохтать пиво миссис Макклейн.

— Рехнулся? Поставь на место, — умоляет его Гарри.

В ответ Бобби Джеймс ухмыляется и отхлебывает еще пива. Скрип на лестнице заставляет нас невольно вздрогнуть. Это Грейс Макклейн только что съехала по перилам в одном полотенце. Мне хочется вскочить и захлопать, но у меня опять встает. Ничего не могу с собой поделать. Со мной это случается в час по десять раз. *Это по разу каждые шесть минут.*

— Йоу, девочки, что случилось? — спрашивает она у нас, кусая ногти, но даже так выглядя на все сто.

— Йоу, — отвечает Бобби.

— Йоу, — говорит Гарри.

— Йоу. Отличный прикид, — перед тем как сглотнуть, успеваю вставить я.

— Знал бы ты, что под ним, — смеется Грейс.

— Наверное, совсем ничего, — совершенно серьезно сообщает ей Гарри, желая прийти нам на помощь.

— В точку. Под ним я голая. Роберто, жопа с ручкой, ты что, мамино пиво пьешь?

Бобби рыгает.

— Не-е. Это мое.

В гостиную возвращается миссис Макклейн и протягивает Гарри две двадцатки и десятку.

— Мам, не видела моих сигарет? — спрашивает Грейс.

— Нет, с тех пор как их выкурила, — отвечает ей мама.

— Опять? — говорит Грейс. — Ну знаете, девушка…

— Да успокойся, — говорит миссис Макклейн. — На вот, возьми пару моих.

— Но это ведь *легкие*, — вздыхает Грейс.

— Я сегодня же куплю тебе еще классических, о'кей?

— Тогда ладно, но на будущее постарайся держать лапы подальше от моего курева.

Не пугайтесь. Макклейны всегда так между собой общаются. Но любят они друг дружку от этого ничуть не меньше.

— Ты слышал, Генри, как моя дочь со мной разговаривает? Ну разве она не прелесть?

— Да уж, это точно, — отвечаю я, не отводя глаз от Грейс и ее ножек.

— Да чего там Хэнк смыслит? Он вон, Битлз любит, — сообщает ей Грейс.

— А я все больше по части хэви-метал. Знаете, там, Сэббат, ЭйСи-ДиСи. Сатанинская пурга типа, — говорит Бобби Джеймс.

— Чепуха все это, — говорит ему миссис Макклейн. — Я люблю ранний рок-н-ролл. Пятидесятые и все такое.

— Мне классика нравится больше, чем рок, — сообщает Гарри, — но я продюсер группы, в которой выступает Генри.

— Группы? — удивленно спрашивает миссис Макклейн.

— Ну да, группы. «Филобудильник», — отвечаю я.

— Да никакая у них не группа, мам, и Гарри ничей не продюсер. Они зависают в комнате у Сес Тухи с ненастоящими инструментами, поют под пластинки миссис Тухи и курят жевательные сигареты, которые покупает Гарри.

— И ты с нами. Ты тоже так делаешь, — возражает ей Бобби Джеймс, перед тем как рыгнуть.

— Да, но в отличие от тебя, долбоеб, я не курю всякое поддельное дерьмо и знаю, что это все понарошку, — парирует Грейс.

— Твои проблемы, — смеюсь я. Еще бы! — При-

дет время, и мы станем настоящей группой.

— Верно, — замечает Грейс, — всего-то и надо завести настоящие инструменты и научиться на них играть.

Миссис Макклейн садится рядом с Бобби Джеймсом, берет пустую банку, удивленно встряхивает, а тот снова рыгает. Мы с Грейс прыскаем. Гарри хватается за грудь, точно какая-нибудь старушенция с четками на утренней мессе. Миссис Макклейн отправляется на кухню за следующей.

— Грейс, а какими средствами для волос ты пользуешься? — спрашиваю я, глядя на ее волосы.

— Шампунем. Я пользуюсь шампунем, Хэнк, — говорит она мне.

— Но каким? И насколько часто? А гель или спрей употребляешь?

— Чувак, я просто мою волосы шампунем, а потом ополаскиваю водой, — заявляет она.

— А эту туфту с травами пробовала когда-нибудь? У тебя концы секутся здесь и вот здесь, — указываю я Зеленухычем, не касаясь ее волос. Пока рановато знакомить ее с Зеленухычем. Мои волосы — моя расческа. Плюс я нигде не вижу секущихся концов. Мне просто хочется подвинуться поближе и понюхать ее.

— Концы секутся? — переспрашивает Грейс с деланным интересом. — Ты это серьезно? Смотри, Хэнк, что это у тебя тут, вши? — спрашивает она и тут же берет меня в захват за голову и с силой проводит по ней суставами пальцев. Мое лицо при этом прижимается к ее маленьким сиськам, и я вижу, как струйки воды скользят у нее по бедрам. Господь Всемогущий, Господь Всемилостивый. Грейс поворачивает меня кругом и забирается ко мне на спину. О боже. Гарри с Бобби Джеймсом лыбятся, но тут возвращается миссис Макклейн со свежей порцией пива.

— Грейс, ты чего? Ну-ка слезай с него и марш наверх одеваться, — кричит она перед тем, как протянуть Бобби Джеймсу банку пива со словами: — Подержи-ка. Я спущусь в подвал.

— Ладно, мам, спокойно, — отвечает ей Грейс, спрыгивая с меня, и бежит к лестнице. Бога нет. — Хэнк, какие у твоих девочек планы на сегодня?

— Кататься на великах, — отвечаю я. — Марджи Мерфи тоже с нами. Пойдешь?

— Только если снимете с ваших великов цветочные корзинки, — говорит она на полдороге наверх.

— Какие корзинки? Ну ладно, — фыркает Бобби Джеймс. — У меня пятискоростной с переклю-

чением, — сообщает он ей вслед. Затем, рыгая, плющит об лоб банку из-под пива, содержимое которой он только что выглохтал.

Возвращается миссис Макклейн, ставит на край стола лампу без абажура и забирает у Бобби Джеймса смятую банку.

— Надо бы притормозить, — бормочет она, направляясь в сторону кухни.

— Меня что-то с пива на поесть потянуло, Генри, — говорит Бобби Джеймс. — Прежде чем мы поедем или побежим исполнять твои поручения, мне необходим «геройский сэндвич» с ветчиной. Грейс, поди принеси мне еще пива.

— Сможешь побить меня — тогда принесу, — пугает она.

— Ладно, забудь. Пойдемте, ребята, — с испуганной ноткой в голосе предлагает Бобби.

Грейс смеется.

— Подожди, трусишка. Будет тебе пиво. Хэнк, смотри. А вот и я.

Она забирается на самый верх лестницы. Я подхожу к подножию. Она съезжает по перилам и приземляется ко мне на руки.

— По каким это поручениям ты собрался бежать, Хэнк?

— Да ничего особенного, — говорю я. — Так, то

да се в связи с нашей свадьбой.

Мы падаем. Грейс смеется, оказавшись на мне верхом. Ее мокрые волосы облепляют мое лицо. Я вижу лик Господа и все прочее, и настолько в шоке, что у меня даже не встает. Может, я умер от удара головой об пол и уже в раю? Здорово, если так!

— *Нашей свадьбой?* — спрашивает она, улыбаясь и глядя мне прямо в глаза.

— Я сказал *нашей*? Я имел в виду Эйса и Джинни, — говорю я ей.

— Нам с тобой пожениться. Это будет что-то с чем-то, — смеется она, потом залепляет мне две пощечины и встает, оставляя меня лежать на полу наедине с огромной вселенной, где Бога нет и в помине. А она тем временем пошла добывать Бобби Джеймсу пиво.

— Угощайтесь, мисс Джеймс, — говорит Грейс, уже успевшая вернуться из кухни с сигаретой во рту, и пихает ему банку за пазуху.

— Черт, холодная, — взвизгивает он. — А у твоей мамы есть еще одна такая синяя штука?

— Нет, — отвечает Грейс. — Выметайся.

— Ладно, — говорит Бобби. — Пиво у меня. Валим отсюда, парни.

— Подожди секунду, — говорю я. — Перед тем

как уйти, могу я попросить тебя об одном одолжении, Грейс?

— Все что угодно, Хэнк. Я слушаю.

— Ты можешь еще раз съехать по перилам?

— Конечно, могу.

Ее улыбка — и за тысячи миль отсюда огромные, словно горы, ледники начинают таять, как кубики льда на раскаленной сковородке. Она сдувает пепел с сигареты и щелчком отправляет ее в сторону Гарри, который стоит в двери и ни туда, ни сюда. Не сводя с меня глаз, Грейс поднимается вверх по ступенькам и съезжает вниз. А внизу я закрываю глаза и раскрываю объятья. Шарах. И мы снова на полу, она сверху, ее мокрые волосы на моем лице, и Всемилостивый Господь между нами. И вся вселенная Его благоухает кокосовым шампунем.

— Пока вы будете мотаться, я подготовлю свой внедорожник. После ланча не забудь про меня, Хэнк.

— Даже не надейся, — отвечаю ей я.

— Круто.

Из подвала доносятся шаги. Грейс спрыгивает с меня и взбегает вверх по лестнице. Мы расстаемся, и Бобби Джеймс благодарит ее за пиво. А она нам: «Да, да, чтоб вы заблудились, подружки».

5

Тощий ублюдок по имени Мэтт Манджоли, которого все зовут просто Жирный Мэтт, владеет «Деликатесами Жирного Мэтта» на углу Святого Патрика и Фрэнкфорд-ав. Он также владелец банкетного зала «У Манджоли» в нескольких кварталах к северу от закусочной, за церковью Святого Игнатия по ту сторону от Ав. Там работает Стивен, там я буду петь для Грейс. Жирный Мэтт, у которого короткие седые волосы, зализанные назад, ответит, что связан с мафией, если кто поинтересуется, так что лучше не стоит. Стены у него увешаны картинками, которые все итальяшки просто обожают: сплошные Римские Папы, святые и певцы вперемешку с благодарственными открытками от итальяшек и их семейств, которым он организовывал вечера. Он делает «геройские сэндвичи» и рассказывает одни и те же корки про всяких-разных умников, которых кто-то где-то когда-то грохнул.

— Жирный Мэтт, расскажи нам про бандитов, — просит Бобби Джеймс, а в это время за стойкой безголосый телевизор показывает, как

Майк Шмидт пробросил мяч через отбивающего, и на стерео орет песня группы Блю Айз «Сделай Вупи»[11] из альбома «Песни для танцующих влюбленных». Хорошая песня, хороший альбом.

— Все про гангстеров да про гангстеров, — сетует Жирный Мэтт, правда, в шутку. — Почему вы, парни, никогда не спрашиваете про кого-нибудь из этих, у меня на стенах? Про Льва XXIII или про Тони Беннета, например?

— Про пап нам и так священники расскажут. На хрен Тони Беннета, — заявляет Бобби.

— На хрен Тони Беннета? Я под Тони Беннета с женой на свадьбе танцевал. Попридержи язык, а не то я тебе его живо вот этим резаком отчикаю, — предупреждает Жирный Мэтт, неоднократно утверждавший, что знает, где зарыто тело Джимми Хоффа[12], и плотно упакованной в золотые кольца пятерней швыряет под резак брикет болонских колбасок.

— А под какую песню? — спрашиваю я.

---

[11] Примечания: 11

Игра в кости с использованием специальных карт. Смысл состоит в том, чтобы выкинуть пять одинаковых чисел («сделать Вупи»), а затем вытащить карту с заданием для партнера.

[12] Примечания: 12

Джеймс Риддл Хоффа (1913–1975?) — американский профсоюзный деятель, по обвинению в контактах с преступным миром и подкупе присяжных в 1967 г. приговорен к тюремному заключению; бесследно исчез и считается убитым.

— «Да будет любовь», — растягивая слово *любовь,* отвечает он мне.

— Это которая из «Стучит мое сердце», да? — уточняю я.

— Ага, из него самого. Смотри-ка, чего знаешь, — одобрительно говорит Жирный Мэтт.

— А не быстровато ли для свадебного танца? — спрашиваю я.

— А мы под нее медленно и не танцевали, Генри, — говорит Мэтт. — Мы плясали.

— Что, прямо при всех?

— Да, Генри, прямо при всех. Мы же на свадьбе были жених с невестой.

— Прямо так и *плясали.* Интересно, — говорю я.

— Не люблю встревать в стариковские беседы, но Мэтт обещал рассказать историю про бандитов.

— Так и есть, — говорит Мэтт. — Припас тут одну для вас. Случилось все в том самом коктейль-баре под названием «Бамбуковая таверна Табу Тики», что в самом центре Южной Филадельфии. Заведение держал Танцор Фрэнсис. Он преуспел в районе и получил свое прозвище за то, что танцевал как бог и при этом был самым крутым парнем из всех, кого я знал. Ну вот, а

этот ирландец — Дэнни Клири — зашел и стал нарываться.

— А почему он стал нарываться? — спрашивает Бобби Джеймс, а сам пихает меня локтем и подмигивает, потому что, как и мы с Гарри, слушает эту историю уже раз двадцатый.

— Дэнни Клири был ирландской жопой с ирландской ручкой — как и все ирландцы (без обид), — он умел вертеться и рот держать на замке, — говорит Жирный Мэтт. — Так он пробился в банду, но слишком много о себе возомнил. В общем, парнишка решил, что ему теперь все можно. Оставлял свой «олдс» прямо перед входом в бар, потом играл, ел и пил, ни разу ни за что не заплатив.

— И что же случилось с Дэнни Клири? — с широко раскрытыми глазами спрашивает Бобби Джеймс.

— Его мочканули в ресторане на глазах у всех. Он хватал официантов за галстуки и щипал официанток за задницы, а многие из них, между прочим, встречались с другими ребятами из мафии — из *итальянской* мафии, вернее, из *сицилийской.* Нужно было что-то делать, сами понимаете, — рассказывает Жирный Мэтт, а сам параллельно штампует «геройские сэндвичи» с

такой скоростью, что от золотых часов и колец на пальцах искры летят.

— И как его мочканули? — интересуется Гарри.

Мэтт глядит на нас в упор, аккуратно заворачивая очередной сэндвич.

— Он утонул.

— Как он мог утонуть в ресторане? — спрашиваю я.

— Скажем так: в ресторане стояли большие баки с водой, и Дэнни слишком долго проторчал в одном из них вместо крышки. — Жирный Мэтт смеется, и его золотые зубы сверкают в электрическом свете.

— Это ты его мочканул? — все же спрашивает Бобби Джеймс, хотя и знает, что в ответ Мэтт скажет нам ровно то же самое, что сказал федералам: он ничего не помнит.

— Я скажу вам слово в слово то же самое, что сказал федералам: я ничего не помню. — Снова золотая ухмылка. Он пробивает нам чек. — Шесть баксов ровно, Гарри.

— С сотни сдача будет? — спрашивает Гарри, вытаскивая сотню из пачки.

Жирный Мэтт, будто не слыша заданного вопроса, вытягивает из пачки шесть бумажек по доллару и кладет их к себе в выдвижной ящик.

Звонит колокольчик на двери закусочной. Восьмилетний Арчи О'Дрейн, калека на инвалидном кресле, с шофером, то бишь с моей мамой Сесилией Тухи, плюхаются на пол после неудачной попытки последней втащить его вместе с каталкой в магазин по ступенькам. Вслед за ними, в футболке PHILLIES BALL GIRL и с хвостом светлых волос на затылке, заходит моя сестра Сес Тухи, которой тоже восемь. Она переступает через них, замечает меня и, светясь улыбкой, прыгает ко мне на руки, в то время как я пытаюсь пробраться к Сесилии, чтобы помочь ей (но не Арчи) подняться с пола.

— Йоу, Генри, — говорит Сес, улыбаясь от приятной неожиданности: видно, не рассчитывала найти меня здесь.

— Йоу. Что такое? Ты их, что ли, повалила? — спрашиваю я, указывая на Сесилию с Арчи.

— Нет, но я об этом подумывала, — шепчет она, повисая у меня на шее, пока я причесываюсь, Гарри тянет паховую мышцу, Бобби Джеймс ворует банку пива из упаковки, Жирный Мэтт сажает Арчи обратно в кресло, а Сесилия Тухи прикуривает сигарету и собирает с пола таблетки, которые высыпались у нее из сумки.

— Прекрати здесь курить, — ворчит Жирный

Мэтт уже опять из-за стойки.

— Я прекращу здесь курить, когда у тебя снаружи появится пандус для инвалидных кресел, — огрызается Сесилия. Она высокая, в коротком летнем платье, и у нее идеальные сиськи номер три. Я бы их пощупал, я ведь не гордый. Выдыхая дым точно вверх, она игриво смотрит на меня.

— Хэнк Тухи и два его лучших дружка. Какая приятная неожиданность. Йоу, мистер Карран, что, газоны в округе перевелись?

— Йоу, Сесилия, — говорит Гарри. — На сегодня я взял выходной.

— Без вопросов, — говорит она. — Джеймси, мальчик мой, а что это у тебя там в кармане — банка с пивом или ты так рад видеть набитую жвачками витрину?

Бобби Джеймс боится высокой, красивой и острой на язык Сесилии Тухи, поэтому он лезет в карман, достает оттуда дымный шарик. Швыряет его на пол. Бум. И удирает, словно какой-нибудь горе-фокусник.

— Что это было? — со смехом спрашивает Сесилия у скрывшегося за витриной с чипсами Бобби Джеймса.

— Дымный шарик, — поясняет он ей, выглядывая из укрытия.

— И для чего они? — спрашивает она.

— Свадебный рецепт моей сестры — на случай, если родственничек в углу зажмет.

— Без булды?

— Ага, без булды, — говорит он.

— Можно мне один посмотреть?

— Думаю да, — отвечает он, скорее раздраженно, нежели испуганно, и протягивает ей шарик.

— Круто, — говорит она и как ребенок рассматривает шарик вблизи, зажав его между большим и указательным пальцами. — Хэнк, подойди ко мне и спроси, что у нас сегодня на обед.

— О'кей, — отзываюсь я, приближаясь к ней и вступая в игру. — Что у нас сегодня на обед, ма?

Она швыряет шарик на пол — пуф — и прячется за витриной с чипсами.

— Вот здорово, — хихикает она. — Ну-ка дай мне еще, Бобби.

— Что? Серьезно?

— Да, сделай милость, — говорит она. — Спасибо. Мэтт, скажи мне, что я должна тебе десять баксов.

— Миссис Тухи, прошу вас. Вы и так уже напустили столько дыма, — умоляет он.

— Давай-давай, — говорит она ему.

— Ладно, — вздыхает он, затем хлопает в ла-

доши: — Вы должны мне десять баксов — да будет так.

Она швыряет шарик — вжик! — выбегает за дверь и со смехом возвращается обратно.

— Ну что, миссис Тухи, повеселились — и хватит? — спрашивает у нее Бобби Джеймс. — Могу я остальные оставить себе?

— Ладно уж, — разрешает она, затем затягивается и выпускает дым ему в лицо, отчего Бобби Джеймс начинает кашлять.

— Тайм-аут. По одиннадцатому крутят мой ролик, — сообщает Жирный Мэтт, выключает стереофонию с Синатрой, включает звук в телевизоре, затем краем глаза косится на пульт и включает 1–1. Что замечательно в кабельном телевидении, так это любительские рекламные ролики местных магазинов. Врубаешь MTV и смотришь в промежутках между клипами Майкла Джексона, как кто-нибудь из твоего района рекламирует свой дурацкий магазин. — Вот он. Тише, пожалуйста.

По ящику показывают, как итальяшка с зализанными назад волосами заходит к Жирному Мэтту с бутылкой из-под лимонада. Он почесывает подбородок, изучая меню ланчей, затем улыбается и кивает хозяину.

— Как дела? — спрашивает он у Мэтта.

В ответ — легкая ухмылка:

— Сегодня вполне. Чем могу помочь?

— Дай мне вон ту газировку, — говорит парень и отправляет Мэтту шестнадцать пенсов вдоль по стойке.

— Что будешь есть? — спрашивает Мэтт.

— Ничего, — говорит он Мэтту, — мне только газировку.

— Но, друг мой, сейчас самое время для ланча, — говорит Мэтт. — Ты уже где-то поел?

— Да вроде так, — смущенно признается парень, — я только недавно съел геройский сэндвич.

— Я не ослышался — ты уже съел сэндвич?

— Ну да, я же сказал, — повторяет парень.

— И где ты его брал? — косясь на него, интересуется Мэтт.

— Тебе-то что? Там, на Ав, в другой закусочной.

— В другой закусочной, говоришь?

— Да. У тебя что, со слухом проблемы?

— Не в сицилийской? И не мы ее крышуем?

— Да не знаю я. Какая разница? Ты что, вышвырнешь меня за то, что я не у тебя взял сэндвич?

Свет меркнет, в фокусе остаются только Мэтт и этот придурок.

— Вышвырнешь! — Мэтт смеется. — Ты даже мог бы мне понравиться, если бы не изменил моей закусочной.

— Что? — уже начиная нервничать, переспрашивает его этот долбоеб.

Мэтт тянет его к себе и целует. А когда отпускает, несколько вооруженных пулеметами Гатлинга[13] головорезов выступают из тени различных укрытий: один из-за прилавка с соленостями, другой из-за лотка с хлебом, третий из-за морозильников, четвертый из-за прилавка с мороженой вырезкой, — и нашпиговывают парня свинцом. Как только тот падает замертво, головорезы исчезают, и в заведении снова зажигается свет. В дверь заходит женщина и видит на полу мертвого придурка.

— Винни, — причитает она, бросаясь к недвижному телу. — Мой муж! Отец тринадцати детей! — и с воплем «Он мертв! Ты убил его!» кидается на Жирного Мэтта и начинает молотить его кулаками в грудь. — За что? За что? За что? — рыдает она.

— За то, — спокойно объясняет ей Мэтт, хватая ее за запястья и глядя прямо в глаза, — что он

---

[13] Примечания: 13
Пулемет назван по имени изобретателя Р. Дж. Гатлинга.

купил сэндвич у конкурентов, которые родом не с Сицилии.

— Как ты сказал? — переспрашивает она. Она уже не плачет — в голосе испуг и злоба.

— Он купил сэндвич не в нашем районе.

— Тогда и черт с ним, с предателем, плевала я на него, тьфу, — говорит она, изображая плевок, потом опять поворачивается к Мэтту: — Можно мне фунт индейки, фунт сыра и полфунта печенки? Да, тебе небось нужна известь, чтобы избавиться от трупа?

Звучит классическая итальянская музыка. Голос за кадром произносит: *Закусочная Жирного Мэтта на углу Святого Патрика и Фрэнкфорд. Закусочная Жирного Мэтта не связана с Коза Ностройй.* Конец ролика. Мы хлопаем Жирному Мэтту с возгласами одобрения, а он сгибается в поклоне, затем выключает звук в телевизоре и ставит «The Beat of Me Heart» Тони Беннета, предварительно показав мне с улыбкой обложку пластинки.

— Йоу, леди, как настроение? — спрашивает подкативший к нам, пока мы стояли у кассы за стойкой, Арчи О'Дрейн, крутой, как огурец, в своем инвалидном кресле с пушистым сиденьем леопардовой раскраски, сигнальным рожком,

приклеенным к одному из подлокотников суперцементом, и плюшевыми игральными костями, болтающимися на другом, с наклейкой на бампере ОХОЧУСЬ ЗА ТЕЛКАМИ и с брызговиками для защиты от грузовиков на колесах. В общем, это нечто среднее между дьявольским локомотивом для ангелов, тяжелым восемнадцатиколесным трейлером и автобусом для гастролей какой-нибудь рок-звезды. У Арчи волосы неплохо расчесаны и уложены спереди и на затылке, но сзади свисают длинными прядями, и он младший брат погибшей девушки моего брата, Мэган О'Дрейн. Вообще-то я люблю пацаненка, но, конечно, ни за что ему об этом не скажу. А то было бы слишком просто. К тому же есть еще очень важный момент: поскольку он калека, нужно издеваться над ним так же, как над всеми остальными, здоровыми. Самый забавный способ — это называть его Арчибальдом и награждать сложными эпитетами, которые он воспринимает как ругательные. Например:

— Йоу, Арчибальд. Ты здравомыслящеболтливый ублюдок, — сообщаю я ему.

— Сам такой, а я нет. И не называй меня Арчибальдом, — предупреждает он.

— Арчибальд, — говорит Гарри, — твоим моз-

гам присуща эйнштейновская неутомимость.

— Это твоим, а не моим. И зовут меня Арчи, не путай, Мэри.

— Арчибальд, ты негативная противоположность инфантильного имбецила, — говорит Бобби.

— Сам такой, а я нет. Если еще хоть один пидор назовет меня Арчибальдом, я урою его на месте.

Сесилия подзывает Жирного Мэтта к холодильнику с колбасами, нагибается и на что-то указывает. В закусочную заходят двое ребят из газовой компании, оба рокеры, стриженные под пуделя. Уставившись на нагнувшуюся Сесилию, они тычут друг друга локтями. Сесилия выпрямляется, замечает их взгляды и улыбается им широко и приветливо. Берет у одного каску и надевает себе на голову со словами: «Мне теперь только отбойного молотка не хватает». Парни, обалдев, на нее смотрят, потом с улыбкой переглядываются. Тони Беннет поет «Любовь на продажу». Жирный Мэтт со скоростью света нарезает мясо. Опять звонит дверной колокольчик. Заходит Фрэнсис Младший с почтой, видит Сесилию в защитной каске рядом с этими двумя газовыми жопами и улыбается: он знает за ней такие штучки.

— Не хочешь познакомить меня со своими любовниками, Сесилия? — спрашивает он.

— Конечно. Это Бифф и Брент. Они стриптизеры. А этих четверых жеребцов ты, пожалуй, уже знаешь, — говорит она ему, указывая на нас. — А твоя-то где?

— Да вот она, — отвечает Фрэнсис Младший, забирая у меня Сес.

— Ну разве ты у меня не душка, — говорит ему Сесилия.

Они обмениваются улыбками, невзирая на то, что она имеет в виду совсем другое, и он это знает. И все равно, когда они улыбаются друг другу, видно, что их любовь умерла еще не до конца. Такие вот, брат, извращенцы.

— Я встречаюсь с *Арчи.* Арчи, скажи ему, — говорит Сес. Следует пауза. — Лучше скажи, а то хуже будет.

— Мм, я парень Сес, мистер Тухи, — говорит Арчи.

— Тогда, наверное, мне стоит ее отпустить, — говорит Фрэнсис Младший ему в ответ и сажает Сес на стойку, а сам берет у Мэтта бутылку газировки (Мэтт обеспечивает его по одной в день забесплатно). — Спасибо, Мэтт. Сесилия, я буду дома как обычно. Сверхурочных сегодня нет.

Сверхурочные — наряду со спорами о преимуществах бифштекса перед просто куском холодного мяса — тема для широкого и всестороннего обсуждения среди родителей на улице Святого Патрика.

— Будешь с нами есть или еще где? — спрашивает она.

— Ясное дело, дома, как всегда, — отвечает он ей.

— Ну конечно, — фыркает она.

— Ты чего? — спрашивает он. — Я хоть раз не пришел к ужину?

— Ну еще бы. Как жратвой запахнет — ты всегда тут как тут, — говорит она.

— Миссис Тухи, я прошу вас, — умоляет ее Жирный Мэтт.

Сес соскакивает со стойки и направляется в угол, где стоят банки с корнишонами. Двое заправщиков выбираются под шумок из магазина, пригибаясь от летящего мата. Не успевают они скрыться, как в двери появляется мой самый старший брат Фрэнсис Натаниэл Тухи Третий, он же Фрэнни Тухи, в форме почтальона. Семейства классом повыше могут похвастаться, например, поколениями врачей. Но только не Тухи. От предков к нам тянется лишь длинная череда фор-

менных шортов с шевронами, собачьих укусов и перцовых баллончиков. Фрэнни живет с нами по соседству. В свои двадцать четыре он уже успел обзавестись небольшой лысиной, и вообще вид у него довольно смешной. Но даже несмотря на лысину, ему не дашь больше шестнадцати, хотя умен он совсем не по годам. Таким, наверное, и должен быть некрасивый старший ребенок в семье.

— Все ведут себя прилично? — спрашивает он, обводя глазами насторожившуюся компанию.

— Да, все, кроме твоей матери, — отвечает Фрэнсис Младший.

— Вот уж неправда, Фрэнни, — возражает Сесилия. В присутствии Фрэнни они с Фрэнсисом Младшим немного сбавляют обороты. Препираться не прекращают, но оба говорят с ним так, будто задолжали ему много ответов.

— Неправда? Захожу я сюда посреди рабочего дня и что вижу? Как она шутки шутит с какой-то деревенщиной.

— Ах, так, значит, я вру? — возмущенно спрашивает Сесилия, ни к кому конкретно не обращаясь. — Он, значит, два раза кряду заходит к Куни, а потом ему, видите ли, не нравится, что я разговариваю с двумя здоровенными жеребцами

из газовой компании.

Фрэнни внимательно следит за обоими, словно директор школы, старающийся разобраться, который из придурков угодил мячом в окно его кабинета:

— Нет, я докопаюсь до истины. Сес, что здесь произошло?

— Да я даже не в курсе, о чем они: Куни, какая-то деревенщина, — докладывает Сес. — В общем, все как обычно: опять пожопились.

Дзинь. К Жирному Мэтту заходит Стивен Тухи, видит всю семейку в сборе и сразу же выходит.

— Вот видите — Стивена напугали, — говорит Фрэнни снова как директор, но на этот раз как усталый директор, и берет у Жирного Мэтта бесплатную газировку. — Давайте постараемся все уладить, хорошо?

— Я лучше пойду, — говорит Фрэнсис Младший. — А то если и дальше так, мы все равно ни к чему не придем. Ты домой, Фрэнни? Работа вроде еще не кончилась.

— Угу.

— Я с тобой. Мэтт, спасибо за газировку. Сесилия, увидимся вечером. Нет времени.

— Да, и у меня тоже, пошел ты… — кричит она под звон колокольчика над распахнутой Фрэн-

сисом Младшим дверью. — Сес, не сиди на полу. Вынь ногу из банки с огурцами.

— Она ногами в огурцы залезла? — ужасается Мэтт. — Господи Боже.

— Я не в банку, а на банку, — раздраженно сообщает Сес Жирному Мэтту, лежа спиной на полу, голыми пятками на банке. — Ма, ты кричать уже закончила?

— Пока да.

— Хорошо, тогда я встану, — спокойно говорит она, подходит к нам и кладет руку на плечо моргающему от смущения Арчи. — Вы тут без меня моего парня не дразнили?

— Я не твой парень, — сердито бурчит Арчи.

— Ты только что сказал папе совсем другое, — напоминает она ему.

— Ты мне угрожала.

— Да, и что? Заткни пасть. Говорить будешь тогда, когда тебя спросят, мистер.

— Да, дорогая, — вздыхает Арчи. — Генри, куда сегодня с ребятами собираешься?

— Кататься на великах, — говорю я.

— А нам можно с вами? — спрашивает он.

— И как мы будем с твоим креслом? — спрашиваю его я.

— Я не буду отставать, — говорит он.

— Я надену ролики и буду его сзади толкать, — предлагает Гарри.

— Двенадцать долларов ровно, миссис Тухи, — сообщает Жирный Мэтт.

— Вот, держите. — Гарри протягивает ему двадцатку, а затем говорит, обращаясь к нам: — Я тут недавно новые ролики купил. Толкание калек — отличная тренировка. Как считаешь, Арчибальд?

— Меня зовут не Арчибальд, — говорит ему Арчи, — но вообще круто.

— О'кей, тогда договорились, — заключаю я. — Арчи и Сес отправляются домой с мамой, словимся после ланча. Отлично?

Третьеклашки отвечают да. Жирный Мэтт сверкает золотыми зубами. Сесилия забирает свою коричневую сумку. Мы помогаем ей спустить Арчи по ступенькам на тротуар.

— Все в порядке? — спрашиваю я Сесилию, которая засмотрелась на поток машин, движущийся по Ав.

— Что-что? — переспрашивает она.

— Ты как?

— Все нормально, — отвечает она, выходя из оцепенения, опуская сумку с мясом Арчи на колени и беря за руку Сес. — Ты со своей женой себя

так же вести будешь?

— Не-а, — честно отвечаю я.

— Будешь верным? И обращаться с ней по-человечески? Уважать ее? Любить ее что ни день все сильней?

— Да, да, да и еще раз да, — с улыбкой отвечаю я.

— Здорово. — Она тоже улыбается. — Храни в себе эту доброту и оптимизм. Не давай никому их у тебя отнять.

— Ни за что на свете, куколка, — обещаю я ей.

— Куколка, — фыркает она мне вслед, закуривая сигарету. — Тебе б еще с девками научиться разговаривать. Ну, это потом. У тебя же куча важных дел. Ладно, сынок, мне пора. Будь паинькой. Да, вот еще что. Люби тебя Господь, но на меня не рассчитывай.

Я смеюсь. Эту фразу сказала женщина своему бывшему мужу-министру, который ей изменял, в ток-шоу с религиозным уклоном, идущем поздно вечером. Мы потом смеялись несколько дней кряду. Так что теперь у нас это дежурная шутка. Перед тем как поставить Сес на подножку инвалидного кресла, Сесилия еще раз улыбается мне. Сес изображает рев моторного катера, Сесилия крутит ручки, а Арчи кричит, пародируя британ-

ский акцент: «По местам, команде приготовиться, старт». И все трое сломя голову несутся по улице Святого Патрика: моя неугомонная мама вместе с моей странной сестрой и калекой с обрубком вместо руки.

Бобби Джеймс, Гарри и я сидим на железнодорожной эстакаде где-то в тридцати футах над Фрэнкфорд-авеню, или просто Ав, как мы ее называем, и едим сэндвичи. Ав — главная улица нашей жизни, если не считать улицы Святого Патрика. Фрэнкфорд-ав очень длинная — от самых северных окраин Филадельфии вплоть до Кенсингтона на юге, где переходит в Кенсингтон-ав. К югу вдоль Ав районы тянутся один за другим. Здесь найдется все, начиная со старомодного кинотеатра для автомобилистов под открытым небом и заканчивая тату-салоном, укрывшимся под линией наземки.

Улица Святого Патрика пересекает ее почти посередине, не так чтобы сильно близко от нас, но и не больно далеко. Здесь Ав идет под уклон, но это только в том случае, если спускаешься по ней вниз. Местные здесь бьют стекла в домах и пишут граффити на стенах, ну и прочее дерьмо, тем не менее соседей это все равно бесит, сечете, о чем я? Постоянные стрелки на спортплощадке,

вот, типа, как сегодня намечается, но обычно с пустыми руками, хотя иногда отдельные пидоры приходят с битами, брусками два на четыре или заточками с целью мочкануть кого-нибудь или дать понять, что не шутят. Убийства тут случаются все больше в домах: всякая там семейная хрень — вроде как двадцатилетний сынок поспорил с маманей из-за денег, задушил ее по пьяни, а с утра ничего не помнит.

Так что районч ик жесткий, но не слишком, просто так тут никто приключений не ищет. По мне, отморозкам просто неймется. Филли, мать ее, — город не одной только расовой нетерпимости. Тут даже белый к белому из другого района не сунется. Сегодняшняя стрелка как раз подтверждает это правило — какого черта им тут надо! — и поэтому я не хожу по Ав в любую сторону дальше чем на четыре квартала. Слишком уж лицо мое мне нравится. Да и все равно незачем. В нашем районе и так есть все, что нужно. Папаши работают, может, кварталов за пять от дома. Мамашки сидят с детьми. Если тебе что-то понадобится, спроси у соседей, и тебе скажут, что это где-то за углом на Ав. Сюда относятся: пивной ларек, пиццерия, бар на углу, прачечная, ювелирный магазин, фастфуд с морепродуктами,

«деликатесы», туристическое агентство, похоронное бюро, контора по продаже подержанных машин, бесплатная библиотека, пожарная часть, почтовое отделение, банк, дешевый супермаркет, католическая церковь. Все вышеперечисленное располагается «за углом на Ав». Район выглядит старомодно, и, если судить по домам и фасадам магазинов, можно подумать, что мы живем все еще в 1963-м, а не в 1984-м. Единственный способ определиться со временем здесь — это посмотреть, какого года выпуска машины, и прибавить лет десять.

Улица Святого Патрика отходит вправо через четыре квартала от эстакады, на которой мы сидим и едим сэндвичи (сидим к ней лицом). Также справа рядком выстроились всякие магазины — в том числе и «Деликатесы Жирного Мэтта». Кое-где этот ряд прерывают улицы, идущие параллельно Святому Патрику, да еще Тэк-парк, спортплощадка длиной в три квартала. По другой стороне Ав и слева от нас на целых восемь кварталов растянулись церковь Святого Игнатия вкупе с кладбищем, школьным двором, домом пастора, женским монастырем и двумя зданиями приходской школы. Церковные владения находятся между велосипедной дорожкой и Никльбэк-пар-

ком, что ровно по левую руку от нас, а банкетный зал «У Манджоли» тоже слева, но так далеко, что отсюда его почти не видно.

В принципе, нам запрещается сидеть здесь, на эстакаде, но подчиняться такому идиотскому запрету просто невозможно. Раньше тут ходил тихоходный поезд, но теперь, после того как пару лет назад летом одному мальчишке по имени Дэнни Дойл отрезало здесь ногу, когда он попытался перепрыгнуть через рельсы, линию закрыли. Сразу после несчастья родители вместе со священниками стали добиваться, чтобы поезд убрали, и в итоге настояли на своем. Даже теперь, когда никакого поезда уже нет и в помине, они как ненормальные что ни день предупреждают нас держаться подальше от путей и особенно от эстакады. Доски здесь действительно шаткие и щели между ними достаточно широкие, чтобы тощий ублюдок вроде меня мог провалиться и приземлиться на лобовое стекло какой-нибудь машины из потока внизу. Но такого не может быть. Среди нас таких смелых и отважных нет. С нас хватит и доски покрепче, на которой можно просто посидеть и полюбоваться видом, который мне очень нравится, потому что чувство такое, будто ты жмурик.

Только не подумайте, что я уже на тот свет собрался. Просто отсюда я смотрю на весь свой мир сверху, с высоты, и выглядит он намного лучше, чем из окон первого этажа. Вот, например, справа от меня, где магазины, солнце сверкает, отражаясь в окнах домов. В тех же самых сплошь заляпанных грязью окнах, если смотреть на них с тротуара. Слева все еще красивей. За церковной землей тянется парк, и отсюда, с эстакады, видно и как дважды круто поворачивает велосипедная дорожка, и ручей виден, и верхушки деревьев, роняющих на землю свои листья и тени. Даже церковные здания кажутся милыми и опрятными — и не подумаешь, что они кишат священниками, трупами и пингвинами (местное название монашек, молящихся за ваши грешные души, покуда сами вы дома отлыниваете). Отсюда все такое тихое, будь то магазины справа или кладбище слева. Единственно откуда доносятся хоть какие-то звуки — это снизу: шорох шин да лязг троллейбусных дуг. Троллейбус, скрипя тормозами, останавливается чуть ли не у каждого дома, чтобы высадить или посадить очередную порцию старперов. Дуги торчат как две большие антенны, тянущиеся к проводам, и из-под них то и дело сыплются искры. Мне нравится этот

звук: есть в нем какой-то успокаивающий ритм. И все это вместе рождает во мне чувство чего-то огромного и прекрасного, какой и должна быть любовь, любовь ко всему, что я зову своим домом. Если дать глазам расфокусироваться, то с той стороны, где парк и кладбище, все перестает казаться просто зеленым, а с той, где дома и магазины, — просто бетонным. Вокруг все сплошь становится зеленым, как трава.

— Генри, как ты думаешь, у кого сиськи лучше — у моей сестры или у твоей мамы? — потягивая украденное у Жирного Мэтта пиво, спрашивает Бобби Джеймс, пока мы наблюдаем за тем, как, повернув с кладбища направо, в нашу сторону движется похоронная процессия с включенными в полдень фарами и прикрепленным к крыше катафалка крестом со вделанной в него надписью «похороны» на оранжевом фоне.

— Сложный вопрос, — отвечаю я. — У твоей сестры объемней, но я бы с большим удовольствием потискал мамины.

— Не согласен. Что еще может быть в сиськах кроме объема?

— Выразительность, — раздраженно разъясняю я, — округлость и жесткость. — Я загибаю по пальцу на каждую из этих наиважнейших

характеристик. — Тебе только одно и надо — такие дыни, чтоб в руках не умещались. А у твоей сестры целые арбузы. Мне они очень нравятся, короче. Просто я хочу сказать, что от таких все тело в синяках будет. Так и убиться можно.

— Убиться? — говорит он. — Покалечиться — возможно, но убиться — нет. По-моему, величина — самое главное. Я бы лучше пощупал у сестры. Гарри, а тебе какие больше хочется?

У Гарри, который до этого сидел себе тихо в надежде, что его не спросят, энергетический напиток от неожиданности попадает не в то горло. Содержимое банки приземляется на лобовое стекло универсала, следующего в процессии. Водитель, мужик с пышной шевелюрой и женой с сиськами номер два на пассажирском сиденье, недоуменно смотрит по сторонам, но не наверх, так что мы остаемся незамеченными.

— Черт, ты угодил прямиком в похоронную машину, — говорит Бобби. — Ну, у кого лучше — у мамы или у сестры?

— Я не знаю, — смущенно отвечает Гарри.

— Что значит «не знаю»? Либо одно, либо другое, — требует Бобби.

— Нет, — отвечает Гарри, испуганно и упрямо глядя перед собой.

— Скажи имя, и все. Джинни Джеймс. Миссис Тухи.

— Нет, не буду.

— Меня от тебя тошнит. Не хотел тебе говорить, но так оно и есть. Придется отсесть подальше. — С этими словами Джеймси резко встает. Правая нога проскальзывает в щель между балками. Мы с Гарри в унисон кричим черт и господи и хватаем его за рубашку. Он приземляется яйцами на балку, но дальше не проваливается. Далеко внизу пивная банка попадает по крыше другой машины из той же процессии. Стриженный бобриком парень за рулем замечает нас в заднее стекло и хмурится, но молчит, видимо из уважения к покойному товарищу.

— Генри, — говорит Гарри, меняя тему разговора, покуда Джеймс трет ушибленные яйца, — куда отправимся сначала? В музыкальный магазин, в ювелирный или в похоронку?

Завтра вечером я буду петь «Далеко за синим морем» Бобби Дэрина — как когда-то папа пел для мамы, — а потом во время свадебного приема в банкетном зале «У Манджоли» предложу Грейс выйти за меня замуж. После ужина, наверное. Мы собираемся в ювелирный магазин за кольцом. Эта фальшивка стоит всего сто долларов. В

прошлом году его купил Стивен, чтобы сделать предложение Мэган О'Дрейн, а потом, когда она погибла, сдал обратно, да еще со своим сердцем и головой в придачу. Кроме того нам надо заскочить в музыкальный магазин, чтобы напомнить его владельцу, Маусу Макгинли, о том, что он со своей большой группой завтра должен там играть забесплатно — спасибо Гарри и его газонокосилочным связям в мире взрослых, — пока я буду петь. Следующее на очереди — похоронное агентство, куда мы отправимся договариваться насчет катафалка, который потом повезет нас с Грейс кататься вокруг города. Конечно, катафалк — не лучший выбор, но зато бесплатно, — опять же, спасибо Гарри. Что же касается самой Грейс, то я не особо рассчитываю, что дело закончится помолвкой или женитьбой. Я просто хочу с шиком и при всех признаться ей в любви.

— Давайте пойдем в похоронку вечером, чтобы было темно, — предлагаю я.

— Ага, — соглашается Джеймси, — когда будет темно.

— Нет, лучше сходим засветло, — говорит Гарри, который боится похоронных агентств ничуть не меньше сисек. — Там кругом гробы. Мне будет страшно.

— Тогда решено. Вечером идем в агентство, — говорит Бобби Джеймс, давая мне пять.

— Кроме того, — добавляю я, — музыкальный магазин закрывается сегодня раньше и завтра не работает.

— Здорово, — надувается Гарри.

— Да ради бога, Гар, дуйся сколько влезет, нам-то что? — говорит ему Бобби, а затем поворачивается ко мне. — Генри, объясни мне одну вещь: думаешь, оно все того стоит? Я по-прежнему слабо себе представляю, как ты будешь сначала ей петь, а потом предложение делать. Не скажу даже, что ты для этого слишком туп. Мне просто интересно, *зачем* ты это делаешь. Вам обоим по тринадцать. Думаешь, она ответит да?

— Возможно, и нет, но это не важно. У меня на то другие причины. Родители, Стивен.

— А, тогда, конечно, все ясно, — с сарказмом в голосе говорит он.

— Генри покупает то же самое кольцо, что и Стивен в день, когда умерла Мэган, — говорит Гарри, который всегда был поумней и потому лучше меня понимает. — Он поет песню, которую его отец пел его матери. Он хочет, чтобы его родители любили друг друга как раньше. Он хочет достучаться до Стивена. Не слишком сложно для

тебя, а то повторю? — огрызается Гарри, который обычно принимает сторону Бобби, но только не в тех случаях, когда речь заходит о серьезных вещах, — лишний повод мне его уважать, о гирьках на лодыжках я сейчас не говорю.

— А-а, — тянет Бобби Джеймс, внимательно на меня глядя. — Тогда чего же мы ждем? — мирно спрашивает он.

— Вот именно, — поддакивает Гарри, который в это время занимается тем, что собирает в мусорный пакет пустые банки и обертки от сэндвичей. Он замечает, что я смотрю в сторону леса. — На что так уставился, Генри?

— Все эти деревья там, — говорю я, указывая рукой вдаль. — Скоро они начнут менять цвет. Когда будем сидеть здесь на следующей неделе, в листве уже появятся пятна желтого и красного.

— Ага, — соглашается Гарри, — но пока они еще все зеленые.

— Да, все зеленые, — повторяю я, и на лице у меня играет легкая улыбка, как у Моны Лизы.

Мы встаем: впереди у нас недолгая дорога домой.

6

Наверное, вы думаете, семерым живущим в одном квартале подросткам собраться, чтоб поехать куда-нибудь на великах, — дело плевое. На все про все от силы десять минут. Куда там. У них на это уйдет час и семь минут. Распишу подробнее:

1.10 (пополудни) Джеймс, Карран и Тухи идут по домам: Джеймс — опростаться, Карран — считать свои миллионы, Тухи — за сестренкой с ее дружбаном.

1.13 Тухи произносит проповедь на углу. Основные темы: 1) любовь Яхве ко всем людям, кроме Бобби Джеймса, 2) рост цен на хотдоги на играх «Филлиз», 3) каким образом Иисус сохранял волосы волнистыми во влажном воздухе Иерусалима и 4) попытка инвентаризации содержимого усов Майка Шмидта.

1.20 Карран и Тухи оттаскивают Джеймса от двери «У Пола Донохью».

1.30 Во время выполнения переходов прыжком из положения «упор присев» в положение «упор лежа» у Каррана случается стояк. Джеймс отказывается к нему прикасаться. Тухи сжимает

член Каррана до тех пор, пока тот не прекращает вопить. Мимо проезжает машина, набитая подростками, которые хором кричат *Гомики.*

1.40 Тухи приходит домой. Стивен, Сес, Арчи и Фрэнни сидят и смотрят «Положитесь на Бивера», Уорд и Джун Кливер обсуждают Бивера, а в это время наверху у себя в спальне Сесилия с Фрэнсисом Младшим орут друг на друга, переворачивая все вверх дном. Тухи спускается в подвал за своим бабским великом без скоростей с раздолбанным сиденьем, кое-как покрашенным дома серебряной краской. Перегоняет его к веранде с дорожки за домом.

1.45 Тухи снова дома и спасает Арчи из рук Фрэнни, который раскачивает его в воздухе, как маятник, ухватив за грудки. Он забирает Сес и Арчи с собой на улицу, пока Сесилия скачет вокруг и поет «Покрылось все розовым цветом», Фрэнсис Младший уничтожает пакет чипсов, Гвен Флэггарт рычит на него, Фрэнни поднимает с туфли упавший сыр и принимается подпевать Сесилии, а Стивен выходит вон.

1.50 Тухи подвозит инвалидное кресло к газону перед домом Тухи. Арчи выпадает из кресла, но при этом не плачет. Сес просит повторить. Тухи уступает с милостивого согласия Арчи.

1.52 Карран выходит на веранду в фиолетовом шлеме под цвет фиолетовых роликов. Теряет равновесие, перелетает через перила и стучится колесами роликов в дверь к Бобби Джеймсу.

2.07 Джеймс выходит из дома с мокрой головой и банкой пива в руке. Его оранжевый велосипед с переключателем на пять скоростей — предмет всеобщей зависти — сияет как летнее солнышко.

2.10 Мистер Мерфи хлопочет над только что купленным голубым детским велосипедом Марджи. Миссис Мерфи предупреждает его, чтобы он перестал носиться с дочерью как с писаной торбой. Мистер Мерфи советует Тухи и Каррану никогда не жениться.

2.14 Грейс Макклейн вылетает из дому на горном велике, перепрыгивает на нем через перила, потом через табличку «Мондейл-Ферраро», затем резко тормозит у статуи Франциска Ассизского и тушит бычок об его мудрую лысую голову. Господи Боже.

2.14.30 Тухи, без объяснения причин, заставляет всех себя ждать тридцать секунд, пока у него не перестанет стоять.

2.15 Компания покидает улицу Святого Патрика.

Всемером мы пересекаем Ав около церкви. Едем

сплоченной группой: впереди — Гарри и Арчи. За ними молча следует Марджи Мерфи. Бобби Джеймс едет за ней и, я просто уверен, пялится на ее задницу. Грейс едет за Бобби Джеймсом, курит и, насколько я могу видеть, не пялится на задницу Бобби Джеймса. Я держусь позади Грейс и конечно же пялюсь на ее задницу. За мной едет Сес, которая, я так надеюсь, не пялится на мою. Мы пересекаем Ав и въезжаем на кладбище, которое нужно преодолеть перед тем, как выехать на велосипедную дорожку.

Широкая бетонная дорога разрезает аккуратную, поросшую травой землю и опоясывает кладбище плавной дугой, чтобы господа могли навещать своих дорогих покойников не покидая машин с кондиционерами, покуда не приблизятся к могилам на расстояние в десять шагов. Возле каждого ряда из десяти памятников припарковано по машине, и тут же кто-нибудь кладет цветы на могилу, или зажигает красную свечу, или дергает сорняки у надписей. Здесь нет деревьев, и солнце бьет прямо в траву, вечно зеленую траву, ведь ее поливают могильщики, да и удобрений внизу хватает. Мы со свистом несемся мимо вереницы могил, смеясь и болтая, перекликаясь друг с дружкой. Никакого неуважения к умершим:

люди, стоящие там и сям над могилами, не обращают на нас внимания, наверное потому, что не замечают солнечного света и их мысли блуждают где-то далеко в тумане. Краем глаза смутно успеваешь разобрать надписи на камнях: Венциале, Мерта, Кейн, Гинтер, Маккэн, Макклоски, Салливан, Фуди. Внизу надписи, вроде ДА ПРЕБУДЕТ ОН В СВЕТЕ ГОСПОДНЕЙ ЛЮБВИ, ВСЕМИ ЛЮБИМЫЙ И ЛЮБОВНО СОХРАНЯЕМЫЙ В ПАМЯТИ. Слово любовь встречается на кладбище через каждые пять футов, в сто раз чаще, чем слышишь или видишь его в жизни, и вот чего я никак не могу понять: какого хрена все ждут смерти человека, чтобы потом признаться ему в любви.

После пяти минут энергичной езды на запад от Ав с ее автомобильным ревом мы сворачиваем влево во внутреннюю часть кладбища. Здесь уже пострашнее. Отсюда по-прежнему видно Ав и приходскую школу с прилегающим двором, расположенные непосредственно на территории кладбища, но тут мы уже на пороге другого мира. Могильные плиты здесь настолько древние, что при их виде невольно бросает в дрожь. Впереди, ближе к Ав, даты жизни колеблются от 1910 до 1978 или там от 1915 до 1981, примерно так. Трава хранит гладкие серые камни, на которых всегда

свежие цветы. А вон тут одни сплошные склепы, каждый размером чуть не с весь наш дом, а над входами — с размахом выгравированные имена вроде Макмануса. Внутри там забавно пахнет, если, конечно, кишка не тонка просунуть голову между досок, закрывающих оконные, по всей видимости, отверстия. Сегодня у нас тонка, поэтому мы продолжаем двигаться дальше, как хорошие солдаты на плохих — несмотря на звонки на рулях, флаги на сиденьях и фотки бейсболистов на спицах — велосипедах.

После склепов начинаются плиты уже скорее коричневого, чем серого оттенка, с датами вроде 1808–1848 и с овальными фотографиями покойников, больше смахивающих на бандитов с Дикого Запада. Есть могилы и без плит — просто ряды торчащих из земли во все стороны серебристых крестов да стершиеся от времени статуи, больше смахивающие на адовых демонов, нежели на святых. Кругом полно битых пивных бутылок, оставленных подростками, которые курят здесь травку и пьют пиво, пока копы всех не разгонят. Сейчас здесь хоронят только тех, у кого нет денег на место поближе к дому, к Ав да и вообще к жизни.

В их числе Мэган О'Дрейн, чье надгробие то-

же находится тут, в углу кладбища, как раз у поворота налево, назад к Ав, к злобным звукам жизни. Стивен здесь, он приходит сюда каждый день и сидит вот так, на траве, скрестив ноги, а рядом с ним скрючился на корточках, как бейсбольный кетчер, отец С. Томас Альминде, OSFS[14], — молодой священник с аккуратной короткой стрижкой, который бьет детей в приходе и муштрует церковных служек. Он лепил что-то Стивену в правое ухо, но потом оба услышали звук приближающихся велосипедов. Теперь они наблюдают, как мы подъезжаем. Арчи посылает воздушный поцелуй могиле сестры, но больше никак своих чувств не проявляет. Священник одобрительно кивает и продолжает смотреть на нас, не говоря ни слова. Стивен смотрит на меня и на Сес в хвосте компании своими большими глазами, в которых давно поселилась боль. Кажется, вот-вот улыбнется, но тут он вновь переводит взгляд на могильную плиту, и мы поворачиваем налево к Ав.

— Эй, красотка, — поворачиваюсь я к Сес, которая несется вперед, грустная-прегрустная, глядя

[14] Примечания: 14

Аббревиатура, означающая, что данный священник выполняет дополнительную социальную нагрузку по работе с детьми из неблагополучных семей.

прямо перед собой. Маленькие ножки работают так, будто она взбирается на гору в «Тур де Франс». Я замедляюсь, чтобы она могла со мной поравняться.

— Да, это я, чем могу помочь? — спрашивает она, все еще глядя перед собой.

— Нет, я, — говорю я ей. — Я увидел себя в твоем зеркале на руле.

— Ах, ну да, — говорит она, и на ее серьезном личике уже готова снова появиться улыбка, обнажая прогалины между зубами, через которые спокойно пролетит теннисный мяч. — У меня что, зеркало не в порядке?

— Хрена там, не в порядке, — сообщаю я ей. — Сес, сколько ставишь, если я сделаю стойку на руках на велосипеде, потом перекувырнусь на твой, а потом кульбитом к Джеймси на голову и к Арчи на колени, и все это не сбавляя скорости?

— Ставлю сто миллионов миллиардов долларов, что не сможешь, — хихикает она, — но у тебя столько денег нет, и у меня тоже. Так что езжайка спокойно, приятель. Мне нравится, когда ты рядом, особенно в целом виде.

— Да, мне тоже, — отвечаю я, мы улыбаемся друг другу, я выжидаю момент, чтобы ее обнять. Велосипедные шины шуршат дальше в сторону

Ав, в сторону Никльбэк-парка, прочь от гнетущего мертвого кладбища.

Парк начинается сразу за кладбищем и дальше переходит в лес. Велосипедная дорожка пересекает тротуар, и ты мчишься по ней с пятидесятифутового холма прямо в гущу деревьев. Как только мы выезжаем на тропу, Гарри останавливается и вытягивает руку, указывая нам на ручей, бегущий у подножья холма слева от нас.

— Смотрите, как солнце отражается в воде от тележки наверху, — говорит он.

Мы любуемся на отражение магазинной тележки на колесах, сверкающее, словно алмаз.

— Вы только посмотрите на эти шины с левого боку, — говорит Арчи. — На вид им лет десять, а в воде выглядят как новенькие. Вот бы мне на кресло такие.

Мы дружно охаем и ахаем от восхищения.

— Природу надо любить, — говорит Грейс, щелчком отправляя окурок на дорожку. — Нет желающих вернуться и погулять по улице Святого Патрика?

Мы оглядываемся туда, где гудят машины и искрят троллейбусы, а потом со смехом несемся дальше по тропе. Поначалу здесь шумно и небезопасно. После первого поворота у водопада

тусуются пуэрториканцы. Они курят травку, расписывают граффити стволы деревьев, жарят ребрышки на мангалах и слушают оглушительную музыку, где ничего не разберешь из-за обилия всевозможных рожков и барабанов. Они прыгают в воду прямо в одежде, а иногда метлами сбрасывают белых с велосипедов и крадут колеса. Мимо пуэрториканцев нужно ехать быстро и смотреть прямо перед собой, не забывая при этом украдкой поглядывать по сторонам, чтобы вовремя заметить голову, высовывающуюся из-за дерева с метлой, и успеть развернуться. Летишь мимо них, потом по деревянному мосту через ручей, где от тряски приятно вибрирует в ушах.

Когда едешь под деревьями, светотень играет на лице. Обычно белые дальше не суются. Сюда быки в футболках «Харлей» ходят выгуливать без поводков своих псин. Еще здесь бегают разные тощие лысые лохи в коротеньких шортиках и без верха; если повезет, можно увидеть, как на такого нападает немецкая овчарка — очень забавное зрелище.

Дальше долгий подъем, приходится сильнее работать педалями. Потом круто направо, вниз по холму, мимо большой эстрады, где плохие фолк-исполнители поют песни Вуди Гатри и Пита

Сигера под жидкие аплодисменты трех десятков безработных синяков, сидящих на траве поблизости. Дальше идет длинный и солнечный прямой участок, который заканчивается еще одним вибрирующим в ушах мостом, потом поворот налево, и сразу же второй водопад и новая партия травокурящих, велокрадущих, древорасписывающих пуэрториканцев, мимо которых нужно опять-таки пролететь на скорости до того места, где тропа вновь ныряет в тень и начинает виться между деревьев. Под бетонной аркой хорошее эхо, и можно, проезжая под ней, крикнуть *йоу* или *жопа* — получится смешно.

После арки лес начинает сгущаться, постепенно людей вокруг становится меньше, потом они исчезают вовсе. Остаешься только ты сам, шестеро твоих лучших приятелей да Мать-Природа. Здесь кора у деревьев твердая и коричневая, и на ней нет никаких сердец с надписями вроде ХУЛИО ЛЮБИТ МАРИЮ. В воздухе пахнет жимолостью. По обеим сторонам тропы сквозь широкий травяной ковер пробиваются желтые и фиолетовые лесные цветы. Деревья расступаются — солнце пригревает нам спины и головы, — затем вновь начинают толпиться у тропы, нависая над нами, словно плакучие ивы, словно в танце. Заслышав

звон побрякушек на наших велосипедах, олени перестают жевать ягоды и несутся к воде. Мы зовем их, нежно, с любовью. Просим не пугаться. Сегодня здесь нечего бояться. Сес говорит мне: «Смотри, Генри, я еду с одной рукой и ко мне на корзинку приземлился листочек». Марджи Мерфи в целях безопасности показывает руками сигналы поворотов. Бобби Джеймс на ходу рвет ягоды с кустов и кидается ими в защищенного шлемом Гарри, который не обращает внимания на эти покушения, чтобы не уронить Арчи. Арчи задирает руки вверх каждый раз, как его кресло катится под гору. Грейс едет без рук и курит одну за одной, запрокидывает голову, чтобы выдохнуть дым прямо вверх, и смотрит на синее небо.

Я гляжу на это и чувствую, что все кругом — любовь, и это все я люблю в ответ. Высокие деревья, свежий воздух, раздолье и тишина. Умиротворение. Никаких битых бутылок и покореженных машин. Никаких баров на углу и магазинов «Всё по доллару». Только я, моя сестра, мои друзья вдали от городской толкотни. Все, кого я люблю, счастливы и влюблены в кого-то, кто с ними рядом, здесь, в лесу — а может, и на ферме — в окружении цветов, деревьев, зеленой травы, и Грейс Макклейн рядом со мной, любит меня. Я

еду на велосипеде по лесу, и все это здесь, прямо передо мной. Я все это вижу, чувствую на вкус, ощущаю повсюду, даже кончиками пальцев рук и ног. Не существует ничего, способного разрушить это чувство во мне.

Ничего, кроме Горы, словно разбойник поджидающей велосипедистов на шестой миле лесной тропы. Вышиной она миль в сорок и такая крутая, что, когда штурмуешь ее на велосипеде, кажется, будто въезжаешь по стене на колокольню церкви Святого Игнатия. Те из нас, кто на велосипедах, способны на такое, хоть и трудно придется, а вот у Гарри с Арчи, похоже, намечаются проблемы. Мы сворачиваем с тропы, не доезжая ярдов пятидесяти до подножья Горы, чтобы посовещаться. Гарри полон оптимизма.

— Почему бы и нет? — говорит он. — За ланчем я употребил много углеводов. Я смогу.

— Мы верим, что ты сможешь, — нахмурившись, говорит ему Марджи Мерфи. Из нас всех она самая ответственная. То есть я хочу сказать, она здесь единственная ответственная. — Так зачем тогда пробовать, правильно? Давайте просто повернем обратно.

— Подожди-ка секунду, — говорит ей Бобби Джеймс. — Это ведь Америка. Если он хочет под-

няться на роликах в гору, толкая перед собой инвалидное кресло, это его право. Кто мы такие, чтобы его останавливать? Мы ж не коммуняки какие-то, — возмущается он, ратуя не столько за демократию, сколько за возможность посмотреть, как они навернутся.

— Генри, скажи хоть что-нибудь своим идиотам друзьям, — говорит Марджи, показывая на Бобби и Гарри.

— Я за них, — сообщаю я ей. — Гарри хочет попытаться — почему бы и нет?

— Спасибо, Генри, — говорит мне Гарри.

— Нет проблем, Гар, мы же с тобой друзья все-таки, — отвечаю я.

— Я ушам своим не верю, — жалуется Марджи. — Сес, тебе не кажется, что это попросту глупо?

— Нисколечко, черт возьми, — отвечает ей Сес. — Я верю в Америку, как Бобби Джеймс.

— Грейс, ну хоть ты меня поддержи, — умоляет Марджи, которой уже просто не к кому больше обратиться.

Грейс только смеется:

— Ну и вали отсюда, если что не устраивает. Жалко, я фотик не взяла.

— Просто невероятно. Вокруг одни идиоты, —

говорит Марджи точь-в-точь как ее мамаша.

— А мое мнение здесь кому-нибудь интересно? — спрашивает Арчи, пожевывая зубочистку.

Все умолкают и смотрят на него в ожидании вердикта.

— Я согласен.

Мы ликуем и хлопаем в ладоши, все, кроме Марджи, которая в отчаянии крутит пальцем у виска. Гарри предлагает нам въехать на Гору и ждать его там. Пыхтя и потея, мы ползем на велосипедах вверх по Горе, все, кроме Грейс, которая уже взлетела на вершину и, улыбаясь, ждет нас там и обзывает трусами и хлюпиками. Взобравшись наверх, мы подъезжаем к краю и смотрим на Гарри и Арчи и на ручей, текущий внизу и слева от нас, под пятидесятифутовым обрывом. Прямо посреди потока, по всей видимости не замечая нас, стоит пожилой пузатый чувак с густыми усами, в шляпе с провисшими полями и рыбацких сапогах; стоит, жует во рту сигару, прихлебывает из блестящей фляжки и громко беседует с Господом по поводу отсутствия в воде рыбы, а сам тем временем пытается поймать на муху хоть что-нибудь.

— Господи, если бы ты только знал, на что мне пришлось пойти, чтобы получить сегодня

отгул, — сообщает он. — И все только для того, чтобы посидеть тут и расслабиться. Я поменялся сменами с Майком Паттерсоном, а ты сам знаешь, какой он мудак. Право слово, легче самому себе зуб выдрать. Вдобавок мне досталась смена со сверхурочными. Босс посмотрел на меня как на шизика, когда я сказал, что затеял все это ради того, чтобы порыбачить в этой безрыбной луже. А потом и жена прознала, но что я тебе рассказываю — ты сам все видел. Конечно, некрасиво об этом напоминать, но ты уж не взыщи.

Он снова отвлекается на удочку, потом делает глоток из фляжки и продолжает свою речь.

— Она обозвала меня последним лентяем, — сетует он. — А я за тридцать лет излазил все, какие только можно, столбы, чтобы у всех телефоны работали. Один раз меня даже шибануло. Думаю, в тот раз мы чуть было с тобой не встретились. Вот уж что помню, так помню.

Гарри и Арчи несутся на всех парах по направлению к Горе. Арчи радостно улюлюкает, наслаждаясь моментом.

— Она застукала меня в супермаркете, когда я покупал хорошую мороженую кукурузу к рыбе. Фирменную. Если бы ты видел, что́ она мне устроила, то, наверное, подумал бы, что я совер-

шил какой-нибудь смертный грех. За тридцать лет я ни разу не поел чего-нибудь эдакого. Мои приятели все едят на завтрак «Чириоуз»[15] из ярко-желтых коробок. А мне достается жареный овес — крупные черные буквы на белой коробке. И разве я хоть раз возроптал? Нет. И она еще смеет тявкать на меня, как паршивый пудель, за то, что потратил лишних тридцать центов на пакет кукурузы, где нарисован здоровенный зеленый придурок в коротеньких подштанниках и с шарфом.

Арчи и Гарри уже у подножья Горы. Арчи воздевает руки над своей пустой башкой. Лицо Гарри — сама сосредоточенность. В середине подъема Гарри начинает выдыхаться.

— Господи, я прошу тебя об одной простой вещи. Просто дай мне поймать рыбу перед тем, как я вернусь домой к этой не закрывающей рта банши[16]. Всего одну. Хоть прилипалу, хоть баклешку, мне все равно.

Гарри и Арчи продолжают двигаться вверх по

---

[15] Примечания: 15

Товарный знак сухого завтрака в форме колечек из цельной овсяной муки и пшеничного крахмала с минерально-витаминными добавками.

[16] Примечания: 16

Привидение-плакальщица (в шотландском и ирландском фольклоре); опекает какую-либо семью и предвещает душераздирающими воплями смерть кого-либо из ее членов.

склону, как при замедленной съемке, причем Гарри напрягается так, будто толкает перед собой автомобиль. Преодолев три четверти пути, они застревают намертво.

— Ну, мы поехали, — улыбаясь нам, говорит Арчи.

— Нет, только не это, — вскрикивает Гарри по-девчоночьи, глядя на нас с ужасом, а мы все смеемся, машем ему руками и желаем счастливого пути. Они стремглав несутся с холма задом наперед. Охренительно смешное зрелище.

— Я согласен даже на гуппи, Господи. Или пошли мне с неба чертова кита.

Гарри и Арчи преодолевают звуковой барьер, запинаются о большой камень и падают в воду в десяти футах от рыбака, а тот от неожиданности подпрыгивает на месте, как поп-корн на сковородке, и роняет сигару и удочку. Сигара уплывает вниз по течению, удочка под углом выныривает из воды в паре футов от Арчи, который сидит в своем инвалидном кресле посреди ручья и ржет как ненормальный. Приводнившийся на лицо тремя футами дальше Гарри поднимается и на подламывающихся ногах направляется к рыбаку. Он снимает свои спортивные очки, чтобы вылить из них воду, вынимает пачку купюр из сумки-по-

яса и вытягивает из нее мокрую банкноту.

— Вот десять баксов, и мы замнем это дело, хорошо? — произносит он, падая на колени в мелкую воду, словно алкаш на берегу Иордана в ожидании, когда Иисус окрестит его в пиве.

После смертельного номера с погружением инвалидное кресло Арчи вышло сухим из воды, отделавшись восьмеркой на колесе и царапинами. Сейчас мы сидим в тени толстого дерева с большими листьями на другой стороне извилистой дороги в конце велосипедной тропы и в восьми милях от дома и смотрим на коров, которые пасутся вокруг и мычат, бля, за огромным забором на ферме. Арчи и Гарри разделись и щеголяют в белых трусах, пока их одежда сушится на валунах. Гарри достает из сумки-пояса пакет.

— Кто-нибудь проголодался? У меня есть семечки.

Следует дружный гул неодобрения.

— А что плохого в семечках? — обиженно спрашивает Гарри.

— Без сахара, — говорит Сес.

— Без жира, — говорит Арчи.

— Безо льда, — говорит Бобби Джеймс.

— Убери свои семечки, стройняшка, — говорит Грейс, копаясь у себя в рюкзаке. — У меня есть

молоко и кексы, — объявляет она, закуривает сигарету, вытаскивает упаковку «Магдаленас» и кварту молока и передает еду по кругу. Жизнь прекрасна. Мы откидываемся назад, наслаждаясь угощением — Грейс продолжает курить, — и отдыхаем: лениво, в полудреме, а коровы вокруг отгоняют мух шлепками хвостов и медленно пережевывают траву — морды у них тупые, как валенок.

— Генри, а что это такое у коровы внизу? — спрашивает Сес.

— Это у нее яйца, — отвечает ей Грейс и кладет мою голову себе на колени, прежде чем я успеваю сказать ей, что не нужно говорить Сес такие вещи. Господи Иисусе. О чем бишь это мы? А, да, про коров и про яйца.

— Это вымя, Сес, — с трудом говорю я сестре, поскольку перед моим мысленным взором по небу проносятся стаи взведенных членов. — Гарри, кинь мне свой шлем, — говорю я и пристраиваю его себе по центру.

— Если хочешь знать, что такое яйца, посмотри вон туда, — говорит ей Бобби Джеймс, указывая на Гарри, который в это время поднимает

танкетки[17] и проверяет сохнущую одежду. Он нагибается, и сзади, на трусах «Вилланова уайлдкэтс» расправляется слово ЗАЩИТА. После того как все отхохотались, Марджи Мерфи кладет голову Бобби Джеймса себе на колени.

— Генри, а что такое яйца? — спрашивает Сес.

— Да так, ерунда, — отвечаю я ей, смахивая у нее с губ кокосовую стружку. — Помнишь, вчера я тебе рассказывал, как фермеры получают молоко из вымени?

— Ты сказал, что они его *выжимают*, — улыбается Сес, со своими хвостиками похожая на хоккеиста. — Ребят, а вы можете вынуть Арчи из кресла, чтобы он мог положить голову мне на колени?

Мы с Гарри приподнимаем Арчи, который краснеет так, что даже под темными очками заметно, и кладем его головой на колени Сес. Потом я снова падаю рядом с Грейс и возвращаю все по местам: голову — ей на колени, шлем — чтоб прикрывал стоячий член, который исполняет у меня в штанах нечто похожее на ча-ча-ча: пам-пам-пам-пам-пам-па!

— Приятно хоть иногда выбираться из крес-

---

[17] Примечания: 17
Вид спортивной обуви.

ла, — говорит Арчи, ловя ладонями мошкару.

— Генри, а вся эта земля — она что, принадлежит одной семье? — спрашивает Сес, глядя на ферму.

— Скорее всего, да, — отвечаю я.

— И вон там, где трава за забором, — это тоже их двор?

— Ага.

— Прям всё-всё?

— Угу. Всё их.

— И тут всегда так тихо и мирно?

— Конечно, всегда.

— Тогда почему все не живут на фермах? — спрашивает она, и я не могу удержаться от смеха.

— Да какие-то они странные, эти фермы, — говорит ей Грейс, играя с моими волосами.

— Что значит странные? — тут же встревоженно переспрашиваю я.

— Странные, как будто там кто-то *живет.* Все так тихо и открыто. Мне было бы страшно там ночевать.

— А вот и не было бы, — убеждаю я ее. — Ты бы жила там со своим мужем. Вы будете сидеть у порога, держась за руки. Ты будешь засыпать у него на плече, и он будет обнимать тебя и чув-

ствовать твои мягкие волосы у себя на щеке и нюхать, как пахнет шампунем. Ночью на дворе будет светло от звезд, и тишина, и никаких драк. Ты будешь жить одной любовью. И вокруг не будет ничего страшного и странного, — говорю я с неподдельным жаром.

— Господи, Хэнк, — говорит мне Грейс, — ты говоришь так, будто про нас с тобой.

— А что если б и так? — спрашиваю я, улыбаясь, и не мигая смотрю прямо ей в глаза.

— А, поняла. Я подыграю, — говорит она, широко улыбаясь мне в ответ. — Значит, если мы с тобой поженимся и будем жить на ферме, то, если ночью мне станет страшно, ты меня защитишь? Верно говорю?

— Да, куколка, совершенно верно, — сияя, подтверждаю я. — Я, Хэнк Тухи, буду твоим защитником.

— О, мальчик мой. Но нам понадобится еще и собака, — продолжает она, правда, с ухмылкой. А глаза так и пляшут на мне.

— Заметано, — говорю я. Все, что только Грейс не пожелает.

— И пара охранников.

— Заметано.

— И может, еще танк и ручные гранаты. А, еще

тигр.

— Все заметано.

— Ну вот и ладненько, — смеется она. — Тогда как только — так сразу, Хэнк.

— Круто, я придумаю что-нибудь особенное, — говорю я.

— Например? — приближая лицо ко мне и выпуская дым изо рта, спрашивает она.

— Ну не знаю. Может, песню спою или танец станцую на глазах у кучи народа.

— Клево, — смеется она. — Дай мне знать, когда соберешься, чтобы я могла принарядиться.

— Не выйдет, сладкая моя, — говорю я. — Это будет сюрприз. Кстати, тебе идет абсолютно все. Тряпки, мусорные пакеты. Абсолютно без разницы.

— Мусорные пакеты, — повторяет за мной Грейс; ее широкая улыбка сверху освещает мою — я все так же лежу у нее на коленях. — Ну, Хэнк Тухи, это уже слишком. — Теперь она улыбается еще шире и теплее, чем солнце над головой. Кажется, будто мне улыбается вечность, но тут до меня доносится голос Сес:

— Арчи, а ты как собираешься сделать мне предложение?

— Никак, — отвечает ей он. Она дергает его за

ухо. — Ай!

— О, я расскажу тебе, как это будет. Ты наймешь лодку на озере. На воде два ряда горящих свечей будут обозначать дорогу к центру озера. Ты отвезешь меня на лодке туда, мимо свечей, потом подаришь мне букет из дюжины роз, потом скажешь, что я самая красивая женщина в мире, и потом спросишь, не соизволю ли я стать твоей женой. И не спеши, спрашивай медленно, понял?

— Понял, — вздыхает Арчи.

— Вот и умница, — удовлетворенно заключает она.

— А я хочу сделать предложение своей будущей жене во время прыжка с парашютом, — заявляет Гарри.

— Ты хочешь сказать — будущему мужу? — уточняет Бобби Джеймс.

— А мне не важно, как мне будут делать предложение. Я просто хочу быть всегда любимой, — говорит Марджи, — и счастливой. Я хочу выйти замуж и жить счастливо в браке, а не просто лишь бы замуж.

Она смотрит вдаль, туда, где виднеется дом на ферме, и, наверное, мечтает о своей будущей любви и о жизни вдвоем. Чтобы было не так,

как у родителей. Похоже, мы все малость этим грешим. На некоторое время все замолкают. Девчонки перебирают наши волосы. Гарри демонстрирует боевые стойки. И никто не бьет его за это по рельефно выступающим шарам. Иногда только замычит какая-нибудь корова, и мы тихонько смеемся. Теплый ветер шелестит травой и листвой. Солнце пропекает нас, как печенье в духовке. Видно, как по дороге из города тихонько сматываются машины-универсалы, груженные счастливыми семействами, которых ждет впереди фантастический выходной в ресторане, куда пускают только в ботинках и белой рубашке. Грейс наклоняется ко мне. На лице улыбка. Темные волосы щекочут мне щеку и кажутся рыжими от солнца, которое прячет в тень ее лицо, а голову освещает будто нимбом. Проходит час, возможно, два. А мы всё лежим и лежим молча, увлеченные нашей любовью, влюбленные в жизнь. Потом, спустя некоторое время, мы встаем, все так же не говоря ни слова, и отправляемся обратно в город, на улицу Святого Патрика. На обратном пути нет крутых подъемов. Самое трудное позади. И так чуть не угробились на фиг.

Все восемь миль обратного пути мы проезжаем

в грустном молчании. Вокруг снова начинают всплывать звуки города. Трава и стрекот кузнечиков уступают место реву машин, резким выкрикам, продуктовым тележкам и разрисованным из баллончиков деревьям. А потом раз — и мы уже вернулись. Проезжаем по кладбищу: Стивен уже отошел от могилы ярдов на двадцать и плетется по направлению к Ав — наконец отправился домой. Мы стоим на светофоре на улице Святого Патрика. Парень на десятискоростном велике лупит кулаком по двери машины, которая чуть его не сбила. Когда мы переезжаем через дорогу, он уже ругается и дерется с водителем. И вновь улица Святого Патрика, где ряды однотипных домов на зеленых пригорках отбрасывают тень на дорогу. Едешь на велосипеде и стараешься не смотреть по сторонам, потому что, куда ни глянь — кругом святые на газонах размахивают табличками «Мондейл-Феррaро», словно озлобленные профсоюзные рабочие в нелепом пикете.

7

Двое парней с девушками подходят к прилавку в «Музыкальном магазине Мауса Макгинли», что на Фрэнкфорд-ав у самого поворота на Святого Патрика, в самом сердце Холмсбурга. Парням на вид лет по двадцать пять, прикид как у бухгалтеров с жиденькой шевелюрой, которые перед сном всегда читают Библию. У обеих девчонок — одна блондинка, другая брюнетка — классические сиськи не меньше четвертого размера. Простые блузки и юбки ниже колен; зевают. Появляется хозяин, Маус Макгинли, худой чувак слегка за сорок, тоже одетый на манер лысоватого бухгалтера.

— Привет, — как зомби произносит блондинка. — Мы бы хотели купить музыкальные инструменты, чтобы стать рок-группой и играть настоящее рубилово. Только вряд ли ты предложишь что-нибудь приличное — больно уж смахиваешь на библиотекаря.

— Внешность может быть обманчивой, дорогуша, — отвечает Маус, прищелкивая пальцами. Теперь на нем, вместо рубашки, застегнутой на

все пуговицы под джемпером, и широких брюк цвета хаки, серебристый с блестками костюм в обтяжку без рукавов, а в придачу к нему — накидка с капюшоном и сапоги на платформе. В руках электрогитара с декой в форме V, на которой пламенеющим шрифтом написано «Маус». Он играет «Purple Haze» Джимми Хендрикса, извиваясь в такт музыке. Потом прерывает игру и с улыбкой смотрит на впечатленных посетителей.

— Вау, — так же тупо, как и блондинка, произносит брюнетка, — а можно мы тоже?

Маус опять щелкает пальцами — и вот четверо дебилов уже на сцене: в фиолетовых обтягивающих комбинезонах, трое с гитарами, один на барабанах. Они лабают «Purple Haze», как Маус минуту назад, а тот стоит и покачивает над головой огоньком зажигалки и рубит воздух кулаком. Музыка постепенно стихает, и голос за кадром говорит: *Музыкальный магазин Мауса Макгинли, угол Фрэнкфорд и Святого Патрика, зайди прифигеть всей компанией — уйдешь как в багровом тумане.*

— Ну что, ребят, как вам ролик? — Маус вопросительно смотрит на меня, Гарри, Арчи и Бобби Джеймса, который распрощался с дружками в конце квартала, чтобы отправиться вместе с

нами на Ав по свадебным делам. — Или, думаете, слишком того? — с тревогой спрашивает он, стоя за прилавком и держа руку на телевизоре. Маус, умеющий играть на любом инструменте и в равной степени балдеющий от Джимми Хендрикса, Джона Леннона, Чарли Прайда и Чарли Паркера, стоит перед нами в том же бухгалтерском прикиде, что и в рекламе.

— Здоровско, — говорю я ему.

— Так и знал, что тебе понравится, Генри. А вы что думаете, ребята?

— В целом мне понравилось, но вот следующий вполне можно бы сделать при содействии моей службы ландшафтного дизайна.

— Большие сиськи у телок — это плюс. Но могли бы быть и побольше, сиськи, в смысле, — заявляет Бобби Джеймс.

— Неплохо бы добавить трюков в инвалидном кресле. Парочку моих, например, — добавляет Арчи.

— Все понял. Служба ландшафтного дизайна, сиськи побольше, прыжки в инвалидном кресле. Сейчас, Генри, я тебе кое-что покажу, — говорит Маус, ныряя под прилавок, и достает оттуда четыре пластинки. Первая называется «Pan, Amor y Cha Cha», это испанская телка Эбб Лейн с шарами

третьего размера, темными волосами и великолепной задницей. На обложке Эбб стоит боком в золотистом платье, запустив руки себе в волосы и приподняв их так, что видно шею и лопатки, и смотрит в объектив с видом «Генри, дай мне в рот». Я почти слышу, как она мне это мурлычет. И как этажом ниже работает у меня в трусах подъемный механизм.

— Привет, детка, — очень ласково здороваюсь я с ней. — Ничего так, Маус, совсем даже неплохо.

— А как насчет этой? — спрашивает он.

Маус накрывает обложку следующей пластинкой. Альбом «Havaiian Paradise» группы «Хавайан айлендерз». Гавайская девочка в травяной юбке закинула руки за голову, ее шарообразные сиськи прикрыты одним только цветочным венком, какие раздают всем при выходе из самолета. И за это я ненавижу сейчас всех гавайцев. Но какую-то часть буферов разглядеть все же можно, так что не совсем уж все упущено, и мой член подрастает еще немного.

Маус перебирает стопку, вытягивает еще одну пластинку, и у нас перехватывает дыхание. Факты: группа — «Перкашн попс оркестра» Дика Шорки; альбом — «Holiday for Percussion»; на обложке — одна голая телка. Да, бля, ты не ослы-

шался, голая телка — все видно от талии и выше — стоит боком, слегка откинувшись назад, идеальный большой рот. Длинные прямые волосы спадают на сиськи. И за это я ненавижу сейчас все длинные волосы, но не настолько, чтобы не дать пять троим чувакам, стоящим рядом со мной. Вот теперь у меня встал по полной, так, что даже больно. Голова раскалается.

— И напоследок самое лучшее, — произносит Маус. — Зацените.

Маус медленно достает добивающую. «Music of the African Arab», Мохаммед Аль-Баккер, с виду ослоторговец, и его «Ориэнтл энсембл». На обложке ослодилеры свистят телке, которая танцует на столе. На ней широкие штаны, в каких исполняют танец живота. Живот голый. Так же как и, о Господи, левая сиська и сосок. Левая сиська и сосок. Левая сиська. Сосок. Тьма перед глазами.

Тьма спадает, и я вижу четыре силуэта на фоне крутящихся лопастей вентилятора на потолке. Я моргаю — и вот уже могу различить Мауса, Гарри, Бобби Джеймса и Арчи, которые сгрудились надо мной и встревоженно на меня смотрят. Слабая струя прохладного воздуха от вентилятора овевает мне лицо.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Ты упал в обморок, — отвечает мне Гарри.

— В обморок. Господи боже, — говорю я. — Я что, выглядел как полный придурок?

— Нет, все-таки лучше, чем Гарри, — говорит Бобби Джеймс. — Он вскрикнул и закрыл лицо руками.

— Неправда, — возражает Гарри, все еще сопя себе в ладони.

— Заткнись. Я говорю — закрыл, вон и сейчас еще… — говорит Джеймси.

— Да, ну и что с того? Сам заткнись.

Джеймси бросается через меня на Гарри, и, лежа на полу, который кажется мне сейчас таким же мягким, как моя собственная кровать, я вижу, как он вцепляется ему в горло, пытаясь задушить, но тут подходит Маус и их разнимает.

— Ладно, ладно, ребят, успокойтесь, — говорит он им. — Давайте поможем Генри подняться.

Гарри, Джеймси и Маус поднимают меня за руки и сажают на стул. Арчи подкатывает ко мне с банкой газировки, с пшиком открывает ее и протягивает мне.

— Спасибо. Что у меня на голове? — с беспокойством спрашиваю я у них. Мне сейчас очень нужен прямой и честный ответ.

— Все нормально, — отвечает Маус. — Волосок

к волоску. И все же, думаю, не стоит больше тебе показывать обложки с альбомов.

— Тогда я их у тебя куплю, — говорю я. — Буду на них любоваться перед сном.

— Генри, я не хочу быть в ответе за твои отрубы, — возражает мне он.

— Клянусь, это только по первому разу. Продай, прошу тебя. Умоляю.

— По первому разу? На *той неделе* ты точно так же грохнулся, когда я показывал *другие* обложки. Кроме того, это вещи коллекционные. Стоят, наверное, целое состояние, — заявляет жадный до баксов Маус, мгновенно превращаясь в торгаша, который всем своим видом хочет сказать «сколько предлагаешь».

— Я дам два бакса за все четыре.

Маус смеется:

— Да ты что, а может — шестнадцать за все?

— Четыре бакса, — повышаю я цену.

— Восемь, — отвечает Маус.

— Шесть.

— Семь.

— Согласен. Карран, заплати ему, — говорю я.

— Дайте-ка я вам еще кое-что покажу, ребята, — говорит Маус, загребая денежки Гарри. И ведет нас в дальний угол магазина, где вдоль стены

стоят в ряд электрогитары. — Вот, только что получил этих деток. Это Фендер, вишня, юзаная, струны перетянуты, пара царапин сзади. Это соло, тридцать баксов. А вот фоновый бас, точь-в-точь как у Пола Маккартни, только не настоящий Хофнер. Тоже юзаная, перетянутая и поцарапанная, тоже за тридцать баксов. А это ритм, с автографом брата второй жены Тайни Тима: сорок баксов. С этими тремя гитарами вы, ребята, в одной барабанной установке от создания самой настоящей группы. Сто баксов всё вместе, но я уступлю за девяносто пять, без налогов.

— Нет, спасибо, не сегодня, — говорит Гарри. — Мы насчет группы для Генри на завтра. Хотим уточнить: готовы они завтра прийти и сыграть, не передумали?

Маус играет на саксе в большой группе, которая исполняет всякое дерьмо вроде Томми Дорси, музыки из телешоу и баллад Синатры. К чести Гарри нужно сказать, что это он с ними договорился на завтра.

— Мы придем, — говорит Маус. — Генри по-прежнему собирается петь «Далеко за синим морем»?

— Да, а как же, — отвечает Гарри. — А вы-то ее играете?

— Такое дерьмо мы и во сне сыграем, — хвастается Маус.

— Отлично, — говорит Гарри. — Во сколько вы появитесь?

— В восемь сорок и к девяти состроимся. Пойдет?

— Все слышал, Генри? В девять вечера, согласен? — спрашивает меня Гарри.

— Да, любое время покатит, — говорю я ему.

Маус скрещивает руки на груди и украдкой косится на меня, пока я причесываюсь.

— Любуешься моей красотой? — интересуюсь я. — Не хочешь фотку на память?

— Нет и нет. А движения для песни уже отработал?

— Угу. Репетировал каждый вечер, — говорю я.

— Ты и правда собираешься завтра сделать предложение этой детке?

— Ага.

— Еще раз — как ее зовут? — с улыбкой спрашивает он.

— Грейс Макклейн.

— Очень похоже на то, как я сам делал предложение, — говорит Маус, беря в руки акустическую гитару без струн. С мявом выскакивает его кошка Диззи. — Вот ты где, Диззи.

— Ты делал предложение? Никогда не видел твою жену, — говорю я.

— Потому что она ушла от меня десять лет назад, когда тебе было сколько? Три? Четыре?

— Три, — отвечаю я. — Прости, что спросил.

— Нет, все путем, — говорит он. — Мы с ней десять лет прожили до того, как она ушла. И надо сказать, эти десять лет были лучше некуда. Если точнее, то девять.

Он улыбается — печальной, но какой-то светлой улыбкой — и берет свою струнную акустику. Усаживается на прилавок рядом с Диззи и поет ей битловские «Восемь дней в неделю», тихо так, мягко, — а мы все стоим и смотрим на него, и нам радостно.

— Маус, а как ты делал ей предложение? — прослушав песню до конца, спрашивает Гарри.

— Я целиком проиграл на саксофоне альбом «Love Supreme» Джона Колтрейна у нее под окошком, — говорит Маус, глядя в окно магазина так, будто его предложение — сцена из фильма, а окно — экран в кинотеатре. — Сыграл, наверное, раз десять подряд, а она просто сидела на подоконнике и смотрела на меня.

— А как ты перешел от игры к предложению? — спрашивает Бобби.

— Ее отец запихал грейпфрут мне в саксофон, и тут я сделал ей предложение. Он сказал *О нет,* а она сказала *О да,* и через три месяца мы поженились и жили счастливо девять лет.

— А что потом пошло не так? — спрашивает Гарри; для него не существует вопросов, которых нельзя задавать.

— Да все не так. Или ничего? Не знаю. Любовь — это загадка. Вот суть сегодняшнего урока.

Он отставляет гитару и берет Диззи на руки. Диззи издает полумяукающий-полуурчащий звук, как будто только что слопала птичку в один присест.

— Мне жаль, что так вышло, Маус, — говорю я ему.

— Спасибо. Всё в норме. Всё зашибись. Хотите, сыграю что-нибудь из Хендрикса?

Мы хором кричим да.

— Отлично. Подождите, сейчас вернусь, — говорит он нам.

Маус исчезает в задней комнате и вскоре возвращается в своем суперменском прикиде, как в рекламе, но волосы по-прежнему зачесаны набок. Он проходит вглубь магазина, где есть маленькая сцена и на стене, затянутой черным бархатом, висит неоновая вывеска с надписью МАУС. Он

щелкает выключателем, чтобы зажечь имя на стене, потом с нарочитым акцентом, прямо как у Хендрикса, спрашивает в микрофон: «Как у нас настроение сегодня вечером?», будто нас здесь не четверо, а все сорок тысяч. Мы беснуемся, и Маус говорит «хорошо», точь-в-точь как Джимми. Берет стоящую у бархатной стены гитару с декой в форме V и включает ее в сеть. Слышится треск и жужжание. Он продевает голову в ремень, пробует струны и винтит колки туже некуда.

Потом он отступает вглубь сцены, бешено долбя пальцами по струнам — кажется, будто в магазин въехал чудовищных размеров грузовик с космическим глушителем, из которого доносится неплохой блюз. Маус рвет тему так, словно его ужин поставлен на карту, совершенно не попадая в ноты и совершенно не парясь по этому поводу. Он играет соляги, стоя на коленях, и заканчивает, уже играя у себя за спиной. За все это время не бросив на нас ни единого взгляда. Звук еще доносится из усилителей, а он кидает гитару на сцену и удаляется в заднюю комнату, а мы бесимся и шалеем от восторга.

Возвращается Маус — опять в своей бухгалтерской одежде — и утирает пот со лба непомерных размеров платком. Он отключает гитару, ставит

ее обратно на стенд и идет к витрине, чтобы выглянуть в дверь, за которой нет никого, кто желал бы войти, но это его нисколько не волнует. С улыбкой на лице Маус подходит к маленькому холодильнику, укрывшемуся за прилавком, достает из него кварту молока и наливает в миску для Диззи, которая тут же спрыгивает на пол, чтобы попробовать, что ей там такое перепало. Он ставит молоко на место и берется за саксофон, отливающий золотом как крыша какого-нибудь «сгустка мышц»[18].

— Вам, ребята, еще что-нибудь нужно? — спрашивает он у нас.

Мы отвечаем не-а.

— Тогда извините нас с Дизз, но нам нужно побыть с ней наедине.

Маус принимается играть самый известный альбом Джона Колтрейна «Love Supreme», тот самый, который он играл своей жене, стоя у нее под окном, когда делал ей предложение за десять лет до того, как они разошлись. Но ведь он прав. Все равно это благо — любовь. Мы выходим из магазина, и вслед за нами — грустные звуки

---

[18] Примечания: 18

Двухдверный спортивный автомобиль с непропорционально мощным двигателем и усиленной подвеской. Концепция такой машины разработана в США в начале 60-х гг. Типичный пример — «понтиак ГТО».

саксофона. Они поднимают нас и несут назад на улицу Святого Патрика, словно фуникулер на лыжном курорте, словно облака, словно волшебный ковер с подушками для ног и сиденьями с подогревом.

В прошлом году Сесилия Тухи повела нас с Сес в Филадельфийский музей изобразительного искусства в часы бесплатного входа, то есть в воскресенье утром. Пока мы были там, я увидел самое прекрасное из всего, что когда-либо видел в жизни. Нет, я не про живопись: живопись — дерьмо, нагоняющее на меня тоску. Портреты всяких ослов с бакенбардами, которые выпучив глаза смотрят на молодых художников, снимающих с них копии. Китайские вазы, которых не моги коснуться. Фрески, на которых семьсот голых болванов возносятся к Богу, а тот сидит верхом на облаке и знай себе почесывает золоченую задницу палочкой из слоновой кости. Жуть как смешно.

Ну, в общем, стоим это мы потом у входа. Мы с Сес раз сто пробежали вверх-вниз по ступеням как Роки Бальбоа, а Сесилия все это время улыбалась, курила и общалась с каким-то хреном с хайром как у телки, который ей втирал про то, что скоро заканчивает школу и дальше собира-

ется в Пенн[19]. И тут я вижу, как телка в бикини расшнуровывает кроссовки в каких-нибудь десяти футах от меня. Она только что вернулась с пробежки. Ее сиськи мирно свисали, словно свежие фрукты, испещренные капельками росы, пока она завязывала шнурки на туфлях. Что это были за сиськи! Великий Боже! Мне хотелось подойти и подержать их, освободить ее согнутую спину от их бремени на время, пока она до конца не затянет шнурки.

Я торчу от сисек. Существует великое множество их разновидностей. Надувной пляжный мяч, или арбуз, или дирижабль, или теннисный мяч. Есть и специально созданная для тринадцатилетнего сатирика, при виде такой тянет смеяться и плакать одновременно, она жутко большая и пружинистая, и полна любви, как пончик с кремом. А есть сиська локомотивная, заостренная такая, с яркими огнями, которая мчится впереди задницы прямо тебе навстречу, и так и хочется, словно птенцу, раскрыть клювик и встать у нее на пути. Существует также кенгурячья сиська, которую можно оседлать и в два прыжка ускакать на ней прямиком в солнечную Австралию.

---

[19] Примечания: 19
Университет штата Пенсильвания, один из лучших в штате.

Есть еще сиська размером со всю планету Земля, подвижный центр всего живого, истинный источник живительного воздуха, сиська сухая и вместе с тем влажная, грозная и безопасная, сиська, способная извергаться будто вулкан, сиська, заставляющая трепетать перед ней, как кролик перед удавом, и при этом любить ее все сильней, когда член распирает настолько, что им хоть софтбольный мяч в центр отправляй, и когда пот льет со лба градом, и только и молишь Господа о том, чтобы он поразил тебя громом небесным до того, как сам взорвешься, словно фейерверк в бункере. Мать моя женщина. Вот такую сиську имеешь в виду, когда, делая заказ на дом из сисечного магазина, говоришь в трубку: «Привезите мне тупую второкурсницу с огромными сиськами». Вот о чем мечтает такой озабоченный ублюдок, как я.

Примерно этим и были заняты мои мысли, когда я заявился на семинар по снятию лифчиков к дому Шеймаса О'Шоннеси, которого все почему-то (хрен его знает почему) привыкли тюкать с утра до вечера. *Чем раньше, тем лучше,* заявил мне мой одногодок Шеймас двадцать минут назад, в рубашке и при галстуке расставляя складные стулья на газоне вокруг статуи святого

Блеза, у которого лысина на голове и по свече в каждой руке в знак того, что он — покровитель всех драных глоток на свете. Шеймас брал по пять долларов за билет на сегодняшнее представление, потому что хочет начать копить деньги на поступление в духовную семинарию и потом стать священником. Он живет через дом от нас и по соседству с Фрэнни Тухи, который, в свою очередь, живет по соседству с нами. Как только Шеймас сообщил мне об изменении графика, я криком известил об этом Бобби Джеймса, который в это время мыл велосипед у себя на веранде. Вот он уже возле моей двери, только что из душа, в рубашке с воротничком и плиссированных шортах и с кожаной папкой и ручкой «Филлиз» в руке. У меня ручка «Сиксерз» и точно такая же папка, но, в отличие от Бобби Джеймса, я не принимал душ и не переодевался. Да это и не важно, все равно я выгляжу лучше, чем он.

Мы подходим к газону перед домом Шеймаса, где с кожаными папками и ручками «Флайерз» расположились человек двадцать ребят с нашего квартала и нашего же возраста, ну, может, плюс-минус год, форма одежды свободная. Шеймас, который укладывает волосы муссом и ставит их гелем, приветствует каждого вновь пришедшего,

пишет его имя на стикере ПРИВЕТ МЕНЯ ЗОВУТ и прилепляет стикер ему на рубашку. Мы пробираемся к столу регистрации. Его явно вынесли из столовой в доме О'Шоннеси.

— Йоу, Генри, Бобби Джеймс. Как дела, парни? — спрашивает Шеймас, а сам при этом пишет на двух бирках БОББИ ДЖЕЙМС и ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦ ТУХИ соответственно. Всеобщее рукопожатие — включая нас с Бобби Джеймсом — и смех.

— Йоу, — говорит Бобби.

— Йоу, — говорю я, — похоже, неплохо вы тут устроились.

Помимо стола здесь есть складные стулья, доска, скатерть на столе (там же: кувшины с водой и вазочка с фруктовым салатом), подиум (деревянный и с крестом впереди) и манекен телки, наряженный под девочку из католической гимназии.

— Спасибо, Генри, — говорит Шеймас. — Ты первый, кто это заметил. Только посмотри на этих животных.

Реймонд Макафи, этот густоволосый озабоченный дебил, хватает манекен и сует его в объятья святому Блезу так, будто бы они трахаются, и отвечает на наши приветственные улыбки, просунув язык между двух пальцев.

Публика уже начинает кипятиться. Макафи забирается на стул и заводит песню, которую подхватывают все остальные: *Сиськи, сиськи, сиськи.* Если кто-то, кого могли ввести в заблуждение рубашки с воротничком и бирочки с именами, поначалу и думал, что событие намечается тихое и мирное, то теперь стало ясно как день, что подобные мысли можно смело засунуть себе в жопу.

— Ну да, ты же знаешь, что сиськи буквально сводят нас всех с ума, — говорю я.

— Он дело говорит, — поддерживает меня Бобби Джеймс.

— Я все понимаю. Просто мне бы хотелось, чтобы после того, как мы закончим, уцелело хоть что-нибудь из мебели. Все просто ошалели, когда я сказал, что моя сестра собирается устроить живую презентацию, — говорит Шеймас.

— Шутишь, — с восторгом выдыхаю я.

У Шейлы О'Шоннеси коровьи сиськи номер четыре. Ошибочка. Номер пять.

— Никаких шуток, — говорит он.

— И как ты ее уломал? — спрашиваю я. — Обещал ей заплатить?

— Нет. Я сказал ей, что двадцать парней будут смотреть, как она снимет лифчик.

— А, все понятно, — говорит Бобби Джемс. — Я слышал, она еще та шлюшка.

— Хлебальник заткни про мою сестру, — говорит Шеймас. — Она согласилась на это во имя науки, в качестве соцнагрузки.

— Соцнагрузка. Может, пригласим ребят с государственного канала — пусть репортажик сделают.

— Не-а, не прокатит, я уже звонил им и предлагал. Отказались, — мрачно отвечает Шеймас.

— Черт, вот незадачка-то, — грустно замечает Джеймс. — Генри, пойдем-ка поищем где нам сесть.

— Стойте, — говорит Шеймас, — а где Гарри? Он на той неделе заплатил за вас и за себя.

— Не думаю, что он появится, — сообщаю ему я.

— Упускает шанс посмотреть на сиськи моей сестры? Он что, гомик?

— Сложно сказать. — Бобби Джеймс пожимает плечами.

— Что ж, деньги за билет я ему не верну. Я коплю на то, чтобы стать священником.

Мы садимся, кому-то говорим *йоу*, кому-то жмем руки и соглашаемся, что семинар получится просто супер. Шеймас приближается к

подиуму. Итак, семинар «Сиськи Экспо 1984» будем считать открытым.

— В первую очередь я хочу поблагодарить всех за то, что пришли, — начинает он.

Аплодисменты. Реймонд Макафи встает и начинает свистеть и делать неприличные движения тазом.

— На свете слишком много несчастных телок, — продолжает Шеймас. — И не только здесь, на улице Святого Патрика, но и повсюду. Так почему же они несчастливы? Потому что ребята, которые пытаются залезть к ним в лифчик, на самом деле просто-напросто неуклюжие любители. Сегодня мы постараемся разобраться с этой проблемой.

Аплодисменты усиливаются. Макафи обегает всех собравшихся и всем дает пять.

— Спасибо тебе за рвение, Реймонд, — говорит Шеймас. — Оно крайне заразительно. Сегодня у меня по плану информативная неформальная и развлекательная программа. Мы будем говорить о лифчиках. Мы будем говорить о сиськах. Но это будет не простой разговор. Мы будем учиться на практике.

Толпа входит в раж. Макафи кувыркается через голову.

— И как я уже сказал вам заранее, моя сестра Шейла выступит с живой презентацией.

От оваций у меня начинают болеть уши.

— Но начнем мы с вопр. и отв. — говорит Шеймас. — Хорошо, Реймонд, давай ты первый.

— Когда твоя сестра собирается выйти и показать нам свои сиськи? — спрашивает тот.

— Уже довольно скоро. Еще есть вопросы? Да, вы, в заднем ряду.

— Твоя сестра сейчас дома?

— Ага, — говорит Шеймас. — Кто еще? Спрашивайте, смелее.

— Нижнее белье уже на ней?

— Не могу точно сказать. Еще вопрос. Да, сэр?

— Можно я помогу ей расстегнуть лифчик, когда она выйдет?

— Давайте все вместе взглянем на манекен, — вздыхает уже порядком подуставший Шеймас. — Кто-нибудь, пожалуйста, передайте ее сюда, — просит он, указывая на куклу, которая уже стоит на коленях перед святым Блезом с лицом, повернутым в ту сторону, где у того должен быть член. Святой Блез умиленно взирает на Небеса.

Мы передаем куклу с задних рядов, при этом каждый, к кому она попадает во время своего

путешествия по рукам, обязательно либо хватает ее за грудь, либо задирает ей юбку. Наконец она доходит до Шеймаса, который хмурясь поправляет на ней блузку, что твоя мамаша.

— Это форма гимназистки из католической гимназии, — торжественно объявляет он. — Эта вещь — не что иное, как искусный замысел попов и монашек, *цель* которого — спрятать от вас сокровища, скрытые внутри. — Шеймас пристально смотрит на нас. Больше никакого тупизма. Все понимают, что это, бля, серьезная проблема, требующая серьезного, бля, подхода. — Гениальность замысла заключается всего лишь в следующем: сзади одна длинная молния, вот и все. Она может быть либо застегнута, либо расстегнута. Руке неудобно шарить в области сисек, даже если вы сидите внизу, а родители наверху и заняты приготовлением коктейлей. Остается лишь раздеть полностью. Но только недоумок или псих станет это делать.

— Так в чем же секрет? — спрашивает кто-то.

— Секрет в том, что нет здесь никакого секрета, — отвечает Шеймас, которому в равной степени отвратителен как вопрос, так и сама тема обсуждения. — Форма католической гимназии непреодолима. С тем же успехом вы можете пой-

ти и поцеловать вашу собаку. — Шеймас снимает форму с манекена. Мы свистим. Двое зрителей — меня в их числе нет — вырубаются на месте. Шеймас набрасывает снятую форму святому Блезу на лысую голову. Мы хлопаем. Он напяливает на куклу футболку и шорты — возгласы неодобрения — и пишет на доске слова ТЕРПЕНИЕ и МЯГКОСТЬ. — Есть два ключа к тому, чтобы снять лифчик. Требуется терпение. И нужно делать все мягко.

Близится время обеда, и папаши плетутся по улице с термосами и свернутыми в трубочку газетами в руках мимо видавших виды машин, припаркованных вдоль забитых народом обочин, слишком усталые, чтобы нас заметить. Фрэнсис Младший и Фрэнни без улыбки приветствуют друг друга и поднимаются по общим для них обоих ступенькам к дому Тухи. Ни единого взгляда в мою сторону. Семинар гудит так, что Шеймасу уже его не перекричать.

— Я говорил с телками из района. Их бесит, что мы лапаем их сиськи, словно какие-нибудь троглодиты. На дворе уже 1984-й. Они хотят уважения к себе, — кричит Шеймас, безуспешно пытаясь перекрыть наш общий клич *Сиськи, сиськи, сиськи.* Потом он меняется на *Шейла, про-*

сим, Шейла, просим, сиськи давай, базар кончай, сиськи давай, базар кончай. — Сначала проведите ей рукой по спине. Слегка потрите спинку. Это ее расположит к вам и даст понять, что вы готовы поработать за награду. — *Лифчик долой или деньги назад, лифчик долой или деньги назад.* Бобби Джеймс протягивает Макафи полицейский мегафон своего отца, чтобы добавить выкрикам руководителя хора звучности. *Лифчик в два приема, лифчик в два приема.* — Скажите ей что-нибудь приятное. Мало-помалу настраивайте ее на нужный лад. — Шеймас, закрыв глаза, шепчет что-то на ухо манекену. По-моему, сунул язык кукле в ухо, или мне кажется? Он что, потеет? *Выходи и снимай, выходи и снимай.* — Когда решите, что она уже готова, перемещайте ладонь со спины вперед. — Голос Шеймаса обрывается. Пот льет с него градом, как со свина в морозильнике для мяса. Он *хочет* эту куклу. *Никаких рубашек, Шейла, никаких рубашек, Шейла.* Почти все уже стоят ногами на стульях. Шеймас ничего этого не замечает, его рука уже на полпути у куклы под футболкой.

— К черту! Шейла, выйди, пожалуйста. *Шейла, сиськи покажь, Шейла, сиськи покажь,* — кричит он вместе со всеми.

Дверь открывается, появляется Шейла. Крики разом обрываются, будто игла соскочила с пластинки. Следует добрая минута нервных и восторженных, от всей души, аплодисментов. Вот наконец и главная изюминка (изюминки?). Публика уважительно ее приветствует.

— Йоу, парни, — говорит Шейла. Ей пятнадцать, темные волосы, майка и джинсовые шорты… конечно, немного полновата. Но это ничего; хороший загар и ее сиськи, ну, в общем, о них я уже упоминал. Мы в раю, друг мой. Добро пожаловать на Остров Фантазий.

Йоу, Шейла, как дела, покажи нам, пожалуйста, сиськи.

— Я думала, Шеймас, мы сначала будем учить их, как расстегивать застежку на лифчике, — говорит она.

— Планы изменились, — говорит Шеймас, дрожа всем телом. — Теперь мы просто хотим посмотреть на сиськи. Дай помогу тебе снять рубашку. — С этими словами он со скоростью хоккеиста, врубающегося в центр драки, через голову стягивает с нее майку. Сиськи — еще только что безмятежно покоившиеся в лифчике — высовываются подышать воздухом Филли и, словно два безупречных и бледных воздушных

шара, взмывают в небо над холодным и грязным городом. *Бабах.* Аллилуйя, аллилуйя. Двое ребят у меня за спиной всхлипывают. У меня подгибаются колени, и я издаю невнятный звук, но в остальном держусь стойко и не теряю сознания. Бобби Джеймс говорит мне *Держи меня, Генри.* Так я и делаю.

Неожиданно из дома вылетает миссис О'Шоннеси (с такими же прекрасными, как и у Шейлы, сиськами). В одной руке у нее банка с пивом, в другой — лопаточка для торта, а на лице выражение под стать упившейся телке, которая, выйдя из двери своего дома, видит следующее: ее собственный сын тискает за сиськи ее собственную дочь; два десятка парней улюлюкают, стоя на стульях; святой Блез прикинул на себя форму гимназистки. Она стремглав бросается к статуе.

— Кто надел на святого Блеза эту школьную форму? — в ужасе восклицает она. — Совсем больные, что ли?

Она срывает форму со святого Блеза и целует кольцо на его руке, чтобы тот все простил. Мистер О'Шоннеси с волосами, мягкими как брилло[20], выходит следом и оглядывается по сторонам.

---

[20] Примечания: 20

Фирменное название мочалок из тонкой стальной проволоки для чистки металлической посуды производства фирмы «Джонсон уакс».

— Ты что, мое пиво схватила? — спрашивает он у жены. — Когда будет обед?

Ах, эта жизнь на улице Святого Патрика. *Пофиг, что у нас на газоне проходит семинар по снятию лифчиков; кто напялил на святого платье, зачем схватила мое пиво и когда будет обед?*

8

— Фрэн, сколько у тебя в кошельке осталось? — спрашивает Сесилия Реджина (Фицпатрик) Тухи, родившаяся 1 апреля 1945 года, младшая из пяти сестер, в семье, где отец пил и ходил налево, а в итоге вообще ушел от ее суицидентки-матери. Семья Фицпатриков жила на улице Святого Доминика в приходе святого Бернарда, недалеко, наверное, кварталах в десяти к югу отсюда. Сесилия была озлобленным ребенком и все детство провела, вытаскивая мамину голову из духовки, стрясая мелочь с одноклассников и покупая на это бабло, а также на те деньги, что посылал ей по почте отец, пластинки с рок-н-роллом, которые потом пускала на полную мощность за запертой дверью своей комнаты.

— Не знаю, может, баксов пять, — отвечает Фрэнсис Младший, родившийся 1 апреля 1944 года, старший из пятнадцати братьев и сестер. Его отец, отучившийся два года в семинарии, пока не выгнали, днем разносил почту, а вечерами ошивался возле приходских монашек и священников. Его мамаша была занята тем, что

штамповала детишек или приходила в себя, отлеживаясь на диване дома на улице Святого Игнатия в приходе святого Патрика, недалеко, кварталах в пятнадцати к югу отсюда. В итоге его неудачник-отец всю жизнь просидел на шее у своих детей. В жизни самого Фрэнсиса Младшего не было ни дня, когда не приходилось вкалывать, так что лучше и не спрашивать его об этом.

— Пять баксов? Ты ж только что с зарплаты, — сетует Сесилия, бросает ручку на стол и с досадой трет глаза. Она познакомилась с Фрэнсисом Младшим 25 марта 1960 года на свидании вслепую. Тогда ей было всего пятнадцать, и гулять с парнями ей запрещали, поэтому ее подруга организовала им свидание на углу в двух кварталах от дома. Сесилия стояла и ждала Фрэнсиса Младшего, который опаздывал и был порядком под кумаром. *Где шляется этот гребаный уродец? Наверное, явится, а от него спиртягой несет, рыло расквашено и лифчик на пальце болтается.*

— Сесилия, я принес пиццу, себе оставил пять баксов, а все остальное отдал тебе, — говорит Фрэнсис Младший, который тогда припарковался не у того угла и там ее и ждал. *Вечно эти бабы опаздывают,* думал он, *а я вот нет. Я всегда прихожу вовремя. На меня-то как раз можно*

положиться. Предполагается, что я весь день должен пахать как вол, и даже сверх того, но ведь так я и делаю на самом деле. А вот другие — те нет, ленивые ублюдки.

— Что-то не сходится, Фрэн. Я так все счета не покрою, — говорит Сесилия, которая в тот, первый, день нарезала по району в платье в цветочек, буквально пылая от ярости, охотясь за своим суженым, которого уже прождала битый час впустую. Она нашла его спящим в машине в рубашке с воротничком.

— Ну заплати часть на этой неделе, а часть на следующей, — говорит Фрэнсис Младший, который тогда проснулся оттого, что Сесилия принялась молотить в дверь машины, чтобы привести его в чувство. Он опустил стекло.

— Я уже так делала в прошлый раз, помнишь, Фрэн? Или ты тогда был на другом конце квартала? — говорит Сесилия, которая выбила ему передний зуб, как только он опустил стекло, в первую же секунду их первого свидания, даже до того, как они успели хоть что-нибудь сказать друг другу.

— Сесилия, оставь меня в покое, — говорит Фрэнсис Младший, не отрываясь от телека.

— Да пошел ты, — говорит она, глядя прямо

на него.

Добрый вечер, как всегда в пять вечера с вами Хроника происшествий. Кратко основные темы сегодняшнего выпуска: пятнадцать полицейских открыли огонь по безоружному черному подростку, сейчас за его жизнь борются врачи больницы «Темпл юниверсити» в Северной Филадельфии. Двое детей погибли при пожаре, вспыхнувшем в типовом доме в Западной Филадельфии. Президент Рейган счастливо избежал инцидента с бомбой в Белом доме. Сегодня день зарплаты и вечер пиццы в доме у Тухи. У них в гостях Арчи О'Дрейн, Гарри Карран, Бобби Джеймс и несравненная Грейс Макклейн, а также Фрэнни, Стивен, Генри и Сес Тухи — поедают кусочки пиццы с бумажных тарелочек, наблюдают как всегда занимательный кипеж в исполнении Фрэнсиса Младшего и Сесилии, да и сами не забывают подпустить огоньку.

— Бобби Джеймс, — говорит Фрэнни, — это у тебя что на тарелке — жвачка?

— Ага, — отвечает Джеймси, который сидит на диване рядом со мной, между двух Фрэнсисов.

— Ты что, потом ее же собираешься жевать? — спрашивает Фрэнни.

— Ага, — отвечает Бобби, отрываясь от книги

(«Пригнись, мат летит!», биография Битлз), — на сладенькое.

— Почему бы просто не выкинуть эту и не достать новую?

— Никак невозможно, — говорю я, отрываясь от своей книги («Мат-перемат!», биография Джерри Ли Льюиса), — у него мало осталось.

Фрэнни, который сейчас перевернул Бобби вверх ногами и вытрясает из его карманов дюжины и дюжины «Базук», родился 25 декабря 1960 года, ровно через девять месяцев после первого свидания Фрэнсиса Младшего с Сесилией. В школе был круглым троечником, разносил воду спортсменам и ни разу и рядом с телкой не стоял, за исключением тех случаев, когда какую-нибудь из них бросал крутой бойфренд и ей нужна была жилетка, куда высморкаться. Два его важнейших триумфа — это успешная сдача экзамена на должность почтальона и в целом достойная роль любящего сына в семье. В остальном же он, по меткому выражению Джеймси, полное угробище.

— Угробище? Все слышали? Бобби Джеймс обозвал меня угробищем, — говорит Фрэнни.

— А ты угробище и есть, — бормочет Стивен, который сейчас сидит за столом в гостиной, а ро-

дился 25 июня 1966 года. У Стивена было все, чем природа обделила Фрэнни: красота, обаяние, чувство юмора, светлая голова и успехи в спорте. И родители всегда уделяли ему больше внимания. Они вполне могли сидеть в гостиной и умильно хлопать трехлетнему Стивену, когда у того получался крученый удар детским футбольным мячом, пока Фрэнни пропалывал газон на улице.

— Никакое он не угробище. Он у нас просто уродская дева, — говорю я, который родился 15 августа 1971 года. Я выбрался из Сесилии с вопросом к акушеру, держит ли послед прическу так же, как гель, или нет. Пока Сесилия ждала в аптеке предписанных ей лекарств, я прямо тут же рядом пел, плясал и вообще всячески валял дурака. Я мочил коры и жалил как оса. Моя прическа внушала уважение всегда и всем, даже быкам на улице. Я был рожден для рока, а если не для рока, то для спасения заблудших душ, а если и не для рока, и не для спасения заблудших душ, то для того, чтобы смешить всех вокруг.

— Да что вы спорите, ребята? Фрэнни и то, и другое, и даже еще того хуже, — говорит Сес, которая стоит позади Арчи, вцепившись руками ему в горло. Сесилия Реджина Тухи Младшая родилась 15 августа 1976 года во время грозы.

Линию электропередачи перерезало, свет погас, а у Сесилии уже отошли воды. Она сказала мне из ванной, чтобы я нашел кого-нибудь из взрослых с машиной. Первым, кто попался мне навстречу, был Фрэнсис Младший. Он был при исполнении и отказался пренебречь служебными обязанностями, так что мне пришлось притащить с собой мистера Джеймса, который был занят тем, что уговаривал миссис Магон отпереть дверь мистеру Магону. Он отвез нас в больницу на полицейской машине с включенной сиреной; нам с Бобби Джеймсом обоим было по пять лет, и мы всю дорогу орали *Помогите, помогите, у нас беременная, у нее отходят воды.* Через десять минут после того, как мы добрались до места, родилась Сес. Я был первым в семье, кто ее увидел. С того момента и по сей день я просто без ума от нее. Мы по жизни всегда вместе.

— Можешь прекратить меня душить? — полупридушенным голосом спрашивает красный как рак Арчи.

— Нет, не могу, пока ты, жопа, не скажешь мне, какая я красивая, — приказывает она.

— О'кей, — с трудом выдыхает он, — ты, жопа, красивая. Всё, довольна?

— Ладно. Все равно теперь очередь Грейс, — го-

ворит она ему.

— Эй ты, жопа, — говорит Грейс, обращаясь к Сес, — хочешь, я придушу эту жопу?

— Да, жопа, будь так добра, — смеется Сес, глядя, как Грейс душит Арчи, — так тебе, жопа, и надо.

— Так, и какого ж черта мы все тут ругаемся? — говорит Сесилия. — Фрэн, скажи им.

— Сесилия, не видишь — я ем. Фрэнни, ты сегодня во сколько вышел?

— В десять, — говорит Фрэнни.

— Легкий день? — спрашивает его Фрэнсис Младший.

— Нет, тяжелый. Разносили рекламу кабельных каналов.

— Что, много было?

— Прилично.

— Сколько?

— Тебе точное число назвать? — переспрашивает Фрэнни.

— Нет, количество листовок на каждый дом, — говорит Фрэнсис Младший.

— Три на один.

— Да, блин. И во сколько закончил разносить?

— В двенадцать тридцать.

— Тогда где перекрывался?

— Здесь, что, не помнишь? Ты был, ммм, на-

верху.

— А, ну да.

— Что, укусила за ногу?

— Угу.

— Сегодня?

— Угу.

— Где?

Фрэнсис Младший указывает на входную дверь, за которой рычит Флэггарт, явно обращаясь лично к нему.

— Может, впустишь собаку, Фрэн? — спрашивает Сесилия из-за стола.

— Нет, — отрезает он. — Стивен, а ты когда сегодня заканчиваешь работу?

— Оставь Стивена в покое и впусти собаку, Фрэн, — говорит ему Сесилия.

— В гробу я видал эту собаку. Стивен, я спросил, во сколько ты заканчиваешь работу?

— Тебе обязательно к нему лезть? — говорит Сесилия со злостью в голосе.

— Как хочешь, можешь и не отвечать, — говорит Фрэнсис Младший. — Я сам знаю во сколько. В одиннадцать. Так что жду тебя домой в пять минут двенадцатого.

— Фрэн, заткнись и отвяжись от него, — набрасывается на него Сесилия.

— В пять минут двенадцатого, Стивен. Усек? — повторяет Фрэнсис Младший.

Сес бьет Арчи щеткой по голове. Грейс отбирает у нее щетку и тоже припечатывает его. Фрэнни обменивается тычками с Бобби Джеймсом. Гарри углубился в «Форбс». С улицы рычит Флэггарт. Я причесываюсь. Стивен с грохотом отодвигает свой стул от стола. Сесилия говорит ему: полегче на поворотах, а то мало, что ли, вы двое вчера ночью мебели расхерачили? Телек плюется кадрами с чужих войн, интервью с девочками в бикини, программами по домоводству, картинами пожаров, затем прогнозами погоды — такая-то сегодня и такая-то завтра, кому какая на хрен разница?

Стивен, говорит Фрэнсис Младший, когда будешь выходить, не смей шарашить дверью. *Шарах.* Черт бы тебя побрал, Стивен, говорит он. В пять минут двенадцатого, или я сменю замки.

Оставь его, Фрэн, думай, что говоришь.

Черта с два я не думаю, что говорю, Сесилия.

Что насчет платежек? Мы можем с тобой потолковать о деньгах?

О чем тут толковать, Сесилия? Ты все спускаешь начисто. У меня сверхурочные, я ничего себе не покупаю, и я же еще виноват. Почему бы тебе

не устроиться на работу?

На работу? Я четверых детей вырастила. Двое все еще в школе. Нет, пятерых. Мне достался еще один в инвалидном кресле, которого я приютила потому, что его гребаные родители сами не в состоянии им заниматься.

Заткнись-ка лучше, Сесилия. Ты что несешь при ребенке?

Ой, сам прикуси язык, жопа. Он прекрасно понимает что почем. Я отлично о нем забочусь.

У тебя нет права гнать такое дерьмо, просто не имеешь права, и все.

Хрена там, не имею права. Еще как имею.

Да, Сесилия, ты, конечно, имеешь право рассекать в коротеньком платье как шлюха.

Сам ты шлюха, Фрэн, ты и твоя сучка Куни.

Не смей так ее называть.

Ах, так мы ее еще и защищать будем? Ты что, правда думаешь, она тебя любит?

Я вообще не понимаю, о чем ты. Перестала, что ли, принимать валиум?

Нет, осел, я перестала принимать литий, но сегодня брала валиум, и еще готова взять, если на то пошло. Хочешь, чтобы я им объелась, чтоб потом можно было переехать к этой сучке?

Сесилия, опять ты употребляешь это слово. Ты

больная стерва, вот ты кто, и, надеюсь, сама это знаешь.

Это я больная? Ты лупишь собственного сына почитай каждый вечер.

Мы теряем его, Сесилия.

Так давай его бить поэтому?

С ним надо построже.

Правильно, так держать.

Когда мне было восемнадцать, я не шатался по улице пьяным, у меня была семья и дети, которых нужно было воспитывать, и я не спускал деньги на бухло, и не стоял на помойке и не напивался, и не проливал над собой слезы. Мне было некогда развлекаться.

Так ты что, бля, медаль за выдержку захотел? Твои проблемы.

Иди на хрен.

Сам иди на хрен.

Отвали.

Иди поплачься к своей сучке, ты, кусок дерьма.

Пошла на хер, наркоманка.

На этой ноте я в срочном порядке объявляю о начале репетиции группы «Филобудильник» наверху.

Первым делом нужно раздать по жевательной сигарете каждому, кто играет в группе. Сес до-

стается целых две, потому что она у нас сидит на барабанах и не слишком много поет. Грейс не достается ни одной, потому что она и без того уже курит у Сес в комнате. Завершив раздачу сигарет, я захожу в комнату Сесилии. Сперва заимствую у нее несколько пластинок. Затем лезу в верхний ящик ее стола за бананообразным вибромассажером, запрятанным под кипу трусиков. Арчи — он у нас поет все главные партии — использует его вместо микрофона и губной гармоники.

Барабанная установка Сес состоит из картонной коробки и двух резиновых костей для собаки. Сейчас, на разогреве, она молотит костями по коробке раза в два тише, чем когда мы начинаем играть по-настоящему. Бобби Джеймс настраивает бас, то бишь измерительную линейку, и сквозь густые клубы сигаретного дыма протягивает мне мою двенадцатиструнную акустику (тоже линейка) со словами «Держи, приятель». Арчи пробует гармонику, настраивает ее, подносит поближе к носу и, ни к кому конкретно не обращаясь, жалуется на то, что она странно пахнет. Я настраиваю свою двенадцатиструнку и от нечего делать исполняю пару мелодий из Бёрдса.

Комната теряет краски и становится вся черно-белая. Вместо обычной одежды на нас теперь

одинаковые серые костюмы с белыми рубашками и узкими черными галстуками, даже на Сес. Ее комната превращается в студию шоу Эда, бля, Салливана. Эд со сцены обращается к двум сотням визжащих от восторга телок с просьбой заткнуться на фиг. Он говорит им, что сейчас на сцену выйдет группа, по сравнению с которой Битлз смотрятся будто какое-нибудь «Кингстон трио», которое, как мы все знаем, в полнейшем отстое. Их первый альбом *Забей на дебилов, слушай «Филобудильник».* Количество продаж по всему миру на шесть штук больше, чем все население Земли. Пластинок со вторым их альбомом «Причешись-ка!» в мире продано на десять больше, чем с предыдущим. И сегодня они пришли сюда, чтобы познакомить нас с последней своей пластинкой под названием «Хрен знает че, но охренеть как горячо». Прямо из Филадельфии, штат Пенсильвания, перед вами выступает группа «Филобудильник». Занавес поднимается. Телки визжат и срывают с себя свитера из ангорки и юбки в придачу. У меня встает.

Первая песня — «So What?» группы «Лирикс» с небольшой поправочкой на то, что сейчас это не их песня, а наша. Мы играем громко, быстро и вообще жжем так, что в аду позавидуют.

Рок-н-ролл не для дружбы, Фред. Мы играем, чтобы заглушить шум, доносящийся снизу. Арчи рявкает в жужжащий банан. Бобби Джеймс надувает пузыри и неистово рвет свой бас. Сес подбрасывает и ловит в воздухе резиновые кости, а затем выбивает дух из коробок. Я улыбаюсь и подмигиваю девчонкам в партере. Парочка лифчиков приземляется мне на голову. Гарри стоит сбоку у края сцены в черном костюме и черной ковбойской шляпе. Он хлопает в ладоши и кричит *Веселей* и *Давай-давай.* Грейс смеется и курит. Тут песня заканчивается. Бобби Джеймс вышвыривает Арчи из кресла по направлению к барабанной установке. Девчонки всей толпой рвутся на сцену, опрокидывают Эда Салли и несутся к нам, чтобы сорвать с нас одежду. Но в тот момент, когда они уже вот-вот нас настигнут, мы меняем декорации.

На стадионе в Филадельфии аншлаг. Бобби Джеймс поет главную партию в песне АйСи-ДиСи «Have a Drink on Me», с одной только маленькой поправочкой, что сейчас это наша песня, а не их. Как только закончим — пусть хоть подавятся ею. Вместо строгих костюмов на нас теперь черная кожа. У всех (за исключением меня) волосы спереди короткие и торчком, а сзади длинные

патлы. Каждые десять секунд на сцене загораются фейерверки. Пока мы играем, над сценой парит огромный надувной сатана. Хлыщи в зале держат над собой горящие зажигалки. Девчонки забрасывают меня трусиками. Песня заканчивается. Бобби Джеймс откусывает голову плюшевой кукле с полки с игрушками и добивает ее гитарой с декой в форме V. Затем он опрокидывает Арчи, и тот летит из кресла на еще не остывший труп. Это выводит копов из себя — эти свиньи забираются на сцену и начинают буйствовать.

«Грэнд оул опри»[21]. Арчи Опоссум Джонс[22] и Сес Уинетт[23] поют дуэтом песню «Two-Story House». У Арчи густые бараньи бакенбарды, на нем оранжевый смокинг и рубашка в рубчик. Сес одета в бальное платье в тон к смокингу, на

---

[21] Примечания: 21

Знаменитая радиопрограмма музыки кантри; начиналась в 1925 г. как одна из многочисленных программ, передающих сельские кадрили; к 50-м превратилась в известное музыкальное шоу «Грэнд оул оупри» в составе 120 человек.

[22] Примечания: 22

Опоссум Джонс (настоящее имя Джордж Гленн Джонс) (р. 1931) — известный в Америке исполнитель музыки в стиле кантри, с 1956 г. участник шоу «Гранд оул опри».

[23] Примечания: 23

Тэмми Уинетт (1942–1998) — исполнительница песен кантри, с 1967 г. регулярно выступала с концертами, по телевидению и в радиопрограмме «Грэнд оул оупри».

лице соответствующий макияж. На басу Бобби Джеймс в спецовке. Я тоже в спецовке и играю на скрипке. В конце песни Арчи и Сес берутся за руки. В зале все как один хлещут самогон, палят в воздух из винтовок и орут *Йишхаа* до тех пор, пока не завязывается драка. Мужики ломают стулья о головы своим беззубым широкозадым подругам. Полковник Гарри просит нас сыграть что-нибудь спокойное, чтобы утихомирить толпу, но ничего не помогает, и мы мотаем оттуда.

Следующая песня: мы с Грейс поем «Solid» Эшфорда и Симпсона из альбома «Soul Train». На Сес, Арчи и Бобби Джеймсе парашютные штаны и толстовки с капюшонами и без рукавов. Они играют и по очереди фланируют вглубь сцены и обратно. Мы с Грейс тоже не стоим столбом и колбасимся взад-вперед с микрофонами, а в это время народ танцует на помостах и двое ребят соскребают краску с табло с символикой «Soul Train», обнажая скрытую под ней надпись ФРЕДДИ ДЖЕКСОН.

И последняя: группа «Пэртридж фэмили», песня «C'mon Get Happy». Мы превращаемся в мультяшных персонажей. На нас полосатые штаны на подтяжках и замшевые жилеты. Мы все вместе, синхронно, танцуем на облаке на фоне сияющей

радуги и поющих птичек. Мы хлопаем в ладоши и смеемся, нам не слышно, как дерутся внизу. Песня заканчивается. Потные и довольные, мы обнимаемся, даем друг другу пять и спускаем Арчи вниз по лестнице.

В гостиной тихо. Оба Фрэнсиса смотрят телевизор: Фрэнсис Младший параллельно жует шоколадный батончик, а Фрэнни лузгает семечки. Фрэнсис Младший скачет по каналам, переключаясь то на «Мэш», то на игровые шоу, то на «Счастливы вместе»[24], потом останавливается на игре «Филз». Сесилия шмыгает носом и плачет, сидя за обеденным столом. Сес подбегает, прыгает к ней на колени и гладит ее по волосам.

Бобби Джеймс, Гарри и я смотрим на все это, не говоря ни слова, словно солдаты, проплывающие на лодке мимо сожженной вьетнамской деревни. Здесь мы ничего уже не сможем поделать. Взрослые дерутся друг с дружкой, и до детей им нет никакого дела. Мы вываливаемся из дому, чтобы веселиться, смеяться и играть в «Свободу». После заката в доме Тухи становится совсем невесело. Одни только скачки по каналам да хлюпанье носом.

---

[24] Примечания: 24

«Мэш» — музыкальная программа на MTV; «Счастливы вместе» — американский ситком.

9

На прошлой неделе Бобби Джеймсу пришла в голову идея украдкой попереключать пультом каналы в домах на улице Святого Патрика. Он выступил с этим предложением, когда мы с ним и с Гарри играли в «Суицид» за стеной школы Святого Игнатия. «Суицид», в просторечье «Сьюи», — игра, в которой двое или больше ребят по очереди швыряют теннисный мяч об стенку, а затем ловят его. Если мяч отлетает от стенки и его в воздухе ловит кто-то другой вместо кинувшего, то последнему нужно бежать к стене, отстучаться и крикнуть «Сьюи». Но пока он этого не сделал, всем остальным можно лупить мячиком прямо ему по жопе, по башке — куда хочешь, бля, туда и долби. То же самое, если уронил отскочивший от земли мяч, брошенный о стенку кем-то другим. Бежишь к стене, кричишь «Сьюи» и одновременно выковыриваешь из задницы двадцать теннисных мячей.

В тот знаменательный день мы втроем кидали мячик о стенку, с трех сторон окруженные кладбищем. Классы смотрят во двор двенадцатью

большими окнами, по шесть на этаж, так что мячом стучали по кирпичной кладке между ними. Мы с Бобби Джеймсом кидали мяч и беседовали о нашей с ним любви к пультам и кабельному телевидению. А Гарри, у которого руки-крюки, был занят тем, что ронял мячи, отскочившие от земли, носился к стенке и обратно и бодался с мячом, когда Бобби Джеймс запускал им ему в голову. Так продолжалось до тех пор, пока Гарри не уронил очередной мяч и не отфутболил его ногой в траву с целью выиграть время для того, чтобы добежать до стены, что является грубейшим нарушением правил — так поступают только последние сопляки. За это полагается свободный удар, а это, в свою очередь, значило, что Гарри должен стоять по стойке смирно лицом к стенке, хныкать и ждать, пока Бобби Джеймс запулит ему со всей дури мячом по заднице. Идея про пульты осенила Бобби Джеймса непосредственно перед броском. Пока Гарри молил о пощаде, Бобби Джеймс обвел глазами кладбище, сперва взглянув на семейство прямо у нас за спиной, пришедшее навестить покойника, а затем на Стивена, склонившегося вдалеке над могилой Мэган.

— Знаешь что, Генри, — сказал он, не обращая внимания на хныканье Гарри, — ведь у всех же

одинаковые пульты к телеку. Можно взять один и переключать каналы через окна и двери.

— Джеймс, — с ухмылкой ответил ему я, — тебе, бля, за такую идею Нобелевская премия полагается. Давай, отшиби мячом ему задницу и айда домой разрабатывать план.

Но вместо этого дебил Бобби Джеймс угодил мячом прямо в окно, и мы дали деру с кладбища мимо кучки заводных пингвинов в смокингах. Понятно, что Гарри тут же принялся реветь, а Бобби Джеймс — быстро-быстро читать «Аве Марию». Мы не попались и страшной клятвой поклялись забыть все, что там произошло, кроме, конечно, задумки с переключением каналов. И вот, неделю спустя, мы стоим целой бригадой с пультом наперевес, в полной готовности провоцировать спонтанные приступы гнева в гостиных.

Промежуток между шестью и семью часами как нельзя лучше подходит для выполнения нашей задачи. Солнце еще не село, но это время суток — единственное, когда на улице нет ни души, поскольку все кругом заняты тем, что заканчивают ужин, смотрят телек и ждут, когда станет попрохладнее, чтобы можно было выползти наружу и посидеть на свежем воздухе, а заодно попить пивка, перекинуться в картишки и послушать

игру «Филз», пока комары не налетели. Потом все снова возвращаются в дом к своим телевизорам.

Наша бригада состоит из меня, Гарри, Марджи, Грейс и Сес. Арчи нет с нами, потому что он не может лазить через перила и прочее; ему пришлось остаться у меня дома в ожидании, когда мы подкрадемся и начнем переключать там каналы. В нашем распоряжении пульт и «Программа телепередач», благодаря которой мы можем действовать вполне продуманно. Мы полагаем, что смешнее всего будет, если переключать на передачи, максимально противоположные тем, что люди смотрят в момент нашего вмешательства.

Пульт у Грейс. Сзади нее — Бобби Джеймс с «Программой телепередач». Следом я, потом Сес — держится за мою рубашку и хихикает без остановки. Марджи и Гарри составляют наш арьергард. Гарри висит на рубашке у Марджи и умоляет нас отказаться от этой затеи. У нас нет детального плана. Мы просто считаем, что лучше начинать по маленькой, с тех домов, где ни у кого не может оказаться ствола, хотя на большинстве дверей наклеены стикеры, где изображена рука с дымящимся пистолетом и надпись гласит: ДОМ СОСТОИТ ПОД ОХРАНОЙ ГОСПОД СМИТА И ВЕССОНА.

Первая остановка — у дома Мерфи, невзирая на хныканье Марджи. Единственное оружие здесь — хлыст миссис Мерфи, и цель у него только одна — голый зад мистера Мерфи. Приближаясь к веранде, мы слышим, как миссис Мерфи подпевает пластинке с оперой. Фальшивит безбожно. Грейс на цыпочках подкрадывается к распахнутой сетчатой двери и жестом зовет нас за собой. Мистер Мерфи сидит вплотную к телевизору и смотрит ток-шоу, в котором куча девок наперебой жалуются на своих гамадрилов-мужей. Бобби Джеймс листает программу.

— Пожалуй что «Все в дом» — лучше не придумаешь, — говорит он. — Седьмой канал.

Грейс переключает канал, и мы все тихо трещим. Арчи Банкер говорит, обращаясь к Эдит: *Нет, жена всегда говорит мне, что делать.* Мистер Мерфи вскрикивает: «Что такое?», хватается за пульт и переключает обратно на девок, которые все так же вопят про своих мужей. Грейс вертит обратно на Банкера. А там Арчи говорит: *Девчонкам на кухне самое место.* Мистер Мерфи со смехом оставляет все как есть. Только он устраивается в кресле поудобнее, как Грейс снова переключает на ток-шоу, и мы, хихикая, срываемся с места.

Следующая остановка возле дома миссис Мак Ка. Она смотрит вечерние новости по государственному каналу, очередной репортаж с Уолл-стрит. Грейс переключает на спортивный канал, где накачанные парни в шортах «Спидо» несутся наперегонки по берегу моря. Миссис Мак Ка выпрыгивает из кресла и скорее виновато, нежели удивленно начинает озираться по сторонам. Потом переключает обратно на Уолл-стрит. Грейс перещелкивает на «Мир Спидо». Миссис Мак Ка очумело смотрит на бегущих в замедленной съемке мускулистых придурков. Открывает банку пива, из которой течет струйка пены. Грейс возвращается на Уолл-стрит, и мы со смехом бежим дальше.

В доме у Гарри, где взрослые сидят с четырьмя его маленькими сестренками и смотрят какую-то туфту для малышей, Грейс переключает на откровенную постельную сцену в фильме для взрослых, и все тут же сматываются, все, кроме меня, потому что у меня встает. Я догоняю остальных у дома Малленов, где супруги Маллен смотрят, как монашка, стоя за кафедрой, что-то проповедует в камеру. Перед тем как нам всем убежать, Грейс переключает канал на ролик с группой «Мотли Крю».

Затем мы подбираемся к дому Куни. На этот раз в недовольных оказываюсь я, но все же предпочитаю молчать себе в тряпочку. В гостиной мистер Куни, эдакий медвежатина с шевелюрой настолько кудрявой, что можно подумать, будто это химическая завивка, пьет пиво и смотрит игру «Филз». Ральф сидит рядом с папой. Джон Денни, подающий «Филз», выводит из игры отбивающего. Мистер Куни обзывает Денни бездарностью, и Ральф вслух с ним соглашается. Денни упускает дубль от стенки. Мистер Куни обзывает Денни задницей, и Ральф называет его задницей тоже. Из кухни появляется миссис Куни с тарелкой еды в руках, которую она ставит перед мистером Куни.

— Как на работе? — спрашивает она вяло, с выражением полного безразличия на лице.

— Тихо, игра идет, — раздраженно бросает он ей в ответ.

Грейс переключает на балет, идущий по государственному каналу.

— Что случилось? — спрашивает он, переключаясь обратно.

— Ах да, конечно, — говорит миссис Куни. — Прости меня, Берни. И Господь да простит тебя за то, что ты пропустил этот тачдаун.

— *Тачдаун?* Донна, что у нас сегодня с почтой? Мне должны прислать чек.

— Наверное, кто-то налажал, — говорит Ральф. — Небось *почтальон,* — продолжает он, пристально глядя на мать, — сегодня совсем запутался с адресами.

При счете 3:2 Денни подает, все базы заняты — Грейс переключает на балет.

— Да что же такое творится с чертовым телевизором? — уже в голос кричит мистер Куни и переключает обратно, аккурат чтобы увидеть, как Денни дает всем пять и отправляется на скамейку запасных. — Такой страйк-аут пропустил. Что ты там бормочешь, Ральф?

— Я сказал, что наш *почтальон* читать не умеет, — говорит Ральф, по-прежнему не отводя глаз от матери. — Зато он отлично умеет кое-что другое.

— Заткнись, Ральф, — больше со злостью, нежели со страхом в голосе говорит ему миссис Куни.

— Донна, — спрашивает ее мистер Куни, — а что, Фрэн Тухи у нас по-прежнему почтальоном?

— Что-что? А, ну да. По-прежнему. Но чека он не приносил.

— Его сын, Стивен, пару лет назад был капитаном школьной сборной, да? — спрашивает

мистер Куни, который, как и подавляющее большинство папаш, ровным счетом ничего не знает о жизни остальных семидесяти семи семей, протекающей в однотипных домах нашего маленького квартальчика, потому что он либо на работе, либо дома и пьет. Единственные, кто здесь в курсе всего, — это мамаши, дети да еще мой отец почтальон.

— Да, но только он потом сбрендил и все бросил, — говорит Ральф, которому приятно об этом лишний раз вспомнить. — Теперь только и делает, что пьет. И вообще он урод.

— Да как ты смеешь, Ральф, — взвивается миссис Куни. — Он очень славный парень.

— О да, Тухи они все такие славные ребята, правда, мам?

— Следи за тем, что говоришь, — искоса глядя на сына, говорит ему она. — Не забывай, что я твоя мать.

— Да уж, повезло, ничего не скажешь, правда?

Снова «Филз» на экране, но Грейс не переключает канал. Мы все стоим как вкопанные и глазеем на эту семейную сцену, которая становится еще отвратительнее, когда миссис Куни дает Ральфу пощечину. Тот сглатывает слезы. Звучный шлепок заставляет мистера Куни перестать тупо

пялиться на игру «Филз».

— Какого хрена ты его бьешь, Донна? — спрашивает он у жены.

— Да сука потому что. — Ральф передергивает плечами. Мистер Куни одним быстрым пугающим движением выдергивает из кресла свою жирную задницу и бьет Ральфа кулаком в рот. Ральф падает.

— Только я имею право называть твою мать сукой, — говорит он, садясь обратно в кресло. Ральф плачет на полу.

— Очень мило с твоей стороны, Берни. Что за прекрасный муж и семьянин, — говорит ему миссис Куни.

— Смотри-ка, разговаривать как научился. Почему бы вам обоим не оставить меня в покое? Хватит с меня того, что я женился на тебе и в итоге получил недотепу-сыночка, который только и знает что смеяться над капитанами футбольных команд. Донна, вали на кухню, порешай кроссворд, позвони подружкам, займись чем хочешь, только меня не трогай. — Миссис Куни топает на кухню, снимает трубку и начинает набирать номер. — Ральф, прекрати реветь. Это я еще жалеючи. Скажешь так еще раз — вообще без зубов останешься. А теперь выметайся на хрен отсюда,

и если встретишь кого-нибудь вроде Стивена Тухи, держись к нему поближе, авось чему и научишься.

Ральф бежит к двери. Мы перепрыгиваем через перила на соседнюю веранду и прячемся за мангалом для жарки барбекю. Ральф в слезах сбегает вниз по ступенькам и бежит прочь по улице Святого Патрика в сторону Ав. Когда он скрывается из виду, мы переходим на другую сторону и идем по направлению к моему дому. Сесилия сидит, откинувшись на спинку дивана, забросив свои длинные сексапильные ножки на кофейный столик. По телеку идет шоу, в котором плохо постриженные неудачники с белоснежными зубами задают дебильные вопросы дебильным кинозвездам после премьеры очередного дебильного фильма. Арчи в своем инвалидном кресле сидит рядом с Сесилией и смотрит шоу, в то время как сама Сесилия следит за Фрэнсисом Младшим, который стоит на кухне, разговаривает по телефону и, красный от смущения, накручивает на палец телефонный шнур. Дав тысяч двадцать односложных ответов, он вешает трубку, возвращается в гостиную и садится в кресло.

— Кто звонил, Фрэн? — спрашивает Сесилия.

— Да так, никто. Один парень с работы, — отве-

чает он ей, не отрываясь от ящика.

Грейс переключает на шоу, где несколько вроде как иностранцев танцуют под звуки дохленькой мелодии, которую им наигрывает на говенном бамбуковом казу какой-то беззубый бородатый ублюдок.

— Что такое с кабелем? — говорит Сесилия, переключаясь обратно на шоу с зубастыми американцами. — Так кто, говоришь, звонил?

— Денни Доллар с работы, — отвечает он, ерзая в кресле.

Грейс переключает опять, и вот снова перед нами наездники на верблюдах, танцующие жигу, и никаких зубов, и никакой Америки.

— Господи, да что ж такое стряслось с этим кабелем? — говорит Сесилия. Щелк. Опять шоу. — Да? И чего хотел?

— Да чего ты привязалась ко мне? — постепенно свирепея, спрашивает Фрэнсис Младший.

— Спокойно, приятель, — говорит Сесилия, заметив, что он слегка неадекватен. — Так и что же он от тебя хотел?

— Он, ммм, хотел поменяться со мной сменами на следующей неделе.

Щелк. Ход Грейс. Иностранцы откалывают коленца и бьют воображаемых мух у себя на лбу.

— На хрен этот гребаный кабельник. — Сесилия срывается на крик и швыряет пультом в телевизор. Я с трудом удерживаюсь, чтобы не вскрикнуть от ужаса. — Хрен ли тут смешного, Арчи?

— Нет ничего смешного, миссис Тухи, совершенно ничего, — смеется Арчи, а сам выглядывает нас за окном.

— Это что, Сесилия, официальное расследование, что ли? Мне пора звонить адвокату? — спрашивает Фрэнсис Младший. — Разве мне уже зачитали мои права и предъявили обвинение? Еще вопросы будут?

— Всего один, — говорит она. — Почему так получается, что, когда я вечером подхожу к телефону, кто-то все время вешает трубку, а как только подходишь ты, так сразу выясняется, что звонит кто-то с работы, у которого и мозгов-то столько нет, чтобы в кнопки на телефоне тыкать?

— Что, Сесилия, опять все по новой? — спрашивает он.

— Нет, просто хотела узнать, можешь ли ты мне ответить на этот вопрос. Спасибо, теперь вижу, что не можешь. — Грейс возвращается обратно на голливудское шоу. — Смотри-ка. Опять шоу показывает. Наш телек прямо как ты, Фрэн.

Сначала шляется где ни попадя и меня заодно бесит, а потом возвращается куда надо как ни в чем не бывало.

Фрэнсис Младший встает и направляется к лестнице, ведущей наверх.

— Пойду приму душ.

— Никак на свиданку собрался? — интересуется Сесилия.

Фрэнсис Младший на ходу бормочет что-то вроде «отстань» и скрывается наверху.

— Может, хочешь посмотреть что-нибудь другое? — уже поднеся зажженную сигарету ко рту, спрашивает Сесилия у Арчи.

— Ага, — отвечает ей он, — по пятнадцатому «Лаверн и Ширли» идет.

Сесилия только еще тянется за пультом, а Грейс уже врубила нужный канал.

— Спасибо, — говорит Арчи.

— Нет проблем, он переключается сам. Похоже, у нас поселилось привидение, — смеется Сесилия.

— В смысле, спасибо, что разрешаешь мне быть тут с вами все время, — серьезно говорит ей Арчи.

В ответ она улыбается:

— Да не за что. Удивительно, как ты выдержи-

ваешь весь этот шум.

— Я люблю, когда шумно, — отвечает он ей. — Зато здесь у вас ощущаешь, что живешь. И без всяких там привидений.

Она перебирает волосы у него на голове.

— Да, думаю, так оно и есть. Холодный чай будешь?

— Ага, буду, — отвечает он.

— Смотри пока свое шоу. А я тебе сейчас принесу.

Мы провожаем ее взглядом, а когда она скрывается в кухне, перепрыгиваем через перила на веранду к Фрэнни.

— Генри, у Фрэнни даже кабеля нет, — жалобно стонет Грейс, заглядывая к нему в окно.

— А, точно, и правда нет, — подтверждаю я.

— Ну и хрен с ним, — говорит она. — Двигаем отсюда. Вон народ собирается в «Свободу» играть.

Грейс, Марджи, Гарри и Бобби уходят играть. Я один остаюсь.

— Сес, пора домой, — зовет Сесилия уже с веранды.

— О'кей, мам, уже иду. — Сес обнимает меня. — Удачно поиграть, братишка, пока.

Перед тем как отправиться играть в «Свободу», я мельком заглядываю к Фрэнни в окно. В

доме нет почти никакой мебели, если не считать большого чернобелого телевизора, дивана да нависающей над телеэкраном приставки «Ласт сапер», по которой Фрэнни и Стивен режутся в «Нашествие инопланетян». Оба они уставились в экран, где корабли пришельцев с нагоняющим сон звуком блип-блип-блип спускаются все ближе и ближе к их наземным пушкам. Параллельно оба пьют пиво. На Стивене его рабочая форма.

— Стивен, больше ты у меня перекрываться от работы не будешь. Сегодня последний раз, — говорит Фрэнни.

— О'кей, — вяло отвечает Стивен.

— Нельзя так дальше, ты понимаешь, о чем я?

— Да, Фрэнни, хорошо, я все понял. Если хочешь — уйду прямо сейчас.

— Да нет, я не об этом. Я рад, когда ты приходишь. Ты ведь мне брат. Я просто хочу, чтобы ты знал: я всегда готов тебя принять. Если вдруг захочешь поговорить. Я всегда выслушаю.

— Спасибо, — вяло отвечает ему Стивен, но и только. Дальше не ведется.

— Или, может, если не хочешь со мной, поговори с кем-нибудь еще.

— Это с кем же, мозговед гребаный? — говорит Стивен, и в его голосе наконец слышатся эмо-

ции. — Нет уж, спасибо.

— Нельзя так и дальше, — говорит Фрэнни. — Ты должен забыть о ней.

— *Забыть о ней?* — переспрашивает Стивен с ожесточением, чуть ли не готовясь полезть с братом в драку.

— Я просто хочу помочь, — вздыхает Фрэнни.

— Тогда скажи папе, чтобы он перестал трахать миссис Куни, а заодно и от меня отвязался.

— Не твое дело, что у них там с миссис Куни.

— Это еще почему? — спрашивает Стивен. — Маме больно.

— Ты ведь даже не знаешь, может, это все чушь собачья, — говорит Фрэнни.

— Ой, не смеши, все кругом знают.

— Даже если и так, у тебя своих проблем хватает. Думаешь, если у мамы с папой все будет хорошо, и тебе лучше станет? Работа у тебя дерьмовая, да и все равно ты на нее не ходишь. Слишком много пьешь и каждый день часами торчишь на кладбище. Это ненормально.

— Да иди ты на хрен, ненормально, — говорит Стивен. — Там Мэган. Потому и хожу туда.

— Ее больше нет, Стивен, — говорит Фрэнни. — Будет и другая девушка.

— Сам-то ты чего в девушках понимаешь? У

тебя их и не было никогда ни одной. Живешь через стенку от родителей и еще собираешься учить меня про девушек?

Фрэнни трет лоб кончиками пальцев:

— Прекрасно. Тогда, наверное, тебе лучше уйти.

— Нет проблем. Спасибо за пиво.

Стивен молча направляется к двери. Фрэнни уставился в экран и смотрит, как пришельцы приземляются на планете и отбирают у него все, что ему принадлежало. Я перелезаю через перила на нашу веранду. Стивен спускается по лестнице и идет в сторону Ав. Из дома Тухи слышится, как Фрэнсис Младший со второго этажа зовет Сесилию и спрашивает у нее: «Во сколько, Стивен сказал, его отпустят с работы?» И тут подошедшая сзади Грейс подбивает мне колени и бьет кулаком в грудь.

— Пойдем повеселимся, красавчик, — дымя сигаретой и улыбаясь, говорит мне она.

Я корчусь от боли. Любовь прекрасна, но и, бля, опасна тоже.

Лучше, чтобы Козюлька Джонс не ковырялся в носу. Когда играешь в «Свободу» — это правило номер один. Есть и другие. Не срезать путь через газон миссис Махаффи, а не то она, чего доброго,

уложит нас наповал из своей воздушки. Не прятаться под машинами, если, конечно, не хочешь, чтобы тебя переехали. Не опрокидывать полные банки с пивом, стоящие на верандах. Ни в коем случае нельзя, чтобы тебя догнала и застучала телка. Есть и еще правила, менее важные. Игра в «Свободу» заключается в следующем: все делятся на две команды, члены одной догоняют, другой — убегают и прячутся. Нужно догнать и застучать, а потом отвести в тюрьму (к синему почтовому ящику на пересечении Святого Патрика и Эрдрика, прямо напротив моего дома). Те, что прячутся, должны прорваться к почтовому ящику незасаленными, дотронуться до него и громко крикнуть *Свобода,* чтобы освободить пленных. Если всех успевают поймать до этого, команды меняются местами: те, кто догонял, бегут прятаться, а те, кто прятался, начинают за ними гоняться. Нельзя забегать за дорожки, которые идут вдоль боковых и задних стен домов на улице Святого Патрика. Все эти правила очень важны, но есть одно, самое важное: Козюлька ни в коем случае не должен ковыряться в носу. Потому что, если он все же начнет это делать, на свет божий покажется нечто длинное и зеленое, при виде чего Бобби Джеймса незамедлительно стошнит и он уйдет

домой. За это лето Козюлька и так уже обошелся нам в три игры в «Свободу», две в баскетбол, три в стикбол и две в уиффлбол, и это не считая пары фильмов и утренней мессы в 9.30.

Но пока все идет нормально. Я, Бобби Джеймс, Гарри, Грейс, Козюлька и Марджи, мы все в одной команде — в той, что прячется. За нас еще четверо ребят. Сегодня вечером большая игра: десять на десять. Солнце уже почти опустилось за горизонт. Я не знаю, где прячутся Бобби Джеймс, Гарри и Марджи. Хотя мне это и не важно; мы прячемся вдвоем с Грейс. Мы лежим под шезлонгами, распластавшись на полу разукрашенной веранды мистера Джеймса Т. Кларка, которому принадлежит дом на нашей стороне улицы, ближе всех расположенный к Фрэнкфорд-авеню. Мистеру Кларку шестьдесят, у него седые волосы (короткие, с пробором, зачесаны набок), не женат. Голос у него как у девчонки. Злобные подростки забрасывают его дом яйцами и два раза в неделю пишут ему на двери ГОМИК. Мистер Кларк всю эту хрень переносит с достоинством: каждый раз соскабливает слово с двери, смывает шлангом яичные желтки с бетона, а потом знай себе сидит в плетеном кресле, потягивает пивко из банки — никакой тоски или злости — и слушает пла-

стинки Барри Манилоу, Бетт Мидлер и Джуди Гарленд. Музычка, конечно, так себе, но, как бы там ни было, мне он все равно по душе, поэтому я с ним стараюсь помягче. В данный момент через распахнутое окно до нас доносится «Эсквивел», сам же Кларк сидит в плетеном кресле между двух шезлонгов, под которыми прячемся мы. Музыка «Эсквивел» — крезанутое дерьмо. Возьмите саундтрек из мультика «Багз Банни», прибавьте к нему птичьи голоса, туземные барабаны, рев взлетающей ракеты и привкус сиропа от кашля во рту — и вот вы уже на полпути к пониманию того, что это такое.

Вся веранда Кларка сплошь уставлена и увешана горшками с растительностью, помимо этого здесь есть еще многочисленные белые полочки, на которых стройными рядами выстроились хилые держатели для горшков и раскрашенные вручную глиняные фигурки эльфов. Непрерывно позванивают на ветру китайские колокольчики и шуршат флажки, какие устанавливают на взлетных полосах для определения направления ветра. Над креслами раскачивается из стороны в сторону огромных размеров электрическая ловушка для насекомых с клеткой под напряжением и четырьмя фиолетовыми галогеновыми

трубками. Когда раздается бзззз, означающее, что в ловушку залетела мошка, мистер Кларк, который их терпеть не может, выражает по этому поводу бурный восторг. Вся эта байда — растения в горшках, плетеные кресла, ароматические свечи, надрывающийся «Эсквивел» и ловушка для мошек — создает атмосферу диких непролазных джунглей здесь, на веранде типового дома в центре огромного города. Я бы и глазом не моргнул, если бы мимо меня проскакала обезьяна. Бзззз. Два жука в ловушке. *Нанося выкуси, жучиное жаркое,* — говорит Кларк. В записи «Эсквивел» слышится, как две макаки сходят с ума. Грейс смеется и курит, лежа на спине под шезлонгом. Да, у меня снова здорово привстал.

— Нравится мне на этой веранде, Хэнк, — говорит она. — Чего у нас там видать, Кларки?

— Сейчас посмотрим, — заговорщицким шепотом отвечает мистер Кларк. Он подтягивается в кресле повыше и ставит банку с пивом на плетеный столик, явно из того же комплекта. — Так, я вижу, как двое мальчиков на цыпочках подкрадываются к статуе святого Василия на газоне у Коннеров.

— Которых двое? — спрашивает Грейс, потому что нам не видно улицы.

— Точно не скажу, — говорит он. *Бзз, бзз, бзз.* — Ура! Целых три! Сдохните, засранцы! Сейчас надену очки. О нет.

— Что такое? — переспрашивает она.

— Это Джереми Финн и Джеймс Мулейни, — сообщает он ей, — какие-то несимпатичные оба.

— И злобные к тому же, — добавляю я. — Они что угодно с собой притащат, чтобы только кого-нибудь сцапать: хоть черный кожаный пояс, хоть мешочек под яйца. Уж если заметят, то лучше спокойно и без выпендрежа идти за ними, а не то с них станется — мигом запищишь как Микки Маус.

— Хэнк, — говорит мне Грейс. — На позапрошлой неделе Джеймс Мулейни попытался меня поцеловать.

— Правда? — испуганно и раздраженно спрашиваю я. — А ты что?

— Врезала по роже, — говорит она. — Заодно, бля, пару прыщей ему выдавила. *Бзззз.*

— Вау, ну и жук, прям аэроплан какой-то. Мисс Макклейн, что за выражения? Мистер Тухи задал вполне прямой вопрос, — говорит Кларк, который ко всем детям обращается только так: мисс и мистер. Вообще он довольно старомоден, если не считать того, что целуется с мужчинами.

— Извините, — говорит Грейс. — А сейчас что они делают?

— По-прежнему крадутся к святому Василию. — *Бзз.* — Спи крепко, жукашка. Как мне нравится эта ловушка. За статуей святого Василия прячется крепенький мальчик с пальцем в носу. Ой, фу. Крепенький мальчик смахнул на святого Василия козюльку. Это кто такой?

— Козюлька Джонс, — отвечаем мы хором и со смехом переглядываемся.

— Козюлька. За что это его так окрестили? Не забудьте мне потом сказать. Похоже, он собирается идти на прорыв.

— Йоу йоу йоу йоу йоу, — доносится до нас пронзительный возглас. — Хватай эту жирную задницу.

— Убирайтесь с моего газона, вы, мелкие ублюдки, — орет чья-то мамаша.

— Они перетоптали миссис Коннер все цветы, — сообщает Кларк. — Бегут в нашу сторону.

Слышно, как бегут, потом кто-то падает на бетон.

— Тпру! — говорит Кларк. — Крепыш упал. Ой, бедняжка, расплакался.

— Ты зачем меня сшиб? Тут тебе не футбол, — хныкает Козюлька. Отсюда мне не видно, но я и

так знаю, что лицо у него пухлое, как у младенца, волосы темные, коротко стриженные, одет в черную бейсбольную майку с надписью СТАРУХА С КОСОЙ — стрёмненькая группа. Он всегда эту майку носит.

— Кончай хныкать, Козюлька, — говорит ему Финн (кудрявые грязные волосы, прическа как у ботана). — Никто тебя не сшибал. А упал потому, что, когда бежишь, палец, бля, из носа вынимать надо.

— Не было у меня в носу никакого пальца, — возражает Козюлька.

— Да он у тебя до сих пор там, дебила, — говорит ему Мулейни, несчастная жертва стрижки под горшок.

— Ой, правда. — Судя по всему, Козюлька извлекает палец из носа, дабы проверить, не пристало ли к нему чего. — И все равно ты меня сшиб.

— Короче, Козюлька, — говорит Финн, — давай топай в тюрьму, ты, жирный ублюдок.

Козюлька плетется по направлению к синему почтовому ящику, куда не меньше трех раз за вечер будет бегать Фрэнсис Младший, чтобы сообщить нам о том, что это государственная собственность и нас упекут в Холмсбург, если мы и дальше будем на нем сидеть.

— Прекрасно, господа Финн и Мулейни, — говорит Кларк. — А теперь, пожалуйста, следим за тем, что говорим, и дружно проваливаем от моего дома подальше.

— Ты это нам, что ли? — спрашивает Финн.

— Конечно, кому же еще, — подтверждает Кларк.

— Ты это серьезно?

— Абсолютно. Не хочу слушать, как вы выражаетесь.

— Ты мне не папаша и не *мамаша*, — говорит Финн и, готов поспорить, с ухмылкой косится на Мулейни, — чтобы указывать, что говорить и где.

— Я и не претендую. Я просто прошу вас проявить немного уважения, и идите себе дальше своей дорогой.

— Тебе бы, наверное, больше хотелось стать мне мамочкой, так ведь?

— Да не то чтобы очень, — говорит Кларк. — Тогда бы мне было стыдно, что я вообще существую на свете.

— Ха-ха, смотри, какая добрая фея, — говорит Финн.

Мистер Кларк продолжает все так же спокойно сидеть в кресле в футболке «Иглз» и выцветших

желтых шортах. Закидывает левую ногу на правую и чертит пальцем по влажному налету на пивной банке. — У меня к вам всего одна простая просьба, ребята: сваливайте отсюда, и дело с концом.

— Иди подрочи, гомик вонючий, — бросает Финн ему в ответ. — У меня к тебе тоже одна простая просьба.

Грейс порывается выскочить из-под кресла, но мистер Кларк ногой преграждает ей путь.

— Прекрасный вечер, мальчики, — говорит он. — Веет теплый ветерок. Уже через две недели он станет холодным. И я не смогу вот так сидеть на свежем воздухе, пить пиво и выслушивать оскорбления от мальчишек, которые и смысла-то тех слов, которые разбрасывают, как навоз, толком не понимают. Мне будет не хватать всего этого. Еще раз прошу: не будете ли вы так любезны убраться отсюда подальше?

— Базара нет, гомик, — отвечает ему Финн, затем следует придурочный гогот, но тем не менее оба уходят. Кларк длинным глотком тянет пиво, затем вздыхает и начинает насвистывать мелодию «Эсквивел».

— Черт возьми, Кларки, — возмущается Грейс. — В следующий раз не нужно меня оста-

навливать. Я бы легко надрала обоим их тощие задницы.

— В этом я не сомневаюсь, мисс Макклейн, но в моем доме злость и насилие не приветствуются. Никакой злости, никакого насилия, — произносит он медленно, так, будто каждое из этих слов весит не меньше тонны.

— Да хватит тебе. Сколько раз тебе дом загаживали? — спрашивает Грейс с раздражением и непониманием. По ней, если кто тебя ударил, нужно тут же дать сдачи.

— Конкретнее: на этой неделе, или в этом месяце, или за текущий год? — спрашивает он с мягкой усмешкой.

— Может, имеет смысл переехать, — вставляю я. — Здесь вокруг слишком много злобных типов.

— Никуда я отсюда не поеду. Здесь мой дом. Здесь я прожил всю жизнь. И из-за каких-то там злобных типов переезжать не собираюсь. Этого добра везде хватает. А обращаем внимание мы на них просто потому, что сами здесь живем.

— Ты вообще с какой планеты? — спрашивает Грейс. — Драться не хочешь, и бежать — тоже?

— Совершенно верно, — сообщает он ей. — Ни драться не буду, ни бегать ни от кого. Вот так-то.

— А я хочу уехать отсюда как можно дальше, — говорю я. — Купить себе ферму, где людей поменьше, а деревьев побольше.

— Людей поменьше. И как ты собираешься жить, если некому будет слушать твой бред, Хэнк? — фыркает Грейс.

Я буду читать книги в тени деревьев. Буду гулять босиком по траве. Буду целовать тебя под небом, где будет сиять жирная луна с двадцатью миллионами звезд в придачу. Я подарю тебе всю любовь, что есть во мне.

— Как-нибудь обойдусь.

— Сомневаюсь, — говорит Грейс, тушит бычок о пол, щелчком отправляет его в пепельницу в десяти футах от нас и успевает закурить следующую сигарету до того, как он приземлится.

— Должен признать, мистер Тухи, я удивлен и озадачен не меньше, чем мисс Макклейн, — говорит мне Кларк. — Мне вы кажетесь натурой чересчур деятельной для сельского уединения. Тишина вас попросту убьет.

— Возможно, — с поспешностью психа отвечаю ему я, — но попробовать все же стоит.

— Очень разумно, — говорит он. — Искренне вам желаю, чтобы ваша мечта сбылась. Не вижу в ней ничего невозможного.

Постепенно на ветру становится все прохладнее, и я начинаю чувствовать через одежду холод от цементного пола, на котором лежу. Мистер Кларк зажигает ароматическую свечку против насекомых с душным, сладким запахом. Грейс смотрит на меня из-под шезлонга. Когда она делает затяжку, ее глаза чуть-чуть сужаются.

— Эй там, на ферме, — говорит она мне, — тебе не холодно, Хэнкстер?

— Есть чуть-чуть, — отвечаю я, жалостно надувая губы.

— Может, стоит переместиться куда-нибудь, где бы мы вдвоем могли согреться? — говорит она.

Держите меня. В штанах встает, как по тревоге. Грейс смеется. Может, заметила, как у меня встал? Услышала, как он растет?

— Видел бы ты, какие у тебя глаза были, когда я это сказала. Как плошки, — улыбается Грейс. — Кларки, доложи обстановку на улице, — командует она. Тем временем мистер Кларк вскрывает следующую банку. «Эсквивел» давит на уши так, как будто нас с птичьим ревом атакует эскадрилья «летающих крепостей». Сразу четыре мошки одна за другой поджариваются в ловушке. *Бзз, бззз, бзз, бззз.*

— Спокойной ночи, жукашки. До встречи в

аду, — говорит Кларк. — Похоже, все тихо, мисс Макклейн. Эти уродцы еще раз прошвырнулись по улице, а затем удалились по дорожке, что у меня за домом. — Дом Кларка — последний в нашем квартале, поэтому дорожки идут с двух сторон. — Также должен заметить, что какой-то мальчишка, который все время надувает пузыри из жвачки, спрятался за мусорными баками магазина морепродуктов и оттуда закидывает мою веранду всякой гадостью.

Что-то большое и мокрое шмякается на пол. Кларк смеется.

— Кальмар. А вон еще летит, — почти с восторгом восклицает он.

Рядом с кальмаром приземляется пустая раковина от устрицы. Затем рыбья голова. Потом краб.

— Так-так, — говорит Кларк. — Идите и спросите, чего ему надо, а то он сейчас, того и гляди, китом в нас запустит.

Мы с Грейс выскакиваем из укрытия и засекаем Бобби Джеймса, который, согнувшись, прячется за мусоркой и, приложив руки ко рту, пытается нам что-то сказать. Рядом с ним Марджи.

— Прошу прощения за всю эту дохлятину, мистер Кларк, — говорит он и добавляет громким

шепотом: — Генри, Грейс, сюда, быстро.

— Вас не затруднит потом здесь прибраться? — спрашиваю я у мистера Кларка.

— Конечно-конечно, — отвечает он. — Я сам все сделаю, я же профи. Можете идти дальше играть с ребятами. Оставьте грязную работу взрослым.

— О'кей. Ну что, не пойдем по лестнице, перемахнем прямо через перила?

— Конечно, — говорит он.

— Круто. Давай, Хэнк, — говорит Грейс, перекидывая ногу через перила.

Мы смотрим друг на друга и улыбаемся, параллельно Грейс щелчком отправляет бычок в пепельницу.

— Пожелай доброй ночи мистеру Кларку, Хэнк, — напоминает она мне.

— Доброй ночи мистеру Кларку, Хэнк, — говорю я.

Мы смеемся. Грейс спрашивает меня, готов ли я к нашей рискованной затее. Я говорю, что стопудово готов. Мы спрыгиваем с крыльца и падаем, падаем, как два влюбленных друг в друга десантника.

Господи боже, Бобби Джеймс обжимается с Марджи прямо у ограды мусорки, и прерываются они только на секунду, чтобы нас поприветствовать.

— Мы решили, что вам двоим не помешало бы уединиться, — сообщает нам Джеймси, а затем, высунув язык, предлагает Марджи жвачку, которую она с удовольствием у него с языка сковыривает. Грейс всю аж передергивает от отвращения.

— Фу, какая гадость, — говорит она.

— Ничего, к мусорке скоро принюхаешься, — успокаивает он ее.

— Проблема не в запахе, а в том, что я вижу, — парирует Грейс. — Кстати, как вы узнали, что мы прячемся под креслами у Кларка?

— Кончик сигареты светился, — отвечает Марджи.

— Ой.

Какой-то косматый ублюдок выходит из задней двери магазина и швыряет мусор в баки. Склизкие рыбные отходы летят с верха переполненного бака прямо нам под ноги.

— Генри, — говорит Бобби Джеймс — его руки крепко, но неуклюже обвивают талию Марджи, — почему бы вам с Грейс не пристроиться с той стороны мусорки? А мы останемся здесь.

Черт, настало-таки время! Мне понравилось, когда Грейс меня оседлала, выйдя из душа, но вот целоваться — это совсем другое дело. Тут уметь

надо. У тех, кто плохо целуется, на лице розовые следы от пощечин, которыми их от скуки наградили девчонки. Похоже, Грейс тоже страшновато, потому что мы с ней понурив головы плетемся на другую сторону мусорки и стоим там целую вечность, не говоря ни слова. В животе бурлит, и сердце стучит так сильно, как будто внутри у меня работает сушильный барабан и кто-то молотит в тамтамы. Дверь магазина морепродуктов распахивается и тут же с силой захлопывается. Скрип. Бум. Все тот же хлыщ швыряет в мусорку еще пакет. Бух. Все вываливается нам на ноги. Плюх. Грейс подходит ко мне ближе, бросает сигарету, наступает на мусор и так нежно на меня смотрит. Никогда еще не видел такой зелени.

— Знаешь что, Хэнк Тухи, а ты и впрямь настоящий придурок.

— Это еще почему?

— Придурок — и все тут.

— О'кей.

— Ладно, проехали, я говорила тебе, что ты за хрен?

— Нет, ты сказала придурок.

— Одно другого не исключает, — улыбается она.

Быстрый взгляд зеленых глаз скользит по мое-

му лицу. Я отвечаю взглядом глаз голубых. Прядь волос с виска падает ей на губы. Я протягиваю руку и нежнонежно заправляю прядь ей за ухо. Как можно ласковей. Смотри, не ткни пальцем в глаз — все дело испортишь. Теперь тыльной стороной ладони прикоснись к ее щеке. Я чувствую, как от ее дыхания пахнет сигаретным дымом, но мне на это наплевать. Вблизи кажется, что ее коричневые веснушки отдают желтизной. Мочки чуть-чуть напоминают цветную капусту. Она кладет мне руки на плечи, и я жду захвата, но никакого захвата не следует. Я притягиваю ее к себе, и — бум — мы целуемся. Влажно и тепло. Вау. Перед глазами мелькают цветы, фейерверки, пакеты с отходами валятся сверху, из переполненных баков. В штанах член буквально кувыркается через голову, и какое-то странное ощущение поднимается вверх по ногам, к коленям, пока рядом кто-то не вскрикивает «Ага!» и не толкает нас. Бля, замели: Джереми Финн и Джеймс Мулейни. В тот момент, когда они хлопают нас по плечу, мол, поймали по всем правилам, не отвертишься, рука Финна проходится по правой сиське Грейс. Та от души отвешивает ему пощечину.

— Руки убери, мудак, — говорит она.

— Ух, люблю, когда ты обзываешься.

— Заткни пасть, а то… — предупреждает его Грейс.

— А то что? Генри на меня натравишь? Он побьет меня своей расческой?

Грейс закуривает сигарету и дает Финну кулаком в лицо. Тот падает в слезах.

— Ну-ка, отъебался от Хэнка и от меня тоже. Пошли в тюрьму, — говорит она, стряхивая пепел на Финна.

Грейс как всегда заломила мне шею в захвате и ведет по улице Святого Патрика, но не так жестко, как обычно, поэтому мне почти не больно. Мы идем, и я смотрю на ее веснушчатые ноги. В розовой дымке передо мной проплывают нарисованные детьми на тротуаре сердечки со словом ЛЮБЛЮ.

— Интересный тип этот мой старший брат Фрэнни, доложу я вам. Двадцать четыре года, работает на почте и переехал жить от нас через стенку. — Пауза. — В ближайшем будущем никакой девушки ему даже не светит. — Жду, пока засмеются. — *Он пользуется дезодорантом для собак.* Похоже, именно поэтому все девки от него и шарахаются. Вот чудные-то.

Я травлю байки пленным, сгрудившимся возле почтового ящика, чтобы поддержать их мораль-

ный дух. Тюрьма сильно подавляет. С людьми здесь творятся странные вещи. Но всего несколько анекдотов могут надолго поднять общее настроение. Я травлю анекдоты еще и потому, что в нашем направлении по улице крадется Гарри Карран, который намерен нас всех освободить. Чем смешнее рассказываю, тем больше на меня отвлекаются. И команда противника в том числе. Если Гарри удастся нас освободить, я смогу еще раз поцеловаться с Грейс за мусорными баками.

Однако смеются далеко не все. Бобби Джеймс обжимается с Марджи. Им бы отдельная комната не помешала. Лысый малыш Джим Джардин тоже не смеется, но это потому, что он наблюдает за тем, как они обжимаются, причем с таким видом, будто сам, того и гляди чего-нибудь трахнет. Надеюсь, это будет почтовый ящик, а не кто-нибудь из детей. Трахнуть почтовый ящик — федеральное преступление. Не смеется и Джеффри Гарри со стрижкой под бобрик, ну и хрен с ним, с педрилой. За исключением вышеперечисленных, все остальные, а именно: Грейс, Холи Хэллоуэлл (никаких сисек даже в проекте), Хизер Хеннесси (средней величины, многого не пожалел бы, чтобы взглянуть) и Козюлька Джонс — смеются. Даже ребята из другой команды подтягиваются к

почтовому ящику, чтобы послушать, что́ я несу, вместо того чтобы искать Гарри. Отсюда мне видно, как он летит на веранду через перила, затем вскакивает с быстротой полицейской ищейки, озирается и вновь исчезает из виду.

— А вот по поводу магазинов «Всё по доллару»? — вслух задаюсь я вопросом. — Куда, спрашивается, делись все центовки[25]? Все та же байда. Просто они подумали и решили, что оставшиеся девяносто пять центов им тоже не лишние. Если уж они столько дерут с меня за ракетку для настольного тенниса или за мячик на резинке, то, бля, даешь тогда ракетку из настоящего кедра, а то и из дуба. Правильно говорю?

— Нет, неправильно, Тухи-недоумок, — говорит Джеффри. — Эту шутку на прошлой неделе выдал Эдди Мерфи в «Субботнем вечере».

— Кто привел сюда этого тормоза? — спрашиваю я. — Джеффри, где твой хоккейный шлем? Ты же должен его всегда носить, а не только когда ездишь в желтом школьном автобусе.

Все смеются. У Джеффри аж пар валит из пустой

---

[25] Примечания: 25

Магазин товаров повседневного спроса типа «Тысяча мелочей». В классическом виде создан Ф. У. Вулвортом в 1879 г. Любой товар в нем продавался за 5 или 10 центов, отсюда и возникло название «центовка».

башки. Грейс пышет сигаретным дымом. Бобби Джеймс тискается с Марджи. Джим Джардин на них пялится. Гарри забирается на веранду уже ближе к нам. Мой член ликует и скачет. Поздний вечер на улице Святого Патрика. Полоски света от экранов телевизоров бормочут что-то невнятное, заглушая писк вьющейся вокруг них мошкары. Родители сидят на верандах, потягивают пиво и курят. В вечерней прохладе девчонки поливают газоны из шлангов. Автомагнитолы на Ав громко плюются дурацкой музыкой вроде «Джорни» или «Стикс». Гомон мужских голосов и звон бутылок несется из открытой (все лето напролет) боковой двери бара «У Пола Донохью». На подоконнике у Тухи Сесилия красит Сес ногти. Лампочки, горящие в окнах вторых этажей, будто гаснут, когда их заслоняют черные силуэты. Оконные стекла мерцают бледно-розовым, подсвеченные экранами телевизоров. На верандах, сквозь шипение радиоприемников, Гарри Калас и Ричи Эшберн комментируют баскетбольный матч. Где-то кричат, где-то смеются. Звонит телефон. Слышно, как вскрывают пивные банки и как давят ногой уже пустые. Ветер играет прозрачными занавесками, и те, словно призраки тощих девчонок в длинных летних платьях, реют над распахнутыми окнами.

Из открытой двери бара и еще из нескольких домов доносятся громкие одобрительные возгласы — значит, у «Филз» в игре случился удачный момент.

— До чего здорово, что в восьмом классе телки начинают брить ноги, — говорю я. — Жду не дождусь, когда наконец можно будет вернуться в школу и поглядеть на их ножки в синих гольфах и клетчатых юбках. По тому, как девчонка носит гольфы, можно сразу сказать, целуется она с языком взасос или нет. Ага. Не знали? Избегайте таких крошек, которые натягивают их себе аж на колени. От этих ничего не дождешься: они скорей розарий читать будут, чем дадут себя полапать. Девчонка, которая натягивает гольфы по самое «не хочу», уже на полпути в монастырь. Нет, нам нужны девочки, которые спускают гольфы до лодыжек. С этими есть чего ловить. Может, у них нелады с родителями, а может, просто любят повыпендриваться. Так или иначе, здесь вам зеленый свет. С такими можно сосаться хоть до второго пришествия.

Веранда забита взрослыми, среди них Гарри — в руках у него высокий бокал с холодным чаем, из которого торчит зонтик для коктейлей. Все покатываются со смеху.

— Вон он! — кричит кто-то. — Лови его!

Преследователи все вдесятером начинают охоту на Гарри, а он ставит стакан на поднос и несется к нам как угорелый, чтобы всех освободить. Это будет стремительный проход — один против десяти — по улице Святого Патрика. А теперь перейдем к прямому репортажу с места событий.

Карран обегает Иоанна Крестителя и перепрыгивает через табличку «Мондейл-Феррaро». Проносится мимо Франциска Ассизского — ого, он даже успевает потрепать птичку, сидящую у того на плече. Перемахивает через другую табличку «Мондейл-Феррaро», заключает в объятья святую Деву Гваделупскую и преодолевает еще одну табличку «Мондейл-Феррaро». Карран на пути к мировому рекорду по прыжкам через щиты с лозунгами безнадежно провальной партии демократов с дополнительным препятствием в виде мертвых лысых каменных святых в длинных одеждах. Карран рвется к бреши, образовавшейся в рядах его преследователей. Но что это? Он замечает старенькую миссис Шэппел, которая с трудом поднимается по ступенькам к веранде своего дома с корзинкой, набитой покупками. Карран переходит с бега на быстрый шаг. О нет.

Он собирается помочь миссис Шэппел затащить кошачью еду вверх по ступенькам, в гробу он видал мировой рекорд, не говоря уже о своем закадычном друге Генри Тухи, который только того и ждет, чтобы можно было опять пососаться с Грейс. Карран вырывает продукты из рук у миссис Шэппел. Она глядит на него, как черепаха после дюжины рюмок. Карран бежит вверх по ступенькам, но спотыкается. Корзинка вылетает у него из рук. Банки с кошачьей едой летят во все стороны. Он пытается их собрать. Оглядывается. Преследователи закрывают брешь. Ого, Карран опять бросается бежать. Пробегая мимо миссис Шэппел, он на ходу обещает ей, что сам потом все соберет. Но та все равно ничего не понимает. Ее ограбили? Ударило молнией? Мимо проносятся еще десять человек, и ей с трудом удается устоять на ногах. *Святой Петр, помоги мне, знать, пробил мой час?*

Двадцать пять футов до тюрьмы, пятнадцать футов. Томми Макрей идет на перехват — нет, не успел. Десять футов. Давай, Гарри, жми. Мне нужно еще попрактиковаться с поцелуями. Пять футов. Уже совсем близко. Ну, чуть-чуть! Бам! Свобода! Йиихаа! Я срываюсь с места и бегу прямо к мусорке, но не слышу, чтобы кто-то побежал

вслед за мной, и останавливаюсь. Где Грейс? Что за херня?

Все по-прежнему стоят у почтового ящика. Раздраженный, я возвращаюсь на место и вижу Билли Бурка и Кристиана Крампа, двух стриженных под ежик придурков из футбольной команды старшеклассников, и с ними Ральфа Куни и Джеральда Уилсона. Бурк в толстовке «Сиксерз», Крамп — в футболке «Темпл Аулз» без рукавов. Похоже, все четверо под мухой, и действительно, подойдя к ним, я чувствую, как от них разит скотчем и шнапсом.

— Притормози, Тухи, — говорит Бурк, а на лице улыбочка как у ковбоя Мальборо. — А ничего так бегаешь. Прям хоть в следующем году в футбольную команду записывайся.

— Что, не хватает мальчика на побегушках?

Они смеются, а мы, те, что помладше, только стоим и помалкиваем.

— Грейс Макклейн, — говорит Бурк, — твое место не здесь, а в Тэк-парке, вместе с остальными. Тебе что, разве еще нет пятнадцати? — спрашивает он, оглядывая ее с ног до головы.

— Мне четырнадцать. Просто выгляжу на пятнадцать, — улыбается Грейс ему в ответ. У нее слабость ко всяким придуркам постарше, и это

меня в ней бесит. — А что, там сегодня что-нибудь намечается? Что-нибудь стоящее? — интересуется она и знай себе надувает и лопает пузырь за пузырем из жвачки, которую я сам пробовал на вкус всего каких-нибудь пять минут назад. И каждый хлопок отдается во мне пощечиной.

— Да, может пригрести пара придурков из Фиштауна, — говорит Бурк. — Мы пришли узнать, собирается ли Генри со своими нам помочь. У нас там четверть кега пива. Ну, что скажешь, Генри-малыш?

— Не могу, — отвечаю я. — Сначала должен кое-какую хрень доделать. Потом домой.

Старшие смеются. Ральф чуть слышно обзывает меня ссыкуном.

— Генри. — Грейс раздраженно поворачивается ко мне. Она не может поверить, что я спасовал, не выдержал проверки. — Говорят же тебе, ты там нужен. Пойдешь ведь, верно?

— Нет, не пойду, — спокойно, но со злостью отвечаю ей я.

— Я понимаю тебя, Генри, — говорит Бурк, лыбясь до ушей. — Будь я в твоем возрасте, я бы тоже, глядишь, испугался. Оставайтесь, детишки, не ходите с нами. Пойдем, Грейс. Мы передадим Стивену привет от тебя, Генри.

— Да уж, непременно, Билли, — говорю я ему и добавляю *ебучая ебанашка* одними губами.

— О чем речь, дорогуша. От вас, от Тухи, нам и одного Стивена за глаза хватит. Может, кого бутылкой по башке огреть сподобится. Все равно уже почти всю вылакал. Пошли отсюда.

И они с пиратским смехом уходят по улице Святого Патрика.

Грейс, вся на нервах, скачет с одной ноги на другую.

— Идешь, Хэнк? Серьезно не пойдешь? А я хочу пойти. А, к черту все, пойду, — говорит она, отшвыривая бычок, и он приземляется мне прямо на сердце. Холи и Хизер кричат ей вслед *Подожди нас, Грейс, мы тоже.* Джеффри Гарри бормочет *Черт* и, обреченно качая головой, отправляется следом за ними. Теперь остались только любители поцелуев взасос, любитель поковыряться в носу Козюлька Джонс, любопытная варвара Джимми Джардин, добрый самаритянин Гарри и я. Козюлька вовсю орудует мизинцем у себя в ноздре. Джардин наблюдает за тем, как сосутся. Гарри гордо расхаживает с монетой в руке.

— Видал? Четвертак нашел. Повсюду валяются деньги. Стоит только поискать, — говорит он.

— Да, здорово, — бормочу я ему в ответ.

— Что не так? — спрашивает он. — Я что-то пропустил?

— Те ребята из Фиштауна скоро объявятся в Тэк-парке, — отвечаю я. — Билли Бурк и Кристиан Крамп приходили и звали меня на игру. Грейс ушла с ними.

— А меня играть не звали? — спрашивает он.

— Представь себе, вот так прямо взяла и ушла с ними, — говорю я.

— Почему бы им меня не позвать? Я же лучший игрок во всем городе, «Сиксерз» не в счет.

— Она хочет заставить меня ревновать, — говорю я. — Не иначе.

— Ну, мы как — идем? Нам еще надо зайти к священнику и в похоронное бюро, так ведь?

— *Йоу, смотри-ка,* — громко радуется Козюлька, у которого на носу висит сопля в добрый фут длиной.

Бобби Джеймс прекращает целоваться с Марджи. Смотрит на Козюлькину соплю долгим взглядом, прямо как на любимую девушку, затем сгибается и начинает блевать. Козюлька смахивает соплю с носа. Та ударяется о почтовый ящик, словно стрела из арбалета о железный поднос. Спортивные комментаторы орут из выставленных на веранды радиоприемников. *Длинный*

пас в центральную зону, мяч за пределами поля. Круговая пробежка в исполнении Майкла Джека Шмидта. Возгласы одобрения из бара и из домов по обеим сторонам улицы.

— Сначала по делам, — говорю я, — потом в парк. Пошли. Бобби Джеймс, тебя тоже касается.

Мы идем по улице Святого Патрика в сторону, где живет священник, где похоронное бюро, где спортплощадка, туда, где будем играть в баскетбол, туда, где будет драка, туда, где Стивен и Грейс. По пути я встречаюсь глазами с Сес, которая сидит у окна и двумя пальцами изображает знак мира. Я отвечаю ей тем же. Святые по обеим сторонам улицы пялятся на нас, пялятся в небо в ожидании знака свыше. Но небо безмолвствует.

10

— Слушайте, перестаньте вы мне голову морочить, просто заплатите, и все, — говорю я отцу Томасу Альминде, OSFS, этому молодому приходскому священнику, который по отдельности общается со Стивеном и с Сесилией Тухи по поводу полнейшего расхерака, творящегося у нас в семье. Помимо того, что отец Альминде наставляет на путь истинный семейство Тухи, он также готовит церковных служек, лупцует детишек из младших классов, курит сигары, попивает «Уайлд Терки», водит телок к себе в комнату и еще любит разыгрывать из себя дурачка, когда дело доходит до денег, которые он мне должен за то, что я три дня в неделю по вечерам сижу на телефоне у него в доме приходского священника церкви Святого Игнатия. Жмот потому что.

Дом священника стоит рядом с церковью и представляет собой большое белое приземистое здание в колониальном стиле. Из парадной двери сразу попадаешь в длинный темный коридор, где стены сплошь увешаны красными коврами и портретами архиепископов. По обеим сторонам

дверь в дверь идут кабинеты. Сразу за коридором — кухня, направо лестница наверх, налево дверь, ведущая в ризницу и дальше в церковь. В данный момент мы с отцом Альминде препираемся во втором справа, считая от входа, кабинете, как раз там, где я всегда сижу на телефоне. Кабинет, кстати, самый засранный из всех — и не кабинет вовсе, а попросту чулан: старый стол, железный стул, черно-белый телевизор, к нему антенна из алюминиевой фольги, три стены заставлены древними картотечными шкафами, на столе телефон на четыре линии, который не замолкает ни на секунду все то время, пока я вытрясаю из святого отца гребаную зарплату. Рядом со мной Гарри: стоит и боится. Бобби Джеймс ждет и боится на улице.

— Успокойся, — говорит мне отец Альминде. — Все я заплачу, как полагается. Сколько часов ты проработал на этой неделе? Шесть?

— Нет, десять, — поправляю его я.

— Подожди-ка, ты же у нас работаешь три дня в неделю по три часа.

— Так и есть, уже девять получается, святой отец. — Я начинаю выходить из себя. — Плюс еще час сверхурочно, когда вы уединились у себя наверху с миссис Маккьюн.

— Ах да, я и забыл, — задумчиво бормочет он. — У нее ко мне был один серьезный вопрос по тексту Библии.

— Кто бы спорил, святой отец, — говорю я ему. — Давайте резче уже.

— Ладно, положим, за десять часов я тебе должен пятнадцать баксов, верно?

— Нет, двадцать. Я получаю в час по *два* бакса, — уточняю я и показываю ему два пальца, сложив их буквой V.

— Два бакса в час? Да это же грабеж чистой воды, — улыбается отец Альминде мне в ответ. Волосы у него жиденькие и темные, зачесаны набок, лоб высокий и потому слегка затеняет лицо. Улыбка желтая и клыкастая, как у Гвен Флэггарт. Каждый раз, когда он разевает свое хайло, меня так и подмывает кинуть ему косточку. — Вот твои деньги, — говорит он и протягивает мне рваную, захватанную двадцатку.

— Спасибо. Что — так сложно было? — спрашиваю я у него.

— Если честно — то да. Что с вами, мистер Карран? Язык проглотили?

— Да, святой отец, — рапортует Гарри.

— А кто это там ждет снаружи — никак, Бобби Джеймс?

— Да, святой отец.

— Он тоже меня боится?

— Да, святой отец.

— Ну и слабаки, значит, оба, — заключает святой отец. — Не изволите ли ответить на звонок, мистер Тухи?

— Ни за что, — отрезаю я. — Мой рабочий день кончился.

— Да бросьте вы, право, меня ждут в кабинете, — говорит он.

— Значит, еще подождут, приятель, — огрызаюсь я.

— Там твой брат Стивен, осел, — говорит святой отец.

— А.

— Так что — ответишь?

— Да, конечно.

— Спасибо. — Он уходит к себе в кабинет разговаривать с братом. Я снимаю трубку.

— Здравствуйте, церковь Святого Игнатия, дом приходского священника, чем могу помочь? — крайне профессионально отчеканиваю я в трубку.

— У меня для вас кое-что есть, — сообщает мне таинственным шепотом некто из трубки.

— Правда? И что же? — интересуюсь я.

— Большой жирный хрен, — заявляет некто.

— Прекрасно. — Щелк. Какие только чудики к нам сюда не названивают. Просто уржешься порой. Дзинь.

— Церковь Святого Игнатия, дом приходского священника, чем могу помочь? — спрашиваю я.

— Религия — для дураков и слабаков, — заявляет мне еще один скучающий придурок.

— Излейте душу, — смеюсь я в ответ. — Может быть, я смогу что-нибудь для вас сделать?

— Та же мифология, и ничего больше, как у греков — одни сплошные боги да Эзоповы басни.

— Не скажите. Что-нибудь еще?

— Если ад и впрямь существует, то попам с монашками туда прямая дорога.

— Полностью с вами согласен. Приятно провести вечер. — Щелк. Дзинь.

— Церковь Святого Игнатия, дом приходского священника, чем могу помочь?

— Стив Смит, «Дейли ньюз». Ваша реакция на обвинения касательно того, что ваш приход отказывает бомжам даже в глотке чистой воды, не говоря уже про все остальное?

— Совет рекомендовал мне не давать комментариев по данному вопросу, — выпаливаю я (все как святой отец учил).

— Так вы не отказываетесь от предъявленных обвинений? — спрашивает он.

— Думаю, нет. Спокойной ночи, приятель. — Щелк. Дзинь.

— Церковь Святого Игнатия, дом приходского священника, чем могу помочь?

— Здравствуйте, — заплаканный женский голос. — Могу я поговорить с отцом Альминде?

— Мам?

— Хэнк?

— Что-нибудь не так? — спрашиваю я.

— Да нет, все в порядке, — отвечает она. — Все та же хрень с твоим папашей.

— Почему бы тебе просто не уйти от него, и все? — говорю я, хотя сам так не думаю.

— Куда идти-то?

— Тогда сама его выстави.

— А кто за все башлять будет?

— Так дело только в деньгах, ма?

— Нет, Хэнк. Все куда как сложнее. На мне Стивен и Сес. А еще Арчи. Нельзя мне их сейчас травмировать еще больше — и без того полно проблем. Мне просто хочется верить, что папаша твой рано или поздно станет держать свой член у себя в трусах, а не совать его куда попало.

— Нужно что-то с этим делать. Ведь у него *де-*

вушка на стороне, — говорю я ей.

— Это по-другому называется, — едко замечает мне в ответ Сесилия и выдыхает дым в трубку на том конце провода. — К тому же брак — долгая история, приятель. Поэтому в том, что он делает, нет ничего необычного.

— Ты что — серьезно? — Я совершенно ошарашен и разочарован.

— Да, серьезно, — подтверждает она.

— Да, но ведь сама ты никогда так не делала. — Пауза. — Ведь правда? Правда, мам?

— Помнишь того парнишку, с которым я общалась после Музея искусств? Он мне телефончик оставил.

— И ты с ним изменила папе? — спрашиваю я.

— Нет, Хэнк, — отвечает она, — хотя чуть было… Сес, давай-ка слезай с кресла Арчи.

— Но ведь ничего же не было, так?

— Просто я номер его тогда потеряла. А так — чем черт не шутит. Понимаешь, о чем я? Сес, если ты еще хоть раз ударишь Арчи по голове, я просто возьму и отвезу его на хрен домой отсюда.

— Нет, не понимаю, — говорю я. — Уж если женился на ком-нибудь — то любовь навеки, и точка.

— Не в этом мире, малыш, — совершенно спо-

койным голосом говорит она мне.

— Ну да, конечно, только не в этом мире, — с раздражением бурчу я.

— Ты у меня такой романтик, Хэнк, — говорит она, и я знаю, что она улыбается, и от этого мне становится теплее и легче на душе. — Слушай, отец Альминде у себя?

— Он, ммм, беседует с кем-то в кабинете, — отвечаю я.

— А. Кстати, а сам-то ты там что делаешь? Он что, попросил тебя поработать сегодня вечером?

— Не-а, я просто пришел за получкой. Он попросил меня пару минут посидеть на телефоне.

— Он платит за все как надо? — спрашивает она. — Ты же, по-моему, час сверху отработал?

— Да, он мне заплатил, — отвечаю я. — Правда, долго мозги пудрил.

— Как всегда. Чем занимаешься сегодня вечером? Ты же только что на улице гулял.

— Угу. Мы играли в «Свободу», а как закончили — сразу пошел к нему за деньгами. Потом, наверное, в Тэк-парк пойдем. Мяч в кольцо покидать, — осторожно объясняю я.

— Веди себя как следует. Никаких драк и все такое. Держись молодцом, как всегда, — говорит она.

— Заметано, — отвечаю я ей и знаю, что так и будет. Никаких драк, и я буду молодцом, как всегда.

— Отлично.

Входная дверь открывается и захлопывается. В кабинет с расстроенным видом входит отец Альминде.

— Тяжелый случай с этим парнем, — говорит он. — Никак не могу к нему пробиться. Меня к телефону?

— Ага, — говорю я, протягивая ему трубку.

— Кто? — спрашивает он.

— Моя мама, — почти виновато отвечаю я, хотя с чего бы мне чувствовать себя виноватым?

Отец Альминде смеется:

— И снова Тухи, ну и работенка, прелесть просто.

— Прелесть — это вы о ком, отец?

Тот снова смеется:

— О, *приношу свои извинения.* Конечно же не о тебе, голубчик.

— Отец, могу я задать вам один вопрос? С какой стати вы так печетесь о моей семье?

— А тебя это что — волнует? — интересуется он беззлобным и участливым голосом психиатра.

— Не-а, просто любопытно, — говорю я.

— Что ж, причина здесь одна — твоя мама та еще штучка, — признается он.

— Да бросьте вы, опять со своими шуточками.

— Кроме шуток. В твоем возрасте у меня тоже был старший брат вроде Стивена.

— У него погибла девушка, и он стал пить и драться с вашим отцом? — спрашиваю я.

— Нет, только два последних пункта, — говорит священник.

— Извините. И как же он выкарабкался из всего этого?

Он с грустью смотрит в пространство и оставляет мой вопрос без ответа.

— Все понял. Может быть, позже.

Мы выходим из парадной двери — сначала Гарри, прямой как палка, за ним я. Бобби Джеймс уже давно дожидается нас на крыльце. Вместе мы вываливаемся на тротуар и с удивлением обнаруживаем, что на Ав нет ни души: ни машин, ни народа, ни даже звуков нет. Видно только, как Стивен плетется на север по направлению к Тэк-парку. Из-за угла выплывает троллейбус и скользит мимо. Тоже на север. На какие-то полсекунды он загораживает нам Стивена, а когда проносится мимо — того уже не видно, он растворился где-то на спортплощадке.

«Агентство похоронных услуг Чарльза Макфаддена» стоит особняком высоко на холме на той стороне Фрэнкфорд-авеню, где все магазины. Велосипедная дорожка начинается как раз напротив. С виду здание похоже на дом приходского священника, разве что побольше будет раза эдак в два, и сам факт того, что оно возвышается над сбившимися в плотный рядок магазинчиками, придает ему такой вид, будто это никакое не агентство, а по меньшей мере мотель «Бэйтс», сошедший сюда прямиком со старых, предназначенных для показа под открытым небом кинолент 60-х годов.

Мы с Бобби Джеймсом в предвкушении предстоящей встречи. Гарри же, напротив, в полнейшем ужасе: его коленки колотятся друг о дружку, как пинг-понговые шарики в аппарате для приготовления попкорна. Мы подходим к белой резной двери из двух половинок, в каждой из которых — по овальному окошечку с золотистым стеклом. Я нажимаю на кнопку звонка. *Динь, дон, динь.* Мы с Бобби Джеймсом даем друг другу пять, а Гарри вполголоса бормочет *Только не открывайте, только не открывайте.*

Дверь резко распахивается. Перед нами в темном костюме стоит наш одноклассник Кевин

Макфадден. Кев невысокого роста, четыре фута пять дюймов или около того, с хорошей прической. Он восьмой, и младший, сын владельца агентства Чарльза Макфаддена, тоже коротышки, — росту в нем от силы пять футов и три дюйма. Рост остальных отпрысков в семействе, тех, что в промежутке между Кевом и его папашей, колеблется в пределах от шести футов двух дюймов до шести футов шести дюймов. Но, как уже выразилась Грейс по поводу Никльбэк-парка, природу надо любить. Кев — завзятый нытик, который вечно сокрушается из-за своего роста, — данной позиции с ней не разделяет.

— Йоу, — говорит Кевин.

— Чего надо, ребята? — спрашивает он.

— У нас дело к твоему старику, — сообщаю ему я.

— Что, убили кого-нибудь? — со смехом спрашивает Кев.

— Сегодня? Нет, пока еще не успели, — отвечает ему Бобби Джеймс. — А костюмчик для чего? На съезд коротышек собрался?

— Смешно. На себя поглядите, — говорит Кев. — Вы с Генри тоже ростом не больно-то вышли.

— Да, но мы с ним по крайней мере выше пяти футов, — заявляет ему Бобби с глубоким чувством

собственного достоинства.

— Во мне почти что четыре фута и десять дюймов, — с ничуть не меньшим чувством собственного достоинства сообщает нам Кев.

— Точно, всего ничего, каких-нибудь шесть дюймов осталось, братишка, — говорит Бобби.

Кев хлопает дверью. Джеймс звонит. *Динь, дон, динь.*

Кев открывает.

— Чего еще?

— Эй, ты там, мальчик-с-пальчик, — говорит Бобби, — папаня дома?

Шварк. *Динь, дон, динь.*

Дверь открывается.

— Советую тебе поскорее засунуть язык в задницу, придурок, — предупреждает Кев.

— Ты прав, извини, — говорит Бобби Джеймс. — А теперь сходи, пожалуйста, потяни папу за портки и скажи ему, что мы здесь, хорошо?

Шварк. Динь, дон, динь.

Дверь — по новой: мистер Макфадден (зачес назад):

— В чем дело, ребята?

Мистер Макфадден — мужик реальный, но со странностями, хотя чего другого можно ждать от владельца похоронного бюро. Он гордится своим

делом и не прочь кого-нибудь попугать. Есть неплохой шанс посмотреть на покойников, если нас вообще пустят на порог.

— Ничего, пап, ничего, — говорит Кев. — Так, просто дурью маемся.

— Ради бога, только не в похоронном бюро. Имейте уважение к мертвым, — говорит он нам, указывая на три гроба в небольшой комнатке поблизости от входа. Гарри принимается хныкать, а мы с Джеймсом обнимаемся, как две бабульки, которые только что выиграли в бинго[26].

— А в гробах что — трупы, мистер Макфадден? — интересуется Бобби Джеймс.

— Нет, но иначе вас не заткнешь. Заходите, — говорит он нам с улыбкой.

Изнутри дом напоминает мне один из тех, какие обычно показывают в старых фильмах о Гражданской войне, разве что поменьше и поневзрачней, но вообще-то он вовсе не такой уж маленький и вовсе не невзрачный. А вот чего здесь много — так это мертвых стариков: все как один в формальдегиде и во взрослых памперсах, менять которые им уже не придется. Первое, что бросается в глаза, когда заходишь, — это

[26] Примечания: 26

Игра, в которой обычно разыгрываются призы; современный вариант лото.

массивная лестница, ведущая наверх, туда, где и проживают все Макфаддены в полном составе, за исключением их покойной матери. Первый этаж целиком рабочий. От входа сразу налево — ниша под гардероб и дубовая стойка, на которой лежит книга посетителей и целая куча буклетиков, которые народ, приходящий посмотреть на покойников, все время украдкой ворует. Направо — кабинет мистера Макфаддена: темная комната, сплошь отделанная дубом, кожей и бархатом. В конце коридора справа — складское помещение, где хранятся всевозможные гробы, погребальные венки, что побольше, и все в таком духе. Напротив — комната для прощания с умершими, куда вносят скамеечку для коленопреклонения, сам гроб и складные стулья (десять рядов) для скорбящих. Специально для тех из вас, кто не осенен светом истинной католической веры и тем самым обрекает себя на муки адовы, поясню вкратце, как происходит церемония прощания с усопшим. Ближайшие родственники покойника становятся непосредственно у гроба. Остальные встают в очередь на прощание, хвост которой обычно теряется где-то далеко за дверью на улице, и один за другим преклоняют колена перед гробом, в котором покоится тело усопшего,

чтобы затем сказать несколько слов утешения тем членам скорбящей семьи, что еще остались в живых. В результате получаем нескончаемое столпотворение при непрерывных рыданиях. Сумасшедший дом. Лично я принимал участие в девяти подобных церемониях в «Агентстве Макфаддена»: двое прабабушек с прадедушками, две тети, один дядя, один троюродный брат и Мэган О'Дрейн. Хуже всего было, когда прощались с Мэган. Очередь растянулась на три квартала. Люди бросались наземь, вопили, кричали, колотили кулаками о землю. Ее родители рыдали в голос, причем мать походила на мумию, которую только что окунули головой в лужу, — так плотно была перебинтована ее голова. Арчи там не было, потому что он был еще маленький, да к тому же стал калекой.

Стивен Тухи, стоявший у гроба вместе с семейством О'Дрейн, не уронил ни слезинки. Лицо было совершенно как каменное, только в глазах безумный блеск. Он пожимал руки пришедшим почтить память и все смотрел через их головы на дверь, будто ждал, что войдет Мэган, но она лежала в гробу, и с того дня выражение его глаз больше никогда не менялось, по крайней мере если он был трезв.

— Ку-ку, Генри, ты здесь? — спрашивает мистер Макфадден.

— Что? — испуганно переспрашиваю я.

— Пошли наверх, договоримся насчет завтрашнего вечера, — говорит он мне.

— Да, насчет завтрашнего вечера, пошли, — соглашаюсь я.

Мы поднимаемся наверх в модную гостиную, где шагу ступить некуда от стульев с прямыми спинками, китайских шкафчиков и книжных полок, готовых рухнуть от веса лишней пушинки. Рассаживаемся кто куда.

— Гарри, — говорит мистер Макфадден, — что-то ты тоже неважно выглядишь. Случайно не захворал?

— А мертвецов тут нет? — спрашивает Гарри.

— Да вроде нет, если, конечно, ты сам сейчас здесь коня не двинешь, — отвечает тот. — Который час?

— Девять шестнадцать, — сообщает Гарри.

— Господи. Чуть не забыл, — говорит мистер Макфадден, а сам хватается за пульт от телевизора и включает нужный канал. — Кевин, нашу рекламу показывают. Смотрите, ребята.

Первое, что мы видим на экране, — это комната для прощания с умершими, где нет ни души, стоят

только девять гробов: в середине семь больших и по одному маленькому с боков. Из маленького гроба высовывается мистер Макфадден.

— Привет, я Чарльз Макфадден.

Из большого гроба высовывается его старший сын.

Бах. — А я Чарльз Младший.

Бах. — А я Джеймс Макфадден.

Бах. — Майкл Макфадден.

Бах. — Тимоти Макфадден.

Бах. — Томас Макфадден.

Бах. — Дэвид Макфадден.

Бах. — Джон Пол Макфадден.

Бах. — Кевин Макфадден.

Макфаддены вылезают из гробов, причем все они, кроме Кевина, либо лысые, либо на пути к этому. Кев отчаянно, но безуспешно пытается выбраться из своего. Пока он там извивается, семеро старших братьев встают возле отца, который говорит в камеру:

— Я в похоронном бизнесе уже тридцать лет. Если дела хуже некуда, «Агентство похоронных услуг Макфаддена» предоставит вам лучшее в мире прибежище, облегчит бремя забот, чтобы вы без лишних хлопот могли предаваться печали.

Кев по-прежнему силится выбраться из гроба.

— «Агентство похоронных услуг Чарльза Макфаддена» предоставит Вам гробы из сосны, красного дерева, дуба и слоновой кости в широком ассортименте, а также фирменные зеленые гробы со стильными изображениями символики команды «Иглз» на боковых стенках. Мы полностью берем на себя оформление договоренностей с поставщиками ритуальных товаров и церковной администрацией, подыщем подходящий участок на кладбище, дабы вы в полной мере могли отдаться во власть скорби и сострадания.

Кев Макфадден раскачивает свой гроб из стороны в сторону, пытаясь вылезти.

— Наша цель — должное отправление ритуала: достойно, сдержанно, без спешки.

Кев Макфадден вываливается из гроба на пол.

— Просто позвоните по телефону, указанному на экране. Все остальное сделает за вас «Агентство похоронных услуг Чарльза Макфаддена» в Холмсбурге на Фрэнкфорд-авеню.

Ролик заканчивается, и мы дружно начинаем издеваться над Кевом Макфадденом по поводу его нелепого падения.

— Кевин, не слушай их, — говорит ему отец. — Ты вполне справился. Да и не переснимать же весь ролик по новой — нам бы это влетело в

хорошую копеечку. Я смотрю, Гарри, ты возвращаешься к жизни.

— Да, — говорит Гарри, — мне уже намного лучше.

— Хорошо. Кто пойдет со мной в холодильную камеру? — спрашивает мистер Макфадден.

Мы с Джеймси с восторгом кричим *Мы, мы.* Гарри вжимается в кресло.

— Ну, тогда пойдемте, — говорит мистер Макфадден и ведет нас вниз по ступенькам на неосвещенный склад. Мимо гробов и гигантских стоячих венков, смахивающих на всю ту байду, что можно увидеть на гребаных скачках в Кентукки, мы идем в дальний угол помещения. Там серебристая железная дверь с ручкой как у холодильника, что само по себе, на мой взгляд, довольно логично. Мистер Макфадден с улыбкой распахивает ее, и нас обдает облаком холодного пара.

— Вон там на столах двое, — показывает он внутрь. — Готовы?

— Да, — отвечаю я.

— Да, черт возьми, — отвечает Бобби Джеймс.

— Господи, нет, — чуть слышно шепчет Гарри.

— Хочешь подождать снаружи? — спрашивает мистер Макфадден у Гарри.

— А можно?

— Дело твое, — бросает ему мистер Макфадден, в то время как мы с Бобби в один голос повторяем *Жмурики, жмурики,* словно какое-нибудь заклинание.

— Генри, Бобби, послушайте, — уже серьезно обращается к нам мистер Макфадден. — Это никакие не жмурики, а усопшие. Показать их вам мне не сложно — работа у меня интересная и важная, и я ее люблю, а потому готов с вами, чем могу, поделиться, — но вы должны ко всему здесь относиться с уважением. Идет?

Мы дружно киваем и изо всех сил тужимся, чтобы собраться и выглядеть по-взрослому серьезно.

— Вот так лучше, — говорит он нам. — Теперь пойдемте. Кевин, закрой дверь.

Не успевает дверь со щелчком за нами захлопнуться, как мы слышим стук снаружи.

— Мне тут страшно, — говорит Гарри. — Можно я тоже войду?

Холодильная камера (около пятнадцати футов в длину на десять в ширину) освещена множеством ярких желтых ламп. Нос моментально немеет от холода и начинает течь. Стены девственно белые, из обстановки только два жмурика — я имел в

виду, двое усопших — под голубыми покрывалами на железных столах с колесиками, плюс еще один такой же железный стол с инструментами у стены. Пока мы жмемся к двери, через которую только что вошли, мистер Макфадден идет прямиком к трупам.

— Да не стойте вы там, — говорит он. — Поближе подойдите. Поглядите.

Мы приближаемся к столу. Медленно. *Та-дам* — мистер Макфадден откидывает покрывало, словно фокусник, только что вновь собравший свежераспиленную девушку воедино. С той лишь разницей, что девушка на столе совсем не свежая, а толстая и мертвая. Лицо у нее иссиня-белое, глаза закрыты, и рот так странно искривлен, как будто она умерла, морщась от боли в кресле у дантиста. Короткие волосы с химической завивкой похожи на сальную стружку. Сисек не видно — остались под покрывалом. Но навскидку я бы сказал, что у нее — не меньше третьего. Мне немного страшно, но не до трясучки, как Гарри, который закрывает глаза рукой и уже готов обделаться. Бобби Джеймс стоит спокойно: мысли его мне не прочесть, но в целом поза говорит о том, что он чувствует примерно то же, что и я.

— Знакомьтесь, ребята, — говорит нам мистер

Макфадден, — это Марта Муни, замужняя, мать четырех детей.

— Привет, Марта, что случилось? — говорит Бобби Джеймс.

— Как дела, Марта, куколка моя? — спрашиваю я.

— Марта прибыла к нам позавчера ночью из «Назарет хоспитал», — поясняет мистер Макфадден. — Завтра ее выход.

— А как она умерла? — интересуется Бобби Джеймс.

— Выиграла в автоматах в Атлантик-Сити и рухнула замертво, — отвечает нам мистер Макфадден.

— Да ладно, — говорит Бобби.

— Бросьте вы, а если серьезно? — добавляю я.

— Куда уж серьезней, — говорит он. — Она пихала в автомат четвертаки, выиграла штуку — тут сердечный приступ: так и умерла на полу рядом с собственным выигрышем.

— Гадость какая, — говорит Бобби и дышит себе на руки. — Да, такой работе не позавидуешь.

— На самом деле все не так ужасно, как кажется, — говорит мистер Макфадден. — Мне нужно приводить в порядок только их лица. Всего-то и дел — убрать подкожную жидкость, немного

формальдегида, чуть-чуть косметики, и — вперед и с песней.

— А там кто? — спрашиваю я, указывая на соседний стол.

Мистер Макфадден укрывает Марту Муни и откидывает другое покрывало. Под ним оказывается лысый придурок, вылитый Носферату, в котором весу от силы фунтов восемьдесят и кое-где на теле видны какие-то отметины, напоминающие синяки в форме банана.

— Генри, спорим, кто ближе угадает, сколько чуваку лет, — говорит Бобби Джеймс.

— Ладно, ему где-то девяносто, — говорю я.

— Я бы дал поменьше: лет восемьдесят, — говорит Бобби. — Кто из нас ближе, мистер Макфадден?

— Никто. Это Джозеф Маккалистер, умер в возрасте сорока восьми лет.

— Да хорош пиздить, — выпаливает Бобби Джеймс до того, как это успеваю сделать я.

— Я серьезно, — заявляет Макфадден. — У мистера Маккалистера был рак, а рак, как известно, пленных не берет. Рак унес от меня миссис Макфадден, когда Кевин еще и матом-то как следует ругаться не умел.

Обдавая мистера Макфаддена паром изо рта,

мы говорим, что очень ему сочувствуем.

— Все в порядке. Спасибо, ребята. Я упомянул о ней для примера. Когда она только-только начала болеть, в ней было фунтов сто двадцать. А когда умерла два года спустя, то весила от силы семьдесят пять.

— Господи, — говорю я. — Это же очень трудно — возиться с мертвыми и при этом не думать о ней?

— Не так уж и трудно, — отвечает он. — Это моя работа. Я больше думаю о ней, когда кругом веселье, например, когда ем пончики, глядя на парад. Теперь к вопросу о женах: во сколько вы хотите, чтобы я вас покатал завтра вечером, Генри?

— Как насчет девяти тридцати? — говорит ему Гарри, нагло врываясь со своей расчетливостью в мои розовые мечты.

— Вполне, — отвечает ему мистер Макфадден. — Генри, кто-нибудь из вас вообще знает, как это делается?

— Не-а, — признаюсь я. — Просто я хочу, чтобы это был сюрприз.

Мистер Макфадден заливается смехом.

— Сюрприз будет еще какой, можешь мне поверить.

— А как вы сделали предложение миссис Мак-

фадден? — спрашиваю я.

Он поднимает глаза к потолку и снова смеется. Клубы пара вырываются у него изо рта, словно он никакой не мистер Макфадден, а скользящая по стене тень от маски на карнавальном шествии.

— На рампе, после приземления на задницу.

— Что? Так и было задумано? — спрашивает Бобби Джеймс.

— Да нет, болван. Катание на роликах в план входило, но безо всяких падений. Я начал встречаться с миссис Макфадден — с Дениз, тогда она еще была Дениз Макбрайд, — когда нам обоим было по семнадцать. На углу Коттман и Бруз была рампа, где раз в неделю устраивались танцы на роликах. Когда вы, ребята, были совсем маленькие, она все еще была там. Помните? Наверное, уже нет. В общем, мы с Дениз встречались уже шесть месяцев, и я знал, что она — та самая, единственная. Просто знал, и все. Я подождал, пока мы оба закончим школу, купил кольцо и принес его с собой на рампу. Она каталась очень здорово, а я, наоборот, очень плохо. Мы стали ходить туда в первую очередь именно поэтому. Она хотела научить меня кататься. Постепенно у меня тоже стало здорово получаться, за исключением того, что мне никак не давалось движение, когда

медленно едешь спиной вперед с ней за руку под песню «Земной ангел», которая ей очень нравилась и вообще была тогда хитом. Она просто с ума от нее сходила.

— Мне тоже нравится эта песня, — говорю ему я.

— Верно. И мне тоже, Генри, — говорит он. — Я решил, что выложу ей все как есть, когда мы будем катиться назад под эту песню. Целых два месяца я каждый день тренировался в разрывах между домами. Заработал себе на этом сотрясение и миллион ссадин, но в итоге у меня стало получаться довольно сносно. Потом настал тот самый вечер, заиграла та самая песня, и мы покатили назад, но только я достал кольцо из кармана, как приземлился задницей на асфальт. Кольцо вылетело. И с концами. А она меня переехала и тоже упала. Битый час все искали кольцо, и в итоге она таки его нашла. Я стоял на коленях, засунув голову в урну, и плакал. Она тронула меня за плечо, протянула кольцо и сказала да. Через месяц мы поженились.

— Вау, — все, что я мог сказать.

— Да, сработало. Гарри, может, личико-то откроешь?

— Только когда мы выйдем из этого заведе-

ния, — отвечает Гарри. — Пожалуйста, без обид.

— Без обид, — говорит мистер Макфадден, подмигивает нам с Бобби Джеймсом, тянется к выдвижному ящику стола, достает оттуда маску оборотня и надевает ее на себя.

— Я накрыл тела, Гарри. Можешь открыть глаза.

Гарри смотрит в щелочку между сложенными ладонями.

БУУ!

Гарри с визгом вылетает из холодильной камеры, а затем и из дома на улицу. Мы с Бобби Джеймсом смеемся до слез, согнувшись пополам и толкаясь плечами. Джеймси толкает меня слишком сильно, и я невольно дотрагиваюсь рукой до миссис Муни. Я издаю вопль ужаса, рядом начинает вопить Бобби Джеймс, и мы несемся прочь из дома вслед за Гарри, слыша за собой смех обоих Макфадденов.

— До завтра, Генри, — кричит мистер Макфадден нам вдогонку. — Я прихвачу с собой Марту Муни. Устроим двойное свидание.

11

Тэк-парк пахнет на три доллара: одеколоном и духами. Но это не потому, что каждый из шестидесяти тусующихся здесь ребят пользуется одеколоном и духами стоимостью в три доллара. Я имею в виду, что три доллара — красная цена той смеси запахов, что исходит от каждого из них в отдельности. Пятачок пучок, в базарный день. В субботу вечером от Тэк-парка попахивает.

Тэк-парк — это далеко не то же самое, что Никльбэк-парк. Спортплощадки в Филадельфии тоже зовут парками: Такавана-парк, Руссо-парк, Шарк-парк. На таких спортплощадках-парках обязательно есть баскетбольная площадка, реже теннисные корты с пробивающейся кое-где травой, усеянные собачьим дерьмом и пустыми банками из-под пива. Парки в общепринятом смысле этого слова, такие как Никльбэк-парк или Фэрмаунт-парк, где есть деревья, ручьи, дорожки — как велосипедные, так и для конных прогулок — и где протекает экологическая жизнь, в Филадельфии тоже зовутся парками. В Тэк-парке ничего такого нет и в помине, если, конечно, не

считать пробивающиеся сквозь растрескавшийся цемент чахлые сорняки садами, а деревянные спинки сидений с вытертыми логотипами «Севенти-сиксерз» — деревьями. Тэк-парк поделен на четыре равные части: баскетбольная площадка, место под парковку (для машин), место под парковку (для игры в стикбол) и два теннисных корта, где нет сеток, равно как и игроков. Баскетбольная площадка, где благодаря Гарри и мистеру Каррану всегда есть кольца с сетками, выходит на Ав и расположена через дорогу, ровно по диагонали от «У Манджоли». По соседству с баскетбольной площадкой стоит бетонная раздевалка, и огромный портрет Мэган О'Дрейн смотрит со стены на площадку. На портрете Мэган, у которой были сиськи третьего размера и рыжие волосы, стоит в желтой спортивной форме, прижимая к бедру футбольный мяч, и, широко улыбаясь, смотрит всем прямо в глаза. Никуда нельзя деться от пляшущего взгляда ее больших голубых глаз. Портрет появился на стене сразу же после ее смерти, поговаривали даже о том, чтобы переименовать спортплощадку в ее честь, но дальше разговоров дело не пошло. Парк так и остался Тэк-парком, а на стене появился гигантский портрет с простенькой табличкой

внизу, на которой коротко и ясно значится: МЭГАН О'ДРЕЙН, 1966–1983.

Фотография, с которой рисовался портрет, висит у меня в комнате у Стивена над кроватью и под моей кроватью соответственно. Портрет мне нравится больше. Днем, когда солнце бьет прямо в стену, Мэган, бля, просто сияет, вся такая живая и яркая. Даже вечером, в темноте, ее рыжие волосы, желтая форма и голубые глаза светятся так, как будто весь день впитывали в себя солнечный свет. Она кажется счастливой и святой, совсем не мертвой, и смотрит с теплом и любовью на ребят из нашего квартала, которых покинула навсегда. Иное дело фотография у нас дома. Она висит на стене между двух кроватей и потому всегда укрыта тенью и не знает солнечного света. Рамка темная и слишком большая, не по размеру снимка, поэтому впечатление такое, будто Мэган поймали в коробку и тем самым навсегда лишили солнца. На фотографии Мэган точь-в-точь такая, какая она и есть на самом деле: красивая и мертвая.

Сегодня вечером Тэк-парк буквально распирает от жизни: даже в воздухе как будто чувствуется электричество. Шестьдесят красиво одетых и приятно пахнущих девчонок и парней сгрудились

возле площадки и тянут пиво из пластиковых стаканчиков. Тусовка в разгаре: парни громко травят анекдоты или демонстрируют свою крутизну, девчонки хихикают и лопают пузыри из жвачки. И те и другие ждут, когда на улице стемнеет достаточно для того, чтобы можно было подраться и потискать друг дружку. Лето на исходе. Кег с пивом стоит непочатый. Телки выглядят аппетитно. В понедельник в школу. В прохладном воздухе витает ощущение чего-то, что должно случиться.

Пятеро фиштаунских бросают мяч по корзине на том конце площадки. Стрижка под ежик, злые лица, короткие спортивные шорты, футбольные кроссовки «Адидас» на невысоком подъеме, худые ноги, толстые гольфы.

Стивен стоит пьяный напротив портрета Мэган возле кега с пивом. Он не обращает внимания на портрет (он вообще никогда не смотрит в ту сторону), он срывает пробку и разливает пиво телкам. Пьяный, он веселит всех телок вокруг, а те поддаются силе его обаяния, даже несмотря на то, что Стивен в депрессии, но близко не подходят. Все девчонки прекрасно знают, что Стивен скоро напьется в стельку, а они окажутся в других объятиях.

Бобби Джеймс и Марджи Мерфи тоже здесь: сидят в сторонке и сосутся, не обращая ни на кого внимания. На них тоже никто внимания не обращает, за исключением конечно же Джима Джардина — этот глазеет, как всегда. Грейс курит и перекидывается шуточками с крутыми телками постарше (те ее любят). Изредка улыбается мне, когда я в прыжке посылаю мяч в корзину настолько чисто, что тот даже не задевает кольца. Что-что, а это у меня получается обалденно. Чего не скажешь про остальную команду. Крамп с Бурком крепкие, но невысокие. Они носятся по площадке как уродцы из местной команды по американскому футболу, ни дать ни взять два здоровенных робота, исполняющих балетную партию. Верзила Джорджи О'Кифи тоже играет за нас. Росту в Джорджи добрых шесть футов и семь дюймов при весе в сотню фунтов, если считать двадцатифунтовые брэкеты у него во рту. Ему семнадцать, волосы черные и жирные, и поперек рожи большими буквами написано «семинарист». Он принадлежит к тому типу парней, которые, досыта накушавшись за день всякой книжной мути у себя в семинарии, приходят на площадку, чтобы выпустить пар. Координация у него нулевая, подачи с отскока он принимать

не умеет, к тому же любой хилый мозгляк вроде меня запросто может вытолкать его за линию поля. Он мне нравится, даже несмотря на то, что играть не умеет. Он без дешевых понтов и при этом не ссыкун; большинство здесь присутствующих относится либо к первой категории, либо ко второй, либо к обоим вместе. Завершает список игроков нашей команды Гарри, который заплатил за игру Крампу и Бурку по десятке на рыло и теперь нарезает дистанции туда-сюда по площадке. Все над ним смеются, но ему насрать.

Несмотря на то, что в нашей команде кроме меня никто играть не умеет, победа все равно должна остаться за нами. В команде у фиштаунских нет никого, кто был бы выше пяти футов десяти дюймов и весил больше ста пятидесяти фунтов. Не говоря уж о том, что никто из них и в щит-то толком попасть не может, про кольцо я вообще молчу. В Фиштауне все гоняют в футбол. Они играют на посыпанном гравием поле под названием Ньютс, прямо под эстакадой, а их родители закидывают поле бутылками, если судья не видит нарушений.

— Ну что, пацаны твои готовы играть? — спрашивает один из фиштаунских, приближаясь к Крампу.

— Давно уж, — отвечает Крамп.

— Те двое мелких тоже за вас? — спрашивает он, показывая пальцем на нас с Гарри.

— Йоу, это, брат, наш центральный нападающий и опорный защитник, — отвечает ему Крамп.

Пацан из Фиштауна улыбается, обнажая два неполных ряда зубов.

— Чьим мячом играем?

— Нашим, — отвечает Крамп и показывает ему кожаный мяч, какие бывают только у тех, чьи отцы работают со сверхурочными. Что до всех остальных, то они могут похвастаться разве что каким-нибудь красно-бело-синим дерьмом с надписью «Сиксерз» вроде того, что приволокли с собой фиштаунские.

— До скольких играем? — спрашивает тот.

— До одиннадцати, с разницей в два, — отвечает Крамп.

— Ништяк. Потом меняемся?

— Не, проигравшие с поля.

— Хорошо. Есть у вас, пацаны, какие-нибудь особые правила, о которых нам надо знать?

Я вижу хороший повод для шутки. Шутки вызывают смех. Побольше смеха — и никого не изобьют.

— Да вообще-то есть парочка. Иди сюда, Гарри, — говорю я.

Гарри повелся, вот идиот. Ох и попрыгает сейчас у меня этот Даффи Дак. А я, пожалуй, выступлю в роли Багза Банни[27].

— Нельзя делать вот так, — говорю я и, словно каратист, бью Гарри ребром ладони в живот. *Ой,* вскрикивает Гарри. — И так. — Я с силой наступаю Гарри на ногу. *Уй,* стонет Гарри. — И вот так. — Я оттягиваю на себя его спортивные очки, а затем резко их отпускаю. *Господи, Генри, прекрати, мы же в одной команде,* хнычет Гарри. Взрыв смеха по обеим сторонам поля. Один из фиштаунских спрашивает, обращаясь ко мне:

— А как насчет этого, этого и вот этого? — а сам параллельно лупит ладонью по чем попало своего сотоварища по команде, а тот кричит *Ай, эй, какого, отвянь.* И снова взрыв смеха.

— О'кей, все всё поняли? Во *время* игры никаких драк, — заключает Бурк и с ухмылкой смотрит на десяток парней, кучкующихся возле кега с пивом. Эти — среди них я узнаю Ральфа с Джеральдом — явно пришли сюда подраться.

---

[27] Примечания: 27

Герои известной серии короткометражных мультфильмов «Багз Банни» компании «Уорнер Бразерз», где Багз Банни всячески издевается над своим противником Даффи Даком.

Сейчас с ними Стивен, но я не знаю, собирается он участвовать или нет. По трезвой точно не стал бы, но в данный момент трезвым его никак не назовешь. Шатаясь из стороны в сторону, он замечает меня на площадке.

— Генри! Это кто там, мой братишка, что ли? Точно, он, — тянет он невнятно и выбегает на площадку: потный, в руке бутылка, завернутая в мусорный пакет, — торчит только горлышко.

— Смотри, как надо, Генри, — говорит он мне.

Он забирает мяч и бежит вперед, небрежно ведя мяч и насвистывая гимн штата Джорджия. Походя делает пару красивых забросов. Все кругом смеются, все, кроме Бурка.

— Ладно, Тухи, хорош уже, — говорит он. — Возвращайся за линию. Верни спортсменам мяч.

Стивен отвечает ему улыбкой, которая красноречиво отсылает Бурка на хер, и идет прямо на него, пока Ральф Куни не бросает ему навстречу *Давай вали с поля, ты, пьяный ублюдок.* Стивен резко, всем корпусом поворачивается к Ральфу, подходит к нему вплотную, лицом к лицу.

— Ну-ка повтори, Ральф, что ты сказал? — спрашивает он.

— Я сказал, давай вали с поля, ты, пьяный ублюдок, — говорит Ральф.

— У тебя какие-то проблемы?

— Может быть.

— Либо есть проблемы, либо их нет. Ну?

Ральф смотрит в землю, потом делает попытку провести удар снизу, но Стивен уже ждет этого. Он через голову стягивает с Ральфа футболку и под всеобщий смех дает ему пинок под зад.

— А теперь отвали, и чтоб я тебя больше не видел, — говорит Стивен.

Ральф, красный как рак и со слезами на глазах, натягивает футболку обратно и смотрит на смеющихся над ним девчонок.

— Поглядим, как они посмеются, когда я притащу сюда папину пушку и пристрелю тебя, — цедит он сквозь зубы.

— Уже сто раз от тебя это слышал, — говорит ему Стивен. — Притащи пушку и пристрели меня, а нет — так заткнись и не тявкай.

Ральф снова краснеет и затыкается.

— Молодец, песик, — бросает ему Стивен и вновь поворачивается к девчонкам у кега: — Ну-с, девчонки, на чем мы остановились? По-моему, я только что открыл здесь бар и пригласил в него вас, красивые вы мои.

Девчонки хихикают. Стивен наполняет стаканы. Он уже успел забыть про Ральфа, который

стоит и курит в сторонке.

Игра началась. Каждый держит своего игрока. Я пытаюсь отнять мяч у парня, который достался мне. Чувака зовут Стэн, у него нет левой руки. Он водит мяч правой. Я заставляю его сместиться влево. Как только он переводит мяч себе на южную сторону, я его обворовываю, прохожу к кольцу и делаю заброс. Один: ноль, мы ведем. Грейс зажимает сигарету губами и усиленно хлопает в ладоши. Стивен выкачивает пиво из кега. Районные отморозки хлещут пиво. Бобби Джеймс целуется взасос с Марджи Мерфи. С той стороны Ав за нами украдкой следит большое круглое окно над входом в церковь Святого Игнатия, словно это Яхве своим окосевшим с перепою глазом наблюдает за тем, как грешные ребятишки загрязняют воздух на его планете пивной отрыжкой и запахом поддельной французской туалетной воды. После моего прохода фиштаунские отыгрывают очко. Затем следует три-четыре небрежных атаки. Вот один изобразил нечто похожее на бросок с угла, но мяч вылетает из кольца, предварительно постучавшись об него двенадцать раз подряд. Да уж, мы играем явно не с «Селтикс».

Чем дальше, тем игра становится все более

бестолковой. Джордж О'Кифи и Гарри делают по три броска каждый — и все мимо кассы. Фиштаунские сначала пробегают шагов десять в сторону нашего кольца, а потом лупят со всей дури в щит, как будто не мячом играют, а кирпичами. После удаления мы на двадцать минут остаемся вчетвером. Толпа за боковой линией усердно опустошает кег и не обращает на игру никакого внимания, только Грейс встречает все мои действия одобрительными возгласами или же, наоборот, улюлюканьем. Пиво льется рекой, парни начинают потихоньку приставать к девчонкам. Стивен отбрасывает пустую бутылку из-под скотча — вдребезги — и переключается на холодное пиво из пластиковых стаканчиков. Капает счет. Я забрасываю два двухочковых. Бурк и Крамп сломя голову летят к корзине, чтобы потом промазать мимо кольца. Джорджи забрасывает навесом с трехочковой отметки. Фиштаунские все время догоняют нас в счете, находя бреши в нашей обороне и пользуясь тем, что Бурк с Крампом время от времени уходят с поля, чтобы наполнить свои стаканы. При счете 10:9 в нашу пользу шальной мяч попадает Гарри в голову и отскакивает прямо в кольцо. Гарри скачет от радости так, как будто только что выиграл в ло-

терею (что в данном случае не столь уж далеко от истины), и вдруг теряет стекло от очков. Игру останавливают, чтобы дать ему возможность поползать на четвереньках и поискать стекло на земле.

Фиштаунские собираются в кучку посовещаться. Бурк с Крампом, два придурка, бочком-бочком присоединяются к своим, чтобы все окончательно спланировать насчет драки. Стивен спотыкается и едва удерживается на ногах. Он рассказывает что-то смешное двум каким-то девчонкам. Те с тревогой переглядываются. Джеймс сосется с Мерфи. Грейс подбрасывает сигарету тыльной стороной ладони и ловит ее губами под аплодисменты небольшой группки собравшихся вокруг нее зрителей. Гарри ползает по цементу, извиваясь между народом, который стоит, пьет пиво и громко разговаривает. Я пробираюсь к фиштаунским. У меня есть план по их спасению, но нужно все ловко обделать.

— Йоу, — говорю я, обращаясь к Стэну, этот парень свой.

— Йоу, — отвечает он мне.

— Видишь вон тех, возле кега? — говорю я ему и киваю (но не показываю) в нужную сторону.

— Да? — говорит он, подразумевая *и дальше*

что?

— Они собираются после игры набить вам всем морду, — сообщаю ему я.

— Что? — переспрашивает Стэн со злостью, но без капли удивления. Теперь меня слушают все пятеро.

— Они хотят наброситься на вас сразу после игры.

— А ты что вообще за хрен с горы, чтобы мы тебе верили? — спрашивает Стэн.

— Я Генри, Стэн.

— Не называй меня Стэн. Дружбанов своих звать так будешь.

— Извини, просто хотел помочь.

Стэн делает лицо попроще.

— Почему сейчас говоришь? Зачем нам знать раньше времени? — спрашивает он меня, и тут парни у кега замечают, что я базарю с фишта-унскими, и начинают тыкать пальцами в нашу сторону, а Гарри кричит:

— Я нашел стекло! Все в порядке! Продолжаем игру!

— Слушайте, у меня есть идея, как вас спасти, — говорю я.

Я спасу их тем, что вознесу молитву Господу или же нарисуюсь дурак дураком — все зависит

от того, как вы на это посмотрите.

— Что? И как же? — спрашивает меня Стэн.

— Просто постарайтесь выбросить мяч подальше за линию. А там уж я сам. Потом ждите моего знака. И бегите. Всё понял? — спрашиваю я, уже полностью поглощенный претворением своего плана в жизнь.

Стэн утвердительно кивает и бросает беглый взгляд на остальных своих. Игроки трусцой возвращаются на поле. Билл Бурк кладет мне сзади руку на плечо и нацепляет свою ковбойскую улыбочку. И мне тут же представляется картинка, как он пятнадцать лет спустя на этой же самой площадке бьет своего сына за то, что тот упустил пас.

— Генри, ты что, сговариваешься с противником? — спрашивает он.

— Нет, просто говорю им, что у них против нас нет шансов, — вешаю я ему в ответ.

— Это точно. — С этими словами он протягивает Стэну мяч. — Готовы?

— А то, — угрюмо, но, похоже, не испугавшись, отвечает Стэн.

Фиштаунские начинают водить мяч туда-сюда по площадке, но по кольцу при этом не кидают. Хорошо. Действуют по плану. Толпа за боковой

стала вести себя громче и уделять больше внимания игре. Мяч отлетает к боковой линии, туда, где толпа гуще и стоит кег с пивом. Грейс кричит мне, чтобы я, черт возьми, возвращался в защиту. Стивен плюхается задницей на бетон и тут же встает со смехом, но без радости в глазах. Его мертвая девушка смотрит сзади через его плечо. Джеймс и Мерфи целуются взасос. Толпа гудит, множество мрачных лиц с ненавистью глядят на пятерых ребят из такого же квартала, как и наш, только победнее. Стэн отдает пас своему игроку футов на десять выше его, и мяч покидает пределы поля. Свою часть плана они выполнили. Теперь моя очередь. Я трогаю наплечники — на удачу: перед такой большой толпой я еще ни разу не проповедовал. Бурк возвращает мне мяч. Я дважды подвожу мяч к боковой, потом бегу к скамейке, вспрыгиваю на нее и застываю с мячом у бедра. У меня нет никаких заготовок. Для начала я, конечно, возношу хвалу Господу. Вариант беспроигрышный. Иногда во время проповеди приходится нести всякую чушь, просто чтобы потянуть время, в конце концов, мы же не на лекции о ракетных двигателях. Бога я называю Иисусом, Иеговой или Мешковенчанным Владыкой — то так, то так.

— Эй, ты там, козлина мелкая, заткни хлебало, — кричит мне кто-то из толпы.

— *Заткнуться?* — переспрашиваю я. — Я возношу хвалу Господу, слышишь ты, придурок?

— От придурка слышу. Заткни пасть, — кричит он мне. Симпатии публики продолжают оставаться на его стороне.

— В таком случае хрен с ним, с Богом, я буду возносить хвалу сиськам, — в отчаянии я решаю сменить тему. — Я люблю сиськи больше самой жизни. Я люблю твои сиськи, и твои, и твои тоже, — провозглашаю я, каждый раз указывая то на одну девчонку, то на другую. — Будь моя воля, я бы их выращивал. Я бы возил их в колясочках. Я бы кормил их молоком, а то все обычно только и делают, что норовят сами к ним присосаться, затем вытирал бы отрыжку, укладывал баиньки, пел бы им колыбельные и сидел бы с ними, пока они не уснут. Я бы купал их в ванне, раскладывал на полочках, любовно гладил и сжимал.

На секунду я останавливаюсь, чтобы посмотреть на реакцию: по крайней мере, толпа немного попритихла, кое-кто даже подхихикивает, но только не Грейс, которая, судя по всему, не на шутку злится на меня за то, что я прилюдно заявил о своей любви ко всем без исключения сиськам

на планете. Что ж, ладно. Рано или поздно ей все равно придется с этим смириться.

— Да, люди, сиськи! Соски! В лифчиках! Или без лифчиков! Так даже лучше! Кто из вас взойдет на эту скамью и возгласит слово о том, что любит сиськи не меньше, чем я? Забудьте о страхе, ребята! И девчонки тоже! Ведь ваши души тоже открыты любви к сиськам! Да и есть ли в них хоть что-то недостойное всеобщей любви? Братья и сестры, поднимитесь же на лавку и да возвестим вместе о своей любви. Есть ли в ком-нибудь из вас искра чистой любви? — брызнув слюной, вопрошаю я у толпы, которая опять начинает глухо ворчать. То тут, то там слышатся выкрики *гомик* и *мудак,* конечно же в мой адрес. Хрен с ними, пусть кричат.

Я смотрю на своего брата Стивена Тухи, памятуя о том, как четыре года назад, когда мне было девять, а ему четырнадцать и он играл в финале чемпионата среди юниоров, между двумя игроками завязалась драка, которая тут же переросла во всеобщую свалку: сначала в бой вступили скамейки запасных, за ними ринулись на поле трибуны. Зрелище напоминало сцену из Гражданской войны, не хватало только бород и синих мундиров. Стивен пробился к боковой линии,

где валялся мегафон, и запел «Ну кому нужна война?», при этом он плясал как ненормальный до тех пор, пока драка не прекратилась. Все так и замерли, заломив друг другу шеи, с орущими ртами, готовые отгрызать конечности. А Стивен пел еще как минимум полчаса, пока все кругом не перестали драться и не начали хохотать.

Я хочу, чтобы вернулся прежний Стивен, я рву глотку, чтобы пробудить любовь хоть в ком-нибудь вокруг, а сам неотрывно смотрю на него. И все, что мне от него нужно, это чтобы он откликнулся на мой призыв. Стивен, возвращайся, мать твою. Стань веселым парнем, как раньше. Скажи, что ты еще со мной, что твое сердце еще не умерло до конца. Пожалуйста, стань снова моим героем. Разве не видишь — я почти плачу перед толпой этих тупых ослов. Помоги мне не дать им устроить бойню на глазах у твоей погибшей девушки, которая смотрит со стены.

Стивен вспрыгивает ко мне на скамейку. Расцеловывает меня в обе щеки, правда тут же чуть не падает обратно, но, помахав руками в воздухе, успевает поймать равновесие. Пиво, расплескавшись у него из стакана, орошает потрескавшийся бетон. Он заявляет, что любит сиськи и Иисуса Христа почти так же горячо, как и пиво. Я хмурю

брови. Тогда он говорит, что любит все перечисленное в равной степени. Я строю недовольную рожу. Тут он поправляется и говорит, что любит в первую очередь Иисуса, а уже потом пиво и сиськи — вновь я хмурю брови и говорю, что правильней было бы поставить на первое место сиськи, а уже потом все остальное, не важно в каком порядке, все равно это никого не колышет. Стивен исправляется: сиськи, пиво и затем уже Иисуса, я соглашаюсь. Мы оба смеемся. Я перевожу взгляд на Стэна и одними губами говорю ему *Беги.* Они срываются с места и бегут прочь от толпы в сторону калитки, что в противоположном углу площадки, почти ровно по диагонали через дорогу от церкви. Кто-то замечает их и кричит *Уходят!*

Сначала в погоню бросаются человек двадцать, за ними следует вся орда. Все орут в один голос. Толпа единым гребаным потоком проносится мимо меня. Стивен спрыгивает со скамейки и бежит за остальными. Фиштаунских настигают у самой калитки. Первым Стэна. Кто-то сзади срывает с него футболку. Стэн исчезает из виду. Остальные четверо оборачиваются — их тоже заглатывает толпа. Уже лежа на бетоне, они продолжают отбиваться. Сыплются удары и пинки.

Кричащее месиво. *На, сука, на, сука, на, на.* Визжат девки. *Мочи, мочи ублюдков.* В толпу врезается Стивен. Растаскивает за шиворот дерущихся. Потом получает сам. Падает, опять поднимается. Бьет в лицо кого-то с битой в руках. Ральфа Куни. Бита со звоном отлетает на бетон, как сорванный грозой колокольчик на школьном дворе. Грейс тоже рядом и вопит *Хватит, хватит.* Кроссовки печатают по лицам. Кровь брызжет из разбитых ртов и носов, а лица все словно отупевшие от наркотиков. Льется кровь из голов. Крики. Пятеро фиштаунских лежат на земле не двигаясь. Районные отморозки месят их по лицам, по шеям и ребрам. Прыгают им на живот. *Нравится, сука?* Церковь нависает над дерущимися, словно вампир в развевающемся плаще. Ральф Куни поднимается и подбирает биту. Занеся ее над головой, идет по направлению к кровавой куче. Вдруг раздается вой полицейской сирены, и он бросает биту. *Копы копы копы. Бежим!* Вся толпа несется назад в мою сторону. А я как стоял на лавке, так и стою. Стивена не видно. Толпа проносится мимо. Чувствую, как кто-то тянет меня за руки, знакомые голоса — Грейс, Бобби, Гарри — кричат мне *Бежим, Генри, бежим.* Не могу даже посмотреть на них, просто вырываюсь и слышу,

как они убегают. Появляются патрульные машины. Не могу сдвинуться с места, да и не сдвинусь, пока сам не увижу, как всех ребят распихают по машинам «скорой помощи». И не побегу никуда отсюда. Я, в отличие от остальных ублюдков, ничьи лица в бетон не втаптывал, а они пусть валят на хрен отсюда, если им так надо.

Красные блики от мигалок на кирпичной стене церкви. Пятеро ребят лежат, распластавшись на бетонных ступеньках спортплощадки. Только один шевелится — это Стэн. Лежа на спине, он приподнимает голову и смотрит себе на руку, потом вновь падает головой на бетон. Грудь неровно колышется от прерывистых вздохов. Прибывают два фургона реанимации. Водители загружают ребят в открытую заднюю дверь. Фургоны с воем исчезают где-то на Ав. Тишина. Рядом со спортплощадкой по-прежнему стоят три патрульных машины с включенными мигалками. Копы сгрудились возле калитки. Им что-то громко и возбужденно рассказывает какой-то старик, и они, запрокинув головы, начинают смеяться. Мистер Джеймс тоже там, с ними, но ему не смешно: он смотрит, как я стою на скамейке в сотне ярдов от него. Подходит ближе — причесаться сегодня он не успел.

— Генри, с тобой все в порядке? — спрашивает он.

Я киваю утвердительно — или мне кажется?

— А где Бобби Джеймс? С ним все нормально?

Еще кивок.

— Он в этом участия не принимал, верно?

Хрена. Не буду отвечать. Он и так знает ответ.

— Ты видел, что здесь произошло? — спрашивает он.

У калитки народу собирается все больше, все больше галдящих придурков. Все что-то громко и возбужденно говорят. От такого эти ублюдки просто тащатся.

— Генри, ты не видел, кто их так?

Дует холодный ветер. Осенний ветер. Он пахнет дождем и расшвыривает мусор по площадке. Я гляжу на ту сторону Ав, туда, где кладбище.

— О'кей. Необязательно сейчас мне обо всем рассказывать. Но хотя бы слезть с лавки ты можешь?

Я смотрю на него, потом себе на ноги. Ноги на скамейке, шнурки развязались. Я слезаю на землю.

— Давай отвезу тебя домой, — предлагает он.

Я молчу в ответ.

— Ладно. Все равно вон идет твой брат Фрэн-

ни, — говорит он.

— Привет, — говорит Фрэнни. Лицо у него озабоченное. — Я слышал сирены. Что стряслось?

— Разборка на спортплощадке. Пятерых увезли в больницу, — объясняет ему мистер Джеймс.

— Господи, — испуганно говорит Фрэнни. — Что, и Стивена тоже?

— Нет, все пятеро из Фиштауна, — говорит мистер Джеймс.

— Генри, Стивен тоже был здесь? — спрашивает Фрэнни.

Я не в состоянии ответить ему, даже несмотря на то, что он очень волнуется.

— Слушай, ты сам-то в порядке? — спрашивает он.

— Не знаю, — глядя прямо на него, отвечаю я. Я не испуган. Просто не в себе.

— Давай-ка я лучше отведу тебя домой, — говорит он, рукой обнимая меня за плечи, и я сразу чувствую себя в безопасности. — До скорого, мистер Джеймс, увидимся завтра на свадьбе. Передавайте от меня привет Джинни, о'кей?

— Обязательно, — говорит мистер Джеймс ему в ответ. — Неплохой способ развеяться после всего этого.

— Что верно, то верно, — говорит Фрэнни.

Мы идем домой той же дорогой, по которой недавно убегала толпа, рука Фрэнни по-прежнему лежит у меня на плече — и под ней, но нигде больше, мне спокойно. Повсюду либо черное небо, либо земля вся в крови, одни лишь яркие фонари Тэк-парка освещают нам путь. Мы покидаем площадку и исчезаем в темноте улиц, уходим прочь от Ав, не замечая никого вокруг и не говоря друг другу ни слова.

12

Музыка — мой лучший друг, если не считать людей. Она поднимает мне настроение, помогает разобраться со всякими мыслями и прочим дерьмом, благодаря ей мое сердце полно любви. Я в спальне у родителей, один, сижу и смотрю в большое окно, выходящее на улицу Святого Патрика. Сижу без света. Чтоб рассматривать пластинки из коллекции Сесилии Тухи, мне вполне хватает мягкого бело-пурпурного отсвета из окна от телеэкранов в соседних домах. Мне нравится просто держать эти пластинки в руках. Слушать, как они поскрипывают, когда достаешь их из конверта. Кончиками пальцев трогать бороздки на их поверхности. Со смехом рассматривать странные прически и прикиды на обложках. Читать названия песен и их продолжительность. Гадать, как выглядят все эти юные лица сейчас, двадцать или тридцать лет спустя.

В доме тихо и темно, если не считать света в ванной и работающего телевизора внизу. Сесилия и Сес спят вдвоем на маленькой детской кроватке Сес. Сесилия обнимает Сес длинной и тонкой

рукой. Они лежат, как две куклы-близняшки, которые начинают двигаться, если их поцелуешь в лоб, с одинаково светлыми волосами, длинными ресницами и ровным, глубоким дыханием. Внизу Фрэнсис Младший храпит, утонув в своем кресле La-Z-Boy[28], вцепившись руками в подлокотники, словно космонавт, напрягшийся перед взлетом. Под правой ладонью уютно примостился пульт. Я тихонько вытащил его, когда только пришел, и стал щелкать кнопками, переключая каналы с ответного матча «Филлиз» (где ублюдок Майк Шмидт успел-таки добежать до базы и тем самым решил исход встречи) на драматический сериал про больницу, потом на мыльник про жизнь техасской деревенщины, пока не наткнулся на юмориста. Это был какой-то лысый придурок в замызганной олимпийке. А байки он травил про свою жену, как она ворует столовые приборы и сидит на мессе рядом с любителями дать храпака. Пресная жвачка. Ничего пошлого. Думаю, если бы я стал смотреть, то очень скоро захрапел бы в две дырки с Фрэнсисом Младшим на пару, поэтому я стал скакать дальше, пока не нашел проповедника с золотыми зубами в тон часам и перстням у

[28] Примечания: 28
Американская марка по производству мебели.

него на руке. Он улыбался дьявольской улыбкой, сильно потел и постоянно повторял слова *греховодничество* и *прелюбодеяние*, какую бы там херню это ни означало. Разбираться не хотелось. Мне необходимо было подумать. Ни Бог, ни телевизор тут не помогут. Только музыка. Я сунул пульт обратно Фрэнсису под руку (она немного подергивалась во сне) и отправился наверх.

Под стереофоническим проигрывателем в спальне родителей понимается дубовый монстр, доставшийся Сесилии в наследство от моего дедана. Диск сидит посередине этого гроба под тяжелой крышкой. Когда ставишь иглу на пластинку, руки исчезают по самые локти в пасти у этого чудовища. Колонки вынесены с двух сторон по бокам и любовно целуют в уши качественным звуком. Слышно абсолютно все: как пальцы крадутся по грифу гитары, как звенят бубны, будто колокола в церкви, как шелестят кисточки по тарелкам на ударной установке, словно это мим собирает тряпкой пыль с библиотечных полок, слышны все шлепки, хлопки, смех и чихи.

Когда я был маленький, стереофония стояла внизу и играла безостановочно, между тем как Сесилия скакала вокруг, убиралась и постоянно меняла пластинки. А я тем временем спал

головой к колонке. Тогда она, помню, ставила в основном соул и диско: Спиннерз и Би Джиз, альбомы «Rubber Band Man», «Jive Talking». Я люблю диско, заявляю это открыто и прямо, без тени стыда. Это уже история, как бы там ни было. Пару лет назад, когда все мы немного подросли и Фрэнсис с Сесилией начали скандалить, Сесилия перестала слушать пластинки, перестала петь и плясать, и Фрэнсисы, следуя ее указанию, перетащили проигрыватель наверх.

Что касается подбора музыки, тут у Сесилии Тухи есть все, чего только душа пожелает. Эрнест Таббс, братья Клэнси, Майлз Дэвис, Мэл Торме, Том Джонс, Дженис Джоплин, Джефферсон Эйрплейн, АББА, Аэросмит, братья Смазерз, братья Айзли. Старое кантри, ритм-энд-блюз, рок-н-ролл, биг-бэнды, джаг-бэнды[29], ансамбли свинговые и джазовые, классический рок — дальше перечисляйте сами. И все это стоит здесь, вдоль стен в одной маленькой спальне, благодаря чему она походит на складское помещение какой-нибудь радиостанции с непонятно откуда взявшейся сломанной кроватью посередине. Сесилия выстроила все пластинки по десятилетиям и по

[29] Примечания: 29

Ансамбли, где наряду с традиционными инструментами используются предметы домашнего обихода.

именам исполнителей в алфавитном порядке. Вот, скажем, берем букву Б. В 50-х годах мы имеем: Хэнка Бэллэдера и Миднайтерз, Гарри Белафонте, Фредди Бэлла вместе с его Белл Бойз, Чака Берри, Пэт Бун, Джеймса Брауна с группой «Хиз фэймоз флэймз», Джонни Бернетта. Дальше идут 60-е: Джоан Баез, Бэнд, Барбэрианз, Бич Бойз, Битлз, группа Джеффа Бэка, Би Джиз, Арчи Белл и его команда под названием «Дреллз», Биг Бразер и его «Холдинг Компани», Буккер Ти и Эм Джиз, снова Джеймс Браун, Баффало Спрингфилд, Бёрдз. Теперь 70-е: Бэчман Тернер Овердрайв, Бэдфингер, Бэджер, еще раз Би Джиз (на этот раз в более прикольном светлом прикиде), Блэк Сэббат, Блю Ойстер Калт, Джексон Браун (никак не связанный ни с Джеймсом, ни с Флэймз), Роки Бернетт. 80-е, когда стереофония была изгнана с первого этажа и, вместе со всеми пластинками, позабыта той, что еще недавно их собирала, представлены куда как скромно. Должен, однако, заметить, что у нас все-таки есть альбом «Thriller» Майкла Джексона. Это я настоял. Но и только, все остальное — полное фуфло.

Я стою в нерешительности: чего бы поставить? Вот так всегда: слишком большой выбор. Хотя копаться в пластинках для меня всегда было

большим удовольствием — мне нравится смотреть обложки. Картинки с альбомов 50-х годов — это уже само по себе смешно. Почти на всех — портретные фотографии милых мальчиков с нарисованным румянцем на щеках: на одном плече висит спортивная куртка, на другом — два десятка счастливых девиц. А рядом обязательно какая-нибудь крутая спортивная тачка. Прически — это вообще отдельная тема. Конечно, я уважаю их за то, что они все так тщательно причесывались, но меня буквально тошнит от их общей прилизанности. Избыток геля на голове сразу выдает любителя. Стыд и позор гомикам. Здесь, в 50-х, по мне, в мужском зачете лидирует обложка альбома «Chet Atkins' Workshop», где Чет в свитере с большим воротником стоит с электрогитарой на фоне крезанутой научной лаборатории, где полно всяких колб. Не знаю почему, но именно эта картинка нравится мне больше всех.

У девчонок с обложек 50-х годов вид еще слишком монашеский, часто можно увидеть юбки, закрывающие колени. Зачем, бля, уж настолько-то? Приятное исключение составляет обложка с альбома Джулии Лондон под названием «Calendar Girl»: двенадцать отличных фотографий Джулии в коротеньких шортах и во всевозможных

бикини — прекрасный материал для самопроизвольного поднятия члена в штанах. Примерно такого, как сейчас. Другим сильным членовозбудителем служит альбом «Swingin' Easy with Bill Doggitt», где телка в бикини и на высоких каблуках стоит, прислонившись к скале. Во мне вдруг просыпается желание потереться об эту картинку членом. Ну на хрен. А вдруг зайдет Сесилия и застукает меня за этой байдой — меня ведь тогда мигом за ухо препроводят прямиком к священнику.

В этом плане обложки 60-х годов выглядят намного лучше, хотя странностей здесь тоже куда больше. Буквы названий начинают непомерно раздуваться, словно перекачанные шины. На заднем плане появляются радужные грибы, деревья, цветы, фермы с животными. Парни перестают прилизывать волосы, но вместо этого отпускают длинные космы и начинают делать завивку (шаг вперед — два шага назад). Народ рядится в индийские сари, джинсы клеш со стразами, нацепляет на себя бусы и фиолетовые солнечные очки. Никаких тебе длинных юбок — хвала, бля, Господу, — плюс у всех телок волосы прямые и распущенные. Никогда не понимал, зачем женщинам короткая стрижка и завивка тоже. На

фига им все это, спрашивается, сперлось?

Любимую обложку 60-х годов назвать затруднюсь: слишком много из чего выбирать. У нас есть и «Are You Experienced», и «Mr. Tambourine Man», и «Rubber Soul», и «Bringing It All Back Home», и «Psychotic Reaction», и «Psychedelic Sounds of the 13th Floor Elevators», наконец «The Who by Numbers», «Disraeli Gears», «Music from Big Pink». И это только мужские группы. Телки и того лучше: Ширелз, Ронеттс, Эйнджелс, Шангри-Лас, Сьюпримз. Вау. Так бы всех их и перецеловал у нас за мусоркой. Хотя, конечно, все они отдыхают перед Нэнси Синатра с ее альбомом «Sugar». Сиськи у Нэнси буквально выпрыгивают из лифчика, чтобы сказать: «Генри, вздремни-ка между нами». К тому же, что еще более важно, Нэнси стягивает с себя трусики бикини. Чтоб я сдох. Об *эту* я непременно потрусь членом, но только не сейчас.

Про обложки 70-х вообще, бля, лучше забыть. Они сочетают в себе все самое худшее из того, что было в 60-х — косматые хиппи в пиратской одежде, — с худшими чертами 50-х — полное отсутствие природных пейзажей на заднем плане. Конечно, если не считать альбом «Country Life» группы Рокси Мьюзик. Вот это на самом деле здорово так здорово. Описывать не буду: неудобно

как-то. Всем, кто не видел, советую взглянуть, но ни за что не покупайте, потому что музыка голимая.

Просмотрев миллион обложек, я наконец останавливаю свой выбор на Битлз. «White Album» — на двух пластинках, обложка чисто белая, без всяких картинок. Но уж коли вы Битлз, то можете себе позволить выпускать альбомы хорошей музыки без сисек на обложке. Оно бы, может, и не помешало, но хули это надо делать, в конце-то концов? Я вытаскиваю из чехла часть вторую и аккуратно, за краешки, ставлю пластинку на диск. Затем щелкаю кнопкой Вкл. Держатель с иглой поднимается, замирает на секунду, слегка покачиваясь из стороны в сторону, и опускается. Я беру его и переставляю сразу на песню «Good Night», она последняя в альбоме и самая моя любимая из всех Битлз. Игла скребет по бороздкам, пошла музыка — я откидываюсь в кресле.

На улице начинается дождь, первые крупные капли стучат по окну с интервалом в десять секунд и, словно птичье дерьмо, оставляют потеки на стекле, которые сияют в свете уличных фонарей, будто гирлянды на рождественской елке. Дождь все усиливается и опускается на улицу тихой тяжелой дымкой. Вода потоком

бежит по стеклу. Я смотрю на нее, а в животе у меня пусто от страха, сердце так и колотится, в голове туман. Я думаю о тех ребятах: как они лежат на тротуаре и истекают кровью, умирают, может быть, — откуда мне, бля, знать. Я думаю об их мамах, которые сейчас, наверное, сидят у больничных кроватей и тоже смотрят в окно. Может быть, они молятся? Может, просят Бога простить тех придурков, что ногами в лицо били их сыновей. А может — требуют у него мести или вообще просят его катиться куда подальше. На месте этих ребят могли быть Грейс или Стивен, Бобби Джеймс или Гарри. Ведь они тоже все там были. Возможно, если бы что-нибудь подобное случилось с ними, я бы разозлился. Возможно, у каждого обозленного есть своя, похожая на эту, история, объясняющая, почему он стал такой злой: ночные поездки в больницу, где его ребенок лежит, подсоединенный к трубкам, которые закачивают в него новую кровь взамен той, что теперь засыхает пятнами на спортплощадке. Гора счетов на разваливающемся столе, слишком маленький дом, втиснутый в улицу вместе с семьюдесятью семью точно такими же, сломанная машина, ноющее колено, плохая работа, где нужно каждый день таскать почту, мерять ногами

свой участок, долбить отбойным молотком асфальт на дороге. Пустые счета в банке. Слишком много бетона и слишком мало зелени, в кошельке и за окном. Вот такие каждодневные косяки в основном и определяют жизнь на улице Святого Патрика, но только не мою: клал я на все на это с высокого дерева.

Я планирую убраться отсюда подальше вместе со своей семьей, вместе с Грейс Макклейн. Грейс. Надеюсь, она любит меня хотя бы вполовину так сильно, как люблю ее я. Надеюсь, когда мы поцеловались, она почувствовала то же, что и я. Должен признать, в тот момент я даже понятия не имел, что делаю. Я наклонился к ней и раскрыл рот — оставалось только надеяться на лучшее. Ощущение было, как будто я тянусь за яблоком, балансируя на суку, который вот-вот подо мной обломится: хорошо еще вспомнил, что глаза надо закрыть. До идеала мне, конечно, пока далеко. Нам нужно просто продолжать практиковаться, только и всего. Эта мысль греет мне пузо и выгоняет из головы неприятные воспоминания о сегодняшней драке. Я посылаю мои чувства, только самые хорошие, всем вокруг и начинаю засыпать под голос Ринго.

Дождь принимается барабанить чаще, но

не громче. Все прощает и смывает. Уплывают первые поцелуи и драки на спортплощадке. Я пододвигаюсь к окну и смотрю на улицу Святого Патрика с ее домами. В домах бродят люди. Свет в окнах то зажигается, то гаснет в такт плавным струнным переборам пластинки. Я даю глазам расфокусироваться, и все движения улицы сразу становятся синхронными, как движения жеоподобных пловцов-олимпийцев. Через равные интервалы, то слева, то справа, из дома под дождь выбегает мамашка в бигудях и купальном халатике и волочет с газона или с тротуара под навес на веранду детский трехколесный велосипед. В конце квартала отцы семейств, пошатываясь и неумело ныряя в лужи «Будвайзера» глубиной в десять футов, с «джефф-хэтами» вместо пловцовских шапочек на голове, в порядке строгой очередности вываливаются из парадной двери бара «У Пола Донохью».

Я чувствую любовь к ним, к ним ко всем, и придвигаюсь еще ближе к окну, ближе к ним, к настоящим святым с улицы Святого Патрика. Упираюсь лбом в стекло. Бусинки дождя мигают, словно звезды на крышах двухцветных машин. Потоки дождя несутся вдоль бордюров и стекают в люки, смывая с тротуара гнутые крышки,

разбитые бутылки и сердца. Внутри домов люди молятся на фотографии Папы Римского, в отчаянии заламывают руки и корчатся на синтетической обивке диванов. Они молятся об отпущении грехов, о том, чтобы «Филлиз» стали чемпионом мира, о спасении в форме денег, которые могли бы избавить их от жизни на этой улице, в этом районе, в этих домах, трепещущих, как сердце, и тонущих, как камни. Страх и разочарование плывут повсюду и захлестывают почти все, что есть хорошего, но не до конца. Ринго шепчет *Спокойной ночи всем и везде.* Я сползаю глубже в кресло. Я сплю и готов грезить, как всегда.

Первое, что я слышу, — это как кто-то внизу с силой хлопает дверью, затем — звук иглы, скребущей по пластинке, которую я так и не выключил: в горле ощущение примерно такое же. Болит шея. Дождь кончился. На улице Святого Патрика тихо и ни души. Уличные фонари светят своими нимбами. Внизу приглушенные голоса. Я выключаю стереофонию и на цыпочках крадусь к лестнице.

— Так, значит, ты у нас *разнимал* драку и заработал по голове? Вообще, я слыхал, что люди, возвращающиеся домой с разбитой башкой, обычно участвуют в драках, а не разнимают дерущихся, — слышу я голос Фрэнсиса Младшего.

— Может, он правду говорит, Фрэн, откуда ты знаешь? — говорит Сесилия.

— Дрались с фиштаунскими. Биты, ножи, стволы, толпа отморозков, — говорит Стивен заплетающимся языком.

— Фиштаун? Биты? Стволы? Фрэн, ты понимаешь, о чем он?

Меня пугает то, что Стивен упомянул о ножах и стволах. Я ничего такого не видел.

— Конечно нет, — говорит Фрэнсис Младший. — От такой пьяни разве услышишь чего путного?

— Фрэн, только, бля, по новой начинать не надо, — сварливо бормочет Сесилия. Они с Фрэнсисом, как всегда, начинают закипать в параллельном режиме.

— Ничего я не начинаю. Просто ему в этом доме наплевать на всех, кроме себя любимого.

— Неправда, — говорит Стивен.

— Заткнись, — говорит Фрэнсис Младший. — Еще слово — и ты у меня схлопочешь по морде.

— Хорош из себя крутого строить, — спокойно и без злости отвечает ему Стивен.

— Фрэн, лучше притормози, а то вы сейчас снова начнете друг друга мордовать, — предупреждает Сесилия.

— Никто не смеет меня мордовать. Это мой дом.

Я сам здесь кого хочешь измордую.

— Пап, что за бред ты несешь, — говорит Стивен, постепенно тоже закипая.

— Стивен, прекрати, — умоляет Сесилия. — Идите-ка, оба, спать.

— Я пойду спать тогда, когда захочу, — орет Фрэнсис Младший. — А завтра с утра, как обычно, встану и пойду на работу. А ты, верно, о таком слове и не слышал, да, Стивен?

— У меня тоже есть работа, — говорит Стивен.

— А сегодня вечером ты там был? — орет на него Фрэнсис Младший.

— Что? — переспрашивает Стивен, стараясь изобразить удивление.

— Ты все слышал. Я спрашиваю: ты ходил на работу сегодня вечером или нет?

— Ты сам видел, что да.

— Я видел, что ты вышел из дома в рабочей одежде. А сейчас я вижу, что на тебе ее нет. Где рабочая одежда?

— На работе оставил.

— Врешь. Ты не ходил на работу. Я звонил туда. Сказали, что ты отпросился по болезни.

— Ма, скажи ему, чтобы не тыкал пальцем мне в лицо, — уже в бешенстве говорит Стивен.

— Фрэнсис Тухи, ну-ка отошел на хрен от сына

подальше. Разборок мне здесь не нужно.

— Я у себя в доме и буду стоять, где хочу, — орет он.

— Ма, скажи ему, чтобы не тыкал пальцем мне в лицо, — повторяет Стивен.

— Да ты посмотри на его голову, Фрэн, — умоляет Сесилия. — Неужели снова будешь его бить?

— Быстро убрал от меня свой гребаный палец, а не то… — рявкает Стивен.

— А не то — что? — орет ему в ответ Фрэнсис Младший. — А не то — что ты со мной сделаешь, а, крутой? Мало я тебе вчера по роже настучал, еще хочешь? А что — мне не сложно, а если по *заслугам* — то тем более.

— Что такое, наш герой-любовник расстроился?

Тишина. Бац. Кто-то получает удар. Что-то падает на пол. *Ублюдок* — орет Фрэнсис Младший. Стивен молчит. Кричит Сесилия. Что-то разбилось.

— Эй, Генри-задница, может, пойдем в мою комнату и послушаем пластинки? — спрашивает Сес, которая выглядит так, будто спать и не ложилась, если не брать во внимание шалаш у нее на голове.

— Эй, сквернословка, ты, никак, проснулась, —

говорю я. — Что хочешь послушать?

— Сам выбирай, — говорит она мне. — Что-нибудь веселое, ладно?

В таком случае выбор очевиден: Сонни и Шер, альбом «Good Times». С этими никогда не ошибешься. Я выуживаю с полки нужную пластинку. Обложка — так себе, особенно если учесть, что сисек у Шер вообще не видно, а кроме того, прическа у Сонни Боно (челка, как будто только что сбежал из психушки, и длинные лохмы сзади) — хуже не придумаешь. Мысленно проклиная отсутствие сисек и ужасную прическу, я направляюсь в комнату Сес, где она лежит у себя на кровати на спине, заложив руки за голову. Я сажусь на розовый пластмассовый стульчик, один из тех, какие можно увидеть на чайных вечеринках у девчонок-пятиклассниц, и его ножки тут же сгибаются под моим весом.

— Что, папа со Стивеном опять друг из друга дерьмо вышибают? — спрашивает Сес.

— Что? Нет. Они просто танцуют сальсу, поэтому так шумно. Белые — что с них возьмешь?

— Только после такой сальсы потом почему-то приходится вправлять половицы, — со смехом говорит она. Потом спрашивает, уже серьезно: — Стивен снова пил?

— Ага, — грустно отвечаю я.

— А ты, когда вырастешь, тоже будешь пить? И драться с папой? И будешь так же мешать мне спокойно спать?

— Нет.

— Стивен, когда был как ты, наверное, тоже так говорил.

— Да ты что? — спрашиваю я. — В моем возрасте Стивен уже давно пил.

— Нет, не пил, дурак.

— Да точно пил. Он и в классе пил. Пиво. А бутылки открывал об полочку для мела.

— С ума сошел? Он так не делал, — говорит Сес, и в голосе ее удивление пополам с раздражением.

Внизу по-прежнему дерутся, но разобрать ничего нельзя, потому что закрыта дверь, а в комнате на полную мощность орет инструменталка «У меня есть ты, детка». Готов поспорить, и Фрэнни уже там.

— Генри, я серьезно, — говорит Сес. — Не хочу, чтобы ты пил.

— О'кей, не буду, — обещаю я.

— Но ведь все кругом пьют.

— Неправда, — говорю я. — Вот, скажем, мама не пьет.

— Зато принимает таблетки, — напоминает она мне.

— Ты-то откуда знаешь про таблетки? — спрашиваю я у Сес, а та хмурится, теребит зеленые бусы на шее и начинает их жевать.

— Мистер О'Дрейн пил пиво за рулем, когда разбился на машине, — выпаливает Сес. — И из-за этого Арчи не может ходить. И Мэган умерла и сейчас в раю. А у миссис О'Дрейн на лице шрамы. А Стивен всегда грустный и пьет.

— Откуда ты все это знаешь?

— Нужно слушать, что люди кругом говорят, чувак, — говорит она, как Грейс или Мэй Уэст.

— Надо пропускать мимо ушей всякую фигню.

— Легко сказать. Все кругом шепчутся.

Внизу что-то тяжелое рушится на пол. Фрэнсис Младший орет. Стивен орет на Фрэнсиса Младшего. Сесилия с Фрэнни орут на Стивена и Фрэнсиса Младшего.

— Зачем люди пьют, если от этого они становятся несчастными? — спрашивает Сес.

— Думаю, они от жизни несчастные, и пьют, чтобы обо всем забыть, — отвечаю ей я.

— А ты от своей жизни несчастный? — спрашивает она.

— Нет. Ведь у меня есть ты, малышка, — отве-

чаю я, с улыбкой глядя прямо на нее.

— Где ты таких слов наслушался? — Сес смеется. — Но это правда, я знаю. Я всегда с тобой.

Мы обнимаемся, и я смотрю на постер мисс Пигги, висящий на стене. Трудно поверить, что всего пару часов назад «Филобудильник» наяривал здесь так, что мебель ходуном ходила.

— Мы по-прежнему будем жить вместе, когда станем рок-звездами? — спрашивает Сес.

— Угу, — говорю я.

— На большущей ферме?

— Угу.

— Я, ты, мама, папа, Стивен, Фрэнни, Грейс и Арчи, да? — спрашивает она.

— Ни о каком Арчи речи не было, — подначиваю ее я.

— Генри, я же выйду за него *замуж.* И он *должен* быть с нами.

— Я знаю. Думаю, он отлично впишется. Можно будет сталкивать его с гор прямо в кресле.

— Круто. Я за это. Расскажи еще раз, какая у нас будет ферма.

Драться перестали. Сонни и Шер поют «Верь мне». Сесилию душат рыдания, но она все равно продолжает кричать *Когда же это гребаное дерьмо наконец кончится.* Фрэнни с ней согласен.

Он не может понять, почему люди в этом доме не уживаются друг с другом, почему этот пьет, а тот дерется.

Как бы там ни было — не важно. Всем нам приходится жить в тесном маленьком доме, втиснутом между двумя такими же, которые тоже втиснуты между двумя такими же, которые тоже, в свою очередь, втиснуты между двумя такими же, маленькими и тесными домами, как наш. Ну и я рассказываю Сес про ферму, устроившуюся между гумном и силосной ямой. Там нет засаженных газонной травой скатов, никаких тебе статуй святых, которые нужно обходить на цыпочках, и можно сидеть, прислонившись к дереву, с которого падают зрелые персики. И куда ни глянь — кругом зеленая трава. Там нет остервеневших теток, выбрасывающих из окна мужнину одежду, нет битого стекла, нет семейных драк из-за денег и никого не избивают на спортплощадке. Мама с папой снова любят друг друга, и Стивен, наверное, тоже живет счастливо с какой-нибудь деревенской девчонкой в сто раз лучше, чем Мэган. Из соседей только сверчки да плодовые мушки. Вместо банок с бутылками земля усеяна анемонами и одуванчиками. Миллионы долларов от продаж мультиплатинового

альбома лежат в банке и приносят проценты. Грейс любит Генри. Сес любит Арчи. Фрэнсис любит Сесилию. Парки там — настоящие парки, а не просто обнесенные рабицей баскетбольные площадки, которые только называются парками. Там нет Гвен Флэггарт, равно как и других злых собак. Только коровы, которые дают молоко.

— Генри, я опять забыла, а как называются эти штуки у коровы внизу?

— Вымя. Они называются вымя. За них коров доят и получают молоко.

— Обеими руками?

— Да, обеими руками. Пусть Арчи доит наших коров. Мы приделаем к его креслу колеса поменьше, чтобы он мог кататься прямо у коров под брюхом. А ты случайно не помнишь, у него на кресле есть стояночный тормоз? А интересно, бывают двухместные кресла-каталки? Наверное, подарю вам такое на свадьбу. Будете кататься — ты спереди, а он сзади. И еще куплю вам с ним одинаковые шлемы. Стильные такие, не хуже моей рубашки.

— Ха! Тоже мне.

— Что смешного? По-твоему, у меня не крутой прикид? А рубашка с лосями? Много ты знаешь народу, у кого на рубашке тоже были бы лоси?

— Никого, только тебя.

— Правильно, только меня.

— Потому что ты баклан.

— Нет, это совсем не значит, что я баклан. Баклан у нас — это ты. Влюбиться в парня в инвалидном кресле — на такое только бакланы способны.

— Я все расскажу Арчи, что ты про него говорил.

— Какой кошмар: она все расскажет Арчи. И что же он со мной за это сделает — переедет меня, что ли? Прожжет дырку в голове своими солнечными очками? А если покупаешь очки как у пилота, кукурузная трубка и армейский джип тоже прилагаются?

— Не знаю.

— А вдруг вам захочется поменять фамилию на Эйзенхауэр? Арчи и Сес Эйзенхауэр.

— Откуда мне знать? Надеюсь, что не захочется.

— Что, не нравится Эйзенхауэр? А Вайзенгеймер пойдет? Сес Вайзенгеймер. Все правильно: ты — типичная гребаная Вайзенгеймерша. Я все видел: ты только что зевала и улыбалась одновременно. Юморист ни в коем случае не должен вызывать такую реакцию. Даже не знаю, продолжать мне

эту шутку или рассказать еще одну, похожую. Ну вот, опять ты зеваешь. Неужели не смешно? Сес?

Сес тихо посапывает и улыбается во сне, лежа поперек кровати на обеих подушках сразу. Я целую ее в лоб, снимаю иглу с пластинки и выключаю свет. Затем иду к нам в комнату, кладу Зеленухыча в убежище, раздеваюсь до трусов и забираюсь к себе на верхотуру, стараясь не задеть Стивена, блюющего в тазик на своей кровати, и Сесилию, которая всхлипывает и поддерживает ему голову. Я говорю ей *Спокойной ночи, ма, храни тебя Бог, а меня уволь.*

Она смеется, продолжая при этом шмыгать носом:

— Эй, ты там как — следишь за моими пластинками?

— Глупый вопрос, — отвечаю я.

— Они в порядке?

— Чувствуют себя прекрасно. Купаются в моей любви и внимании.

— И Сес тоже, да? — спрашивает она.

— Да, и Сес тоже, — отвечаю я ей.

— Круто.

— Приходи тоже к нам слушать. В конце концов, это ведь твои пластинки.

— Знаю. Приду обязательно. Как только прекра-

тится весь этот бардак. Привет им там от меня.

— Непременно. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

В окно дует холодный и резкий ветер. Стивен блюет и плачет. Чтобы согреться, я натягиваю одеяло по самую шею. Сон и грезы, уже второй раз за ночь.

13

Воздайте хвалу Господу и передайте-ка мне вон те соленые фисташки. Благослови вас Бог и доброго вам утра, мудозвоны, маразматики, мямли, мимы, мамы, братья, акробатья, сиськоненавистники и иконоборцы, флагоборцы и флагомашцы, садовники, землепашцы и газонокосители. Вроде никого не забыл. Доброе утро, Стивен Зловоннодрыхнущий и верный таз. Доброе утро, Майк Шмидт. На, получай плевок в глаз бумажным шариком, урод придурочный. Поразмысли-ка на тему «Почему я родился таким тупорылым ублюдком?», пока я схожу поставлю пластинку. Хватаю, что первое попалось: Чарли Паркер, «Jazz At the Philharmonic 1949». Бом! Бам! Шлеп! Ладонями плещу себе на лицо водой из крана. Подмышки пахнут нормально. В душ лезть незачем. Просто намочу голову, причешусь и пойду. Я смачиваю волосы, пританцовывая отправляюсь назад к себе в комнату, там хватаю Зеленухыча и, все так же пританцовывая, возвращаюсь в ванную, а Стивен уже тут как тут: блюет в унитаз.

— Йоу, Стивен, — приветствую я его. — Пре-

красно выглядишь.

— Йоу, — стонет он в ответ. — Спасибо.

— Как себя чувствуешь?

Тут он сблевывает в унитаз:

— Лучше некуда.

— Возможно, между рвотой и выпивкой существует какая-то связь, — говорю я.

— Очень вряд ли, — говорит он. — Что, бля, за херь ты там поставил?

— Чарли, бля, Паркера, дятел. Что-то не устраивает?

— Нет, по крайней мере у них только музыка, и тебе некому подпевать.

— Что такое? — спрашиваю я. — У меня хороший голос. Спроси любого кота у нас под окном.

В ответ Стивен ухмыляется. Лично мне вряд ли хотелось бы ухмыляться, общайся я с унитазом столь же тесно, как Стивен, чтобы можно было разглядеть в нем свое отражение.

— Вчера вечером я тобой гордился, ты, баклан, — говорит он.

— Это почему же? — спрашиваю с опаской — а вдруг он откуда-то прознал, что мы с Грейс целовались? Тогда не миновать мне пытки.

— Классный номер ты отколол на спортплощадке, — говорит он. — Когда читал проповедь

про сиськи. Очко у тебя ничего, крепкое.

— Спасибо, приятель. Делов-то, — говорю я. — А с теми ребятами что?

— Всех ночью отпустили из больницы. Ушибы, кровотечения, переломы. У одного треснуло несколько ребер. У другого перелом запястья.

— Уверен?

— Ага. Вчера общался там с одним в «Донохью», а он как раз работает в той больнице.

— Больше ничего не слышно?

— После этого все как-то смутно. Что было, когда я пришел? Ты не спал?

— Я ничего не слышал, — вру ему я. — Ты, наверное, как зашел — сразу наверх спать.

— А как таз у кровати оказался? — спрашивает он.

— Это я. Ты издавал такие звуки, как будто тебя сейчас стошнит.

— Как блевал, помню. А папу я не разбудил?

— Нет, но тебе неплохо бы притормозить. Твои лучшие алкогольные годы еще впереди.

— Это верно. — Смеется, превозмогая тошноту. — Я решил завязывать, Генри, — добавляет он серьезно.

— Как? Когда? Десятилетний план уже готов? — спрашиваю я, а сам не верю в это и выдавливаю

струйку геля себе на ладонь, чтобы затем втереть его в великолепную шевелюру.

— Сегодня, — говорит он. — Буду серьезней относиться к вещам. Приведу наконец себя в порядок.

— Снова пойдешь в школу? — спрашиваю я.

— В школу? Еще чего. Лучше на хер сдохнуть. Пойду сдавать экзамены на почтальона и пожарника.

— Не становись почтальоном, не надо, — говорю я. — Лучше возвращайся в школу.

— Генри, я едва-едва доучился в десятом классе. — Блюет.

— Да ты не особо-то и старался. Папа был бы просто счастлив.

— Да пошел он на хрен, — огрызается Стивен.

Мы оба ненадолго умолкаем. Стивен распластался на унитазе. Я причесываюсь и пшикаюсь дезодорантом так, словно тушу пожар.

— Вчера на спортплощадке у кого-нибудь были стволы? — озабоченно спрашиваю я.

— Ральф Куни все меня пугал, — отвечает он.

— Слышал. Но у него он и вправду был?

— Да брось. Ральф и из водяного-то пистолета выстрелить толком не может. Пиздит он все, Генри.

— Вчера я видел его в толпе во время драки. И он был с битой, нет разве?

— Угу. Только воспользоваться ею не успел. Я как только увидел, что у него бита, сразу съездил ему по роже. Что это ты делаешь?

— Намыливаю подмышки, — поясняю я.

— Сегодня свадьба у Дженни Джеймс, а ты даже в душе не помоешься? — задает он мне глупый вопрос.

— В душ мне *не надо.* Мылся уже на неделе. Что за допрос, вообще?

— Да ничего, я так, господин Благоухающий.

— Слушай, кто бы говорил, — бросаю я в ответ. — Не сказать, чтобы от тебя самого так уж несло дезодорантом «Утренняя свежесть».

— Да, но я хотя бы в душ иногда заскакиваю.

— И чем там моешься — «Будвайзером», что ли?

— Нет, «Роллинг Роком», *переключил марки.*

Оба мы от души смеемся. Я, бля, просто обожаю смеяться, особенно если над шутками Стивена.

— Так, значит, идешь на свадьбу? — спрашиваю я. — Я как раз приготовил кое-что особенное.

— И что же? — интересуется он.

— Подожди — сам все увидишь, красавчик.

— Ладно. Тайна — так тайна. Что, еще одна

проповедь?

— Не-а, ничего и близко к религии.

— О как.

— Так ты пойдешь? — еще раз спрашиваю я.

— Насчет мессы не уверен, но изначально предполагалось, что я буду тамадой, — сообщает мне он. — Хотя… вчера вечером я опять отпросился с работы. Если к тому времени не успеют уволить, приду обязательно.

— Круто.

Стивен краснеет. Мы вместе возвращаемся в комнату. Он забирается к себе на кровать, а я тем временем натягиваю коричневую футболку RUBBER SOUL и те же, что и вчера, шорты под шотландку. Засовываю Зеленухыча на привычное место и, под свингующего Бердмана, спускаюсь вниз, где все, как всегда, перевернуто вверх дном. Щелкаю пультом от телека, а там как раз повтор вчерашнего момента, когда обсос Майк Шмидт успевает вернуться на базу. Пошел он… Я безуспешно пробегаюсь по каналам в поисках религиозного шоу, затем вырубаю телек. Снова включил. Выключил. Привет. Пока. Привет. Пока.

На столе записка от Сесилии: *Генри, зайди за Арчи и привези его обратно к нам домой. Просле-*

ди, чтобы он обязательно был в костюме! И еще: храни тебя Бог, а меня уволь. Со смехом я беру ручку и пишу сверху АМИНЬ — ей понравится. Хватаю пачку «Кримпетс» и распахиваю дверь на улицу, где Гвен Флэггарт нападает на Фрэнсиса Младшего.

— Доброе утро, Генри, — говорит он, тряся ногой и пытаясь попасть собаке кулаком по голове.

— Доброе утро, пап, — отвечаю я. — Для меня что-нибудь есть?

— Парочка гитарных каталогов, — говорит он. — Что, на гитаре учиться собрался?

— Определенно нет, черт возьми, — голосом Шерлока Холмса отвечаю ему я.

Он в недоумении смотрит на меня и оглоушивает Флэггарт по морде. Та с визгом откатывается в сторону.

— Как там твой брат? — спрашивает он, стоя в одном кеде, в то время как Флэггарт в сторонке расправляется со вторым.

— Кто — Фрэнни? Так же, как и ты. Бьется насмерть с собаками во имя Дядюшки Сэма.

— Очень смешно. Я имел в виду другого.

— Спит, — отвечаю я: врать некогда, потому что надо еще зайти за Арчи.

— Вчера он пришел домой с разбитой голо-

вой, — говорит Фрэнсис Младший, — и что-то там нес про какую-то драку.

— А я думал, это ты его так.

— Он уже пришел таким, — огрызается Фрэнсис. — К тому же явился уже после меня. Доброе утро, Бетти. Да, у меня твои билеты в казино. Сейчас подойду. Ты случайно не знаешь, что там такое произошло вчера вечером? Нет, Майк, проверочных листов от компании еще нет. Сказал же, как только придут — сразу принесу.

— Слышал про какую-то драку, но только и всего, — отвечаю я. Тут уж надо кое в чем признаться, но самую малость. Когда тебе тринадцать, ты просто не можешь ничего не знать о драке на спортплощадке. — Хотя сомневаюсь, что Стивен тоже участвовал. Он же у нас за мир.

— Да хорош тебе. Я не говорю, что он ввязался специально. Я думаю, эти ублюдки из Фиштауна сами набросились на него, потому что он был пьян. Джимми, две минуты, Чарли, не видишь — я разговариваю с сыном. Наверное, искали приключений себе на голову. А иначе зачем было соваться в наш квартал? Сечешь, о чем я?

— Не совсем, — говорю я и, повернувшись, иду обратно в дом, чтобы стряхнуть с себя впечатление от последней дебильной реплики Фрэнсиса

Младшего. Там над телевизором криво висит картина, на которой Иисус вместе со своими Святыми Ребятками глазеет на то, как тринадцать матросов с бородами и в платьях с воплем *Ааа* скатываются по палубе накренившейся посудины.

— Послушай, — говорит Фрэнсис Младший мне вдогонку, — поднимись-ка наверх и принеси мне из шкафа новые кеды.

Я мигом бегу ему за кедами — правда, перед этим пару раз включаю-выключаю телек, наливаю себе немного апельсинового сока, снимаю с проигрывателя Чарли Паркера, ставлю Дель-Веттс 45 песню «Last Time Around» и, танцуя на ходу, поднимаюсь по лестнице. Как раз к концу песни я добираюсь до шкафа, где аккуратно составлены десять синих коробок с новенькими кедами. Я хватаю одну пару, сбегаю вниз, раза два включаю-выключаю телек, затем спокойно подхожу к двери и вручаю ему его кеды. Флэггарт с кашлем выплевывает язычок, оставшийся от недавно отвоеванного трофея.

— Прямо метеор, — говорит он. — Ты что там, остановился потискать своего малыша?

— Остановился, чтобы сделать что? Чего-то я не догоняю.

— Не важно. Скоро сам узнаешь, — посмеиваясь

отвечает он, пока переобувается.

— Пап, а миссис Куни, она что — твоя девушка? — спрашиваю я.

— Что? — глядя вверх на меня и уже без смеха переспрашивает он.

— Миссис Куни — твоя девушка? — повторяю я.

— Генри, ты же знаешь, я люблю маму, — говорит он, — и никого кроме нее.

— Отвечай на вопрос, — настаиваю я. — Миссис Куни — твоя девушка?

Он встает и чешет пальцем подбородок, покуда винтики вращаются в голове.

— Нет, конечно, — отвечает он. — Кто тебе такое сказал?

— Не помню, — говорю я, и в животе у меня все начинает как-то странно вертеться от его беспардонной и неприкрытой лжи.

— Не помнит он, — ухмыляется Фрэнсис Младший. — Так, ну все. Мне пора. Увидимся в церкви.

И он уходит. Впервые за то время, что он уже год как дерется со Стивеном, не обращает никакого внимания на Сес, делает больно Сесилии, я печально смотрю ему вслед с чувством чуть послабее, чем полная и безотчетная любовь. Он

соврал мне прямо в глаза, и целый год, когда он предавал меня, предавал всех нас, будто разом ложится тяжким грузом мне на плечи. Вдобавок ко всему надо еще идти домой к Арчи, где привидений чуть ли не больше, чем на кладбище.

Мне хочется как-то поднять себе настроение, и я фланирую по улице, пританцовывая и насвистывая себе под нос. Я кричу *Привет* Магонам, которые заняты тем, что танцуют медляк без музыки у себя на газоне. Ускоряю шаг, чтобы побыстрее миновать мистера Маллигана и Табби, которые, сидя на умоляющих о пощаде раскладных стульях, отрабатывают прием хардбола перчаткой. Джеральд Уилсон и Ральф Куни копаются в Джеральдовой бесколесной развалюхе — я им подмигиваю и показываю на них пальцем. Джеральд обзывает меня танцующей феей, Ральф просит напомнить Стивену об отцовской пушке. Мимо снуют трех- и двухколесные детские велосипеды. Я ловко уворачиваюсь от них, параллельно отвешиваю комплименты молодым мамашам с их прекрасными сиськами и советую их пузатым и волосатым мужьям накинуть что-нибудь сверху. Блеск солнца напоминает мне о вчерашнем поцелуе. Незаметно для себя я погружаюсь в мечты: вот мы с Грейс плывем

в лодке и я пою ей «Лови ветер» Донована, а на берегу в это время десять тысяч классных телок буквально сходят с ума от зависти — но… передо мной уже ступеньки, ведущие к веранде О'Дрейнов. Притворное хорошее настроение, которое я так усиленно себе навязывал, мгновенно улетучивается, будто его и не было.

Сегодня ровно год с последней районной вечеринки. Районные вечеринки в Фили — это, бля, целое дело. Все детали обычно планируются на протяжении целого года, при этом народ раза три-четыре собирается у кого-нибудь дома, хавает жратву из супермаркета с алюминиевого подноса и смотрит по телеку игру. Кого с кем — зависит от сезона. Если осенью, то собираются в воскресенье, смотрят игру «Иглз», пьют «Будвайзер» (баночный) и едят самодельные сэндвичи с холодной нарезкой. Зимой — это «Флайерз» или «Сиксерз» (именно в такой последовательности и никак иначе), плюс «Будвайзер» (баночный), плюс шипящие котлеты в горшочках. Весной — «Филз», плюс «Будвайзер» (баночный), плюс яйца со специями. Каждая семья по договоренности готовит на вечеринку что-нибудь из еды и приходит со своим пивом, предварительно уплатив что-то в районе десятки хозяину, на чьей

территории все будет проходить. Последнее — в счет платы диджею, то есть клоуну, который всю ночь напролет крутит отстойные пластинки Боба Сигера, по ходу дела напивается, а заканчивает тем, что его выворачивает прямо на туфельки какой-нибудь плаксивой малявки. Остаток денег идет на дурацкие фейерверки для детишек, от которых иной раз случаются ожоги на заднице. Все в таком роде. В прошлом году, как и во все предыдущие, сколько я себя помню, хозяйкой вечеринки была Сесилия Тухи. Ей всегда нравилось этим заниматься. По ее словам, приятно хоть раз в год иметь возможность распоряжаться деньгами.

В день вечеринки все шло кувырком с самого утра. Сесилия потеряла конверт с деньгами, а было в нем что-то около семисот баксов. Она принадлежит к разряду женщин, способных выкинуть в окно весь кошелек целиком, если, не дай бог, в кармашке для мелочи не оказалось четвертака, который должен был лежать там с вечера. Однако в тот раз она превзошла саму себя. Было утро, наверное, часов одиннадцать. Сес, Стивен и я играли на полу в шашки: мы с Сес против него одного. Перед тем как сделать ход, мы с ней долго шептались, поскольку никто

из нас двоих ни грамма не понимал в шашках, но мы делали вид, что играем по всем правилам. Стивен относился к поединку еще менее серьезно и по большей части занимался тем, что обкусывал ногти и плевался ими в нас, чтобы нас рассмешить. Но мы тут же потеряли к нему интерес, равно как и перестали смеяться, когда Сесилия, постоянно повторяя *Твою мать*, начала вдруг ураганом носиться по комнате и со всей дури херачить выдвижными ящиками. Стивен вновь попытался отвлечь нас на себя, для чего встал на голову и принялся громко пердеть. Мы с Сес снова заржали, глядя на него, но тут Сесилия в сердцах перевернула кухонный стол, отчего я так и подскочил, а Сес заревела. В тот же момент мы услышали, как снаружи Гвен Флэггарт атакует Фрэнсиса Младшего, поднимающегося по ступенькам к нам на веранду. Оглоушив, как полагается, собаку по морде, он вошел в дом, злой как черт, и с порога спросил у Сесилии:

— Ну, теперь по какому поводу истерика?

— Ни по какому, — ответила она. — Отстань от меня.

— Стивен, а ты разве не должен быть на тренировке? — спросил у Стивена Фрэнсис.

— Сегодня тренер устроил нам выходной, сол-

нышко, — сказал ему на это Стивен.

— Тогда бери с собой Генри и идите с ним попасуйтесь в Тэк-парке, — сказал Фрэнсис. — А ты, Генри, еще побегай там отрезки и парочку длинных. И да, еще эти, как их — поперек поля. Отцепись от моей лодыжки, ты, жирная сука. Еще захотела? Стивен, когда идет атака, ты пасуешь нападающим за среднюю линию не на ход, а на прием. Тебе нужно над этим поработать.

— Эй, ку-ку, — встревает Сесилия на повышенных тонах. — Кажется, мы с тобой о чем-то разговаривали: нет, Фрэн?

— Да, — согласился Фрэнсис Младший. — Ты сказала мне от тебя отстать. Я так и сделал. А что, Стивен, тренер по-прежнему хочет, чтобы ты играл опорного защитника?

— Фрэн, бля, я деньги потеряла, — уже не мудрствуя лукаво, сообщила ему Сесилия.

— Ну, это как всегда, — ответил он. — Ты хороший опорный, Стивен, но твое место в полузащите. Я не позволю, чтобы ты играл в защите только из-за того, что им больше некого туда поставить. Это их проблемы, не твои. В колледж тебя скорее возьмут, если ты будешь полузащитником.

Стивен его не слушал и строил нам с Сес смешные рожи.

— Фрэн, я потеряла общие деньги на районную вечеринку, — объявила Сесилия.

— Что? — переспросил он. — Отвянь, псина, а то сейчас как отшибу башку.

— Я потеряла семьсот долларов, Фрэн. Что нам теперь, бля, делать?

— Сначала — говорить на тон ниже, — сказал он. — Где ты последний раз их видела?

— А я хрен знаю. Потеряла — и все. Ты меня слушаешь? — огрызнулась Сесилия.

— А ну, полегче, хватит разговаривать со мной как со скотом.

— Ты сам разговариваешь со мной как с идиоткой.

— Потому что ты себя так ведешь.

— Иди ты в жопу, Фрэн.

Стивен посмотрел, как Сес заткнула ладонями уши, и встал.

— Эй, голубки, притормозите-ка на секундочку, — сказал он. — Терпеть не могу влезать, когда все кругом веселятся, но маленькая, вон, уже вся в слезах. Сес, если ты сейчас же не прекратишь плакать, я отпинаю Генри.

Сес засмеялась. Козюлька из носа приземлилась на шахматную доску.

— Очень неплохо, — сказал Стивен. — Сдаюсь.

Вы победили, ребята.

Мы с Сес тут же вскочили, обнялись и в два голоса принялись петь «Мы — чемпионы»: после такой большой победы — самое то, хотя вообще-то песня стрёмная. Стивен подхватил нас обоих на руки и тоже пару раз пропел вместе с нами припев. Засмеялись и Фрэнсис с Сесилией. Потом Стивен сбросил нас на пол друг на дружку и стал брать у нас интервью с воображаемым микрофоном у рта, как Говард Коселл, который, если кто не знает, носит на голове накладку.

— Сесилия Тухи Младшая, — начал он. — Вы только что выиграли мировой чемпионат по шашкам, добившись победы после спорного хода соплей на четыре черную. Как по-вашему: не омрачает ли данное обстоятельство блеск только что одержанной вами победы?

— Какого черта омрачает? Что это такое? — спросила Сес.

— Делает ее менее значительной, дорогая, как будто бы ты смухлевала.

— Ни капли, черт возьми. В следующий раз сделаю точно так же. Все ради победы, Говард, так-то вот, осел.

— От козюльки слышу, — парировал Коселл. — Генри Тухи, ваше мнение по поводу намечаю-

щегося брачного союза в семье, где ваши отец с матерью грызутся как кошка с собакой, как почтальон с собакой, как почтальон с нормальными людьми?

— Не сказать, чтоб мне было очень весело это наблюдать, Говард, — ответил я, — мой дорогой лопоухий, обтрепанный, сигарожующий, плешивый, отмороженный друг.

— Ответ неверный, придурок, — сказал Стивен.

— Как, Говард, неужели ты хочешь сказать, что волосы у тебя не накладные?

— Нет, здесь ты прав, но я говорю о браке. Смотри не нахватайся ложных о нем представлений у этих двух чудиков. Любовь прекрасна, — сказал он, и в это время девичий голос крикнул Бу из-за сетки от мошкары, висящей на входе, и тут же раздался щелчок от лопнувшего жвачного пузыря. Это была Мэган О'Дрейн.

— Йоу, Фрэнки. Как дела? — спросила Мэган у Фрэнсиса Младшего, пожимая ему руку. Тот всегда был от нее без ума. — Что, опять Гвен Флэггарт покусала?

— Спасибо, Мэган, нормально, — сказал он. — Да, этот блоходром меня снова укусил.

— Не понимаю. Со мной она всегда такая ла-

почка, — сказала Мэган и снова надула и лопнула пузырь. — Гвен Флэггарт, ты моя сладенькая старушонка. Нужно просто почесать ей за ухом. Вот видишь? Со мной она просто шелковая.

— Клянусь тебе, Мэган, я бы и сам обязательно попробовал, если бы она меня хоть к веранде подпускала — так ведь не подпускает.

— А, ну тогда конечно, Фрэнсис, — сказала она. — Слушай, а не видел ли ты где поблизости нашего Стиви Уандера?

— Да, он в доме, — сказал Фрэнсис Младший.

— И как он сегодня — красавчик или не очень? — спросила она.

— Не такой, как я, конечно, но в целом ничего, — пошутил Фрэнсис Младший.

— Да, мечтай, приятель.

— Я не мечтаю, а знаю точно. Ладно, пойду.

— Давай. Только осторожнее с шавками.

Мэган, которая всегда клево одевалась и выглядела просто конфеткой, зашла в дом. Фиолетового цвета топик плотно обтягивал ее очаровательные сиськи номер три, а еще на ней были короткие хлопковые шорты, безупречно белые новые тенниски и куча украшений: большие золотые серьги в ушах, на каждом пальце по кольцу, браслеты на запястьях и даже на лодыжке. Но-

ги у нее были мускулистые, но не как у качков или легкоатлетов. Однако красивее всего было ее лицо: натуральные рыжие волосы, голубые глаза и большущий рот. Она была хорошенькая, и шумная, и нагловатая, и веселая, как Сесилия, как Грейс.

— Здорово, Тухи, — сказала она. — Как жизнь?

— Привет, Мэган, — сказала Сесилия. — Не очень. Потеряла деньги на районную вечеринку.

— Гонишь? — спросила Мэган недоверчиво.

— Нет, не гоню. Что делать теперь, не знаю.

— Стивен Тухи, — сказала Мэган, подойдя к нему, и, запустив длинные накладные ногти ему в волосы, принялась трепать его шевелюру. — Каким образом мы можем исправить создавшееся положение?

— Мэган О'Дрейн, — ответил ей он, суча ногой, как собачка, пока она играла с его волосами. — Хороший вопрос, Мэган О'Дрейн. Не знаю, что и сказать.

— Сколько у тебя набралось зелени в банке с кондукторской зарплаты? — поинтересовалась Мэган.

— Где-то около пятисот баксов, — ответил он.

— Примерно столько же и у меня, — сказала Мэган. — Давай пойдем в банк и произведем два

снятия со счета. Пятьсот с твоего, две сотни с моего — и никаких проблем.

— А почему с моего аж пятьсот, а с твоего только двести? — спрашивает Стивен.

Тут Мэган его поцеловала. А мы с Сес закричали *ВАУ ВАУУ.*

— Ладно, с меня пятьсот, с тебя двести, — сказал Стивен.

— Ребята, я не могу взять ваши деньги, — сказала Сесилия.

— Найдутся твои деньги, мам, — сказал ей Стивен. — Тогда и вернешь.

— Стиви Уандер, а давай этих тоже с собой возьмем, — сказала Мэган, указывая на нас с Сес.

— О'кей. Базара нет, — улыбнулся он. — Генри, Сес, что скажете?

— Я за, — ответил я.

— Я тоже, — сказала Сес.

— Круто. Эй, мам, слышала этот, про монашку, канталупу и вибратор?

Она засмеялась в ответ:

— Ты мне вчера рассказывал. Хороший анекдот.

— Вот это мне больше всего в тебе и нравится: святая простота, — сказал Стивен, обнимая ее за плечи. Затем он повернулся к нам: — Ладно,

уродцы, кто последний — тот Фрэнни Тухи.

Мы все завопили и, как полные идиоты, ринулись к двери, к солнцу, на улицу. От смеха заболел живот.

Только Фрэнни вернулся с работы, как они со Стивеном запихали в холодильник у него на веранде свой (т. е. их вклад) запас пива для районной вечеринки. Фрэнни еще не успел толком переодеться, а уже взгромоздил на подоконник колонки от стереосистемы и разрешил нам с Сес подиджеить, пока они со Стивеном сидят, пьют пиво и порют всякую чушь. Было начало пятого. Солнце ярко светило высоко в небе и жарило вовсю. В руке каждый держал по пивной банке, от которых на шортах оставались мокрые кольца. Соседи либо прятались по домам с включенными вентиляторами и пока еще не включенным светом, либо парились снаружи, истекая потом, расставляли складные табуретки, швыряли куски красного мяса на черные жаровни. Квартал был опоясан желтыми запрещающими полицейскими лентами, все машины парковались на углу. Повсюду гоняла ребятня, пользуясь редкой возможностью, когда не нужно смотреть вполглаза и слушать вполуха, как бы автомобильные колеса не подкрались слишком близко.

Стивен и Фрэнни синхронным броском отправили пустые банки в мусорную корзину.

— Стивен, у тебя это уже вторая? — спросил Фрэнни.

— Умм, — утвердительно промычал Стивен.

— И у меня, — признался Фрэнни. — Длинный денек впереди.

Рассмеялись и открыли еще по одной. В конце квартала двое папаш приспускали заградительную ленту, чтобы дать дорогу огромной грузовой громадине, везущей надувной бассейн, карусель и различные приспособления для аттракционов с мячами. Пока они вновь налаживали свои заградительные сопли, мы потешались над картинно высунувшимися у них из шортов жопными расселинами. Диск проигрывателя крутил песню Мало «Suavecito».

— Господи, — сказал Стивен. — Впору издать по округе закон о принудительной заправке футболок в штаны.

— Рано или поздно ты сам таким станешь, — заметил ему на это Фрэнни. — Женишься, будешь жить себе где-нибудь здесь неподалеку и сверкать на солнце жирной потной задницей, а кто-нибудь помоложе и поумнее будет показывать на тебя пальцем и смеяться.

— Ну и зашибись. Только женюсь я задолго до того, как моя задница станет жирной, — ответил Стивен с улыбкой, а сам тем временем достал из кармана коробочку и со щелчком ее открыл. У Фрэнни пиво пошло не в то горло.

— Это еще что за хреновина? — ошарашенно спросил Фрэнни.

— Кольцо, — ответил ему Стивен, как будто это было нечто само собой разумеющееся.

— Обручальное?

— Угу.

— Для кого? — спросил Фрэнни.

— Ну, даешь, осел: для Мэган, конечно, — сказал Стивен.

— Мэган О'Дрейн?

— Прямо гений. Да, для Мэган О'Дрейн, для моей девушки. Вот так-то пиво на жаре хлестать.

— Да нет, я просто немного в шоке.

— Расслабься. Предложение я ей делать буду, а не она мне, — сказал Стивен.

— Можно посмотреть? — спросил Фрэнни.

Стивен кинул кольцо без коробочки ему в руки.

— Осторожней, придурок, — предупредил его Фрэнни. — И почем оно?

— Сто баксов, — сказал Стивен.

— Черт. Дешевка, — заключил Фрэнни.

— Цирконий.

— А. Когда предложение будешь делать? Где? Как?

— Сегодня вечером. Прямо здесь. Я спою ей песню на глазах у всех и сделаю предложение.

— Ты что — серьезно? Как папа маме?

Стивен рассмеялся.

— Не. Просто задам вопрос в лоб, коротко и ясно.

— Папа услышит — сразу взбеленится, — сказал Фрэнни. — Лучше бы тайно.

— Нормально все будет с папой, — усмехнулся Стивен. — Все равно в ближайшее время мы с ней не поженимся.

— Что? — переспросил Фрэнни. — А зачем тогда предложение делать? Просто подожди пока.

— Не могу. Я люблю ее. И хочу, чтобы она узнала об этом. Здесь и сейчас. Незачем ждать.

— Никогда б не подумал, что мой младший брат сделает предложение раньше меня, — сказал Фрэнни.

— Фрэнни, у тебя и девушки-то постоянной никогда не было, — сказал ему на это Стивен.

— Так-то оно так, но это не меняет смысла сказанного, — ответил Фрэнни, и они снова

дружно рассмеялись. — Кроме того, у меня на сегодняшний вечер тоже запланировано кое-что интересное, — признался он и с нервной улыбкой кивнул на юг.

— Собираешься сделать предложение святой Жанне д'Арк, той, что стоит у Салливанов на лужайке? — пошутил Стивен.

— Нет, пока никаких планов на женитьбу. Я хочу пригласить Джинни Джеймс на свидание, — сказал Фрэнни.

— Джинни Джеймс? А она разве не встречается с этим качком Эйсом?

— Так и есть, встречается.

— И ты все равно позовешь ее на свидание?

— Почему бы и нет? Она ведь с ним только встречается.

— Справедливая мысль. И сколько банок собираешься еще уговорить для смелости? — засмеялся Стивен.

— От десяти до четырнадцати, — рассмеялся Фрэнни ему в ответ, нервно дрыгая коленом. — А ты?

— А я хоть сейчас, — ответил Стивен.

— Удачи тебе с ней, приятель, — сказал Фрэнни, глядя на кольцо, которое он все еще не выпустил из рук.

— Да, и тебе тоже, — сказал Стивен, тоже глядя на кольцо.

На веранду Тухи, все еще в служебной форме, вышел Фрэнсис Младший и захлопнул за собой дверь прямо перед носом у Гвен Флэггарт, норовившей напасть на него из гостиной. Он был рад видеть всех троих ребят вместе, с нетерпением ждал вечеринки, но был не совсем уверен в том, что и мы чувствуем то же, и от этого на лице его к выражению счастья примешивалось беспокойство.

— Йоу, — сказал он.

— Йоу.

— Йоу.

— Йоу.

— Не рановато ли для пива, а? — поинтересовался он у Фрэнни со Стивеном.

— Так ведь у нас же сегодня общая вечеринка, — ответил ему Стивен.

— Да шучу я. Ради бога, главное, не пропусти завтра тренировку, остальное меня не волнует. — Последовала неловкая пауза. — Я ведь вам не помешал, надеюсь?

— Да нет, — сказал я. — Просто Стивен нам только что показывал обручальное кольцо, которое он купил для Мэган.

Фрэнни поперхнулся пивом. Стивен засмеялся.

— Ну да, конечно, Генри, — улыбнулся в ответ Фрэнсис Младший.

Он окинул взглядом другую сторону улицы Святого Патрика, начиная с домов на холме: там жирные придурки лопали бургеры и орали на своих жен за то, что те тупые, соус острый, а пиво холодное. Потом немного понаблюдал, как Сес бегает с лужайки на лужайку со связкой зеленых гелиевых шариков и выдает по одному в руки каждому газонному святому. В конце концов он глянул и на дорогу, где взрослые с инструментами возились возле арендованных ржавых прицепов для праздничных шествий, а малыши с нетерпением дожидались, когда же наконец все будет готово.

— Кольцо, тоже мне, — засмеялся Фрэнсис Младший. — Только законченный псих или законченный оптимист может надеяться, что, выйдя из моего дома, он прямо тут же и женится.

— Папочка, — сказала Сес, которая уже успела вернуться с задания. — Я приклеила скотчем шарики всем святым. Теперь стало похоже, как будто они держат их в руках.

— Вижу, — сказал Фрэнсис Младший.

— Все шарики зеленые, — сказала она ему.

— Знаю, — ответил он. — Смотрятся просто здорово.

— Зеленый — теперь мой любимый цвет, — сказала Сес. — И Генри тоже. Но ему зеленый всегда больше всех нравился.

— Да что ты говоришь? — сказал он, поднял ее на руки, открыл дверь и ступил обратно через порог.

— Генри говорит, что зеленый самый лучший, потому что это цвет травы и деревьев. Генри говорит, что от дождика и от солнца все становится зеленым. А мне больше солнце нравится. Дождь — он какой-то стрёмный.

Дверь за ними закрылась. Мы, братья, улыбнулись все втроем, согретые Сес и светом ее солнца.

К тому времени, как солнце скатилось к горизонту, а затем и вовсе оставило Город Братской Любви вместе со всеми его возникавшими то здесь, то там всплесками праздничного веселья, жизнь на улице Святого Патрика продолжала пульсировать множеством ярких огней и темных причудливых силуэтов. Кое-какие шутихи, до которых еще не успели добраться дети, продолжали сыпать искрами с бортовки для праздничного шествия. На краю надувного бассейна сидел

пьяный клоун, обзывал всех проходящих мимо парней слабаками и слезно умолял, чтобы хоть кто-нибудь наконец попал в десятку и отправил его плескаться в холодной воде, хотя конечно же предпочел бы воде пиво. Ди-джейский пульт сверкал светомузыкой. За ним стоял какой-то лысый урод и крутил мотаун[30]. Лужайки были уставлены пластиковыми столами, за которыми, скрытые тенью собственных домов, сидели родители — жены на коленях у мужей — и наперебой тараторили о старых песнях и уголках, где они любили играть детьми. Здесь не было особых взрывов веселья и всего такого прочего, просто столы, а над ними — сплошняком довольные лица, втиснутые в прогалы между святыми, которые безмолвно стояли, простерши длани с примотанными к ним шариками в сторону дороги, где маленькие дети сидели по бордюрам с фейерверками и бенгальскими огнями в руках и сверкали неоново-зелеными ожерельями и браслетами или же гонялись по кругу друг за дружкой, давая выход неуемной энергии.

Я играл в американский футбол на дороге: я, Бобби Джеймс и Гарри, против нас были Сес,

[30] Примечания: 30

Стиль музыки, сочетающий в себе элементы попа, ритм-н-блюза, религиозных гимнов и современных баллад.

Арчи и Грейс. Стивен пассивно стоял в защите у нас, с другой стороны точно так же стояла Мэган. Счет все время оставался ничейным, потому что солнце уже спряталось, уличные фонари светили тускло, да к тому же мяч, который на игру принес предатель Бобби Джеймс, был синего цвета и с серебряной символикой «Каубойз». В темноте никто ничего не мог поймать, вследствие чего игра протекала приблизительно следующим образом: сначала Стивен перекидывал мяч через головы игроков нашей команды, потом мяч попадал к Мэган, и она делала то же самое, только в обратном направлении. Но всем и без того было весело и посрать, что игра идет не совсем по правилам. Мы считали шаги, носились взад-вперед, обходили и толкали друг дружку, не давая кому бы то ни было себя удержать.

Бобби Джеймс и Арчи держали друг друга. Оба претендовали на звание быстрейшего из живущих, поэтому стоило Стивену или Мэган крикнуть им *Марш*, как они срывались с места и неслись наперегонки по улице, ни разу не оглядываясь аж до самой Ав. Сес и Гарри тоже были те еще игроки. Сес то и дело поправляла хвостики, а Гарри через каждые десять шагов нагибался и подтягивал наколенники. Я играл против Грейс.

С ней было тяжело справиться в защите, потому что мне в глаза все время лез дым от ее сигареты. В атаке она то и дело цепляла меня за футболку и била кроссовками по голени. Однако мой член на это никак не реагировал, поскольку в то время еще не успел вырасти из пеленок.

В какой-то момент, в перерыве между раундами, все, кто сидел за столами, вдруг разом захлопали в ладоши. К Стивену подошел Фрэнни с очень серьезным видом и с двумя банками пива в руках. Диджей объявил, что Джинни Джеймс и Эйс, ее парень, только что помолвились. Родительские аплодисменты из-за столов стали еще громче. Диджей поставил песню «Give me Just a Little More Time». Потом Джинни целовалась с Эйсом, Фрэнни смотрел на них, Стивен смотрел на Фрэнни, а я смотрел на обоих братьев.

— Ты как — ничего? — спросил его Стивен, не выпуская мяч из рук.

— Да, всё зашибись, — ответил Фрэнни, ковыряя кедом асфальт и прихлебывая пиво из банки.

— Фрэнни, почему грустишь, разве ты не рад за Дженни Джеймс? — спросила Мэган. — Ой, извини, приятель.

— Слушайте, со мной правда все нормально, — неуверенно подтвердил Фрэнни.

— Ну и здорово, — сказала Мэган. — Вокруг столько классных девок для такого симпатичного чувака, как ты. Стиви Уандер, я надеюсь, что когда-нибудь и ты мне сделаешь предложение.

— Не теряй веры, сестра моя. Продолжай загадывать желание по падающим звездам — возможно, когда-нибудь сбудется, — рассмеялся Стивен.

Он схватил Фрэнни за запястье, запел «When You Wish upon the Star» и начал быстро кружить с ним медляк. Все вокруг засмеялись и тоже схватили себе по партнеру: мы с Грейс; Сес с Арчи; Мэган с Гарри и Бобби Джеймсом. Когда все наконец бросили танцевать, Мэган сказала:

— Арчи, нам пора, нас там папа ждет.

— Где это там? — надулся Арчи.

— На профсоюзном банкете, — напомнила она ему.

— Не хочу туда.

— Да брось, всего на часок. Пойдем, через пару минут троллейбус будет уже на углу.

— Вот еще, терпеть не могу эти сраные троллейбусы.

— Мы только туда на троллейбусе. Обратно нас папа отвезет. Ну все, пойдем, — подытожила она.

— Еще один раунд, Мэг, ладно? — Арчи умоляюще посмотрел на сестру.

— Ладно, идет, — сказала Мэган. — Наш мяч, так ведь? Фрэнни, не подскажешь нам какую-нибудь стратегию на последних секундах?

— Да вот, пришла тут на память одна, — сказал Фрэнни. — Ну-ка все сюда.

Они все собрались кучкой, Фрэнни начал что-то им шептать и пару раз ткнул пальцем в нашу сторону. Перед тем как они на нас бросились, Фрэнни отошел немного назад и замер: одна нога на дороге, другая — на бордюре. Тут Мэган крикнула *Марш.* Грейс дала мне коленом по яйцам. Я свалился как подкошенный. Сес оттянула Гарри очки и резко отпустила. Гарри тут же упал и расплакался. Арчи толкнул Джеймси в руки к Фрэнни, а тот поднял его над землей за ноги вверх тормашками. Мэган скинула мяч Сес, Сес пробежала с ним футов десять и откинула Грейс, которая, в свою очередь, преодолела с ним еще футов пять и передала его Арчи, а тот пролетел всю финишную зону и занес мяч за линию, после чего, не сбавляя темпа, вернулся назад, раскрутил мяч на пальце и выдал отличную свечку. Товарищи по команде тут же все с радостными воплями попрыгали к нему на шею, а мы повалились на землю от смеха. Диджей крутил «Ooh, Baby, Baby» Смоки Робинсона и Мираклз. Родите-

ли потянулись танцевать медляк с лужаек вниз на улицу, кругом все только и жужжали, что о случившейся помолвке. Стивен положил руку Фрэнни на плечо.

— Ты по-прежнему не против, если я сделаю Мэган предложение? — спросил он.

— Дерзай, братишка, — ответил Фрэнни с грустной улыбкой.

И они смеясь вернулись к столу. Брошенные ночевать посреди улицы карнавальные бортовки все еще светились огнями. Упившийся клоун храпел в бассейне, грезя себе о ботинках поменьше и апартаментах попросторнее. Родители медленно покачивались, как деревья от теплого летнего ветерка. У бордюра Грейс щекотала Сес, и в этот момент какое-то теплое чувство к ней зашевелилось у меня в душе. Мэган вела Арчи за руку в сторону троллейбусной остановки, а тот, не отнимая руки, подпрыгивал и изображал бег на месте, повествуя о своих подвигах в их с Бобби Джеймсом скоростном противостоянии. В ответ Мэган надувала пузыри из жвачки и посмеивалась. Но вдруг вырвала руку из его ладони и помчалась за ним дальше по улице. Один за другим они завернули за угол и исчезли в темноте.

К полуночи вечеринка уже порядком выдох-

лась, и родители потихоньку стали переползать с лужаек на веранды, поближе к гостиным, где диваны с каждым новым глотком все больше к себе притягивали. Кругом беспрестанно хлопали и снова открывались двери. Все те же ретро-шлягеры неслись теперь не с диджейского пульта (диджей уже успел упаковаться и свалить после того, как его освистали), а из шипящих приемников на верандах. По Ав направо-налево с шумом летали машины и троллейбусы. Улица Святого Патрика притихла, но не окончательно.

Мы все, кто помельче, после ухода диджея остались на улице и принялись давить тараканов, которые всегда выползали с наступлением темноты. Эти ублюдки были настоящими гигантами, поэтому приходилось каждый раз набираться храбрости хотя бы для того, чтобы наступить на такого ногой, но это только в том случае, если тебя не звали Грейс и ты не тушил об них бычки со словами *До встречи в аду.* Но вскоре тараканы нам наскучили, и мы стали подтягиваться поближе к веранде Тухи, где, помимо родителей, сидели еще Фрэнни со Стивеном, миссис Макклейн и чета Куни. Пьяные вдуплину, они всем скопом утешали Фрэнни.

— Самое главное — ты попытался, Фрэнни, —

вчехляла ему уже порядком окосевшая миссис Мак Ка.

— Ничего я не пытался. Он сделал ей предложение до того, как я успел позвать ее на свидание, — отвечал ей Фрэнсис, уставившись в пивную банку, — ну вылитый ученый ботаник, выискивающий там на дне свою любимую плесень вместе с ее гребаными спорами.

— Ладно, но уже одно то, что *почти* попытался, и есть самое главное, — не сдавалась она.

— Да я даже и почти-то толком не попытался. Я планировал еще подождать и только потом, когда будет примерно вот как сейчас, к ней подойти.

— Ладно, сойдемся на том, что ты был в двух часах от того, чтобы почти попытаться, — подытожила миссис Макклейн.

Все засмеялись, даже Фрэнни.

— Я надеюсь, что у Джинни все сложится прекрасно, вот и все, — сказал он.

— Постойте-ка, он что — сказал Джинни? Которая Джинни? — спросил Бобби Джеймс.

— Которая сестра твоя, дурачок. Сегодня вечером Фрэнни собирался позвать ее на свидание, — сказала Сесилия.

Тут Бобби Джеймс стал смеяться над Фрэнни. Стивен спрыгнул с веранды, дал ему пинка

и подвесил за трусы на сложенные в молитве руки святого Валентина. Воспользовавшись моментом, Сесилия схватила фотоаппарат и сфотографировала Бобби Джеймса, а тот только и успел, что показать фак ей в объектив.

— Не переживай ты так из-за пустяков: не успеешь оглянуться — уже снова влюбишься, — сказал Фрэнсис Младший.

— А потом будешь эту сучку попеременно то любить, то ненавидеть. Донна, а Берни там что — уснул, что ли? — поинтересовалась Сесилия у миссис Куни по поводу ее мужа, который уже некоторое время сидел в кресле прямо и не двигаясь, с запрокинутой головой и открытым ртом.

— Это не уснул называется, это называется вырубился, — с отвращением в голосе ответила Донна.

— Хочешь — давай Фрэн с Фрэнни его домой оттащат? — спросила Сесилия.

— Да нет, не надо. Лучше оставить его здесь, — сказала миссис Куни. — Только вот беда: у нас час назад туалет сломался. Судя по звукам, вот-вот перельется.

— Пусть Фрэн сходит да починит, — предложила Сесилия.

— Прямо сейчас? — удивилась миссис Куни.

— Да, прямо сейчас. Фрэн, ты же сходишь к Донне и поможешь ей, правда?

— Да, конечно. — Он бросил взгляд на миссис Куни, которая уже давно на него посматривала.

— Спасибо. Очень мило с твоей стороны, — сказала миссис Куни. И они медленно пошли по улице в сторону ее дома, весело болтая по пути, а затем скрылись за дверью.

— Подумать только: Джинни Джеймс выходит замуж, — сказала миссис Мак Ка, ни к кому специально не обращаясь. — Я что — уже такая старая? Я ведь помню, как она еще недавно бегала тут с голым пузом и в памперсах.

— И я тоже, — подтвердила Сесилия. — Помнишь, когда ей было лет шесть, она перелетела через руль велосипеда и выбила себе все передние зубы о бордюр?

— Да, точно, — сказала миссис Мак Ка. — И, по-моему, вдобавок сзади в нее еще влетел на велосипеде какой-то мальчишка, нет?

— Это был я, — смущенно пробормотал Фрэнни. Сесилия и Ширли Макклейн покатились со смеху. — Я не нарочно, — добавил он. — Просто пытался за ней угнаться.

— Миссия успешно завершена, сынок, — сказала Сесилия и потрепала его по щеке. — Так когда у

них назначена свадьба? Они ничего не говорили про дату?

— Кто-то мне сказал, что вроде как ровно через год, — сообщила ей миссис Макклейн.

— Эйс так сильно нервничал, когда делал ей предложение, — заметила Сесилия. — Весь аж трясся. Ты заметила, Ширли?

— Да, я видела. Все равно смотреть было одно удовольствие, — сказала миссис Макклейн.

— Точно, — согласилась Сесилия. — Обожаю смотреть, когда девушке делают предложение. Сразу настроение поднимается — понимаешь, о чем я? Я вспоминаю, как это было у нас с Фрэном. И снова чувствую себя молодой и влюбленной. Ну, или почти молодой и влюбленной.

— Да, я тоже, у меня все то же самое. Мистер Макклейн трясся еще похлеще Эйса.

— Серьезно? — удивилась Сесилия. — Он же всегда был такой собранный.

— Да, всегда. Но только не когда делал мне предложение.

— А где все происходило? — спросила Сесилия.

— В ресторане, — сказала миссис Макклейн.

— Да? Где-нибудь здесь, поблизости?

— Не, в даунтауне. «У Консуэлы», испанский, на углу Девятой и Арч.

— Ни разу о таком не слышала, — сказала Сесилия.

— Его больше нет, — пояснила миссис Макклейн. — Там теперь вместо него два магазина: ломбард и центов-ка, кажется. А был большой ресторан, никакого света внутри, если не считать красных свечей на столиках. Музыканты играют мариачи[31], ну и все такое… Ансамбль заиграл прямо перед нашим столом: тут-то мистер Макклейн и начал. При этом весь трясся как осиновый лист и заикался через слово. Я уже было собралась во весь голос, чтобы перекрыть музыку, звать доктора, но тут он достал кольцо и сразу же уронил его мне в тарелку с супом брокколи со сметаной.

— Да иди ты, — выдохнула Сесилия. — Так не бывает.

— Еще как бывает. Когда он наконец нацепил кольцо мне на палец, оно было все в супе. Даже нельзя было разглядеть, что там за камень. Но мне это было и не важно. Брокколи, сметана и прочее — это было самым красивым зрелищем в моей жизни. Боже, ну этот Берни Куни и горазд храпеть. Как бы его заткнуть?

---

[31] Примечания: 31
Вид мексиканской танцевальной музыки.

— Можно просто-напросто убить, — предложила Сесилия.

— Думаю, Донна будет только рада, — сказала миссис Макклейн. — Судя по всему, они не очень-то ладят.

— Да, они сегодня весь вечер собачились.

— Я заметила, — согласилась миссис Макклейн. — Слыхала, он ее обижает.

— Он что, ее бьет? — спросила Сесилия.

— Просто слыхала, что он их с сыном обижает, и все. Чуть что — сразу на них орет.

— А Ральф — это ведь их сын, так? — сказала Сесилия. — Такой коротышка. У меня от него мурашки по коже.

— Да, — сказала миссис Мак Ка, — но на самом деле всему виной вот эта Спящая Красавица.

— Стыд, да и только. Донна, она ведь такая классная, — сказала Сесилия. — И столько нормальных мужиков могла бы подклеить.

— Это точно, — сказала миссис Макклейн. — А каким образом твой тебя раскрутил?

— Он повез меня к реке в сторону Нью-Хоуп, а там спел мне «Далеко за синим морем».

— Вау, наверное, для тебя это был настоящий сюрприз.

— Не, я знала, что все к тому идет, — улыбну-

лась Сесилия.

— Знала? — переспросила миссис Макклейн.

— Конечно. Я же к тому времени уже была беременна вот этим молодчиком, — сказала она, указывая на Фрэнни. — Все же пришлось разыгрывать дурочку. А он ничего не просек. Тихо, вон он идет.

Фрэнсис Младший вернулся, перегнулся через перила и полез в холодильник к Фрэнни.

— Последняя, — сообщил он. — Что я пропустил?

— Как раз о тебе говорили, Ромео, — сказала Сесилия.

— Что? — слегка расплескав пиво, поинтересовался он.

— Я рассказывала Ширли про тот вечер, когда ты сделал мне предложение, — сказала Сесилия.

— А. Ширли, она даже ни о чем не догадывалась, — хвастливо заявил он.

Женщины дружно рассмеялись. Миссис Мак Ка посмотрела через улицу на окна своего дома: может, хотела увидеть там мужа. Фрэнни грустно улыбнулся. Стивен улыбнулся радостно. А мы, дети, все это время смеялись: глупо и не пойми отчего, — впрочем, как всегда, когда смеешься с родителями, особенно если те говорят о любви.

— Ну что, ребята, наверное, самое время раскрыть вам один секрет, — подмигнув мне, сказал Стивен. Залез к себе в карман, извлек оттуда коробочку с кольцом и поднял ее вверх перед собой.

— Это что — мне? — спросила миссис Мак Ка.

— Нет, но не знал, что вы заинтересуетесь, — сказал он.

— Ну, бля, ты даешь, Стивен, — сказала Сесилия. — Откуда у тебя такие бабки?

— Расслабься, мам, это цирконий, — сказал он. — Настоящее куплю потом, когда будут деньги.

Все стали рассматривать кольцо, передавая его по кругу, один Фрэнсис Младший сидел не шевелясь.

— В чем проблема, пап? — спросил у него Стивен.

— Ты что — собираешься предложить Мэган *выйти за тебя замуж?* — спросил Фрэнсис Младший.

— Да, — весело, но с опаской ответил ему Стивен.

— Значит, жениться собрался?

— Ну не совсем так сразу…

— Про женитьбу и думать забудь, — отрезал Фрэнсис Младший. — Тебе всего семнадцать.

— Для помолвки вполне достаточно, — сказал Стивен. — Тебе самому было…

— Сколько было мне — не важно, Стивен, — заорал Фрэнсис Младший. — Дайте сюда кольцо. Сесилия, сейчас же дай мне это кольцо. — Фрэнсис Младший вырвал кольцо из рук у Сесилии и швырнул на дорогу. И только после этого слегка успокоился. *Дзинь-дзинь-дзинь* поскакало кольцо.

Стивен рванулся с места, пытаясь достать Фрэнсиса Младшего, но Фрэнни был начеку и успел стиснуть его за плечи. Они кувыркнулись через перила и упали на траву: мы едва успели расступиться. Стивен попытался было взбежать назад по ступенькам — Фрэнни снова успел его удержать, назвав при этом гребаным придурком, — тогда он развернулся, бросился на улицу и стал там повсюду искать кольцо на карачках, в то время как мы все, остальные, в оцепенении наблюдали за происходящим. Фрэнсис Младший пустился в безостановочный громкий монолог: словесный поток хлестал из него, как из прорвавшейся канализации. *Я женился таким молодым по дури. Надеялся, у меня будет шанс гонять мяч за сборную колледжа. Так нет ведь, женился без гроша за душой. Ненавижу свою работу, ненавижу свою жизнь. У меня неоплаченных счетов до*

жопы, у меня все руки в сыпи и вдобавок артрит коленных суставов. Я не позволю, чтобы ты вот так вот просрал свой шанс. У меня такого шанса вообще не было.

Из домов начал вылезать народ, чтобы узнать, кто скандалит, и попросить их на хрен заткнуться. Стивен отыскал кольцо, подул на него и поднес поближе к уличному фонарю — посмотреть на свет. Тут на углу случилась авария. Меня оглушил звук удара, от которого волосы встали дыбом. Все побежали по направлению к Ав, на которой после столкновения все разом затихло. В наступившей тишине топот наших ног звучал словно частый град по железной крыше.

На углу — две развороченных перевернутых машины. Одна — красная спортивная — горела на ступенях церкви в пяти футах от входа, выбрасывая в небо языки пламени, как будто сам Бог решил развести костер из металла, чтобы защитить свою обитель. Другая машина, зеленый универсал с деревянными панелями, принадлежала О'Дрейнам. Она лежала на правом боку менее чем в футе от парадных дверей бара «У Пола Донохью». Арчи лежал ничком на тротуаре, раскинув руки, как Христос на кресте: ноги ему придавило машиной. Он лежал

на тротуаре без сознания, и не видно было ни крови, ни ран: просто тяжелый корпус машины навалился на обе его маленьких ножки. Миссис О'Дрейн со всхлипами ползала по Ав с кровавой кашей вместо лица. Сесилия сразу побежала к ней. Где-то близко уже выли сирены. Мистер О'Дрейн выбрался через окно боковой двери с водительской стороны (та сторона висела над асфальтом) и тут же упал. На нем не было ни царапины: только штаны запачкал, когда вылезал. Потом он поднялся, послюнявил пальцы и принялся оттирать перепачканные колени, не замечая ни корчащейся на дороге в десяти футах от него жены, ни лежащего под машиной сына. Я неотрывно следил за тем, что происходит, — не с интересом, нет, со страхом, как сцену из фильма ужасов, — но потом перевел взгляд и увидел, как на той стороне улицы Стивен Тухи поднимает с земли окровавленное тело Мэган. Тут меня вырвало, и я плюхнулся задницей на асфальт и так и остался сидеть, глядя на Стивена, который с виду был совершенно спокоен и не обращал никакого внимания на вой сирен и соседей. Словно нянечка, укладывающая новорожденного младенца в колыбель, он положил Мэган на какой-то стариковский свитер, только что вынесенный из

бара. Из кармана на асфальт рядом со свитером выпала коробочка с обручальным кольцом. Он тут же подобрал ее и аккуратно спрятал обратно в карман. С этого момента я больше ничего не помню из происходившего той ночью. На следующее утро я смотрел, как Стивен торопливо собирается уходить. Спускаясь по лестнице со второго этажа, он снова уронил коробочку, снова быстро и молча подобрал ее, вышел из дома и отправился на Ав, чтобы вернуть кольцо в ювелирный Дивайни, туда же, где и купил его, через два магазина от «У Пола Донохью», в пятнадцати футах от места аварии. Кольцо так там, у Дивайни, и лежит за сто баксов. Я хочу его выкупить — думаю, это поможет нам вернуть Стивена. А ради такого уж точно стоит заставить Гарри выложить каких-то пять гребаных двадцаток.

14

Дом О’Дрейнов выделяется на фоне других домов на улице Святого Патрика. В буйно разросшейся газонной траве не видно декоративных игрушек, и святой Себастьян лежит опрокинутый набок, будто его пырнули ножом, да так и оставили умирать. На абсолютно голой веранде не увидишь ни гостеприимного коврика для ног перед входом, ни барбекюшниц, ни детских велосипедов. Письма никогда не приходят в их совершенно черный со всех сторон почтовый ящик, равно как и едва ли когда-нибудь открывается совершенно белая дверь их дома. Глубокий вдох для храбрости. Да, местечко то еще. Стучусь в дверь. Безрезультатно. Снова стучусь, теперь уже громче, но без всякого нетерпения. Наконец слышу, как кто-то с той стороны отпирает сто замков и задвижек. Дверь распахивается; передо мной стоит миссис О’Дрейн: лицо вдоль и поперек исполосовано рубцами, в глазах — бездонная синь, пухлые губы, рыжие волосы, высокие скулы, ноги как у танцовщицы и вдобавок игривые сиськи номер два. Даже и со шрамами она стопроцентно

катит в кандидаты за мусорные баки магазина морепродуктов. Но сама об этом, конечно, даже не догадывается. После аварии она лишь бросает первый быстрый взгляд на всех, кого увидит, а потом уже точно ни разу глаз не поднимет.

— Здравствуй, — здоровается она так, будто видит меня впервые в жизни.

— Привет, миссис О'Дрейн, — отвечаю я. — Мама послала меня к вам забрать Арчи.

— Мама? — переспрашивает она.

— Да, моя мама, Сесилия, — спокойно поясняю ей я.

— Ах да, конечно, Сесилия. Извини меня, пожалуйста. Заходи.

Внутри затхло, но прибрано. Окна закрыты и зашторены, кондиционер включен на полную, свет идет только от экрана телевизора. Арчи сидит в кресле носом в экран, где, тоже сидя в креслах, правда с подушечками, спорят о чем-то пышноволосые политики.

— Йоу, — приветствует он меня, не отрываясь от ящика.

— Йоу, — отзываюсь я. — Ну что, готов, красавец?

— Красавец? Тебе зеркало принести? — огрызается он.

— Да это я тебя красавцем назвал, а не себя. Все равно шутка, — говорю я и подмигиваю миссис О'Дрейн, которая сидит на краешке дивана, уставившись себе на руки. До аварии они с Сесилией были близкими подругами. Бывало, летом часто сидели на веранде на перилах, о чем-то между собой шептались и много смеялись. Теперь они изредка просто шепчутся, не смеются, да и то по большей части у дверей О'Дрейнов, когда Сесилия приходит за Арчи или, наоборот, привозит его домой.

— Что? Ты что-то сказал? — виновато переспрашивает миссис О'Дрейн.

— Да нет, это я Арчи, — говорю я. — Мама просила, чтобы он непременно взял с собой костюм.

В ответ ноль реакции.

— Ему правда стоит надеть костюм, — повторяю я, обращаясь уже непосредственно к ней.

— Что? А, хорошо. Сейчас принесу. — С этими словами она, нервно поеживаясь под струей холодного воздуха, свистящей из кондиционера, идет к креслу, на котором валяется костюм в полиэтиленовом пакете.

— Не буду это надевать, — надувается Арчи.

Она оставляет костюм и возвращается к себе на диван, садится. Тут самое время мне прийти

на помощь.

— Нет, будешь, — говорю ему я.

— Нет, не буду.

— Нет, будешь.

— Нет, не буду.

— Нет, не будешь.

— И не надейся, на такое не поймаешь, — говорит Арчи. — Я тоже «Багза Банни» смотрел.

— Даже если я стану тебя умолять? — спрашиваю я.

— Тогда возможно. Можешь начинать, — говорит он.

Я падаю перед ним на колени.

— Арчи, пожалуйста, будь так добр, надень костюмчик. Я люблю тебя и хочу от тебя ребенка. Ты выйдешь за меня замуж?

Арчи смеется:

— Ну вот, уже двое Тухи просят меня выйти за них замуж.

— Сес предлагала тебе на ней жениться? — спрашиваю я.

— Вроде того, только Сес ведь не предлагает. Она мне приказывает, — сетует он.

— Сам виноват, тряпка, — говорю я ему, все еще стоя на коленях лицом к лицу с ним.

— Ммм, ну ладно, я готов, Генри.

— Круто, — говорю я. — Выдвигаемся.

Я быстро хватаю костюм с кресла, в надежде успеть убраться восвояси до того, как покажется мистер О'Дрейн. Опоздал, бля. Он уже спускается по лестнице. Маленький, щуплый чувак, пять футов и шесть дюймов ростом и весом от силы сорок фунтов: темные усы, волосы с аккуратным пробором посередине, которые стали абсолютно седыми уже через неделю после аварии. До смерти Мэган он был крупной шишкой в профсоюзе кровельщиков. Частенько мелькал в новостях во время забастовок — неизменно в очень стильных костюмах — и говорил всегда без надрыва, но по делу. Теперь он носит исключительно синие боксерские шорты и белые футболки, заикается и мало что соображает.

— Пппприввет, Ссстивен, — говорит он мне.

— Это Генри, пап, — поправляет его Арчи.

— Все пппппоппппрежнему в фффффутббббол игггграешь? — отрешенно спрашивает мистер О'Дрейн.

— Это Генри Тухи, пап. *Генри.* Скажи ему, мам. Мам? Мам!

На стене начинают бить часы. Родители Арчи оба одновременно подпрыгивают как ужаленные.

— Что, сладкий мой? — спрашивает миссис О'Дрейн.

— Папа опять называет Генри Стивеном, — жалуется Арчи.

— Ой, Арчи, веди себя там как надо, — говорит ему она, словно робот, повторяющий слова вслед за мамашей из телесериала.

— Ладно, в общем, вот ГЕНРИ, он отведет меня на свадьбу, — говорит Арчи. — О'кей?

Нет ответа. Мы поворачиваемся и направляемся к двери.

— На свадьбу? — спрашивает миссис О'Дрейн. — Что за свадьба? Ничего не слышала.

— И вы тоже идете. Мы там с тобой договорились встретиться, помнишь, мам? — терпеливо и спокойно спрашивает Арчи.

— Ах, да, и правда, — отвечает она, хмурясь и силясь что-то вспомнить.

— Ладно, пока, — прощается Арчи. — Пойдем, Генри.

— А кто такой Генри? — спрашивает мистер О'Дрейн.

Я беру Арчи под мышки, вытаскиваю из инвалидного кресла, спускаюсь вместе с ним на тротуар и усаживаю его на нижнюю ступеньку лестницы. Затем возвращаюсь за креслом. И

последнее: нужно захватить костюм с пола у порога. Внутри мистер О'Дрейн наливает себе выпить и тут же, одним судорожным глотком осушает стакан. Миссис О'Дрейн оглядывается по сторонам и спрашивает в пустоту: «А где Арчи?» Выхожу на улицу, хватаюсь за ручки инвалидного кресла — совсем как за руль велосипеда. Арчи запрокидывает голову и смотрит прямо в небо.

— А хорошо сегодня солнце греет, — говорит он. — Аж лицу приятно.

— Да, еще как приятно, — соглашаюсь я.

И мы едем дальше.

Гарри Карран в непонятках.

— А почему ты спрашиваешь, не тяжело ли мне дышать? — спрашивает он меня.

— Да сдается мне, твоя долбаная экипировка препятствует циркуляции воздушных потоков, — говорю я и мельком бросаю веселый взгляд на Арчи, который смеется вместе со мной. Сегодня Гарри у нас в спортивной форме небесно-голубого цвета в обтяжечку: на нем футболка с V-образным воротом и короткие шорты, и то и другое с белым кантиком; подтянутые до самых колен полосатые гетры; в дополнение ко всему на шее болтаются спортивные очки.

— А, понял. Так все дело в костюме. Это говорит

о том, как мало вы смыслите в эргономии.

— Эргономия — это что-то вроде «зацени мои шары»? — интересуюсь я.

— Нет, это значит «посмотрите, ребята, какая у меня задница», — поясняет Арчи.

— Очень смешно, — говорит Гарри. — Нам пора двигать. Ювелирный сегодня закроется рано.

— Сначала за Бобби Джеймсом, — напоминаю ему я.

— А ты уверен, что сто́ит? — жалобно спрашивает Гарри. — Он где сейчас вообще?

— Да вон он, у себя на газоне, собачье дерьмо собирает, — говорю я.

— И правда.

Со смехом мы проделываем путь в шесть шагов до его газона. С места в карьер Джеймси, который подчас сплетничает не хуже любой девчонки, начинает пересказывать нам байки про вчерашнюю драку, сам продолжая при этом собирать совком какашки за Боргардтом и не расставаясь с батончиком «Поп-Тарт».

— Вчера в Тэк-парке у Ральфа Куни был ствол, — сообщает он нам.

Слышно, как по дому в преддверии свадьбы в панике носятся подруги невесты и телефон звонит каждые десять секунд.

— Да кто тебе это сказал? — намеренно выказывая полное недоверие, спрашиваю у него я.

— Ральф, — отвечает он.

Прежде чем я успеваю сказать еще хоть слово, к двери подходит миссис Джеймс (пятьдесят пять лет, сиськи второго размера, золотые очки).

— Бобби Джеймс, — говорит она, — сколько можно собирать какашки за Боргардтом?

— Мам, я и так собираю их быстрее некуда. Всё? Довольна теперь?

— Если у Ральфа был ствол, то где он его, спрашивается, прятал? — интересуюсь я.

— А я откуда знаю? — отвечает Бобби Джеймс. — Он про него только потом сказал.

— Роберт, ты вообще никогда не соберешь эти какашки, если будешь болтать, — говорит ему мама.

— Ё-моё, мам, ты еще хотя бы минуту можешь подождать? — возмущается он в ответ.

— А куда вы пошли после драки? — спрашиваю я.

— Зашли в «Семь-Одиннадцать», — говорит Бобби, — пока папаня, урод, нас оттуда не выгнал.

— Роберт Джеймс, я ослышалась или ты только что назвал *своего отца уродом?* — спрашивает миссис Джеймс.

— Ничего подобного, — нагло врет он ей в ответ. — Может, тебе сходить уши полечить?

— Твой отец тоже вчера там был, — сообщаю я ему.

— Да, он мне сказал, что видел тебя и что рожа у тебя была как после встречи с привидением, — говорит Бобби.

— Это правда, — признаю я.

— Уши полечить, говоришь? Имей в виду, я еще не настолько старая и сил, чтобы выпороть тебя, у меня куда как хватит, — говорит миссис Джеймс.

— Так, мам, предупреждаю: еще чуть-чуть и я окончательно потеряю терпение, — предупреждает Бобби, кусая батончик, который он держит в той же руке, что и пакет с какашками. — Знаешь, Генри, а эти фиштаунские оказались хиловаты. Кардинал Крол уже прочитал отходняк всем пятерым, — продолжает врать он, а сам тем временем отправляет очередной орех в пакет в опасной близости от своего «Поп-Тарта».

На улице раздолбанные американские машины пускают клубы газа из выхлопных труб. Перед ними бросаются врассыпную к тротуару маленькие дети на великах и досках. Телки тычут шлангами в цветочные клумбы и кричат *Ну-ка притормозил, урод* водителям, которые,

проезжая мимо них, успевают показать средний палец. Гарри делает растяжку. Я причесываюсь. Арчи смотрит куда-то вдаль: ему наплевать на споры между придурками, чьи ноги ходят.

— А что, Грейс тоже пошла с вами в «Семь-Один-надцать»? — стараясь выглядеть безучастно, как бы между делом интересуюсь я (и при этом продолжаю расчесывать волосы).

— Не, сразу домой пошла, — сообщает мне Бобби.

— Вот и хорошо, — говорю я. — А то я боялся, что она останется с Бурком и Крампом.

— А с чего так думал? — спрашивает Бобби.

— Не знаю, — говорю я. — Просто после «Свободы» она стояла, трепалась с ними.

— Ай-ай, — говорит Бобби. — Ревность — плохая привычка, Генри. Нужно давать женщине определенную свободу. Тебе пора бы уже знать, как с ними обращаться и разговаривать.

— Роберт, проверь под забором: нет ли говняшек. Бо любит там какать, — говорит миссис Джеймс.

— Мам, пойди, что ли, усы себе ваксой подмалюй, — говорит ей Бобби.

Дверь резко распахивается. Миссис Джеймс, выставив метлу как копье перед собой, стремглав

бросается на сына вниз по лестнице. Но Бобби Джеймс уже готов и мелко, по-боксерски, перепрыгивает с ноги на ногу.

— Ну, давай, подходи со своей метлой, — говорит он. — Я тебе все бигуди из волос повыдергаю.

Миссис Джеймс замахивается на него метлой, как топором, но — мимо. Бобби Джеймс, теперь уже с демонстративной наглостью, начинает смешно приплясывать на месте, но тут вдруг спотыкается и падает спиной на траву. Прощай, мой бедный друг. Он зажат в угол. Теперь уже не до гонора. Изо рта показывается и тут же испуганно лопается пузырь жвачки. А тем временем миссис Джеймс медленно, но верно надвигается на него со злорадной улыбкой.

— Вот и пришло время расплаты, — говорит она, занося метлу над головой для смертоносного удара.

Но не успевает она опустить метлу на голову Бобби Джеймсу, как тот — Господи Иисусе, просто не верю своим глазам, ну дает: это уж слишком! — швыряет в нее мешок с какашками и, воспользовавшись короткой передышкой, бьет кулаком в лицо святого Фому Аквинского и тут же со стоном сгибается, ушибив руку о непрошибаемую статую. Вот теперь уже точно бежать некуда.

Миссис Джеймс отбрасывает метлу в сторону, хватает пакет с дерьмом и принимается лупцевать Бобби Джеймса по голове этим своим новым оружием и не останавливается до тех пор, пока к дому не подходит Фрэнсис Младший с почтой.

— Доброе утро, Джоан, — говорит он и протягивает ей какие-то письма. — К свадьбе все готово?

— Доброе утро, Фрэн, — отвечает она и берет у него письма. — Считай, что так.

Теперь он переводит взгляд на меня:

— Генри.

— Да, пап? — отзываюсь я.

— Ты ведь сам в этом не участвовал, верно? — спрашивает он.

— Не-а. Только смотрел, — отвечаю я.

— О'кей, тогда я пошел.

— Отлично, до скорого.

Недовольно качая головой, он удаляется, по дороге пихая конверты с письмами в почтовые ящики, доходит так до конца квартала и проскальзывает к миссис Куни, которая уже держит для него дверь наготове. Миссис Джеймс кидает пакет с какашками на грудь поверженному Бобби Джеймсу и возвращается в дом. Но он даже не успевает сбросить с себя пакет и подняться, как она снова выглядывает из двери.

— Роберт, тебя к телефону. Думаю, это Марджи Мерфи из соседнего дома, — говорит она, указывая на Марджи, которая сидит у себя на веранде в трех футах от нее с прижатой к уху телефонной трубкой и гоняет во рту жвачку. Джеймси с залихватской улыбкой продолжает лежать на газоне с пакетом какашек на груди.

— Вынеси телефон сюда, пожалуйста, я здесь отвечу. Вот видишь, что́ я тебе говорил насчет девчонок, Тухи?

— Быстрей давай, — говорю я. — Не забудь: нам еще с тобой в ювелирный идти, придурок.

— Кто придурок? Пять минут. Смотри, Генри, вон твоя невеста, — говорит Бобби, показывая пальцем на Грейс, которая только что вышла к себе на веранду. — Иди хоть «привет» ей скажи, что ли.

С этими словами он бросает пакет в мусорную корзину, затем берет у мамаши телефон, чтобы пошептать всякую сладкую чушь на ушко девушке, живущей от него через стенку. А в это время в доме у него за спиной, равно как и в каком-нибудь таком же доме на улице Святого Патрика или ей подобной, полным ходом идут приготовления к свадьбе.

Грейс Макклейн вышла из дома, и на ней нет

ничего, кроме просторной зеленой футболки «Иглз». Да славится имя Твое! Волосы в беспорядке, темные круги под глазами. Зевает. Закуривает сигарету и спускается по ступенькам к нам.

— Как дела, красавчик Хэнк Тухи? — здоровается она.

— Все отлично, Грейс Макклейн Великолепная, а у тебя как?

— Да тоже не жалуюсь. Миссис Джеймс что, и вправду отлупила Бобби Джеймса пакетом с собачьим дерьмом?

— Совершенно верно, — подтверждаю я, улыбаясь.

— Это еще что, — говорит она, — на прошлой неделе она ему о голову дыню разбила.

— Знаю, я тоже там был, — говорю я. — Выглядишь просто потрясающе.

— Да брось ты, я же только что встала, — говорит она. — Хотя, с другой стороны, хули с двинутым спорить?

— Точно.

И мы с ней широко улыбаемся со счастливым сознанием того, что вот сейчас стоим и просто колемся друг над дружкой, всего каких-то полдня спустя после поцелуя при луне.

— Хэнк, что с тобой стряслось вчера после дра-

ки? — спрашивает она.

— Домой пошел, — отвечаю я.

— Значит, до приезда копов с лавки все-таки слез?

— Не-а, так и стоял как вкопанный, пока копы и «скорые» не приехали.

— «Скорые»? Сразу несколько? А ты этих, из Фиштауна, потом не видел?

— Давай не будем сейчас про эту фигню, — вроде как испуганно говорю я.

— О'кей, нет — так нет, — говорит она, и ее глаза сразу теплеют.

— А до того разве не здорово было? — спрашиваю я у нее.

В ответ она ухмыляется и выпускает дым.

— Да, здорово в «Свободу» поиграли.

— А как насчет того, что было в промежутке между «Свободой» и спортплощадкой?

— Ты про баскетбол?

— Да нет, про то, как мы сосались за баками, глупышка, — говорю я.

Гарри и Арчи протестующе вскрикивают *Йоу* и затыкают уши.

— Хэнк, какого хрена. Нельзя при друзьях поскромнее?

— Скромность тебе не идет, — говорю я.

— Да, ты прав, — соглашается Грейс, щелчком отправляя бычок в Гарри: тот с отвращением передергивает плечами. — Почему ты никогда мне не звонишь? — спрашивает она, кивая головой в сторону Джеймси и Марджи, которые общаются друг с дружкой по телефону, сидя на соседних верандах на расстоянии вытянутой руки.

— Да мне как-то привычней работать мальчиком по вызову, — объясняю я.

— По вызову, значит, — смеется Грейс. — Доктор Тухи. Медсестра О'Дрейн, медсестра Карран.

— Ты кого это медсестрой назвала, ты, психбольная? — возмущается Арчи в ответ.

— Я бы поработал медбратом. Они очень прилично зарабатывают. О господи, опять они за свое, — говорит Гарри, имея в виду Бобби и Марджи, которые сосутся, перегнувшись друг к другу через перила, не отнимая от уха телефонных трубок, покуда на верандах одновременно не появляются их матери. Миссис Мерфи затаскивает Марджи за ухо обратно в дом. А миссис Джеймс отбирает у Бобби телефон и пинками сгоняет его вниз по лестнице. Он возвращается к нам.

— Я буду звонить в службу защиты прав детей, — кричит он ей через плечо.

— Мне кажется или у тебя футболка воняет

собачьим дерьмом? — спрашивает у него Грейс.

Мы все прыскаем со смеху, все, за исключением Бобби Джеймса.

— Ты свою понюхай, Макклейн, — говорит он. — Ого, Генри, по-моему, твой папаня в конце квартала что-то с кем-то не поделил.

На веранде у Куни Фрэнсис Младший лается с кем-то внутри и показывает средний палец в распахнутую дверь. Выходит миссис Куни, кладет ему руки на грудь и толкает его вниз по ступенькам, а он все показывает палец и что-то кричит. Наконец он уходит прочь, направляясь в сторону «Пола Донохью». Чуть только он отошел, на веранду выходит Ральф Куни и застывает, прямой как столб. Минуту-другую миссис Куни что-то шипит ему прямо в лицо, затем отправляет его обратно в дом, а сама бросается вслед за Фрэнсисом Младшим в сторону Ав.

— Очнись, Хэнк, — говорит Грейс, щелкая пальцами у меня перед носом.

— Что? — переспрашиваю я.

— Просто ты уставился в одну точку и стоял как вкопанный.

— Разве?

— Так и есть. Похоже, старик тебя расстраивает.

— В самом деле? — говорю я.

— Ага. Но ты ему этого не позволяй, — мягко, но уверенно говорит она мне.

— Не буду, — отвечаю я, и сам про себя знаю, что и правда не буду, и от этого люблю ее еще сильнее, и делается легче на душе.

— Вот и прекрасно. Ладно, так какие у тебя сегодня планы перед тем, как идти на свадьбу?

— Да так, то да се, — отвечаю я с улыбкой.

— То да се. Что ж, тогда шевелись скорей. Не буду тебя задерживать, — говорит она и тушит сигарету о перила, потом разворачивается и, покачивая головой, а заодно и задницей, возвращается в дом.

Полцарства за передышку моему члену.

Фрэнсис Тухи ругается с Донной Куни на углу Ав и Святого Патрика, а мы с Бобби, Гарри и Арчи следим за ними из-за угла. Мы заметили их по пути в ювелирный Дивайни и тут же юркнули обратно на Святого Патрика.

— Донна, пойми, я правда не хотел его обзывать, — говорит Фрэнсис Младший, — но что еще, по-твоему, мне оставалось делать? Он бы так и продолжал нас караулить. Он же без тормозов. Что, если возьмет да и расскажет обо всем твоему мужу?

— Ничего он ему не расскажет, Фрэн, — возражает миссис Куни.

— А что, если да? Что, если уже рассказал? — причитает Фрэнсис Младший.

— Тогда нас бы обоих с тобой уже давно на свете не было, — трезво отвечает ему она.

— Спасибо, утешила. Твой чокнутый сынок постоянно шпионит за нами, а муж как узнает — так сразу убьет.

— Да брось, Фрэн. У тебя и со своим сыном проблем хватает. А жена твоя… скорее она нас убьет, чем мой муж.

— Мой сын не такой, — говорит Фрэнсис Младший. — Даже и сравнивать нечего. Мой был счастлив, и все у него было хорошо, пока девушка не погибла. А твой всегда был того, с приветом.

За последней фразой следует пощечина, затем небольшая пауза.

— Донна. Извини. Пожалуйста, — говорит он. — Я совсем не то имел в виду.

— Он вконец запутался, потому и злится, — говорит она. — Пора уже завязывать с такой жизнью и перестать ото всех прятаться. И без того все, кроме Берни, давно обо всем знают. Давай хоть здесь поступим правильно и признаем, что так оно и есть.

— Что? — переспрашивает он в ужасе. — Ты что — шутишь?

— Нет. Я хочу, чтобы мы с тобой перестали скрываться и открыто всем сказали о своих чувствах.

— Постой, Донна, ты вообще сейчас про что? Это какие такие еще *чувства?*

— Я люблю тебя, Фрэн, — проговаривается она.

— О господи, — только и находит что сказать ей в ответ этот говнюк.

— «О господи»? Как прикажешь *это* понимать? — злобно бросает она.

— Любовь, Донна? Не слишком ли большое слово? Послушай, может, нам лучше просто разойтись, будто ничего и не было?

— Прелестно. Ну ты и трус! Боишься сволочной жены, которую даже не любишь.

— Донна, ты все неправильно поняла. Я не знаю, с чего у тебя сложилось такое впечатление…

— Хватит, не продолжай. Все я поняла. Ты любишь свою жену. А я только так — потрахаться.

— Все не так…

— Хрена там не так, — перебивает она. — *Мне-то* хоть не ври. Для этого у тебя *Сесилия* есть.

— О'кей, — говорит он. — Думаю, все так и есть, коли уж на то пошло.

— Я тоже так думаю, — говорит она со слезами

в голосе.

— Иди, позаботься о своем сыне, Донна, — уже с нежностью говорит Фрэнсис Младший.

— Да, ты тоже.

С этими словами она сваливает обратно за угол на Святого Патрика и чуть не сталкивается со мной. Мы стоим с ней лицом к лицу.

— Привет, Генри, как дела? — спрашивает она у меня, утирая слезы и стараясь, чтобы ее голос звучал как можно веселее. И тут я понимаю, что она и вправду любит моего отца, а он только что разбил ей сердце.

— Привет, миссис Куни. С вами все в порядке? — спрашиваю я и чувствую себя при этом последним дураком.

— Лучше не бывает, — бросает она и спешит обратно к себе домой, неопределенно махнув мне рукой. Мы сворачиваем за угол. Фрэнсис Младший стоит, прислонившись к своему джипу, и пьет воду из бутыли. Я иду мимо.

— Генри, ты куда? — спрашивает он.

— Не важно, — злобно огрызаюсь я в ответ и направляюсь прямиком к ювелирному магазину, где лежит кольцо, которое поможет мне завоевать сердце девушки, которую я не обижу никогда в жизни. — По крайней мере, до сегодняшнего

вечера, — добавляю я и в конце бормочу чуть слышно: — Будем надеяться.

15

Рон Дивайни, семидесятитрехлетний старикан с индюшачьей шеей и седыми, зализанными назад волосами, кипя от ярости, прыгает перед камерой.

— Стой где стоишь, — говорит он, грозя пистолетом. — Руки вверх, приятель, чтобы моя жена могла тебя обыскать.

Его жена, Джудит, с виду как две капли воды на него похожая, если не считать парика и длинного бесформенного платья, обыскивает человека, у которого камера.

— Он чистый, — заключает она.

— Рад слышать, а не то я б его продырявил. Что, придурок, подбираешь себе что-нибудь из драгоценностей? Тогда ты пришел по адресу. «Ювелирный Дивайни» — магазин как раз для тебя. У нас есть украшения на все случаи жизни, будь то свадьба, помолвка или юбилей. В порядке спецзаказа мы также можем предоставить широкий выбор аксессуаров и для более специфичных ритуалов и торжеств, таких, как папская интронизация или похороны. Так что заходи

к нам в «Ювелирный Дивайни» на углу Фрэнкфорд-авеню и Святого Патрика, но имей в виду, ковбой: стволы и дурацкие шутки лучше оставь за порогом, а не то можешь смело загадывать последнее желание. Я-то сам не боюсь помереть, а вот как насчет тебя? — выкрикивает он, затем снимает пушку с предохранителя, поворачивается на месте и начинает безостановочно палить по мишени в виде черного мужского силуэта, пока пулевые отверстия не складываются в надпись САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ В ГОРОДЕ.

— Ну вот и реклама, — говорит мистер Дивайни, указывая на экран телевизора стволом своей пушки, которую он, бля, в жизни никогда не выпускает из рук. Нас, однако, это ничуть не пугает. Мы — то есть Гарри, Бобби, Арчи и я — просто научились пригибаться каждый раз, когда он ею размахивает, а потом снова выпрямляться, когда он размахивать прекращает. И все дела. Просто с этим чокнутым ублюдком всегда надо быть начеку.

— Рональд, поосторожнее там со своей штуковиной, — предупреждает его миссис Дивайни, которая, наверное, отращивает себе груди, чтобы те свисали как можно ниже — в качестве логического продолжения ее сморщенного, как

чернослив, лица. — Мало тебе высаженного стекла на прошлой неделе?

— Потише там, пока суда не было, не стоит об этом распространяться. К тому же мой магазин — моя пушка. Если кому что не нравится — пусть пойдет постучится лбом об стенку, — кричит он ей в ответ, размахивая пушкой у нас над головами и тыча ею в сторону двери. Мы пригибаемся. Затем он снова опускает ствол — мы выпрямляемся — и начинает перелистывать им страницы каталога «Нотр-Дам».

Гарри прочищает горло:

— Мы пришли за кольцом.

— Нотр-Дам, — говорит мистер Дивайни, по-прежнему глядя в каталог и пропуская мимо ушей реплику Гарри. — *Неистовые* «Ирландцы». А вы ребята, болеете за «Ирландцев»? — спрашивает он, опять наводя на нас свою пушку.

— Конечно, черт возьми, — говорю я.

— Еще бы, — говорит Бобби Джеймс.

— Спросили тоже, — соглашается Арчи.

— За кого же еще, черт побери, — говорит Гарри.

— Ладно, — подозрительно щурясь, говорит мистер Дивайни. — Джудит, почему ящик все еще включен? Мой ролик давно прошел. Поставь

пластинку.

Миссис Дивайни бросается к стереофонии. Магазин наполняется звуками божественной музыки.

— «The Four Freshmen», — замечаю я. — Вы любите Бич Бойз, мистер Дивайни?

— Эти твои пидоры Бич Бойз были левыми хипстерами и пели про всякую коммунистическую дрянь вроде серфинга и прочего, — говорит он. — Серфинг придумал Фидель Кастро специально, чтобы заманить наших ребят в воду и там их всех повзрывать, перед тем как высадить к нам десант, урод бородатый. Фидель Кастро. Я б ему сам, лично глотку за это перерезал. Так, и какого черта вас принесло ко мне в магазин? Мы тут жвачками со вкладышами не торгуем.

Гарри вытаскивает из кармана сотку. Игла скребет по пластинке. Мистер Дивайни откладывает пушку в сторону. Его жена тут же приносит нам на подносе чай со льдом и кексы.

— А, теперь да, вспомнил, — говорит он. — На прошлой неделе ты заказал мне кольцо. Вроде как папочка решил сделать мамочке подарок, так? Интересно, куда он девал старое: не иначе в нужник отправил? — и давай укатываться так, как будто никто никогда еще шутки лучше этой

не выдумал. — Она ни за что не догадается, что это на самом деле обычный цирконий. Что у нас там — кольцо готово, Джоан?

— Уже несу, Рональд, — отзывается она и приносит вместо моего кольца какой-то кусок дерьма.

— Это не то, которое я просил, — заявляю я.

— Что? — переспрашивает он. — Ты же, кажется, выбрал элитное кольцо из чистейшего циркония за сто баксов.

— Я выбрал *вон то,* а не это, — говорю я, указывая на кольцо для Мэган, кольцо Стивена, мое кольцо, кольцо для Грейс, которое по-прежнему лежит на прилавке под стеклом.

— Да оно в точности такое же, только то уже надеванное, а это — нет. Нарываешься на проблемы? Или пошутить со мной вздумал? — спрашивает он, а сам большим пальцем поглаживает под прилавком свою пушку.

— Ни хрена я не нарываюсь, — говорю я. — Мне нужно вон то кольцо. Дайте мне его, и не будет ни у кого никаких проблем.

— Ладно, — говорит он. — Но скидки за то, что его уже брали, не получишь.

— Пойдет, — соглашаюсь я, глядя прямо ему в глаза: я сейчас не в том настроении, чтоб с ним базарить.

— Джудит, это положи на место и принеси то, другое, — говорит он.

Она забирает дебильное кольцо, приносит вместо него то, которое нужно, и кладет его на свободный прилавок. Мы все пододвигаемся ближе. Коробочка у нее в руках со щелчком распахивается. Кольцо с коричневым камнем в желтой оправе сияет ярче всех лежащих внизу под стеклом дорогих безделушек вместе взятых.

— Можно мне подержать? — спрашиваю я.

— Только с согласия твоего дружка, у которого наличность, — говорит мистер Дивайни.

— Давай, Генри, — говорит Гарри. — Оно тебе нравится?

Я гляжу на кольцо и не могу оторваться. Любовь переполняет меня до краев, и я ничего не могу сказать ему в ответ.

— Сделано из высококачественного циркония, — балаболит мистер Дивайни. — Барахла я не толкаю с 1981 года, когда было следствие. Таким колечком можно запросто стекло разрезать — и ограбишь любой ювелирный, но только не мой, потому что я тебе сперва башку разнесу. К кольцу прилагается десятидневная гарантия, обеспечивающая защиту прав потребителя.

Я мысленно выключаю его болтовню у себя

в голове, потому что мне по хрену все, что он скажет. Вот передо мной лежит кольцо, которое я надену на палец Грейс как залог моей любви. Вот кольцо, которое Стивен вернул обратно в магазин, когда погибла его девушка. Вот кольцо, которое я буду держать в руке после того, как спою ту самую песню, которую когда-то Фрэнсис Младший пел Сесилии в знак их любви. Когда я перестану петь, Стивен снова будет счастлив, а родители снова полюбят друг друга. И всем сразу станет жить лучше: и Сес, и Фрэнни, и Грейс, и мне. Сегодня вечером я предложу им все это с пожизненной гарантией. И срать я хотел на эту десятидневную байду.

— Ты знаешь, когда я делал предложение миссис Дивайни, у меня для нее вообще не было никакого кольца, — говорит мистер Дивайни. — Просто предложил — и точка. И получилось все — лучше не придумаешь. В обоих случаях. Не купил кольца тогда — теперь вот их продаю. Замечательная штука жизнь.

— Эй, прекрати, — перебивает его жена. — Опять завел свою циничную тягомотину. На самом деле, мальчики, когда мистер Дивайни сделал мне предложение в тридцать первом, он в два раза больше денег потратил на фейерверки,

чем если бы купил кольцо. Разве я не права, Рон?

— А мне почем знать? Я уже давно старик. Бывает, и как звать-то меня забуду, — лукаво замечает он ей в ответ.

— Что верно — то верно, Рон, — ласково качая головой, соглашается она. — Он завел меня черт-те знает куда, в какое-то поле, — продолжает рассказывать она нам. — Там, рядом, в лесу ярдах в пятидесяти от нас прятались с фейерверками двое его приятелей. Он велел им ровно в девять запускать все, разом — в этот момент и хотел мне объясниться. Ничего на память не приходит, а, Рон?

— Нет, словно белое полотно какое-то, — отвечает он, явно приведенный в смущение своей возлюбленной половиной.

— Ну да, конечно, — говорит она. — И не важно, в общем, мальчишки, а вот из всех своих друзей он взял, наверное, двух самых бестолковых — долго выбирал, надо думать, — потому что только встал передо мной на колено и раскрыл рот, как все эти фейерверки полетели в поле прямо в нас. Ну теперь, готова поспорить, ты все вспомнил, — смеется она, а он закатывает глаза.

— Ладно, чего там, вспомнил, — признается он.

— И фейерверки на самом деле полетели прямо

в нас, так ведь? — уже хохоча, уточняет она.

— Да, Джудит. Получилась настоящая Иводзима[32].

В ответ она хохочет еще пуще прежнего:

— Да, Иводзима, это точно. Предложение он мне сделал, пока мы с ним бежали в лес, спасаясь от ракет и римских свечей, которые били по деревьям у нас за спиной. Я сказала «да», и мы поцеловались, спрятавшись за деревом, да так там и стояли еще минут десять, пока бомбардировка не прекратилась. И вот они мы, пятьдесят три года спустя, и все так же любим друг друга, как и раньше. Я права, Рон?

— Если ты так говоришь, значит, так оно и есть, дорогая, — отвечает ей он.

— А именно так я и говорю.

Гарри оплачивает чек и кладет мне руку на плечо. Стволом своей пушки мистер Дивайни жмет кнопку на кассе. Ящик открывается. *Бздынь.* За нашей спиной на Ав останавливается троллейбус. *Скрип, клик.* Арчи зевает. Бобби Джеймс надувает пузырь. Мистер Дивайни, словно младенца в колыбельку, кладет купюру в кассовый ящик и тут же со звоном его захлопывает. Я опус-

[32] Примечания: 32

Остров в Японском архипелаге, за который американские войска вели ожесточенные бои с японцами во время Второй мировой войны.

каю коробочку с кольцом к себе в карман и сверху кладу на нее ладонь. Я выхожу из магазина вслед за остальными; перед глазами у меня все плывет. Мимо нас медленно и размеренно, как сердечный ритм, течет по дороге поток машин.

И снова улица Святого Патрика: Арчи и Гарри готовят каскадерский прыжок на инвалидном кресле, для чего приволокли два шлакоблока. Трамплином послужит сломанный стол с веранды Бобби Джеймса. Рядом с нами в ожидании прыжка стоит Грейс все в той же футболке «Иглз» и Марджи Мерфи, которая сегодня вышла в комплекте из шортов с футболкой.

Трамплин готов, роликовые коньки, скейтборды и детские велосипеды все разом тормозят и замирают вокруг. Шум игры сменяется напряженной тишиной. Теперь только и слышны доносящиеся из домов там и сям мелодии телешоу, шипение газонных поливалок да звуки слетающих с пивных бутылок крышек. Последнее еще более, нежели любые стрелки на часах, служит неопровержимым доказательством того, что приближается полдень. Гарри свозит Арчи с бордюра на дорогу.

— Как думаешь, откуда надо разбегаться? — спрашивает он. — И еще: мне бежать быстро или

не очень?

— Сначала нужно положить что-то, через что я буду прыгать, — говорит Арчи.

Я указываю ему на детишек, стройными рядами рассевшихся на бордюрах.

— Можно положить на землю несколько этих маленьких ублюдков, — предлагаю я.

Марджи тут же принимается вонять, что с детьми — это слишком опасно. Тогда Грейс предлагает подложить вместо детей синий костюм Арчи в полиэтиленовом пакете. Все дружно решают, что костюм — это самое то. Арчи протирает темные очки подолом рубашки.

— Гарри, — говорит он, — отвези меня вон до той пятнистой тачки с мусорным пакетом у заднего стекла.

— До которой? — уточняет Гарри. — До желтой или до зеленой?

— До желтой, — говорит Арчи. — От нее и будем разгоняться. Побежишь изо всех сил.

Вот они уже стоят рядом с машиной. Впереди — на ладан дышащий трамплин. Полиэтиленовый пакет с костюмом Арчи переливается на солнце всеми цветами радуги, словно масляное пятно на асфальте на стоянке у автомагазина. Арчи слюнявит себе палец и поднимает его над

головой, затем сжимает кулак и показывает Гарри большой палец. Гарри отвечает ему тем же жестом, но перед этим успевает сделать растяжку на ноги и поправить наколенники. Стартуют технично и мощно. От трамплина их отделяет уже всего каких-то пять футов, но тут раздается голос чьей-то мамаши:

— Мэтью! Мэтью!

Тьфу, бля. Миссис Мэлинсон (у нее сиськи первый номер) зовет своего сынишку Мэтта (стрижка бобриком). Гарри резко тормозит и останавливает инвалидное кресло. Нельзя же на глазах у мамашки совершить прыжок в кресле-каталке, поэтому нам всем приходится на время сбавить обороты. Гарри нагибается и с видом заправского механика как бы начинает возиться с колесом. А я тем временем загораживаю собой трамплин, чтобы миссис Мэлинсон не увидела, и вот уже стою и причесываюсь, как ни в чем не бывало. Ничего такого, все как всегда — разве не ясно?

— Мэтью, пора, ланч уже готов, — говорит она.

— О'кей, мам, иду, — говорит Мэтт.

— А где твоя сестра Колин? А, вот и она. Колин, и ты тоже иди, — успевает сказать миссис Мэлинсон прежде, чем в ее голову начинает закрадываться смутное подозрение. — Вы, ребята,

здесь часом ничего не затеяли? Ведете себя как надо?

— Да, миссис Мэлинсон, — отвечают ей все хором.

— А что там у тебя за спиной, Генри? — спрашивает она.

— Да так, ничего особенного, — сообщаю я ей. — Столешница и два шлакоблока.

— И что вы собираетесь со всем этим делать?

Тут встревает Гарри:

— Йоу, Джина, как дела?

— Отлично, Гарри, а как у тебя?

— Спасибо, тоже хорошо, — говорит он. — У тебя случайно не будет минутки? Надо поговорить насчет оплаты за газон.

— Ммм, давай как-нибудь потом, ладно? — уклончиво отвечает она вопросом на вопрос. — Мне сейчас главное этих двоих накормить.

— Нет проблем, Джина. Потом так потом. — Дождавшись, когда миссис Мэлинсон скроется за дверью, Гарри лукаво подмигивает мне: — Она еще не до конца расплатилась за стрижку газона. Ну что, продолжим наше шоу?

Арчи с Гарри вновь занимают исходную позицию у пятнистой тачки. Арчи громко командует *Толкай.* Гарри срывается с места. С Эрдрик на

Святого Патрика заворачивает полицейская машина. *Копы,* кричу я. Гарри снова тормозит инвалидное кресло. Под неодобрительный ропот собравшейся толпы зрителей мы с Бобби Джеймсом оттаскиваем с дороги шлакоблоки, чтобы полицейская машина смогла проехать. За рулем мистер Джеймс при исполнении (и это за два часа до свадьбы собственной дочери). Тормозит около меня.

— Йоу, Генри, что тут у вас такое? — спрашивает он.

— Йоу. Как, сегодня тоже работаете? Не пойдете на свадьбу? — удивляюсь я.

Он приближает лицо ко мне:

— Я бы с радостью. Где Бобби Джеймс?

— Вон там, за машиной прячется со своей девушкой, — говорю я и показываю в нужную сторону.

— С кем прячется? Уже умудрился девчонку себе подцепить? — в свою очередь удивляется мистер Джеймс.

— Даже не спрашивайте: я сам ни за что бы не стал с малолеткой встречаться.

— Слышал, жена его сегодня как следует отходила пакетом с какашками. По этому поводу поступило три звонка в 911.

— Я не могу подтвердить, равно как и опровергнуть данные слухи, — с деланной серьезностью сообщаю ему я.

Мистер Джеймс, в этих делах мужик тертый, только беззвучно смеется в ответ.

— Понимаю, — говорит он. — К тому же мне сейчас не до того. А у них там все по-взрослому или как? А то как было бы хорошо в один день сразу от двух нахлебников избавиться.

Теперь моя очередь смеяться. Мистер Джеймс мне нравится.

— Боюсь, не выйдет. У него же на лице написано: «Вечный маменькин сынок», — говорю я.

— Клянусь, я скорее сам его пристрелю, Генри, — говорит он.

— Лучше уж сразу, сейчас, а то потом некогда будет, да и жалко станет, — советую я ему.

— Ладно уж, пусть до завтра побегает, — смеется он мне в ответ. — Рад, что вид у тебя бодрее, чем вчера вечером.

— Да уж, — говорю я.

— С теми ребятами все в порядке, — добавляет он. — Всех уже отпустили домой.

— Я слышал.

— Но сам лучше пока держись подальше от спортплощадки, хорошо?

— Да, конечно, — говорю я.

— А Гарри там что — нацепил костюм для аэробики? — с изумлением в голосе интересуется он.

— Да хрен его знает, лучше сами у него спросите, — советую ему я.

Мистер Джеймс опускает боковое стекло с пассажирской стороны.

— Йоу, Гарри, — окликает он его. — Что это на тебе такое? Костюм для аэробики?

— Йоу, Роб, — отзывается Гарри. — Нет.

— А похоже. Ладно, ребята, увидимся на свадьбе. Да, и еще, кстати, когда Арчи раскроит себе череп об асфальт, скажите диспетчеру, чтобы вызывал не меня, а «скорую помощь». Хочу успеть чего-нибудь перекусить перед свадьбой дочери.

И с этими словами уезжает. Если последнее замечание и имело своей целью как-то нас вразумить, то мы все равно благополучно его прохлопали: не успевает машина скрыться за углом, как у нас уже снова готов трамплин. Буквально сразу же все снова бросаются по своим местам. Гарри и Арчи отступают назад, разворачиваются и летят в атаку. На этот раз безо всяких помех. Арчи глядит сверху на приближающийся трамплин, как пилот бомбардировщика, готовый обрушить тонны металла и взрывчатки на

голову аятоллы Хомейни. Он вот-вот взлетит с трамплина со скоростью 100 миль в час, шутя перемахнет через солнце и покажет всем этим ходячим хлюпикам внизу, у кого здесь в квартале самое крепкое очко.

Шлеп. Бац.

В жизни не всегда все бывает по справедливости. Иногда плохие торжествуют, а хорошие незаслуженно несут наказание. Не знаю, как там у вас, у заблудших и одураченных идолопоклонников, а нам, католикам, Папа Римский ясно объяснил, что придет Судный день, и тут-то Большой Мальчик все дерьмо у нас из жопы огнеметом и повыжжет. Однако до той поры всем все, как правило, сходит с рук, даже если кажется, что так быть не должно. Вот, например, как сейчас, когда мы с Гарри на пару незаслуженно страдаем от побоев отца С. Томаса Альминде, OSFS, в церковной ризнице. Мы прибежали сюда из дома, нацепив стихари прямо поверх школьной формы. В таком виде, и никак иначе, любой церковный служка обязан являться в храм даже летом. На пороге мы оба споткнулись и со звучным грохотом полетели на пол друг через друга, чуть животы не надорвав от хохота. Стеклянная дверь с силой захлопнулась за нами, отчего тут

же разбилась вдребезги. Святой отец, который в это время был занят тем, что наставлял на путь истинный одну хорошенькую разведенную мамашу с великолепным бюстом, посчитал, что в данном случае без физического наказания никак не обойтись. Тут уж ничего не попишешь: воротничок священника, равно как и полицейский значок, — отличный аргумент в пользу узаконенного права давать волю рукам. Поскольку я меньше и легче, чем Гарри, святой отец поднимает меня в воздух, ухватив за волосы. Слезы из глаз так и брызжут, единственное, чего мне сейчас хочется, — это порвать ему глотку за то, что он, бля, творит с моей прической, но все же приходится стиснув зубы молчать. Со священником такое не прокатит. Лучшее, что можно сделать в этой ситуации, — крепиться и не подавать виду, что тебе больно. В этом смысле Гарри сейчас особенно тяжело: он, как телка, ревет, а святой отец тем временем знай себе навешивает ему подзатыльник за подзатыльником ладонью со здоровым перстнем, повернутым камнем вовнутрь.

— Сколько можно повторять, что церковный служка должен *вышагивать* со *смиренным* достоинством? — вопрошает он.

Но вот побои закончились, и теперь святой

отец держит нас обоих, обхватив за плечи. Гарри постепенно прекращает хныкать.

— Оставьте волосы как есть, мистер Тухи, — говорит мне отец Альминде. — Ваше тщеславие — не что иное, как признак слабости духа.

— Да, святой отец, — отвечаю я.

— Я имел в виду, мистер Тухи, прекратите начесываться.

— Всего одну секунду, святой отец, — говорю я, — еще только по разу с каждой стороны.

— Я сказал, уберите расческу сейчас же, — приказывает он.

— Святой отец, да я все, все уже, — торопливо говорю я.

— И это двое моих лучших служек, — сокрушается святой отец. — Дверь разбили, в ризницу ворвались, просто не служки, а черти какие-то. Никогда больше так меня не разочаровывайте. Мое сердце этого просто не вынесет.

— Не будем, святой отец, — хором отвечаем ему мы.

— Хорошо. Остается надеяться на вашу искренность. О вас я лучшего мнения, чем о большинстве этих животных вокруг. Тут волей-неволей начнешь себя чувствовать не духовным пастырем, а директором зоопарка.

— Но зато каким хорошим, святой отец, — вставляет Гарри.

— Не пытайтесь выставить меня дураком, Карран. Это всего лишь горький сарказм, и только.

— Аминь, — говорю я. Упс.

— Извините, я не расслышал: что вы секунду назад сказали, мистер Тухи? — переспрашивает святой отец.

— Простите, святой отец. А что я такого сказал? — спрашиваю я и непонимающе моргаю.

— Мне показалось, вы сказали «аминь», — не отступает он.

— Ах, вы об этом. Да, и впрямь сказал. Просто в тот момент я молился про себя. Должно быть, случайно вслух вырвалось.

В ответ святой отец хмурит брови. Он крайне раздосадован и осознает свое поражение: ему ничего другого не остается, кроме как поверить мне на слово. Ведь монашки да священники только и делают, что все время талдычат нам о том, что нужно про себя непрерывно молиться. С какой же тогда, спрашивается, стати мне не молиться именно в тот момент?

— Как там у Стивена? — спрашивает он.

— Думаю, все как обычно, — говорю я.

— Ты ведь не сказал отцу про то, что мы иногда

с ним беседуем?

— Нет, не сказал.

— И про то, что мы иногда беседуем с твоей мамой, надеюсь, тоже не сказал?

— Нет, святой отец.

— Вот и хорошо. Они оба возмущаются поведением твоего папаши. А ты сам что думаешь по этому поводу?

— Я не знаю, святой отец. — Мое дыхание учащается: что-то, по-моему, стало душновато.

— Мистер Карран, — говорит святой отец, — вы не могли бы на минутку оставить нас и подождать за дверью?

— Конечно, святой отец, — отвечает Гарри, выходя в пустой дверной проем и переступая через осколки разбитой двери.

— Расскажи мне все как есть, Генри, — говорит священник, видя, что я хмурюсь и нервничаю.

— Все друг с другом грызутся и никто не хочет никого слушать, — говорю я.

— Как это?

— У Сесилии настроение меняется каждые две минуты. То она смеется, то плачет. Стоит ей рявкнуть на Фрэнсиса Младшего — тот обязательно рявкнет в ответ. Стивен никак не может забыть Мэган и поэтому пьет. Еще он ненавидит

Фрэнсиса Младшего за то, что тот за спиной у Сесилии пялит миссис Куни. Фрэнсис Младший пялит миссис Куни, потому что несчастлив в браке. Сесилия тоже несчастлива, потому что ей приходится тянуть на себе четверых детей плюс еще одного в инвалидном кресле, а у нее на это не хватает денег, вдобавок муж тайком от нее пялит другую. Фрэнсис Младший утверждает, что бьет Стивена, чтобы заставить его наконец очнуться, но на самом деле он бесится из-за того, что Стивен бросил футбол, а для него это все равно как если бы он сам играл, а не Стивен. Ситуация говно, святой отец, говнее некуда, но у меня все под контролем, — на одном дыхании выпаливаю я, и на все про все у меня уходит секунд десять, не больше.

— Вот и отлично, мистер Тухи. Уверен, что так оно и есть. А теперь просто сделайте пару глубоких вдохов, — говорит он и ждет, пока я успокоюсь. — Вы можете снова вернуться к нам, мистер Карран. Давайте сменим тему на более приятную. Сколько девчонок придет сегодня на свадьбу?

— В максимальном списке приглашенных значится двести двадцать два человека, так что, по моим подсчетам, на свадьбе должно присутство-

вать не менее ста одиннадцати особ женского пола, — сообщает ему Гарри.

— Сто одиннадцать женщин. Я явно выбрал не ту профессию.

Святой отец, минуя разбитую дверь в ризницу, неспешно возвращается к себе в дом, откуда слышится милый приветственный смешок. Все нужные для работы и отдыха помещения соединяются между собой внутренними дверями, так что на улицу можно не выходить вообще. Работаешь без напряга, всего час в неделю, а все остальное время знай сиди себе да потягивай винцо, лупцуй детишек да тискай телок за сиськи. Время от времени можно послушать чьи-нибудь семейные тайны или длинные, как квитанции из прачечной, списки чужих грехов, а можно просто сесть в красную спортивную тачку и погонять по городу. Если кто видит особую разницу между Хью Хефнером[33] и католическим священником, то скажите мне, в чем она, потому что я, бля, сколько ни старался, так и не смог ее найти. Если святой отец возразит вам, что это не так, не позволяйте ему вас одурачить.

От вестибюля ризница отделена массивной

[33] Примечания: 33

Хью Хефнер (р. 1926) — основатель журнала «Плейбой» (в 1952 г.), известный своим скандальным поведением и вольным образом жизни.

дубовой дверью весом в добрую тысячу фунтов. Чем ближе к Богу, тем тяжелее двери. Вестибюль — это крест между квадратами археологических раскопов, это пещера и дом с привидениями. Здесь пахнет пылью, ладаном и вином. Куда ни глянь — везде католико-вудуистские страшилки: десятидюймовая статуя Христа, изгоняющего дьявола из пустыни; вощеные коробки с синими и красными свечами; кожаный с заклепками молитвенник; большие сломанные распятия; подушечки для коленопреклонения; приклеенные скотчем к стене изображения святых; старые священнические ризы; деревянные кафедры; какие-то длинные спичечные коробки; емкости с вином для алтаря; неосвященные просвиры в пластиковых упаковках по пятьдесят штук. Вестибюль охватывает алтарь дугой, почти как наушники голову: по узкому темному коридору с каждой стороны. Вниз из коридора ведет лестница в подвал, до отказа набитый костями священников и пингвинов: если хотите — поинтересуйтесь у Гарри Каррана, он вам расскажет, но лучше не стоит. Как бы там ни было, мы все равно не бываем в той части коридора. Вместо этого мы, бля, сейчас, впрочем, как и всегда, торчим здесь, в первой комнате перед вестибюлем, и

ждем, когда начнется месса, а начнется она ровно через полчаса.

Я украдкой выглядываю в зал, где стоят скамьи. Пока никого нет, кроме Фрэнни, Сес и Сесилии: они всегда приходят в церковь первыми. Сесилия вся с головой ушла в молитву. После причастия она непременно осеняет себя крестным знамением и принимается горланить гимны. Фальшивит при том безбожно. Большинство других мамаш из нашего квартала делают в точности то же самое. Папаши, напротив: все побаиваются Бородатого Брата, который их просто на дух не переносит, как и они — мессу, и потому предпочитают толпиться при входе до последнего: оттягивать тугие воротнички на выходных рубашках и болтать друг с другом о спорте.

— Йоу, Генри, — кричит мне Сес через весь зал, заметив, что я выглядываю из двери.

Сесилия тут же шикает на нее, чтобы та замолчала. Помахав сестре в ответ, я возвращаюсь в вестибюль, где Гарри по-прежнему стоит в своем стихаре и трясется. Он кивает на бутылку с алтарным вином.

— Пил когда-нибудь эту бодягу до или сразу после мессы? — спрашивает он у меня.

— Не-а, — отвечаю я.

— Я тоже. Крэга Крамера знаешь? Так вот он однажды целую бутылку вылакал перед мессой.

— Да, он ничего, чувак нормальный, — смеюсь я в ответ. — Ты вчера далеко от свалки был?

— Я был в самом центре, — говорит он.

— Так, значит, видел, как их там избивали? — спрашиваю я.

— Да я в двух шагах был, конечно.

— Испугался?

— Нет вроде. Только сегодня страшно стало. А вчера так… смотрел, и все, — говорит он.

— Смотрел, и все? Просто стоял и спокойно смотрел?

— Будь я там сейчас, наверное, не стоял бы столбом, но в тот момент ничего не мог с собой поделать. Все раскрутилось слишком быстро. Не было времени.

— Да что ж ты такое говоришь?! Стоял там, смотрел, будто так и надо. Какого хрена. И даже не попытался никого от них оттащить, не побежал звать на помощь, просто стоял и смотрел! — кричу на него я.

— Спокойно, Генри, — говорит мне Гарри. — Ты сделал то же самое.

— Что? Да хрен там, то же самое, — говорю я уже тише.

— Чувак, успокойся. Ты не виноват. Стоял, не стоял — какая разница, все равно бы от этого ничего не изменилось, — говорит он. — Слушай, давай вообще о чем-нибудь другом. Ты вчера вечером с Грейс целовался?

Меня постепенно перестает трясти, я опускаю руки и улыбаюсь.

— Вижу, что целовался, — продолжает он. — Не иначе сегодня есть неплохой шанс повторить.

— Насчет своих шансов я был уверен еще до того, как мы поцеловались, — говорю ему я.

— У тебя это было в первый раз?

— Да, с Грейс в первый.

— Что, еще с кем-то успел попробовать?

— Нет, это был мой первый в жизни поцелуй с девушкой. Теперь доволен?

— Тяжело было? — спрашивает он.

— *Что* тяжело было? — переспрашиваю его я. — Ты, бля, вообще сейчас о чем?

— Сам знаешь. Целоваться тяжело было?

— А, не знаю. Не могу сказать. Грейс все сделала сама. На вкус как сигарета.

— Ну и как было? Потрясающе? — спрашивает Гарри.

— Не-а, к тому же еще и невкусно, — отвечаю я. — Но я уговорю ее бросить. А то вдруг забереме-

неет — тогда бросать будет поздно.

— Ты прав, черт возьми, — соглашается Гарри.

Вот мы стоим, два взрослых ублюдка, и обсуждаем беременных телок.

— Генри, посмотри, сколько народу уже собралось?

Я снова выглядываю из двери. За двадцать минут до мессы заведение начинает заполняться народом. Фрэнсис Младший присоединяется к остальным — теперь все Тухи в сборе, кроме Стивена. Сзади у входа стоит Бобби Джеймс в смокинге и помогает рассаживаться старушкам. Он надувает пузырь и машет мне рукой, а сам тем временем тащит за собой полудохлую старушенцию, которая еще вдобавок и лупит его сумочкой по руке за то, что он идет слишком быстро. Грейс пока не видно.

Сес снова кричит мне. *Йоу, Генри, мы здесь.*

Тухи дружно наклоняются к ней, стараясь заткнуть, и неловко улыбаются соседям. *Извините, что вас напугали. Остальные наши дети ведут себя намного лучше. Посмотрите: вон тот служка — это наш сын.*

— Уже толпа народу, — отступив от двери, сообщаю я Гарри.

— Черт. Почему я всегда нервничаю перед мес-

сой? — говорит Гарри.

В вестибюль заходит Эйс, жених. Я приятно удивлен состоянием его шевелюры: волосы хорошо расчесаны и уложены гелем. С ним свидетель и еще двое парней: оба стрижены под ежик и от этого смахивают на бульдогов; группу замыкает Бобби Джеймс, не иначе в качестве подружки невесты.

— Генри, Гарри, нате, глотните, — призывает нас Эйс, слишком крепко пожимая нам руки и утирая платком лоб, а его друзья тем временем моментально разыгрывают бутылку алтарного вина. Заходит Бобби Джеймс, но ему достается уже пустая бутылка. У него из-за спины появляется святой отец.

— Прошу прощения, сеньорита Джеймс, не осталось ли в бутылке глотка и для меня тоже? — спрашивает он.

— Не-а, уже все вылакали, святой отец, — констатирует Бобби.

— Ну тогда сгоняй, принеси мне еще одну. Не могу же я с пустым баком идти служить мессу. Кто у нас тут жених? Ага, вижу, наверное, вон тот, что свисает со стула, будто словил пулю в живот. А ты что думал — дальше только хуже будет. Дай только срок, поживи подольше в браке. Вот

именно поэтому я и пошел в *священники.* Ага, спасибо, Джеймси. Так, теперь мне двадцать пять баксов за венчание и еще три по столько сверху.

— Вот, падре, держите, — говорит свидетель и протягивает ему пять двадцаток.

— Чувак, ты перепутал, я тебе не падре. Работаю к северу от границы. Слышите? Коротышка заиграл на органе. Это нам сигнал. Надеюсь, подружки невесты на этот раз будут получше. А то в прошлый раз были одни сплошные шалавы малолетние и старые ведьмы, никакой тебе золотой середины. Соберись, сын мой. Не стоит так нервничать. Не успеешь оглянуться, как уже разведен.

— Ну, спасибо, святой отец, — говорит Эйс.

— Да я ж тебе на очке играю, а ты, идиот, ведешься.

— Тьфу.

— Кстати, об очке, — говорит святой отец. — Не знаю, у кого как, а мое скоро в этом наряде изжарится окончательно. Давайте, двигать пора.

Эйс нервно сглатывает. Свидетель поправляет галстук. Выходим в зал. Шоу начинается.

Леди и джентльмены, добро пожаловать в темную пещеру церкви Святого Игнатия, что стоит в самом центре Холмсбурга в солнечной Филадель-

фии. *Итак, все приготовились: скоро начнется служба.* Температура снаружи –28 градусов и продолжает повышаться, относительная влажность воздуха значительно превышает норму. Температура внутри –37 градусов, относительная влажность воздуха превышает норму еще больше, тем не менее в аду все равно жарче, а посему просим сбавить тон и не очень-то возмущаться, не сметь никому расстегивать верхние пуговицы. И ну-ка все разом заткнулись. И не вешать носы. А теперь откроем же наши сердца и бумажники. Не забываем склонить головы перед картинами, вон теми, за алтарем, на которых изображены святые Джулиус Ирвинг, Роберт Кларк и Ричард Эшберн. Вот так, хорошо, а теперь возожжем свечу у ног изваяний Христа и Марии, корчащихся в страшных муках на алтаре. Их сердца растерзаны терниями и пылают, словно поминальные свечи, купленные прихожанами по доллару за штуку и поставленные ими здесь в память об усопших.

Наверху, в противоположном конце зала, жирная карлица выколачивает леденящие душу аккорды из органа, который сам по себе древнее любой Библии, и, пожалуй, подобного больше нигде не услышишь, кроме как здесь да еще в замке у Дракулы. Внизу дерутся за место на скамьях.

Над разгоряченными головами несутся звуки церковных хоралов. Подвешенные к потолку крестообразные люстры — все присутствующие в курсе, что в каждую вделано по камере, — снимают все происходящее на пленку, чтобы потом было что представить на Страшном Суде в качестве вещдока. По высокому потолку церкви бежит трещина, оставшаяся после землетрясений, накликанных теми самыми закоснелыми грешниками, которые как раз сейчас возвращаются в церковь в поисках утраченного Бога. Исповедальни временно переквалифицировались в едальни: кому холодное пиво, хот-доги? Вся паства поднялась с мест и поет «Сияй на нашем знамени, Путеводная звезда» и «Вперед, ура, и да здравствует Дева Мария». Перед фронтоном церкви проходит телка в бикини и с плакатом СВАДЕБНОЕ ШЕСТВИЕ. Диктор представляет подружек невесты так, будто вместо них сюда явилась первая пятерка игроков «Сиксерз». Плавучее световое пятно прожектора выхватывает из толпы Грейс, только ее одну. Она смотрит прямо на меня, на ней сногсшибательное зеленое платье с тоненькими бретельками и глубоким вырезом, специально чтобы был виден кулон с фальшивыми бриллиантами и символикой

«Филлиз».

Теперь мой мозг работает уже не в таком бешеном темпе, и сердце немного успокаивается. Пару раз моргаю — и вот церковь снова такая, какой и должна быть на самом деле. Грейс сидит рядом с мамой посередине скамьи между семейством Тухи с одной стороны и семейством Куни с другой. В то время как Грейс с радостной улыбкой смотрит на меня, Сесилия пристально смотрит на миссис Куни, которая, в свою очередь, пристально смотрит на Фрэнсиса Младшего, который, в свою очередь, пристально смотрит на Стивена, который просто смотрит куда-то в пространство и не чувствует на себе ни пристального взгляда Фрэнсиса Младшего, ни еще более пристального взгляда Ральфа Куни. Здесь же рядом, на своих местах, мирно спят Фрэнни и мистер Куни. Арчи спит в инвалидном кресле, стоящем в проходе у края скамьи. Сес одну за одной вынимает картонки с фотографиями бейсболистов из сумочки, сшитой из искусственного меха, и пуляется ими в Арчи до тех пор, пока одна не попадает ему по лицу и он не просыпается. Следом за ним просыпается мистер Куни и видит всю сложную систему непересекающихся взглядов, равно как и всю сложность отношений между двумя семья-

ми. Ну и картина: я чуть не падаю в обморок, но воздушный поцелуй Грейс в последний момент позволяет мне сохранить равновесие.

Мистер Джеймс подводит Джинни к алтарю, поднимает с ее лица вуаль и оставляет рядом с плачущим Эйсом. Глядя на него, Бобби Джеймс тоже пускается в слезы, но вдруг замечает, как мы с Гарри над ним смеемся, хмурится и надувает пузырь. Не отрываясь от молитвенника, святой отец вырывает жвачку у Бобби Джеймса изо рта и начинает талдычить молитвы по тексту — Отец наш Небесный, к Тебе обращаем молитвы наши бла бла бла и вот стоят пред Тобой эти двое блам блам блам… — меж тем прихожане кто медленно засыпает, а кто ловит руками мошкару. Наконец Джинни говорит *Да, согласна,* Эйс говорит *Думаю, согласен,* они целуются, толпа извергается из дверей церкви на улицу, вслед за ними, осыпаемые рисовым дождем, на свет божий выходят и жених с невестой. Здесь на доске объявлений церкви Святого Игнатия висит, по всей вероятности прикрепленная не кем иным, как Стивеном Джозефом Тухи, табличка, которая гласит: ВОПРОСЫ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ.

Месса окончена, и паства вываливается из церкви наружу, навстречу солнечному свету.

Новоиспеченные жених с невестой позируют перед фотокамерой вместе с друзьями и родственниками на газоне между церковью и домом священника на фоне арки со статуей святого Иуды с надписью на постаменте В ДАР ЦЕРКВИ ОТ ДЭНА И ДОРОТИ ПОТТЕР. Рядом школьная доска, которую на прошлой неделе изрядно пьяный отец Альминде приделал цепями сюда же, на ту же самую арку, чтобы никакие нечестивцы не смогли приделать ей ноги. Священники, как всегда после мессы, продают прямо с доски удачу и кексы, словом, все, что только может принести им баксы. Сама доска, доставленная сюда прямиком из кабинета для второклашек после того, как некто вырезал на ней пентаграмму, учинив тем самым охренительно громкий скандал, и возраст которой составляет по меньшей мере лет семьдесят, имеет на данный момент рыночную стоимость в 22 доллара 50 центов. Но никто все равно не станет ее покупать, даже если сам святой Иуда вдруг оживет и объявит во всеуслышание о насущной необходимости это сделать. Однако людям, которые ходят в платье, достающем им до лодыжек, напиваются алтарным вином как последние алкаши и спорят с дьяволом о чистоте прибылей, подобные вещи не кажутся столь уж

очевидными.

Семейство Куни расположилось особняком на церковных ступенях ближе всех к дому священника. Берни с Донной тихо, но ожесточенно ругаются. Ральф сидит на ступеньках и занят тем, что пытается ослабить галстук, а одновременно не отрываясь смотрит на то исчезающий, то появляющийся вновь огонек зажигалки, которую держит в руке. О'Дрейны (их я вообще в церкви не видел) стоят на другом краю лестницы, ближе к кладбищу. Они молчат, смотрят на народ, шатающийся вокруг, и явно чувствуют себя не в своей тарелке. Им здесь определенно не по себе. Позади них частым пунктиром уходят вдаль ряды могильных плит, отмечая собой бесконечные ряды мертвых костей, лежащих под ними. Тухи остановились на полпути между тротуаром и церковной лестницей. Фрэнсис Младший и Сесилия огрызаются друг на дружку, точно так же, как и Куни невдалеке от них. Сес чем-то кидается в Арчи, который уже успел присоединиться к своим родителям. Фрэн наблюдает за суетой на газоне, где все пытаются влезть в кадр. Стивен стоит на Ав в стороне от толпы, прислонившись к почтовому ящику (федеральное преступление), и провожает глазами снующие мимо туда-сюда

троллейбусы. Мы с Гарри стоим по обе руки от святого отца, а он занят тем, что отмахивается от занудных старух и всовывает свои визитки молодым мамашам и взрослым дочкам между их благословенных сисек — но тут вдруг замечает толпу на газоне.

— Господи, — говорит он, — я специально плачу человеку доллар сверху, чтобы он следил за газоном и приводил его в порядок. Мистер Тухи, идите, скажите этим идиотам, чтобы они не топтались на траве, особенно вон той жирной девке в теннисках.

Я иду туда, где Эйс с ребятами позируют перед фотокамерой, выстроившись в ряд, как солдаты. Эйс, с лица которого уже успела сойти недавняя мертвенная бледность, положил руки на плечи стоящему впереди него Бобби Джеймсу. Их фотографирует миссис Джеймс.

— Бобби Джеймс, поправь галстук, — говорит она.

— Выкуси, мам, — отвечает ей он.

Она тут же кидается на него, но друзья жениха успевают ее удержать.

— Мне бы очень не хотелось прерывать веселье, — говорю я им, — но святой отец просит всех убраться с газона.

— Хочешь сфотографироваться вместе со всеми? — спрашивает миссис Джеймс — единственная из всех, кто обратил на меня хоть какое-то внимание.

— А, ладно, хрен с ним, давайте, — быстро соглашаюсь я. Всегда готов украсить собой любую фотографию.

Свидетель поднимает меня за лодыжки вверх тормашками и держит слегка на отлете, словно рыбак, поймавший здоровенную, но странную рыбину, у которой вся передняя часть туловища закрыта робой католического служки. Миссис Джеймс щелкает кадр. Все смеются, глядя, как меня роняют на землю, и я тут же начинаю причесываться. Для следующего кадра я надеваю вуаль Джинни — она такая мягкая — и позирую вдвоем с Эйсом. Следующий кадр: Бобби Джеймс замахивается на меня распятьем для процессии, которое он только что вырвал из рук у Гарри. Потом, коль скоро я все равно уже валяюсь на земле, кто-то кидает мне пустую бутылку из-под алтарного вина, и я изображаю из себя мертвецки пьяного. Затем подружки невесты окружают нас с Бобби Джеймсом и принимаются зацеловывать разом со всех сторон. Грейс при виде этого неистово кидается на меня с кулаками, потом я

надеваю пиджак Эйса, а она — вуаль Джинни, и в таком виде мы с ней фотографируемся. Святой отец высылает Гарри, чтобы он довел до конца начатое мной дело. Для завершающего снимка вся свадебная свита, плюс еще я, Грейс и Гарри, вместе встают в одну большую пирамиду. В конечном итоге к нам с улыбкой подходит сам святой отец и, после кадра, где он стоит в обнимку с девчонками, велит всем убираться с газона, отвешивает нам с Гарри по подзатыльнику, а затем за уши ведет нас к церковным ступеням. Сюда же Сесилия приволокла всю остальную нашу семью, чтобы выразить почтение святому отцу.

— Эй, святой отец, отличная служба, — говорит она.

— Привет, Сесилия, так уж прям и отличная? — улыбается он ей в ответ. — Привет, Фрэн, — приветствует он Фрэнсиса Младшего. — Что-то не больно тебя сегодня было заметно во время службы.

— Это потому, что меня на ней вообще не было, — грубо и нервно отвечает ему Фрэнсис Младший.

— Тогда все ясно, — снова улыбается святой отец. — Привет, Фрэнни.

— Как поживаете, святой отец? — отзывается

Фрэнни.

— Тебя я видел на мессе, но ты все время стоял сзади, а после причастия так вообще пулей вылетел за дверь.

— А я и не отрицаю, святой отец, — говорит Фрэнни. — Только не принимайте, пожалуйста, на свой счет.

— Не будь я при исполнении, сам бы ушел еще раньше, — говорит святой отец. — Очень рад вас обоих здесь видеть. Я уже выучил всех Тухи до одного и успел стать вашим большим почитателем, — добавляет он, пялясь на сиськи Сесилии.

— Что, даже моим, святой отец? — спрашивает Сес. — Вы же говорили, что я как заноза в заднице.

— Такого я про вас не говорил, мисс Тухи.

— Нет, говорили, — возражает ему Сес. — Вы про меня это сказали в прошлом году сестре Томас Дороти, после того как рассказывали нам на уроке, что такое крещение. Вы сказали, что некрещеные младенцы, когда умирают, не могут попасть в рай и им приходится ждать в чистилище. А я сказала, что такого не может быть. Я спросила у вас, что же это за Бог такой, который заставляет детей сидеть и ждать в приемной только из-за того, что священник не сказал над

ними пару латинских фраз и не пополоскал в воде, где они запросто могли утонуть? А потом я спросила: а что, если кто-нибудь говорил по-латыни на улице во время дождя, а ребенок весь промок, простудился и умер? Тогда он будет считаться крещеным или нет? И есть ли в раю специальные нянечки, чтобы ухаживать за грудными детьми? И разве не достаточное им наказание, если они умирают одни, без папы и мамы? Вы так мне и не ответили. Вместо этого вы отдали мел сестре Дороти, обозвали меня занозой в заднице и вышли вон из класса. Помните?

— Да куда уж мне, — говорит святой отец и улыбается моим родителям. — Я помню тот урок и что ты завалила меня кучей вопросов, только и всего. Ваши родители должны вами гордиться, Тухи. Вы все очень способные дети. Сестры как-то говорили мне, что Генри — самый умный ребенок из всех, кто у них когда-либо учился. Стивен — тот тоже не промах. Кстати, где он — что-то не видно его сегодня?

— Стивен? — переспрашивает Фрэнсис Младший, удивившись, что святой отец о нем заговорил.

— Да, Стивен, — повторяет святой отец. — Он что, все так же продолжает пить, Сесилия?

Фрэнсис Младший шлепает себя ладонью по лбу.

— Да, — отвечает она. — Вчера заявился пьяный и с разбитой головой после какой-то драки.

— А, верно, — говорит святой отец. — Вчера вечером на спортплощадке действительно была драка.

— Вот-вот, — говорит Сесилия. — Наверное, об этом он и пытался нам вчера рассказать.

— Что значит — пытался? — спрашивает святой отец. — То есть как это понимать — *пытался?*

— Ну, он начал было обо всем рассказывать, — говорит Сесилия, — но…

— …был так пьян, что двух слов связать не мог, — заканчивает за нее Фрэнсис Младший.

— Как ты относишься к тому, что он столько пьет, Фрэн? — спрашивает святой отец.

— Меня это просто в жопу бесит, святой отец, — отвечает Фрэнсис Младший. — Прошу прощения за «жопу».

— Ничего. Я сам матерюсь как сапожник. А даете ли вы ему каким-либо образом понять, что вас это в жопу бесит?

— Да, конечно, — отвечает Фрэнсис Младший, понемногу начиная дергаться.

— И каким же?

— Так и говорю ему все прямо в лицо, святой отец.

— Вы когда-нибудь били его?

— А что, если и так? Он уже взрослый.

— Взрослый? В самом деле? Когда вы говорите ему все прямо в лицо, как реагируют на это остальные домочадцы?

— Пожалуй, все по-разному, — говорит Фрэнсис Младший. — Послушайте, святой отец, парню ведь нужна помощь.

— Знаю.

— Я не из тех, кто отворачивается, когда кто-то близкий нуждается в помощи.

— Это заслуживает уважения, — говорит святой отец. — Ну и как — срабатывает? А как у вас дела с Сесилией?

— Слушайте, святой отец, я, конечно, понимаю, что у вас воротничок и все в этом духе, но не лезьте не в свое дело.

— О'кей, тогда забудем о том, что я спросил про вас с Сесилией, — говорит святой отец, а сам не отрываясь смотрит Фрэнсису Младшему прямо в глаза; тот тоже смотрит ему прямо в глаза, но теперь, когда святой отец заговорил о семье, уже не так уверенно, как раньше. — Давайте вернемся к Стивену. Мне бы очень хотелось помочь и

ему, и вам.

— Помочь хотелось, да? Тогда вон он там. Позовите его сюда — и дело с концом, — огрызается Фрэнсис Младший.

— Хорошо, почему бы и нет, — говорит святой отец. — Стивен Тухи. Подойди сюда, сын мой.

Стивен, который стоит все там же, на Ав, оборачивается. И вот что он видит: его окликает священник. Рядом со священником стоит его драгоценный папаша вместе со старшим братом, оба убряхтанные в костюмы, из карманов которых вот-вот полетит моль. Здесь же рядом и мама: одной рукой прикуривает сигарету, другой поднимает с земли его маленькую сестренку. Наконец, здесь же рядом мы с Гарри Карраном, путаемся в наших безразмерных стихарях: я — причесываюсь, Гарри — отжимается на одной руке. Сзади угрожающе нависает громада церкви. В реакции Стивена лично для меня нет ничего удивительного: он разворачивается и переходит на другую сторону Ав под звуки недовольных автомобильных сигналов.

— Отлично, святой отец! Так и надо! — фыркает Фрэнсис Младший.

— Да бросьте вы уже, в конце концов, — говорит святой отец. — Мне нравится ваша семья.

Вы все замечательные люди. Но нужно сделать так, чтобы вы перестали наконец между собой собачиться, иначе все это может очень плохо кончиться.

Перейдя через Ав, Стивен направляется в сторону Тэк-парка, но вдруг останавливается как бы в нерешительности. Резко поменяв направление, он теперь идет к дому, причем настолько быстро, что кажется, будто он бежит на два шага впереди своего мешковатого синего костюма, не сводя глаз с поношенных туфель на ногах. Оттуда, где стою я, кажется, что его просто ветром несет.

Хабиб О'Брайен, он же Ливанский Лепрекон[34], ведет студию танцев под названием «Танцуй или умри», что как раз по соседству с «Ювелирным Дивайни». Отцом ему стал коп-ирландец, а в роли матери оказалась школьная учительница родом с Ближнего Востока, — вот откуда такое ржачное дебильное имя. Уж не знаю, где они жили до этого, но уже лет десять, с тех пор как Хабиб открыл здесь свою студию, он ни разу не

[34] Примечания: 34

Лепреконы — в ирландском фольклоре живущие на холмах Ирландии небольшие существа, похожие на гномов, чаще всего башмачники. Они постоянно тачают один и тот же башмак. Известно, что лепреконы не прочь выпить, поэтому их частенько можно встретить в винных погребах. Еще они обожают табак и не выпускают изо рта трубку.

уезжал из района.

Сам Хабиб живет этажом выше со своей женой Сашей из Восточной Германии, у которой ни намека на сиськи, но зато самые красивые ноги из всех, что я когда-либо видел. По вторникам и четвергам с семи до десяти вечера и по субботам с восьми до часу Хабиб с Сашей учат танцам девчонок, а также всяких двинутых на женитьбе чуваков вроде меня. Все остальное время студия стоит закрытой, а окна их квартиры — открытыми, откуда все время несется Малер, врубленный на полную мощность (для пидорасов ребята играют очень даже ничего), и если прислушаться, то можно разобрать, как на этом фоне супруги выкрикивают имена друг дружки.

Все это в совокупности — крики и орущий оркестр — слышим мы с Гарри, Арчи и Бобби Джеймсом, когда подходим к распахнутому окну их квартиры. Мы явились сюда по моей настоятельной просьбе сразу после мессы, потому что мне нужно еще раз прогнать с начала до конца весь танец перед сегодняшним выступлением. На нас с Гарри все те же стихари, Бобби Джеймс в смокинге, а Арчи в своем костюме с двумя большими поперечными складками, оставленными колесами инвалидного кресла после трюкового

прыжка.

— Чем они там занимаются? — спрашивает Арчи.

Саша, ах ты шлюха такая; Хабиб, ты грязный похотливый лысый мужлан, — доносится из окна.

— Что бы там ни было — звучит жестко, — говорит Гарри, вращая торсом.

— Наверное, та же херня, что и у моих родителей вчера, — говорю я. — Ты сам там был и все видел, Арч.

— Да уж, это точно, — соглашается Арчи. — Эти небось тоже дерутся.

— Что бы они там ни делали — со стороны звучит прикольно, — говорит Бобби.

— Не сказал бы — мне даже как-то не по себе.

— Генри, что думаешь — как нам привлечь их внимание? — спрашивает Бобби. — Тут закрыто.

— Дай-ка мне жвачку, — в ответ прошу его я.

Он вынимает изо рта здоровый ком жвачки и протягивает его мне.

— Да не жеваную, осел, — говорю я.

— А, — говорит он. — Другой, извини, нету.

— Послушай, сейчас нет времени, — настаиваю я. — Дай мне штук пять-шесть.

Он лезет в карман и достает оттуда целую

кучу.

— Сказал же, что у меня почти не осталось.

Я беру у него из горсти несколько штук, поднимаю голову и мысленно прикидываю расстояние до окна, откуда по-прежнему на всю улицу орет Малер и слышно, как Саша громко кричит Давай, *давай, еще,* а Хабиб кричит ей в ответ *На, на, на, получай.* Я закидываю жвачку прямо к ним в окно, но безрезультатно: Саша обзывает Хабиба кобелем, тот начинает на нее лаять. Я швыряю в окно подряд еще две — опять никакого эффекта, только теперь Хабиб кричит Саше, что она *плохая девочка* и что ее *нужно наказать,* а она, как ни странно, ему не перечит, а только стонет в ответ *Накажи меня, прошу.*

— Что за херня, — с досадой говорю я.

— Ты неправильно кидаешь, Генри, так до них фиг достучишься. Отойди подальше и пульни всю горсть сразу, — советует Джеймси.

— Совсем обалдел? Не буду. Нашел дурака, — говорю я.

— Тогда дай сюда, я сам, — презрительно говорит мне Бобби.

Он отбирает у меня жвачку, отступает за бордюр прямо на дорогу. Мимо него, всего в каких-нибудь дюймах, со свистом пролетает троллейбус. Из

окна несутся крики Хабиба и Саши *О да, детка* и *Я уже кончаю.* Бобби Джеймс размахивается и со всей силы швыряет в окно штук двадцать жвачек разом. Шарах! Стекло разбилось. Мы все пулей кидаемся к магазину и вжимаемся в стену.

— Саша, дорогая, на этот раз мы умудрились разбить стекло. Обычно дело ограничивается пружинами, — говорит Хабиб с ярко выраженным акцентом продавца из «Семь-Одиннадцать», с той только разницей, что хабибовские интонации слышны в нем намного четче о'брайеновских.

— Ради такого не жалко, — мурлычет Саша.

Хабиб с Сашей близки настолько, насколько близка нашему кварталу чужая культура (последнему верить не стоит — это полная чушь). Да мне на это и насрать. Я и без того знаю все, что мне нужно знать об иностранцах: расхлябанная походка, кеды с распродажи, туалетная вода с запахом гиппопотама, и все дела.

— Бобо, куда ты — вернись ко мне в кроватку, — говорит Саша. — Давай разобьем еще пару стекол.

— Любимая, я только на минутку, — отвечает Хабиб. — Просто хочу оценить масштабы разрушений. Подожди-ка. У нас под окном стоят четверо ребят. Один вслух читает «Богородицу».

Ребята, с вами все в порядке?

В ответ я расплываюсь в улыбке, не забывая при этом и про расческу.

— Как поживаешь, Хабиб? — говорю ему я. — А со стеклом — тут не без нашей помощи.

— Прекрасно, Генри, просто прекрасно, — отвечает он. — Насчет стекла — забей, ничего страшного.

Хабиб стоит с голым торсом, на макушке лысина, обрамленная седыми волосами. У него здоровенный шнобель, загар как будто только что из солярия и жирные волосатые сиськи: как раз по ним он и молотит в данный момент кулаками, изображая гориллу.

— Да ты у нас Повелитель Джунглей, — говорит Саша, появляясь у него из-за спины, завернутая в простыню. — Ко мне пришел мой Генри Тухи? — спрашивает она.

— Привет, Саша, — говорю я.

— Здравствуй, Генри, — широко улыбается она мне в ответ, обнажая ряд прекрасных зубов. Глаза блестят, как бусинки, а волосы короткие, как у парня, и зачесаны набок. Невзирая на этот факт, равно как и на отсутствие сисек, штучка она та еще, одни только ноги чего стоят, впрочем, кажется, об этом я уже упоминал, плюс у нее всегда

такой вид, что ей только дай волю — тут же прижмет тебя к мусорному контейнеру у магазина морепродуктов и изнасилует.

— Как дела? — спрашиваю я у нее с улыбкой от уха до уха, но тут Бобби Джеймс заряжает мне жвачкой по яйцам.

— Какое лицо, какая улыбка, — говорит она. — Ради тебя я даже Хабиба готова бросить, правда, Хабиб?

— Чистейшая, любовь моя, — соглашается он.

— Видишь, Генри, даже Хабиб так считает, — говорит она. — Тогда чего же мы ждем?

— Здóрово. Слушай, можно я еще раз прогоню весь танец, а то мне сегодня вечером уже выступать?

— Погоди, ты что — сегодня собрался предложение делать? — у Саши аж дух перехватывает от изумления. — А я думала, еще только на следующей неделе.

— Нет, любимая, он правда планировал все на сегодня, — говорит Хабиб.

— Сегодня? Ох, что-то с сердцем! Хабиб, воздуху, помаши мне. Быстрее. Не так быстро. Вот так, отлично.

— Генри, — говорит мне Хабиб, продолжая обмахивать Саше лицо, — ты же прекрасно выучил

все движения. К чему еще репетировать?

Через Ав плавно перетекает свадебная толпа, направляясь из церкви к Пол Донохью, чтобы как-то убить время перед тем, как идти на банкет к Манджоли (сегодня открывается позже, чем обычно). Толпа одолевает перекресток порциями, сколько успеет под зеленый свет. В одну из них целиком попадают все Тухи, кроме Стивена, но готов поспорить, что он очень скоро присоединится к остальным. Мне вспоминается, как святой отец говорил, что нам нужно перестать друг с другом собачиться, иначе все это может очень плохо кончиться. Потом я переключаюсь на Стивена и думаю о том, как он увидит сегодня свое кольцо, и от этого на душе становится легче. Я думаю про Сесилию и Фрэнсиса Младшего: как они услышат мою песню и снова крепко полюбят друг друга. Думаю о том, что сегодня Грейс станет моей. И все это произойдет сегодня вечером после моей песни, моего выступления.

— Я хочу, чтобы все было идеально, — объясняю я. — Все должно быть идеально.

Хабиб обреченно вздыхает.

— Ладно, сейчас спущусь.

Пару минут спустя замок щелкает, дверь открывается, и вот перед нами Хабиб в своем обычном

виде: черная футболка без рукавов, черные тренировочные штаны, плотные черные гольфы и белая бандана с надписью ТАНЦУЙ ИЛИ УМРИ. На Саше, которая на голову ниже его, черное трико, такие же плотные черные гольфы и такая же бандана. Внутри студия ничем не отличается от других: одна большая комната с зеркалами на сплошь обитых тканью стенах. В углу стол, на столе радио, телевизор и кассовый аппарат, рядом пара стульев. Хабиб жестом предлагает нам сесть, а сам тем временем быстро пробегает по телеканалам, пока не доходит до MTV с безгрудой Синди Лаупер, танцующей на крыше машины.

— Я снял рекламу для студии. Скоро должны показать, — поясняет он.

— *Мы* сняли рекламу для студии, — уточняет Саша. — А идея была моя.

— Конечно, любовь моя, — соглашается он и целует ее, кладя руку ей на задницу. Оторвавшись от Саши, Хабиб секунд пять молча смотрит клип, затем взрывается: — Нет, ты посмотри, что за барахло. Кто им только танец ставил? — негодует он.

— Явно не мы, — говорит Саша.

— Это уж точно. Прямо не танец, а какие-то свинячьи скачки по железной крыше утром на

морозе.

— Хрен с ними, давайте лучше насчет моего танца, — встреваю я.

— Какую конкретно часть ты бы хотел прогнать еще раз? — спрашивает Хабиб.

— Все, — отвечаю я. — Все девять.

— Серьезно? По правде сказать, для натурала у тебя получается совсем неплохо, — говорит он.

— Для кого неплохо? — переспрашиваю я.

— Да так, не важно. Саша, скажи ему. Он знает движения.

— Ты знаешь движения, — говорит Саша (курит и смотрит прямо на меня).

— Еще один раз, — настаиваю я.

— А ты точно уверен, что хочешь жениться не на мне, а на этой малявке? Взгляни только, какие ножки, Генри.

Саша демонстрирует пару балетных па, выкидывая ноги туда-сюда так, что только и видно, как мелькают в воздухе ее мускулистые икры. Член у меня в штанах, похоже, решил в точности повторить за ней все движения. Вау.

Вместо ответа я нервно сглатываю.

— Вот — ноги настоящей женщины, и они могут стать твоими, правильно я говорю, Хабиб? Скажи ему.

— Да, да, могут, это как пить дать, — поддакивает ей Хабиб. — Разве не видишь — эта женщина любит тебя.

— Очень заманчиво, — отвечаю я, и пот льется с меня градом, — но у меня есть Грейс, а вы уже женаты.

— С чего ты взял, что мы женаты? Не женаты мы, — говорит Саша.

— Как, вы живете друг с другом вне брака? — ужасается Арчи.

— Да, — говорит Хабиб.

— Но ведь за это вы попадете прямиком в ад, — говорит Гарри. — Не сочтите за обиду, но именно так оно и будет.

— Ну и прекрасно, — смеется ему в ответ Саша, выпуская через ноздри сигаретный дым. — Мы оба терпеть не можем холод.

— А почему вы до сих пор не поженились? — спрашивает Бобби Джеймс.

— Брак — это не для нас, — говорит ему Саша. — Я права, Хабиб?

— Да, любовь моя.

— Но все-таки почему? — настаивает Бобби.

— Просто мы с Хабибом за свободную любовь — вот и все, — объясняет Саша под песню Лаупер «Girls Just Wanna Have Fun».

— А это как? — переспрашиваю я. В непонятках все четверо.

— Тихо всем, — говорит Хабиб. — Наш ролик.

Клип заканчивается. Экран темнеет, и через секунду мы видим великолепные Сашины ноги в черных гольфах под коротеньким бальным платьем, взятые крупным планом. Камера отъезжает назад, чтобы показать, что Саша стоит внутри роскошного ресторана и ругается с высокомерным метрдотелем, который отказывает ей в месте за столиком. Вступают скрипки, и Саша принимается танцевать вокруг метрдотеля, оплетая его ногами, пока тот не падает в обморок. Мы дружно хлопаем, смеемся и улюлюкаем. Саша подходит к жирному мужику во фраке за соседним столиком.

— Привет, Федоров, — говорит она. — Верни мне планы, и не будет никаких проблем.

— Какие планы? — прикидываясь дурачком, спрашивает тот, а сам с наглым видом курит сигару и пялится на Сашу в монокль, пока четыре плоскогрудые сексуальные киски с ногами от ушей массируют ему плечи. Сзади к ней неслышно подходят пятеро коммуняк и моментально ее скручивают. Жирный Федоров мерзко смеется ей в лицо.

— Уведите ее отсюда, — командует он и машет рукой в сторону.

— Не так быстро, товарищ Федоров, — говорит ему Хабиб, выступая в смокинге и черных гольфах из тени. — Руки прочь от девушки.

— Вот мы и снова встретились, Хабиб О'Брайен, так называемый мастер танцевального стиля «Танцуй или умри». Убейте его, — приказывает Федоров.

Солдаты строчат по Хабибу из пулеметов, а тот, кувыркаясь в воздухе, скачет через весь ресторан. Вот он совершает последний отчаянный кульбит и, оказавшись у Федорова за спиной, сдергивает его со стула и сворачивает ему шею. При этом сам резко и синхронно поворачивает голову в ту же сторону и легко и непринужденно завершает свой танец. Немного покрутившись на месте вокруг своей оси, Федоров замертво падает на пол. Хабиб поворачивается к солдатам, которые еще не догадались отпустить Сашу.

— Отпустите ее, или с вами будет то же самое, — предупреждает он.

Саша вновь обретает свободу. Она подбегает к Хабибу, и они вместе проходят в танго вокруг вконец обалдевших солдат.

— А теперь мы оставляем вас наедине с вашим

павшим лидером, — подытоживает Хабиб.

Не ослабляя объятий, они с Сашей вылетают прочь из ресторана все в том же ритме танго. Картинка замирает, когда Хабиб, уже в дверях, подмигивает на прощание солдатам, которые все как один улыбаются Саше, и та улыбается им в ответ. Голос за кадром: *Танцуй или умри — студия на углу Фрэнкфорд и Святого Патрика. Так ли ты крут — или всё врут?*

Ролик заканчивается под наши аплодисменты.

— Просто великолепно — тут уж ничего не скажешь, — бахвалится Хабиб. — Так мы будем еще раз репетировать с Генри танец или как?

— Нет, погоди, — говорит Саша. — Дай я сначала станцую для него — как-никак у парня последний день свободной жизни.

— Саша, — говорит Хабиб, — по-моему, парень ясно выразился: ему нужна репетиция, и немедленно.

— Блин, да не гони ты так, есть у меня чуть-чуть времени, пусть станцует, — перебиваю я этого остолопа Хабиба.

— Прекрасно, — говорит Саша и толкает стул на середину танцплощадки. — Садись сюда, я сейчас.

Саша ненадолго исчезает за дверью, затем по-

является вновь, уже полностью переодевшись для танца живота: босиком, в синих мешковатых шароварах, как у джинна из мультиков, в минитопе и синем платке, закрывающем лицо до глаз. Мамочки мои. Дайте мне стакан воды и положите на колени подушечку. Щелчком пальцев она просит музыки, и Хабиб тут же ставит какую-то пластинку. Обложки мне отсюда не видно, но по первым же тактам я узнаю, что это «Zorro Is Back» Оливера Онионса — вся пластинка в бешеном пуэрториканском стиле. Саша извивается в танце все ближе и ближе ко мне. Мне хочется еще раз сглотнуть, но я не могу. Пот катится со лба так, что аж глаза щиплет. Саша скользит мне за спину. Я хочу приподняться на стуле, чтобы развернуться и сесть на колени лицом к спинке, но Саша удерживает меня за плечи и сажает обратно. От касания ее рук я подпрыгиваю так, словно она пропустила мне под мышки оголенные телефонные провода. О господи. Она прямо передо мной, и сквозь платок я вижу ее улыбку. По-моему, мои друзья что-то одобрительно кричат мне из-за спины, хотя я не уверен. Черт. Теперь Саша полностью нависла надо мной: Боже, как она трясет бедрами; поставила ногу прямо мне на ляжку, у меня в штанах сейчас не член, а прямо

гребаный попрыгунчик какой-то. Я чувствую запах ее пота, смешанный с ароматом туалетной воды. Господи, на все воля Твоя. Вот она покачивается, извивается и улыбается совсем близко от меня, а я буквально распластан по стулу. Я уже вижу ложбинку между двумя ее маленькими сиськами, но тут, как всегда, наступает темнота. Спокойной ночи.

Я прихожу в себя и вижу, что Бобби Джеймс плещет мне в лицо водой из стакана. Когда мне наконец удается откашляться, Хабиб и Саша приподнимают меня и помогают усесться на полу.

— Что, опять вырубился? — спрашиваю я.

— Так и есть, чувак, — со смехом отвечает мне Бобби Джеймс. — В чем в чем, а в этом среди телок тебе равных нет.

— Это точно. Бля, а сколько времени?

— Два тридцать четыре.

— Ччерт. Я сказал родителям, что буду в баре к двум пятнадцати.

— Тогда побежали, — говорит Бобби.

— Не могу. Мне еще надо танец отрепетировать.

— Генри, Генри, ты же только что после обморока, — говорит Хабиб. — Тебе нельзя сейчас напрягаться.

— Нет, — решительно заявляю я. — Вы, ребята, идите в бар. Скажите там моим родителям, что я подойду к трем. Хабиб, пожалуйста, поставь пластинку. У меня все тип-топ.

Мои друзья уходят, и за ними со щелчком захлопывается входная дверь. Я выхожу на площадку для танцев и замираю в исходном положении: все в той же робе и с бананом в руке вместо микрофона. Хабиб ставит пластинку и машет мне рукой, чтобы я приготовился. Они с Сашей внимательно, как два шахматиста — за доской, за мной наблюдают. Через колонки слышно, как скребет по винилу игла. Хабиб дает мне последние наставления. *Запомни: голову чуть вверх, от центра сильно не смещайся, расслабься и получай удовольствие от ритма, и чтоб никаких ошибок — это может плохо отразиться на репутации нашей студии,* тем временем рожки играют вступление. Я одновременно слушаю его и музыку. Поехали, начальные движения. Сейчас я серьезен, как рак мозга, и думаю про себя: *Я совершенно спокоен, и никакая херня в мире не способна помешать мне станцевать идеально, как в прошлый раз. И сегодня вечером будет не хуже.*

Стоит только войти в бар «У Пола Донохью»,

миновав нависший над входом зеленый трилистник, который всегда качается из стороны в сторону, прямо как алкаши у стойки внутри, — и через пять минут уже будешь в курсе, как работает это заведение. Просто садишься и кладешь купюру перед собой на стойку. Бармен спрашивает, что будешь пить. Брать можно все что угодно, кроме бодяги под названием «Шипучий пупок», если, конечно, нет желания загреметь из бара прямиком в мусорный контейнер. Лучше «Будвайзер». Теперь можно смело горланить песни и раскачиваться из стороны в сторону в обнимку с приятелем. Запивка — это стакан пива, который выпивается после наката. Накат — это рюмка чистого, крепкого пойла. Резко опрокидываем накат себе в глотку, немного поморщимся, теперь дело за запивкой — рожа снова принимает обычный вид. Чем больше и чаще накатываешь — тем быстрее пьянеешь. Те, кто накатывает, всегда шумят больше остальных, говорят бессвязно и роняют на пол четвертаки, предназначенные на корм музыкальному автомату. Те, кто накатывает, всегда рады угостить всех вокруг за свой счет. Низко над столами нависли тяжелые темные тучи сигаретного дыма. Барменша с унылыми сиськами, чья внешность не идет ни в какое

сравнение с внешностью тех ее далеких коллег, постеры с изображениями которых развешаны по обшитым деревянными панелями стенам, ходит туда-сюда по залу с подносом в руках. Доски, на которых мелом записывают результаты игры в шаффлборд[35] или соревнований по дартс, а также ставки, если заключаются пари. С двух сторон под потолком вделано по телевизору: по одному идет бейсбол, по другому с кем-то играет Пенсильванский университет. Даже если на улице день, в баре всегда темно.

Все уже здесь. Справа от меня за столиком у двери сидят Сесилия с Сес, Арчи с родителями, Марджи Мерфи с родителями, а также Грейс и Ширли Макклейны. О чем они говорят, мне не слышно, но Сесилия с Грейс, которые обе дымят не прекращая, явно поддерживают разговор за всех. Они яростно жестикулируют, заставляют смеяться всех остальных, за исключением мистера и миссис О'Дрейн. Поскольку в баре яблоку упасть некуда, столы, теряясь в клубах сигаретного дыма, трещат под грузом навалившихся тел, и из музыкального автомата на полную громкость несется «Love Me Do», то неудивительно, что ни-

[35] Примечания: 35

Настольная игра, популярная в пабах; монеты или металлические диски щелчком передвигают по разделенной на девять клеток доске.

кто вокруг не замечает моего появления.

Слева от меня барная стойка, вдоль которой выстроилась вереница жирных задниц, наполовину съехавших с высоких скрипучих табуретов на длинных ножках. Пол Донохью, огромный толстяк с седыми кудрявыми волосами (владелец заведения и главный бармен по совместительству), с неторопливым проворством подает публике напитки. Неожиданно по самому центру стойки я замечаю Фрэнсиса Младшего, сидящего рядом с Берни и Донной Куни. Вот ведь — тут как бы самому в штаны не нагадить. Знакомые голоса окликают меня, на секунду перекрывая шум, и тем самым вырывают из оцепенения. Это Бобби Джеймс, Стивен и Фрэнни: они сидят за стойкой чуть дальше, по левую руку от Фрэнсиса Младшего. С ними Джонни Бойль, местный завсегдатай. Я пробираюсь к ним мимо стола с шаффлбордом, музыкального и игровых автоматов; проходя мимо Фрэнсиса Младшего, с немалым облегчением успеваю заметить, что тот не разговаривает с Куни: все трое заняты пивом и никуда, кроме как прямо перед собой, не смотрят.

— А вот и наш Генри Тухи, рад видеть тебя, приятель, — говорит Джонни Бойль. — Наконец-то все девчонки в сборе, — смеется он и кивком ука-

зывает на моих друзей и братьев. Живет Бойль где-то у нас в районе, но где точно — не знает никто. Волосы у него редкие и темные и зачесаны к макушке, плюс к тому сзади он забирает их в куцый хвостик. Глаза огромные, голубые и с безуминкой. На нем черная куртка Members Only с рукавами, закатанными по локоть, короткие коричневые шорты из рубчатого плиса и видавшие виды гольфы; ко всему этому остается добавить только белые ботинки на высокой подошве, которые явно повидали на своем веку ничуть не меньше, чем гольфы. Вот в таком прикиде он каждый день и ходит, причем не важно, зима на дворе или лето. Джонни Бойль стиляга еще тот, и его совершенно не заботят детали. Он повсюду гоняет на своей девчачьей десятискоростной тачке розового цвета, на которой то и дело где-нибудь разбивается, но каждый раз после очередной аварии неизменно выбирается из машины веселый и весь в крови. На вид ему дашь лет тридцать, но, сколько на самом деле, хрен его знает. Никто и не спрашивает. Для ребенка он, пожалуй, слишком некрасив, но и на взрослого не тянет — работать не желает и к тому же слишком большой пофигист.

— Как дела, Джонни? — говорю ему я. — Насту-

пит когда-нибудь день, когда ты наконец отстрижешь этот свой гребаный хвостик?

— Никогда. Девчонкам нравятся хвостики. Девчонкам нравлюсь я, — говорит он, срывает с себя весь верх и под общий смех прогибается назад, демонстрируя свое толстое пузо и сиськи второго размера без каких-либо намеков на мышцы.

— Накинь на себя что-нибудь, пока я не начал тебя доить, мне тут как раз «Белогвардейца» заказали, — говорит ему Пол Донохью, у которого огромные лапищи и предплечья сплошь покрыты потускневшими от времени зелеными флотскими наколками.

— А ведь признайся: самому так и хочется их потрогать, — говорит Бойль. — Ты же у нас моряк, верно? Кроме того, у меня там не молоко, а чистый мед. Божественный, блядь, нектар в чистом виде, — продолжает он, сжимая себе соски.

— К нам на судно частенько такие ребята служить поступали, Генри, — говорит мне Донохью и как бы украдкой косится на приятеля, а у самого аж плечи трясутся от смеха, — и у всех в сиськах одна моча пополам с уксусом. Ну, мы их быстренько в трюм и там уже делали из них порядочных женщин.

— Вот о чем я тебе и толкую, моряк, — говорит

Бойль. — Налей-ка мне еще стаканчик.

— Может, тебе еще и с зонтиком? — интересуется Пол.

Они не первый день знакомы, поэтому оба смеются и прекращают друг друга подкалывать. Бойль надевает все на себя обратно и предлагает мне сесть рядом с отцом, поскольку так нам с Бобби Джеймсом (он сидит рядом и пьет «Будвайзер» из бутылки) будет удобнее играть с ним в одну игру на выпивку. Когда у нас в районе празднуют свадьбу, ограничение на спиртное для лиц младше двадцати одного улетучивается в окно вместе с дымом сигарет. На свадьбе если хочешь пива, ты его получишь, это без вопросов.

— В какую именно? — спрашиваю я. — Какие правила?

— Называется «игра в четвертак». Игрок бьет кулаком по стойке, и четвертак должен подпрыгнуть и упасть в рюмку. Если, к примеру, ты попал, то я выпиваю, и так до первого твоего промаха. Если попал я, то все наоборот.

Возвращается Донохью: в руках у него полный стакан для Джонни, да еще и с торчащим из него зонтиком.

— Ваш заказ, мэм, — говорит он.

— Иди ты… — смеется Бойль и выбрасывает

зонтик прочь из стакана.

— Согласен, я в игре, — говорю я.

— Тебе «Будвайзер», как и Бобби? — спрашивает Бойль.

— Не, мне просто колы, — отвечаю я.

— Э, сопля. Контрадмирал Донохью, подать газировки пацану в платьице церковного служки.

— Которому из двух? — спрашивает Пол, глядя на нас с Гарри.

Гарри указывает на меня:

— Ему. Я уже пью «Кровавую Мэри для девственниц».

— На самом деле все очень просто, Генри, — брызжет в меня слюной уже порядком захмелевший Бобби Джеймс. — Вот, смотри.

Он что есть силы припечатывает кулаком по стойке, после чего монетка взлетает высоко над стойкой и звякает об зеркало на барной полке где-то за рядами бутылок с цветными этикетками, которые светятся в полутьме бара, словно драгоценные камни в пещере.

— Погоди, дай Генри попробовать, — говорит Бойль и протягивает мне четвертак.

Я стучу кулаком по стойке, но вместо того, чтобы взлететь и упасть в рюмку, мой четвертак едва подпрыгивает на месте. Тем не менее Бойль

отпивает глоток из своего стакана.

— Ну, почти, Генри, — передергивает он плечами. — Попробуй еще разок.

Я промахиваюсь еще четыре раза подряд, Бойль каждый раз исправно выпивает, затем заказывает себе еще.

— Давай покажу, как надо, — говорит он мне. — Если заброшу — то ты пьешь.

Бойль забрасывает раз, затем второй. Теперь я прихлебываю свою колу. Донохью на ходу доливает мне до полного, при этом не забывая никого, кто помимо меня пьет у стойки. Фрэнни со Стивеном сзади наблюдают за нашей с Бойлем игрой: Фрэнни улыбается с бутылкой пива в руке, Стивен держит стакан с чем-то, по виду напоминающим имбирное ситро, и тоже пытается улыбаться, мужественно борясь с похмельем. Мимо него дважды проходит Ральф Куни и оба раза толкает его достаточно сильно, чтобы расплескать содержимое стакана. Стивен сейчас трезвый, поэтому попросту не обращает на него внимания, но все же, получив второй толчок в спину, подзывает к себе Пола и указывает ему на свой стакан. Пол берет и наливает в него нечто розовое, после чего возвращает стакан Стивену. Фрэнни начинает хмуриться.

— Генри, мать твою, очнешься ты или нет? Твоя очередь, — говорит Бойль.

— Что? — рассеянно переспрашиваю я. — А, да, извини. Вот я его сейчас.

В полной уверенности, что промахнусь, я бью кулаком по стойке, но тут вдруг попадаю. Радостные аплодисменты со всех сторон. Рядом со мной мистер Куни спрашивает у Фрэнсиса Младшего, как долго тот уже работает почтальоном на улице Святого Патрика, на что Фрэнсис Младший отвечает, что уже пятнадцать лет. Я снова стучу по стойке и забрасываю в рюмку еще один четвертак. Джонни Бойль снова осушает свой стакан. Фрэнни увещевает Стивена по поводу того, что незачем начинать пить так рано. Конечно, он понимает, сегодня свадьба и все такое прочее, но все равно ему кажется, что с чем с чем, а с этим Стивену торопиться не стоит, особенно после всей той фигни, что была вчера. В ответ Стивен обещает, что все с ним будет в порядке. Берни Куни спрашивает Фрэнсиса Младшего, как долго тот уже женат, на что Фрэнсис Младший ему отвечает, что женат уже почти двадцать пять лет как. Я промахиваюсь, но Бойль все равно выпивает за мою попытку, замечая при этом, что здесь главное — не отчаиваться. Фрэнни говорит

Стивену: *Это ты только сейчас говоришь, что все будет в порядке, а сам прекрасно знаешь, чем это обычно заканчивается. Я больше не собираюсь работать рефери. — И не надо,* — огрызается Стивен. *Просто постарайся держать себя в руках, тигр,* — предупреждает его Фрэнни. И больше ничего не говорит. Стивен допивает стакан, кивком просит Пола налить еще один, залпом выпивает и этот и требует еще. Берни Куни говорит: *А я, мы с Донной женаты уже пятнадцать лет, из них десять я работаю в тюрьме Холмсбург. Видишь ли, у меня такая работа, которая не требует, чтобы я каждый день захаживал в дом к чужим людям, конечно, если не считать людьми заключенных, а камеры — их домами. Не знаю как ты — лично я их таковыми не считаю.* Бойль начинает выпендриваться, стучать по стойке обоими кулаками и забрасывать в рюмку по два четвертака разом. Я глушу колу стакан за стаканом. Фрэнни с отвращением оставляет Стивена и уходит прочь из бара, по дороге остановившись лишь для того, чтобы пропустить двоих оголтелых шестилеток, которые несутся мимо него по направлению к игровым автоматам: там есть покер, в который можно играть колодой с мультяшными голыми бабами на рубашке.

Рядом, за столом, Сесилия вдруг прерывает свой рассказ на полуслове, бросает грустный взгляд на Фрэнсиса Младшего, но все же ухитряется справиться с собой и продолжает дальше с оборванной фразы. Бойль забрасывает пять чистых с кончика носа. Я хлопаю газировку стакан за стаканом: перед глазами все плывет; Бойль не отстает от меня с разбавленным виски. Берни Куни говорит, вновь обращаясь к Фрэнсису Младшему: *Даже если бы мне и приходилось по работе частенько наведываться к чужим людям, я бы ни за что не позволил себе заходить в дом ни под каким предлогом. А ты?* Фрэнсис Младший говорит ему: *Я не совсем понимаю, к чему ты клонишь.* А Донна Куни говорит: *Да, он прав, Берни, ты выпил лишнего. Несешь не пойми что.* Теперь мы с Бойлем, как, бля, два настоящих профессионала, попадаем каждый с первого раза и глушим из стаканов почем зря под восторженные аплодисменты Бобби и Гарри. Сесилии нет за столом. Бля, куда она делась? О господи, вот она, идет прямиком к Фрэнсису Младшему. *Извини,* говорит Берни Куни. *И правда несу чушь какую-то. А клоню я, собственно, вот к чему. Постой, вон идет твоя жена. Вот у нее-то обо всем и спросим. Сесилия, вы ведь с Донной сегодня весь день друг на*

дружку смотрели так, будто убить одна другую готовы. Вот и скажи мне: это правда, что твой муж трахает мою жену? Фрэнсис Младший обхватывает голову руками. Сесилия сначала долго и с ненавистью смотрит на Донну, потом совершенно спокойно переводит взгляд на Берни и кладет руки на плечи Фрэнсису Младшему.

— Сам посуди, зачем ему так поступать, если у него есть я? — отвечает она вопросом на вопрос.

У Берни Куни от изумления отвисает челюсть. Он в шоке от такого ответа. Наверное, ему даже как-то неловко. Ральф Куни снова походя пихает Стивена в спину. Стивен хватает его за горло и приподнимает над стойкой. Через стойку наклоняется Пол Донохью и своими ручищами хватает обоих: и Стивена, и Ральфа, у которого к куртке сзади прилипли опилки.

— Оставь, Пол, дальше я сам разберусь, — говорит Берни Куни.

Он выволакивает Ральфа из бара вслед за собой и начинает лупить его при открытой двери, чтобы все видели. Ральф кричит сквозь слезы: *Не надо, пап, хватит.* Как только Берни и впрямь решает, что хватит, Ральф вырывается и убегает куда-то вниз по улице Святого Патрика. С раскрасневшейся рожей Берни Куни возвращается в

бар, хватает жену за руку и волочет ее к столу, за которым она сидела до этого. Фрэнсис Младший непонимающе смотрит на Сесилию.

— Почему ты ради меня так поступила? — спрашивает он у нее.

— Иди ты! Ради тебя… Вон, ради них, — говорит она, указывая на нас с братом. — И еще ради Сес.

С этими словами она возвращается к себе за стол, откуда на нее смотрят Сес и Грейс, и продолжает рассказывать анекдот с того места, где остановилась, — так, будто ничего не произошло. Фрэнсис Младший остается сидеть на месте и смотреть в зеркало за бутылками с бухлом. Поскольку свет тусклый, в зеркале почти не видно, насколько густо он покраснел.

После разборки наши все сидят как пришибленные. Бобби Джеймс покачивается из стороны в сторону, но продолжает пить «Будвайзер», Гарри потягивает из стакана свою «Кровавую Мэри для девственниц», параллельно оба играют в «Войну» порнушной колодой Пола Донохью. Стивен пьет и пихает четвертаки в автомат с покером. Я причесываюсь перед зеркалом и не могу не то что закрыть, даже моргнуть глазами от такого количества выпитой колы, но, бля, все равно упорно продолжаю лакать из стакана. В

«Четвертак» уже никто не играет. Бойль поднимается на подламывающихся ногах.

— Что-то по времени еще рано, а я уже набрался, — говорит он и чуть не падает, но в последний момент успевает схватиться за стойку. — Видал, какое самообладание, Генри? — улыбается он и направляется к мишени для игры в дартс: вдруг кто захочет с ним покидаться. Сзади щелкают по доске фишки для шаффлборда. Автомат играет «Good Vibrations». В одном телевизоре Майк Шмидт отправляет крученый за пределы поля. По этому поводу кто-то из глубины бара в две глотки издает восторженный вопль. В другом Пенсильванский университет прерывает передачу противника и переходит в контратаку. Народ выражает бурную радость и стучит кружками по столам. Подошедшая сзади миссис Макклейн кладет мне руку на плечо и садится на соседний табурет, который только что освободил Бойль.

— Ну, Генри, рассказывай, как дела? — спрашивает она.

— Отлично, как у вас? — отвечаю я.

— У меня-то все в порядке, — она улыбается уголками рта: губами, собранными в кучку, она держит сигарету и прикуривает ее, — а вот насчет тебя не уверена. По-моему, кто-то у нас скис

порядком. Редко тебя таким увидишь.

— Нет, правда, все нормально, — говорю я. — Наверное, просто задумался.

— О чем, если не секрет?

— А вы все так же сильно переживаете из-за мистера Макклейна?

Она с улыбкой смотрит куда-то мне за спину, потом переводит взгляд на меня:

— Да.

— А на свадьбах, наверное, еще сильней? — спрашиваю я.

— Мне его одинаково не хватает всегда и везде. В пятницу будет пять лет, как он погиб.

— А, — только и могу выдавить я в ответ, потому как не знаю точно, что в таких случаях принято говорить.

— Смотри, как сразу замялся, — смеется она. — Да расслабься ты, я совершенно спокойно могу говорить о мистере Макклейне, — и я понимаю, что это она отнюдь не из вежливости — в ее голосе звучит настойчивое требование.

— Расскажите мне о чем-нибудь таком, за что вы его особенно любили, — говорю я.

— Только это тебе и хочется услышать?

— Тогда расскажите обо всем, что *вам* хочется.

— Ну, так мы тут с тобой на весь день застрянем.

Он всегда громко выкрикивал неправильные ответы, когда смотрел шоу для интеллектуалов. Хоть бы раз угадал. Причем не важно, что за тема, что за вопрос. Всегда мимо.

— Да ладно, — смеюсь я, — не может такого быть, чтобы вообще ни разу.

— Не-а. Ни разу, — уже хихикая, говорит она.

— А если вопрос был проще некуда, например, кто был первым президентом США?

— Все равно, он ляпнул бы: Макклейн. Или Тухи. Что угодно, кроме Вашингтона, — смеется она.

Вдруг мы с ней, не сговариваясь, оба притихаем безо всякой на то причины.

— Что произошло той ночью, когда он погиб? — спрашиваю я.

— Господи, — говорит она, — спроси лучше, чего *не произошло* той ночью. Ты уверен, что хочешь об этом знать?

— Да, если расскажете.

— Ладно, расскажу, — говорит она. — В Фэйрхилле в Северной Фили, где он работал, загорелась двухэтажка. У них там одни сплошные наркоманы. В час по пять пожаров. Мистер Макклейн к тому времени проработал пожарником уже достаточно долго, мог выбирать и менее опасные

вызовы, но он по-настоящему любил бороться с пожарами. А главное — *людей* очень любил.

— Да, я помню, — говорю я. — Когда мы были маленькими, он еще, бывало, часто звал нас к вам на веранду. Обычно показывал этот фокус, когда правой рукой будто бы сам себе откручиваешь большой палец с левой. Мы правда ему верили и очень пугались, но все равно очень его любили.

— Да, ему подурачиться только волю дай, — соглашается она. — В общем, дело было так: копался он себе в клумбе — в той самой, которую позавчера вечером вытоптал Бобби Джеймс, — а тут звонят и сообщают, что там огромной силы пожар и нужно срочно ехать. Ну, он, конечно, все бросил и поехал. Напоследок крепко поцеловал нас с Грейс и сказал, чтобы я присмотрела за цветами, пока он не вернется. Так я и делаю до сих пор.

— А что случилось на пожаре? — спрашиваю я.

— Как раз собиралась рассказать, — говорит она. — Там внутри осталась целая семья. Мать и трое детей. Все были без сознания и выбраться никак не могли. Сосед сказал мистеру Макклейну и остальным пожарным, что детей в доме четверо. Понимаешь, дело в том, что к ней часто приходил еще племянник. Ну так и вот, мистер Макклейн спас ее и троих детей. Кстати, я до сих

пор с ними общаюсь. Хорошие люди. Они теперь живут в гораздо лучшем районе. — Тут она с гордостью улыбается. — Но как я уже сказала, пожарным внушили, что в доме остался еще один ребенок, — продолжает она, и ее улыбка моментально сходит на нет. — А его там не было. А мистер Макклейн до последнего оставался в доме и искал там ребенка и своего хорошего друга Фрэнки Пинджитори. Оба были наверху, когда весь второй этаж разом обрушился. И тот и другой погибли мгновенно.

— Я очень вам сочувствую, — говорю я ей, и в это время музыкальный автомат начинает играть «Heart of Gold» Нила Янга.

— Не стоит, — говорит она, и при этом на лице ее читается скорее решимость, нежели печаль. — У меня хватает сил это пережить.

— А с Грейс они, наверное, тоже здорово ладили? — спрашиваю я.

— Просто чистое золото, а не отец был, — вспоминает она. — Он очень сильно ее любил.

— Как и я, — не удержавшись, выпаливаю я: мою душу переполняют эмоции пополам с кофеином. Я подзываю к себе Донохью и прошу налить мне еще колы. Трясу вверх-вниз коленкой и барабаню пальцами по стойке.

— Знаю, — улыбается она. — И я тоже. Она ведь особенная.

Сзади нас из ниоткуда появляется Грейс, дает нам обоим по затылку, пинает автомат с сигаретами и обзывает его ублюдком до тех пор, пока тот наконец не выплевывает ей пачку сигарет. Затем она еще раз отвешивает нам по подзатыльнику, после чего возвращается к себе за стол. Кто-то на кого-то плещет из стакана в другом конце барной стойки. Двое ругаются. Мне в стакан попадает четвертак. Гарри немедленно выуживает его оттуда.

— О чем опять задумался, Генри? — спрашивает миссис Макклейн.

— Хочу жениться на Грейс, — снова пробалтываюсь я, поскольку голова моя продолжает свое плавание в море колы, грусти и любви.

Все в баре начинает происходить в черепашьем темпе. Я вообще ничего не слышу. Донохью идет вдоль стойки с бутылкой какого-то пойла, которое светится у него в руках, как лава. Он разливает лаву по бриллиантовым рюмкам всем сидящим у стойки. Рюмки полны лавой, и теперь все дружно пьют их до дна. Сердца толпы разрастаются, их яркий блеск начинает пробиваться сквозь грудные клетки. Телевизор выхватывает

концовку рекламного ролика «У Пола Донохью», где двадцать пять парней, включая Стивена и Бобби Джеймса, поднимают кружки и, задрав головы, улыбаются камере. Потом опять включается футбол. Сердца теряют свой блеск, по крайней мере, для невооруженного глаза. В баре снова включается шум.

— Ты отличный парень, Генри, — говорит она мне. — Уверена, ты станешь отличным мужем.

Тут я, к немалому удивлению миссис Макклейн, обнимаю ее.

— Спасибо. Ваше благословение — это для меня все. Я буду беречь Грейс так, как будто она из фарфора. Я дам ей столько любви, сколько не было еще ни у одной жены на свете. Я ни за что не стану с ней драться. Ни единой ссоры. Вообще ни одной. Ноль. Я буду всегда ей верен и даже не подумаю изменять с телкой из дома на углу или ни за что ни про что бить нашего сына. Нет, бля, это не про меня, фигушки. Там что, кто-то поставил на автомате Боба Сигера с его «Silver Bullet Band»? Точно, так и есть. Никуда не уходите. Я сейчас вернусь.

«Old Rock & Roll» орет на весь бар. Я подхожу к автомату и дергаю за рычаг. Песня обрывается. Все поворачиваются ко мне. В баре наступает пол-

ная тишина, если не считать звука работающих телевизоров. Долбоеб Майк Шмидт успевает вернуться к себе на базу, но никто ему не хлопает.

— Заколебал уже ваш Боб Сигер, — говорю я. — Кто-нибудь имеет что-нибудь против?

Никто даже не пытается ничего вякнуть в ответ. Молчите, уроды? Правильно молчите. Я возвращаю рычаг в исходное положение, достаю из кармана четвертак, сую его в автомат и шарашу кулаком по кнопке с песней «Rumble» Линка Рэя. Вот вам, долбошлепы, нормальная музыка. Теперь можно вернуться к миссис Макклейн.

— Извините, — говорю ей я. — Другого выхода не было.

Она наблюдает за тем, как я опрокидываю очередной стакан колы.

— По-моему, с тебя уже хватит. Дай-ка я лучше закажу тебе пива, — предлагает она, после чего бегло окидывает меня тревожным взглядом и знаком просит Донохью принести мне пива. По меньшей мере двадцать человек одновременно с ней, не сговариваясь, делают то же самое.

Один промах по мячу, и ты выбываешь до конца раунда — никуда не денешься, в стикболе такие правила. Смазал два раза — получай страйк-

аут[36]. Если заработал страйк-аут — значит, ты сука, если только твое имя не Грейс. Попробуй, назови ее сукой за страйк-аут, и она надерет тебе задницу. Но я не сильно парюсь по этому поводу, потому что у Грейс страйк-аутов не бывает. Битой служит палка от метлы. На базы никто не бегает. Любой мяч, коснувшийся земли перед подающим, считается за аут как чисто подобранный. Флай-аут[37] остается флай-аутом, как в бейсболе. Играется не по три, как обычно, а всего по два аута за период. Если попадешь мячом за линию, на которой стоит подающий, и никто из другой команды не успеет его перехватить — это бингл, то есть по-бейсбольному сингл[38]. Если за аут-филдеров[39] — тогда дубль[40]. Если в забор, то это тройной[41]. Через забор — хоумран[42]. Но через

[36] Примечания: 36

В бейсболе и подобных ему играх — удаление игрока с поля за несколько неудачных ударов подряд.

[37] Примечания: 37

Слишком сильный удар по мячу, отправляющий его далеко за пределы поля.

[38] Примечания: 38

В бейсболе (и стикболе) — сильный удар по мячу, который позволяет бьющему перебежать на первую базу.

[39] Примечания: 39

Игроки, находящиеся на наиболее удаленной от бьющего части поля.

[40] Примечания: 40

Удар по мячу, позволяющий бьющему добежать до второй базы.

[41] Примечания: 41
Удар по мячу, позволяющий бьющему добежать до третьей базы.

[42] Примечания: 42
Удар по мячу, позволяющий бьющему обежать все четыре базы.

забор Тэк-парка (а именно там мы играем) никто не бьет, чтобы не нарушить спор между Стивеном и Бойлем. Джонни Бойль, которому лет двадцать тому назад довелось поиграть в запасе у «Филлиз», утверждает, что в свои лучшие годы мог, бывало, отбить мяч за забор не меньше трех раз подряд. А Стивен считает, что это полное фуфло. В баре они поспорили на пятьдесят баксов, а перед игрой подняли ставки еще на полтинник. И вот мы здесь, стоим в выходной одежде под палящим солнцем на спортплощадке и ждем начала игры.

Команды Бойль со Стивеном выбирали себе сами. За нас помимо меня играет Стивен, Бобби Джеймс, Гарри, Грейс и Арчи. В команду Бойля, кроме него самого, входят еще четыре жирных мужика и большая красная сумка-холодильник для пива, которую они приволокли с собой. У нас все шансы выиграть. В отличие от них, мы все худые и меньше потеем, и нам плевать на то, что жарко, равно как и на нашу парадную одежду. Больше всех потеет Арчи, но это только потому, что обе команды используют его в качестве вешалки для пиджаков и курток. Однако иногда ему удается поймать мяч за площадкой отбивающего, к тому же он помогает нам знаками, когда мы отбиваем.

Делаем первые подборы. Подает Бойль. Сложных ударов, судя по всему, опасаться не следует, потому что его команда гораздо охотнее пьет пиво, нежели прыгает за мячами. Бобби Джеймс начинает игру. Он целует золотой крестик у себя на шее и принимается бить копытом в землю, которой здесь нет. Арчи одной рукой оттягивает вниз левую мочку уха, другой хватается за яйца, что в переводе означает «отбивай крученым». Бобби Джеймс отправляет мяч влево и зарабатывает бингл. Теперь отбиваю я. Арчи дает мне зеленый свет на страйк-аут, но при первой подаче я вспоминаю о том, что нельзя нарушать условия спора. Бойль без труда справляется с моим мячом, который я отбиваю прямо в него на уровне не выше пояса.

— Ну же, Генри, это не удар, — дразнится Бойль.

Но я не ведусь на это его дерьмо и на второй бингл что есть силы отправляю второй мяч прямехонько ему между ног. Следом за мной отбивает Грейс, у которой удар как из пушки. Она подбирает юбку и занимает позицию на площадке. Да, член, чую, ты снова встал. Арчи оттягивает мочки на обоих ушах, затем хватается за яйца, имея в виду, что нужно бить прямой.

Грейс отвечает ему плевком. Все остальные хором *кричат: Девчонка на поле — пиши пропало.* Грейс обзывает их тупыми ослами и шарашит дублем поверх голов. 1:0, никто не выбыл, вторая, третья зоны. Стивен следующий: мяч попадает в забор и отлетает на центр, не очень слабо, но и не очень сильно. У Гарри страйк-аут. Грейс обзывает его юбкой, сама тем временем разглаживает свою. Гарри хнычет, пока Бобби Джеймс не отвешивает ему пощечину.

Отбивают жирные придурки. Грейс встает на подачу, предварительно нацепив свою счастливую кепку «Филз», истрепанную и рваную — в точности как надо. Арчи катается туда-сюда за площадкой отбивающего. Все остальные стоят в ауте. Сразу же, двумя подачами, Грейс обеспечивает два страйк-аута первому отбивающему, затем та же история повторяется и со вторым, и с третьим. Мы пасуем друг другу мяч по углам площадки: Арчи — мне, я — Гарри, Гарри — Бобби Джеймсу, Бобби Джеймс — Стивену, Стивен — обратно Грейс. После страйк-аута все должны подержаться за мяч. Игра на время становится скучной и однообразной. Пробежек больше никто не зарабатывает. Единственные результативные игроки — мы с Бобби Джеймсом, поскольку что

он, что я стабильно выбиваем бинглы. У Гарри одни сплошные страйк-ауты. Грейс, Стивен и Бойль все время целят в забор, поэтому все время вылетают. У остальных тоже страйк-ауты. Солнце палит нещадно. Плюются искрами проползающие мимо Тэк-парка троллейбусы. В пятом раунде Грейс отправляет в пятую зону десятифунтовый не берущийся, чем вызывает бурные жалобы толстячков по поводу чрезмерной силы и хирургической точности ее ударов. Стивен с Бойлем треплются про вчерашнюю драку. Гарри тут же сообщает, что ему страшно и не пора ли всем дружно убраться со спортплощадки подобру-поздорову, на что Бойль советует ему лишний раз не ссать. Расти без разборок на спортплощадках тоже нельзя. Что ж поделать — в этом возрасте всем достается. Только надо этому радоваться. Детьми-то бываем всего раз в жизни.

Судя по всему, жара крепчает. Бойль утирает пот с лица, стоя на подаче.

— Черт, жарко, — говорит он. — Спорим, жениху сейчас приходится еще жарче нашего.

Его приятели дружно смеются.

— А какого хрена ты имеешь что-то против брака? — злобно спрашиваю я.

— Что я имею против брака? — переспрашивает

он меня. — Спроси лучше, чего я *не* имею против брака. Я, конечно, все понимаю: кто-то из вас, ребята, наверняка думает, что я не женат потому, что у меня башка пустая и вдобавок еще много пью. А вот и нет. Женщины меня любят. Знаете, сколько раз за жизнь я делал предложение? Пять раз. Да, целых пять. Первый раз я предложил выйти за меня замуж одной моей школьной зазнобе по имени Даниэль, когда мне было всего семнадцать. Тогда все у нас рухнуло потому, что в один прекрасный день я рухнул с крыши, когда подрабатывал кровельщиком. Я потом целый год и имени-то своего вспомнить не мог, чего уж тут удивляться, если я напрочь забыл, кто она такая. А ее это так взбесило, что она, сука, взяла и меня бросила. Второй раз был с медсестрой, которая за мной ухаживала. Ее звали Дот. Она была толстая, уродливая и, насколько я помню, намного меня старше, но мы все равно влюбились друг в дружку. Еще бы, столько времени она кормила меня с ложечки и заново учила читать. Черт возьми, она так ангельски напевала мне алфавит. Но все закончилось вместе с курсом лечения. Дама номер три появилась в моей жизни только спустя шесть или семь месяцев, потому что все это время я еще продолжал находиться под неусыпным наблюде-

нием врачей, а Дот, понятное дело, уже исчезла с горизонта. Вечно забываю, как ее звали. В общем, шары у нее все равно были что надо, и трахалась она, как крольчиха. Я надеюсь, ребята, вы уже достаточно взрослые, чтобы слушать такое, да?

Мы утвердительно киваем.

— В общем, весь юмор в том, что она ушла от меня к парню, который работал в зоопарке. Я до сих пор их обоих ненавижу, думаю, попадись они мне, убил бы непременно. Но, как я уже сказал, ее имя и лицо я ни в жизнь не могу вспомнить, наверное, это их до сих пор и спасает. По крайней мере, пока я не опознаю ее по сиськам. Потому что мне хоть целый грузовик сисек навали — я и там их запросто отыщу. Как бы то ни было, хер с ними, с этими ее классными сиськами. Невесту номер четыре я помню очень смутно, потому что в то время жил в Вегасе и все три года пил не просыхая. По-моему, она была родом из Техаса и ходила в блестючих сапогах и широких платьях. Кажется, у меня на заднице есть татуировка с ее именем, но только вот делать мне больше нечего, кроме как самому смотреть или просить посмотреть кого-нибудь еще. Все равно она для меня давно уже ничего не значит.

Он снимает с руки бейсбольную перчатку и

снова утирает себе лицо.

— Единственная из них из всех, которая на самом деле для меня что-то значила, была невеста номер пять. Криста, балерина. Я любил ее. Мы познакомились в баре. Или нет — на бейсбольном матче. Нет, вру, все-таки в баре. Мы *смотрели* бейсбол. В тот же вечер я сделал ей предложение. Черные волосы, голубые глаза, ноги — просто обалдеть. Но в самый ответственный момент мы с ней подрались, и такая пошла неразволочня, что в итоге остановить нас смог только солдат национальной гвардии. Я совершил одну роковую ошибку: когда мы оба стояли на одной ноге и пытались пальцем попасть друг дружке в нос, черт меня дернул брякнуть, что то же самое кольцо, которое я незадолго до того ей вручил, я предлагал всем четырем моим предыдущим несостоявшимся женам. А что? Мне оно было дорого как память. Если уж на то пошло, мамаши ведь часто отдают сыновьям свои обручальные кольца, так почему же мне нельзя было воспользоваться тем же кольцом, что и четыре предыдущих раза? Вам бы оно тоже понравилось. И оно было дорого мне не только из-за прошлых помолвок. За него потом пришлось судиться аж с тремя этими суками. Посмотрел бы я на того, кто

после такого не полюбил бы это кольцо, как я. А вот Криста не полюбила, это факт. Она швырнула мне им в рожу и потребовала, чтобы нас везли в вытрезвитель по отдельности в разных машинах, и с тех пор, если не считать той полсекунды, когда ее вели по коридору, а у меня снимали отпечатки пальцев, я ее больше никогда не видел. Ну как, у кого-нибудь еще остались вопросы по поводу того, что я имею против брака? Нет? Так я и думал. Пять помолвок, одна татушка, одно кольцо и одно любящее сердце, которому в придачу суждено было разбиться целых пять раз подряд. Да, блядь, насчет брака мне есть что возразить. Дураки пусть себе женятся, но только не я. Дайте минутку дух перевести.

Спустя пять раундов и целый час времени, Бойль стоит на подаче с мячом в руках и готов вот-вот заплакать. Но только мы переключаем все внимание на него, как он поднимает глаза и начинает смеяться.

— А вы, дебилы, мне и поверили.

— Не может быть, — изумляется Гарри. — Так, значит, ты никогда и ни с кем не был помолвлен?

— Нет, вся байда, что рассказал, — правда. Просто мне на все это глубоко насрать.

И Бойль заходится смехом минут на пять, а дальше уже все молчат. Его приятели планомерно пополняют ряды пустых банок в центре поля. Чем сильнее они косеют, тем больше концентрируются на наших подачах. После целого ряда успешных подборов в восьмом раунде они уже серьезно настроены на то, чтобы выровнять счет. Бойль делает два мощных отбоя: один в седьмую зону, другой — в восьмую; оба мяча летят далеко, но приземляются, чуть-чуть не долетев до забора. Стивен со смехом ловит их к себе в задний карман. В восьмом раунде Арчи решает навестить Грейс на позиции подающего после того, как та выдает далекий флай-аут и сразу за ним — два результативных мяча. Она раскручивает Арчи в кресле, ногой откатывает его обратно за площадку отбивающего и тут же вслед за этим вешает еще одну соплю.

Конец девятого раунда, счет по-прежнему 1:0 в нашу пользу. Команда старших, пользуясь последними минутами, оставшимися у них на подбор, требует показать им кепку Грейс, которая в ответ пытается изображать полные непонятки, и это при том, что смазки у нее там спрятано не меньше фунта. Время уже давно за полдень, и народ постепенно начинает переползать через

Ав и загружаться в «Манджоли» на свадебный банкет. Мимо нас, горланя «Забери меня на матч», проходят двое изрядно выпивших папаш. Мне еще нужно успеть забежать домой, чтобы переодеться в костюм. Возможно, даже залезу в душ, хотя, бля, нет, это, конечно, вряд ли.

— Смотри-ка — вазелин, — говорит Бойль, поднимая вверх кепку Грейс. — Да она мухлюет.

— Верни кепку, придурок, — со злостью кричит ему она и прыгает, пытаясь вырвать кепку у него из рук.

— Нет уж, — говорит он. — Пока у себя оставлю. А ты у нас до конца игры будешь подавать другим мячом. О'кей?

— Ладно, — говорит она. — Хочешь, бля, вообще себе забери, если так понравилась. Мне без разницы, каким мячом подавать — все равно всем вам по страйк-ауту.

Старшие кидают ей другой мяч из коробки, которую мы принесли с собой.

— Йоу, Стивен, — окликает его Бойль, — ты готов посмотреть, как я запущу мячом через забор?

— С самого обеда жду не дождусь, — говорит ему Стивен. — Разбуди меня, если, не дай бог, и впрямь такое случится.

В ответ Бойль смеется и готовится принять по-

дачу. Грейс подает свой первый честный мяч за всю игру. Он отбивает его, как пушинку. Стивен сначала немного медлит, затем резко срывается с места и бежит вслед за мячом. Подпрыгивает и в прыжке ловит его у самой верхушки забора. Мы кричим в восторге. Стивен танцует жигу. Бойль окончательно выходит из себя и в сердцах мечет свою биту через все поле, словно дротик. *Блядство,* — вопит он в ярости. *Нет, ты только погляди, что за блядство такое? Только не засрите мне подборы, вы, жирные ублюдки, мне нужен еще удар,* — гремит он, обращаясь к своим товарищам по команде. Один из них приносит ему биту. Каким-то образом им все же удается выровнять счет после четырех безответных синглов. Арчи выезжает на площадку для подающего. Грейс швыряет в него бычком. Бойль возвращается на позицию, чтобы испробовать свой второй шанс, разминаясь, поводит плечами и поднимает глаза к небу.

— Господь всемогущий, — начинает молиться он. — Кто я такой, чтобы просить тебя о многом. Знаю, ты знаешь, что я лентяй и много пью. И встаю поздно. И, блядь, ничего-то я в своей взрослой жизни не смог добиться. Запорол пять помолвок и полжизни провел в вытрезвителях.

Если ты всего этого не одобряешь, то давай поговорим на эту тему позже. Ты же знаешь, что я не хуже любого другого могу запустить теннисный мяч, Господи. Ты же видел сам, как в детстве я тыщу раз перебрасывал его через забор. А вот у этого придурка здесь уж не знаю, как язык только поворачивается говорить мне, что я ни за что в жизни так не смог бы. Нет, ну надо же, что несет! Так вот, я молю тебя всего об одном последнем хоумране, после которого, клянусь, я запихаю свою биту этому уроду в задницу и никогда больше не стану играть в стикбол вплоть до самой смерти. Надеюсь, ты все усек, Господи?

Закончив молитву, он опускает руки.

— Подавай, — одними губами командует он Грейс.

Она подает. Он отбивает. Мяч отлетает от биты. Чисто перелетает через забор, затем и через Ав тоже. И со скоростью ракеты несется по направлению к церкви, к огромному круглому мозаичному стеклу над входом. Дзинь. Вот это, бля, хоумран. Окно разбилось. Вот это, бля, мы попали. Мы замираем и только переглядываемся. Первый звук, который следует за звоном разбитого стекла, — это звук биты, падающей на асфальт. И тут же кто-то кричит *Бежим.* Пожалуй,

я предпочту дернуть к дому, чтобы переодеться. Остальные придурки уже что есть духу несутся к Манджоли. На бегу я успеваю один раз обернуться. Грейс возглавляет их группу. Парни бегом толкают перед собой инвалидное кресло с Арчи, заставляя толпу на тротуаре испуганно расступаться. Разъяренные водители, вынужденные сдавать назад, провожают бегущих истошными сигналами, но даже они не в силах заглушить Бобби Джеймса, который на всю улицу отчаянно визжит «Богородицу». Я исчезаю среди улиц с типовыми домами, перехожу на кошачью трусцу и спокойно принимаюсь расчесывать волосы, стараясь не встречаться ни с кем взглядом, но также ни от кого и не прятаться. Не обращайте на меня внимания. Я простой городской церковный служка, спешу домой, чтобы переодеться в костюм, чтоб потом спеть в нем песенку, разве я похож на вандала, который только что разбил в церкви окно и теперь спешит скрыться с места преступления, дабы остаться безнаказанным?

Гарри Карран меряет шагами пятачок перед входом в «У Манджоли» и, в нервном ожидании чего-то, поминутно смотрит на часы. К нему подхожу я в кипенно белом костюме и таких же туфлях. Увидев меня, он расплывается в улыбке.

— Ты только посмотри, а, Тухи, — говорит он. — Здорово выглядишь.

— Спасибо, — говорю я. — И настроение здоровское.

— Нервничаешь?

— Вот еще, — улыбаюсь я. — Все будет хорошо и никак иначе. Все будет просто *здорово.*

С этими словами я хватаюсь за дверную ручку. Я готов зажигать. Но Карран меня останавливает.

— Подожди, — говорит он. — Я заплатил диджею двадцать баксов сверху, чтобы он всем объявил о твоем появлении.

— Что, правда? — смеюсь я.

— Правда, — гордо заявляет мне он. — Стой пока здесь. Я должен дать ему отмашку, что ты пришел.

Он приоткрывает дверь и проскальзывает внутрь, откуда доносится гомон и орет фоновая музыка. Дверь за ним закрывается, отгораживая все звуки, несущиеся изнутри банкетного зала. Музыка пропадает.

— Леди и джентльмены, прошу минуточку внимания, — слышится приглушенный голос диджея. — Если вы будете так любезны и ненадолго обратите ваше внимание на вход в зал «У Манджоли», то я смогу с радостью представить вам

человека, не нуждающегося в представлении, человека, которого привело сюда чувство огромной любви, человека с гениальной шевелюрой, человека, которого все мы очень хорошо знаем и любим, Генри Тухи!

Гарри распахивает передо мной дверь. В зале гаснут все огни, кроме светового пятна прожектора, в котором оказываемся мы с Гарри.

— Текст я сам написал, — шепчет мне он. — Давай, заходи.

Покатываясь со смеху и приветственно потрясая поднятыми руками, я вхожу в зал. Вокруг царит гробовая тишина, пока Гарри не начинает громко хлопать у меня за спиной. Народ подхватывает аплодисменты, и вскоре они становятся всеобщими. Уверен, никто понятия не имеет, что́ происходит, но уговаривать хлопать никого долго не приходится, потому что все здесь меня и впрямь знают да к тому же еще и порядком выпили, поэтому заранее готовы к любым сюрпризам. Ничего толком не соображая, я иду по направлению к танцполу, искоса глядя на луч прожектора, пока Гарри не хватает меня за руку и не оттаскивает к столу, за которым в полном составе уже сидят Карраны, О'Дрейны и Тухи, последние за исключением Стивена (он, конечно, тоже в зале,

но при исполнении) и Фрэнсиса Младшего (этот вообще не пойми куда делся). Аплодисменты стихают, и в зале снова зажигается свет. Все за столом выжидающе на меня смотрят.

— Отличный выход, Генри, — со смехом говорит мне Сесилия. — По какому такому случаю?

— А, это сегодня еще далеко не последний, детка, — сообщаю я ей. — Впереди длинный вечер. Добрый вечер, Грейс, — говорю я и целую ей руку.

В ответ она смеется и усиленно пытается зажечь сигарету. Я сажусь рядом с ней.

— Ну, девочки, что у вас новенького? — говорю я, обращаясь к Сес с Арчи, которые оба глядят на меня разинув рты.

— Ты прямо как тот парень на торте, — смеется Сес.

— Это точно, — отвечаю я. — Есть что добавить, Арчибальд?

— Я Арчи, осел, — презрительно фыркает он мне в ответ. — Весь в белом, что ли?

— Да, весь в белом. Какие-то проблемы?

— Нет, пока никаких, — говорит он, — вот когда подадут шоколадный десерт — тогда будут.

— Значит, буду есть осторожно. А вот тебе волноваться уже не о чем. Все, что можно было

испортить, ты себе уже испортил, — сообщаю ему я и провожу пальцем по четким колеям от колес инвалидного кресла у него на костюме. Крыть нечем, поэтому для дальнейшего обсуждения десерта Арчи отворачивается к Сес. Грейс выдувает пару колец сигаретного дыма и смотрит на меня, приподняв бровь.

— Хэнк, это что, тот самый костюм, который ты надевал на первое причастие? — спрашивает она.

— Дорогая, первое причастие у нас прошло еще в третьем классе, — замечаю я.

— Так это не тот костюм?

— Нет, милая, не тот.

— Значит, решил заняться продажей мороженого? — интересуется она. — Мне, пожалуйста, пару шариков эскимо.

— Тебе что — не нравится, как я одет? — спрашиваю я и уже начинаю всерьез беспокоиться. — Разве мне не идет?

— Я не сказала, что тебе не классно, — улыбается она.

— И хорошо, потому что иначе я бы сказал, что тебе не мешает купить очки, — говорю ей я. — С толстыми стеклами.

Мы глядим друг на друга и смеемся. Лампочки

под потолком сияют, будто звезды вблизи. Над залом несется легкая обеденная музыка — не поймешь, то ли Генри Манчини, то ли Рэймонд Скотт: в общем, кто-то из рафинированных. Народ в основном с улицы Святого Патрика — кое-кто из других кварталов, но таких немного. Болтают, смеются, в руках бокалы. Одеты элегантно. Кругом пахнет едой и шампанским, духами и туалетной водой. Улыбки сверкают так же ярко, как браслеты и ожерелья. Да, лучше дня, чем сегодня, не придумаешь. *Генри, я хочу пить. Эй, осел, ты меня слышишь, я пить хочу. Щелк, щелк, щелк. Земля вызывает Тухи.*

— Что? — спрашиваю я.

Грейс щелкает пальцами у меня перед носом и говорит:

— Твоя сестра просит, чтобы ты налил ей попить, Хэнк.

— Которая сестра? — Я в недоумении.

— Которая Сес. Я у тебя, вообще-то, единственная.

— Постой, а Фрэнни — он мальчик или девочка? — в шутку спрашиваю я.

Сес смеется:

— Какой ты злой, Генри Тухи. Налей мне какао.

— Вряд ли у них найдется, — говорю я. — Может, хочешь чего-нибудь другого?

— Тогда какао, — улыбается она, показывая мне язык через дырку между зубами.

— О'кей, значит, колу, — заключаю я. — Народ, я иду к бару. Кому-нибудь чего-нибудь принести?

Обновить содержимое бокалов хочется всем, поэтому мы отправляемся к бару вдвоем с Гарри. Бар — на самом деле не бар, а простой чулан, где какой-то паренек смешивает для всех коктейли и краем глаза наблюдает, как переполняется коробка с чаевыми. Мы встаем в очередь. Перед нами четверо ребят постарше. Слева у стойки стоит, пошатываясь, отец Альминде на пару с Джонни Бойлем и тычет ему пальцем в грудь.

— Какие-то подлые ублюдки только что мячом разбили мне стекло в церкви, — говорит он.

— Во, бля, пидоры, — говорит Бойль. — Прошу прощения за «пидоров», святой отец.

— Нет, бля, пидоры они и в Африке пидоры. Поймаю сучат — всем яйца на хер поотрываю.

— Так и надо с ними. Всем яйца поотрывать, — говорит Бойль и в эту минуту замечает нас с Гарри. — Тут дело такое, святой отец, никогда нельзя сказать наверняка: вполне возможно, что злоумышленники преспокойно разгуливают

сейчас здесь, в этом самом зале.

— Да уж, вот была бы удача, — говорит святой отец и оглядывается по сторонам. — Нет, кругом ни одного подозреваемого. Вон только разве что Карран с Тухи, так ведь они у нас пай-мальчики.

Оба смеются. Святой отец через рясу чешет себе яйца.

У стойки справа Фрэнсис Младший общается с Берни Куни. Оба в соплю.

— Послушай, Фрэн, мне правда жаль, что я поспешил с выводами, — говорит мистер Куни. — Но сам посуди. Сижу я в церкви. Твоя мечет искры на мою. Моя смотрит то на нее, то на тебя. Сын вас со Стивеном терпеть не может. И тут вдруг мне показалось, что у меня за спиной между вами творится эта фигня, а вы все мне просто голову морочите. Я ведь не выношу свою жену. Я эту суку на дух не переваривaю. Хочет крутить с кем-то — пожалуйста, мне-то что? С другой стороны, не могу же я позволить, чтобы кто-нибудь вот так просто, от нечего делать, заходил ко мне в дом и трахал мою жену, понимаешь, о чем я? В общем, я хотел показать, что не на того ты напал.

— Да всё, забыли уже, — бросает ему Фрэнсис Младший, ерзая на стуле и глядя прямо перед собой.

— Так ты не знаешь, чего там наши с тобой парни не поделили? — спрашивает мистер Куни.

— Понятия не имею, — отвечает Фрэнсис Младший. — Мой со мной вообще не разговаривает.

— Понимаю тебя. Сам терпеть не могу подростков. Если кого с катушек срывает — тут только один разговор может быть: по морде — и дело с концом.

— Как-как ты сказал? — переспрашивает Фрэнсис Младший.

— Я говорю, надо ему врезать хорошенько, и все, — говорит мистер Куни. — Вот, например, как я своему сегодня. Сейчас небось сидит дома и ревет в три ручья, зато впредь будет знать.

— Слушай, мне пора к своим за стол, — говорит ему Фрэнсис Младший, порядком подустав от этого разговора, а может, и от себя самого, ведь у них с Берни столько всего общего.

— Да, конечно. В самом деле, чего это я тебя задерживаю. Еще раз извини.

Куни протягивает ему руку, Фрэнсис Младший секунду медлит, потом все-таки отвечает на пожатие, но при этом только скользит по его лицу коротким, беглым взглядом. Затем он разворачивается и, не замечая меня, отходит от бара. Куни наблюдает, как Фрэнсис Младший по пути чуть

не сталкивается с миссис Куни — оба не обмениваются ни словом, — опускает глаза в стакан, встряхивает кубики льда на дне и заказывает себе еще выпить. *Генри. Генри. Йоу.*

— Что? — спрашиваю я.

— Смотри, — говорит Гарри и показывает мне на Бобби Джеймса и Марджи, которые стоят и целуются, прижавшись к стене, на глазах у целого стола обалдевших взрослых. К Джеймси подходит его лилипутских размеров бабушка, отвешивает подзатыльник ему и Марджи и принимается, размахивая пальцем в воздухе, кричать на них. Бобби Джеймс незамедлительно лезет к себе в карман за дымным шариком, *пуф* — шарик взрывается под ногами у бабушки. Бобби Джеймс хватает Марджи за руку и бегом тащит ее мимо закашлявшейся от дыма бабули Джеймс. Прорываясь к бару, он взрывает еще три дымных шарика, что позволяет ему успешно увернуться от пьяного одноногого дядюшки, мимоходом ущипнуть за щеку желтозубую двоюродную бабушку и стоящего рядом с ней уголовного вида троюродного брата (последний занят тем, что делает какие-то пометки в букмекерской книге на странице с таблицей забегов пони). Наконец они с Марджи протискиваются к нам.

— Как вы считаете, святой отец, мог он разбить окно? — спрашивает Бойль, указывая на Бобби Джеймса.

— Кто, Бобби Джеймс? — переспрашивает святой отец. — Кстати, не исключено, он еще тот говнюшонок. Давай, что ли, притащим его сюда и будем по очереди пинать по заднице. От чьего пинка он первым заплачет — тот и выиграл.

Бобби Джеймс только было полез в карман за новым шариком, как вдруг видит смеющихся над ним Бойля и святого отца.

— Патроны почти кончились, — говорит он. — Генри, возьми мне бутылку «Будвайзера».

К бару подходит миссис Джеймс.

— Бобби, вот ты где, — говорит она. — Пойдем, нужно еще сфотографироваться. И ты, Марджи, тоже пойдем, если хочешь. Только безо всяких поцелуев. *Пожалуйста*, больше никаких поцелуев.

Пуф! Пшшш! Еще одно отступление под прикрытием дымовой завесы. Миссис Джеймс вопрошает, ни к кому конкретно не обращаясь, какого черта они опять куда-то делись. Пока я заказываю нам напитки, Гарри пихает пятерку в коробку для чаевых.

— Грейс сегодня выглядит просто здорово, Генри, — говорит он.

— Ты тоже так думаешь? — отвечаю я.

— Я бы и сам не прочь на такой жениться.

— Ты давай полегче на поворотах, приятель, — в шутку предостерегаю его я. — Спасибо. Как же мне все-таки с ней повезло.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

— Что ты имеешь в виду? Почему сегодня все меня об этом спрашивают?

— Да просто вид у тебя какой-то потерянный.

— Все нормально, — говорю ему я. — Что у нас там насчет группы и катафалка?

— Всё зашибись. Все готовы.

— Чудненько.

Уже в тысячный раз за сегодняшний вечер я шарю по карманам, проверяя две очень важные вещи: 1) кольцо и 2) электрический вибромассажер Сесилии в форме банана. Всё на месте. Массажер нужен на тот случай, если мне вдруг не хватит духу петь в настоящий микрофон. Такое иногда случается. Тогда придется петь в него под фанеру, как в микрофон, а диджей просто поставит пластинку с песней. Почти как дома. Смысл в том, чтобы не выглядеть идиотом перед публикой, даже если я буду фальшивить.

— Гарри, большое спасибо тебе за все, — говорю я ему. — За деньги в особенности.

— Даже не думай, — говорит он. — Ты же мне друг.

— Нет, бля, это ты мне друг, — отвечаю я, ткнув пальцем ему в грудь.

— Да, наверное, так и есть, — говорит он. Пока мы с Гарри смеемся и обнимаемся, возле нас, откуда ни возьмись, вырастает Бобби Джеймс, обзывает нас юбками и снова куда-то исчезает. — Только, Генри, ты уж постарайся всех впечатлить. Всю свою душу вложи.

— Так и сделаю, ты же знаешь.

Все родители, не считая О'Дрейнов, которые ерзают и беспокойно озираются по сторонам, и Фрэнни, который не женат, весело балабонят на тему любви и обеда. Миссис Карран — у нее скучный второй номер — рассказывает, как мистер Карран (сейчас он уже давно ходит с нашлепкой на кумполе) нарезал по меньшей мере кругов двадцать вокруг их дома, спасаясь от ее разъяренного отца в тот день, когда сделал ей предложение. Ширли Макклейн задается риторическими вопросами: *Сколько лет Джинни и Эйсу — двадцать один, двадцать два? Разве не странно, до чего долго тянут с женитьбой нынешние дети?* Я громко хохочу, чем ненадолго привлекаю к себе всеобщее внимание. А Сесилия

говорит: *Мы все выскочили в девятнадцать попросту потому, что залетели в девятнадцать.* По ее мнению, виноваты во всем монашки, которые неусыпно дежурили в аптеках у прилавков с контрацептивами. Фрэнсис Младший замечает на это, что *Дело тут не в монашках, девчонки сами к мужикам в штаны лезли.* Все за столом смеются, Сесилия наклоняется к Грейс, чтобы прикурить у нее от сигареты. Приятно видеть, когда родители сидят вот так, в нарядной одежде, весело общаются, травят байки и смеются.

Во главе стола отец Альминде с трудом продирается через молитву и обещает оторвать яйца тем, кто разбил окно в церкви. Свидетель невнятно мусолит длинный тост и завершает его громким выкриком *Иглз.* Мод Джеймс вырывает у него микрофон и говорит, обращаясь к Джинни, что она ее очень любит, а все мужики козлы, кроме ее отца и новоиспеченного зятя. Эйс и Джинни целуются каждый раз, как кто-нибудь за столом постучит по стенке стакана. Марджи Мерфи сидит на коленях у Бобби Джеймса: они кормят друг дружку с вилки.

Джинни и Эйс танцуют вдвоем под «Sunshine on My Shoulder». Они крепко прижались друг к другу и плавно кружатся в танце, не обращая

внимания на толпу народу, который смотрит на них со всех сторон, улыбается, тычет пальцами, подбегает к ним с фотоаппаратами и каждые две секунды ослепляет вспышками. Постепенно к ним присоединяется вся свита. Бобби Джеймс сосется с Марджи Мерфи. Миссис Джеймс сначала дважды велит им прекратить, затем попросту оттаскивает Бобби Джеймса за руку.

Теперь Эйс танцует со своей мамашей под «We've Only Just Begun». Мамаша носит подплечники, у нее сиськи нулевого размера, вставная челюсть и лицо настолько вытянутое, что кажется, будто кончик подбородка отстоит от некачественной химзавивки не меньше чем на фут. В какой-то момент она случайно зацепляется вставной челюстью за лацкан его пиджака, с невозмутимым видом запихивает ее обратно в рот и продолжает танцевать, будто ничего не случилось. Вот это, бля, я понимаю, профи.

Мистер Джеймс танцует с Джинни под старую кантри-песенку (название вылетело у меня из головы). С люстр на пол плавно падает искрящийся дождь и блестящим ковром остается лежать у ног танцующих. Музыка замолкает: из колонок доносится один лишь звук бьющегося сердца. Джинни с отцом продолжают танцевать в этом

ритме. Мистер О'Дрейн плачет за столом. Миссис О'Дрейн делает вид, что ничего не происходит, достает из сумочки пудреницу с зеркальцем и принимается исследовать свое лицо на предмет наличия на нем толстенного слоя румян, которыми она всегда штукатурится, чтобы скрыть шрамы. Грейс курит и пытается нацепить соответствующую сурово-невозмутимую мину. Из раненых сердец наружу торчат почти видимые стрелы. Сесилия жжет взглядом дырку на лице у Фрэнсиса Младшего, но тот все равно ее игнорирует. Он блуждает глазами по залу, раз его взгляд ненадолго задерживается на Донне Куни, сидящей за другим столом, а затем на Стивене, который тут же поворачивается к нему спиной и исчезает на кухне. На секунду меня разом охреначивает тоской по башке и по сердцу от всего, что я вижу. Люди застревают в дрянном, Богом забытом месте, постепенно перестают бороться и в конечном итоге смиряются с тем, чего уже не в силах изменить. Они хоронят весь свет своей любви под грудой упущенных шансов, потерянного времени и тупого упрямства и не замечают, как понемногу утекает сквозь пальцы вся их жизнь. Но так дальше продолжаться не будет. Не будет так ни со мной, ни с теми, кого я люблю. Все

это дерьмо прекратится сегодня раз и навсегда. Сегодня я хочу показать, хочу показать им всем: нужно говорить людям, которых любишь, что ты их любишь здесь и сейчас. И нельзя, бля, медлить ни секунды. И если они не поймут этого сегодня, то я обрушу тысячи геморроев на их рыхлые задницы. Вот он я, уже замер в нижней боевой стойке, готовый использовать всю мощь Косого Рубящего Удара Тухи против невежд и упрямцев.

Сели, встали. Танцевать несложно — главное, чтобы песня была хорошая. Поэтому под плохие мы не танцуем — все очень просто. Ради более эффективной борьбы с плохими песнями мы перетащили стулья поближе к танцполу, чтобы было где посидеть и остыть, пока играют что-нибудь стрёмное, а потом быстро вскочить и снова начать отрываться под настоящую музыку. В данный момент диджей гоняет «Нокеу Рокеу». Плохая песня, *очень плохая.* Так что можно спокойно сидеть и смотреть, как взрослые трясут жирными задницами: жирная задница вперед — жирная задница назад — жирная задница вперед — поворот — и все сначала. Следом ставят «Thriller» Майкла Джексона, и мы вскакиваем танцевать. «The Bristol Stomp» Довеллз снова усаживает нас на место. Потом «This Old Heart of

Mine» Изли Бразерз — мы опять вскакиваем. «Rock This Town» Стрэй Кэтс — со стоном сели. «YMCA» Виллидж Пипл — встали. «Macho Man», те же самые Виллидж Пипл — сели. «Tears of a Clown» Смоуки Робинсон вместе с Мираклз — встали.

Арчи с Сес танцуют брэйкданс. Они держатся за руки на отлете друг от друга, изображая волны. Затем она раскручивает его в кресле, а он тем временем делает механические движения руками и шеей, изображая робота. Гарри Карран демонстрирует нечто среднее между танцем и аэробикой: два касания ступней вытянутыми пальцами рук, одно круговое вращение тазобедренным поясом или просто жопой, два каратистских удара ногой, два вращения жопой, теперь два раза «марионетка» и три заключительных жоповращения; и дальше все по новой в том же порядке, причем все это не снимая болтающихся под брюками грузиков на лодыжках. В своих запотевших от духоты очках Гарри Карран — вылитый Джеймс Браун, только белый, очкастый, стригущий газоны и ссуживающий деньги, или, еще лучше, Ричард Симмонс без завивки — это уж, бля, как вам больше нравится. Бобби Джеймс с Марджи Мерфи танцуют танец под названием «Поцелуй меня взасос». Никогда

не слышали о таком? Про них лучше вообще забыть; не удивлюсь, если она уже беременна. Мы с Грейс танцуем хоть и рядом, но не вместе, оставляя друг другу достаточно места, чтобы повыделываться. Грейс, которая ходит на балетные танцы в «Танцуй или умри», дала полную волю своему звериному инстинкту балерины, и теперь ее не может остановить даже диско. Она крутится юлой, снося окружающих, и ясно дает всем понять, что она здесь единственный грациозный лебедь, и если кто будет мешать ее танцу, того она сразу покалечит, так что все быстро от винта.

Что касается меня, то я волен творить на танцполе все, что душе угодно. Никакой официальной школы танца я не посещал. Учился танцевать на улицах. Мой стиль — комбинация из «Вестсайдской истории», «Лихорадки субботним вечером», «лунной походки» Майкла Джексона и Филли Фанатик. Также я заимствую некоторые движения из идущих по государственным каналам шоу этнических танцев. Двигать задницей — это все равно что удить рыбу на муху: заброс — подсечка — заброс — подсечка. Пам, пам, пам. Вот так, смотрите, девчонки. Парни, разойдись. Крути ею во все стороны, как последний кобель. Можно, как русские, пуститься вприсядку, или

отчебучивать эфиопские буги-вуги, или топтаться, как Флинстоуны[43]. Бля, да все что угодно, лишь бы пёрло.

Взрослые в этом ничегошеньки не смыслят. У них плохо с координацией и их больше волнует, как бы не расплескать бухло из стакана. Они танцуют с кем угодно, только не со своими женами или мужьями. Две девчонки лет по двадцать зажали между собой мистера Каррана: он неумело дергается в танце с дурацкой ухмылкой на лице. Миссис Карран зажата между двух парней примерно того же возраста и тупо тычется своими сиськами (номер два, не больше) им в лицо. Фрэнсис Младший достаточно сообразителен, чтобы держаться подальше от Донны Куни, но в то же время достаточно глуп, чтобы зажигать с миссис Лири с ее маленькими отвисшими сиськами — ужас, бля, в двойном размере. Она то и дело задирает юбку и с улыбкой все норовит к нему прижаться. Сесилия очень откровенно отплясывает с Джонни О'Доннелом, который ровесник Стивену. Господи. Как танцуют взрослые на свадьбах — просто смотреть противно. Все пьяные, неуклюжие и вешаются на тех, на кого вешаться

[43] Примечания: 43

Персонажи одноименного американского мультфильма про древних людей.

не стоит. В движениях не видно ни радости, ни любви. Они только потеют, плещут бухлом из стаканов и рюмок и неестественно улыбаются. То и дело нужно поглядывать на вторую половину, которая хрен знает с кем хрен знает чем занимается. Это настоящее соревнование. В стороне от всей этой фигни остаются лишь Фрэнни да Ширли Макклейн, которые сидят себе спокойно за столом, улыбаются и качают головой при виде того, что творит перед ними куча уродов на танцполе. Мы, дети, конечно, не в счет, потому что у нас-то все как надо. Нам по фигу взрослые с их детсадовскими играми. Мы отрываемся ради удовольствия и делаем это рядом с теми, кого по-настоящему любим. Мы, бля, отрываемся так, как хотим, и не чувствуем себя от этого глупо. Мы хохочем и показываем друг на друга пальцами. Все, что нам нужно, — это веселая компания и чтобы диджей почаще ставил «Glad All Over» группы Дэйв Кларк Файв. Со мной рядом мои лучшие друзья, и мы смеемся и орем во всю глотку *Я счастлив с ног до головы,* и жизнь прекрасна.

Спасения нет, мой член сейчас взорвется. Мы с Грейс танцуем медляк под «Always and Forever», ее руки лежат у меня на заднице (бля, богом клянусь). Мы тремся друг об дружку, и пот катится с

меня так, будто я приподнимаю за бампер машину, чтобы спасти из-под нее котенка. Этот член меня просто убивает. Такое ощущение, что у меня в трусах полено. Господи. Не дай бог сейчас опять бухнусь в обморок. Впору покупать себе шлем и трусы из пробки. Чтобы отвлечься от мыслей о члене, я бегло оглядываю весь танцпол.

В паре футов от меня танцуют Сес с Арчи: Арчи медленно крутится на кресле, а Сес сидит у него на коленях и что-то ему поет. Бобби Джеймс и Марджи Мерфи сосутся, как две обезьяны, и при этом даже не делают вид, что танцуют. Фрэнни учтиво танцует с миссис Макклейн. Локти официально подняты до уровня плеч, тела не соприкасаются. Точно так же танцует и Гарри Карран со своей мамой, в то время как мистер Карран уже в доску пьяный лежит головой на столе после трех «Шипучих пупков» подряд, что ровно на три «Шипучих пупка» превышает его обычную норму. Фрэнсис Младший, который тоже, судя по всему, выпил уже немало, стоит с бутылкой пива в руках и что-то быстро и сердито говорит. На лбу налипшие пряди волос. Он смотрит в дальний угол зала, где Стивен тянет пиво в компании парней постарше. Фрэнсис Младший бросает какую-то невнятную фразу Сесилии, и

она, то ли со злостью, то ли с тревогой, а может, и со всем вместе, что-то ему отвечает. Еще пятнадцатью футами дальше сидят Куни за столом у самой танцплощадки. Берни Куни смотрит пьяным взглядом в пространство, Донна Куни строит Фрэнсису Младшему глазки каждый раз, как тот повернется к ней лицом. *Йоу, Хэнк Тухи, ты, бля, здесь, со мной вообще или как?*

— А, что? — переспрашиваю я.

— У тебя такой вид, будто ты танцуешь не со мной, а с кем-то другим, — говорит Грейс.

— Да не, все в порядке, — говорю я.

— Это хорошо, потому что мне уже совсем начало казаться, что ты снова принялся *думать*, — говорит она мне.

— Даже если — и что такого? — спрашиваю я.

— А такого, — говорит она, — что постоянно думать вредно. От этого начинаешь зависать. Вот поэтому я и не мыслитель. Пусть лучше за меня думают такие лузеры, как ты.

— Как бы не так. От чего-то же тебе все-таки стало грустно, когда невеста танцевала с отцом, разве нет?

— Да, потому что мой папа погиб, — отрывисто, но не зло говорит она. — Вы очень наблюдательны, Эйнштейн.

— Мы с твоей мамой сегодня о нем говорили, — сообщаю ей я.

— Да ну? — спрашивает она с удивлением. — И что она тебе про него рассказала?

— Что он был храбрым и любил пошутить. И что он был не отец, а чистое золото.

— Это правда, — говорит она серьезно и грустно, но тут же снова улыбается. — Таким он на самом деле и был. Когда мне было плохо, он всегда находил способ меня развеселить. Ты тоже так умеешь. Я это вижу. И благодаря тебе любовь кажется более настоящей, чем она есть на самом деле.

— Подожди, ты о чем? — перебиваю я ее. — Любовь, она ведь и есть настоящая. Какие тут могут быть сомнения?

— Ладно, — говорит Грейс, — настоящая так настоящая, но она всегда быстро проходит, и даже если нет, то все равно очень сильно ранит. Твои родители несчастливы вместе. Моя мама несчастна, потому что нет папы. И, готова поспорить, что если бы умер твой папа, а мой был бы жив, то твоя мама грустила бы точно так же, как сейчас грустит моя, а мои бы, бля, устраивали в доме точно такие же драки — сечешь, о чем я? А посмотри на О'Дрейнов. У них вообще в семье полный пиздец.

А как насчет Стивена с твоим отцом? Как это все понимать? Планета ненормальных. И любовь на ней такая же ненормальная. Нет ничего постоянного, особенно если дело касается любви.

— Ты не имеешь права так говорить. — Мне почти больно.

— Ни хрена. Можешь доказать обратное?

— Могу и докажу.

— Слушай, давай-ка поменьше слов, — говорит Грейс. — Лучше прижми меня к себе покрепче.

И мы еще крепче сжимаем объятья. Теперь я губами почти касаюсь ее уха. Я начинаю всерьез опасаться, может, у меня, бля, и в самом деле лихорадка. Музыка звучит где-то очень далеко, как эхо под водой. Мимо мелькают неясные силуэты. Вот черт. Мой член перестал болеть. Теперь ему стало хорошо. Боже, как хорошо. Я спускаю руку Грейс на задницу. Посрать, если кто увидит. Шишки будем получать завтра. Мне хочется поцеловать ее прямо здесь. Что-то растет внутри меня. Чувствую, как оно поднимается от ступней вверх по ногам, вот уже пошло от коленей по бедрам, бедра начинают трястись. Вау. Дрожь поднимается все выше, выше. Грейс мягко и влажно целует меня в ухо. На помощь, дрожь проникает ко мне в трусы. Что за херня? О

черт, теперь понял. Одним движением я вырываюсь из объятий Грейс и, сшибая стулья на ходу, сломя голову несусь в туалет. Залетаю в кабинку и мигом спускаю штаны. ПРИВЕТ, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, О, МАМОЧКИ, ТОРЖЕСТВЕННО КЛЯНУСЬ В ВЕРНОСТИ ФЛАГУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА, ГОРНИЕ ВЕРШИНЫ ВТОРЯТ ЗВУКАМ ГИМНА. Черт возьми. Настоящий мужской фейерверк. Вау, от это было да. Я чувствую себя на миллион долларов. Я, бля, петь готов, вот только сначала помоюсь. Так и знал, что белый костюм выручит.

Пятнадцать минут до моего выхода — а я спокоен как слон. С тем же успехом, что и петь для Грейс, я бы мог сейчас продавать цветы в аэропорту в дьюти-фри. Я стою в туалете перед зеркалом один и сияю, как начищенный медный таз. Еще бы, после такого счастливого происшествия. Я ухитрился не запачкать свой белый костюм, если не считать одного небольшого пятна, но его совсем не заметно. Заходит пьяный Фрэнни, говорит мне *Йоу* и проходит в кабинку, чтобы облегчиться. Сразу за ним заходит Стивен.

— Как дела, Генри? — спрашивает он аналогично пьяным голосом.

— Отлично, — говорю я, причесываясь перед

зеркалом. — А у тебя?

— Тоже ничего.

— Йоу, Стивен, — доносится голос Фрэнни из кабинки.

— Фрэнни, ты, что ли?

— Да.

— Что — гадишь или просто решил поменять прокладку?

Фрэнни смеется.

— И то и другое, я же профессионал. Слушай, не принесешь мне еще выпить?

— Ничем не могу помочь, — отвечает ему Стивен. — Я больше не работаю на Жирного Мэтта.

— Что? — переспрашивает Фрэнни.

— Меня уволили, — поясняет Стивен.

— Почему?

— За пьянство. А все из-за этой *гребаной свадьбы,* — сетует Стивен.

— О господи, — говорит Фрэнни. — Папа ведь еще ничего не знает, так?

— Да, я прямо так сразу к нему подошел и выложил все как есть. Конечно нет.

— А вдруг Мэтт сам ему скажет? — спрашивает Фрэнни.

— Не скажет, — говорит Стивен. — Он уволил меня по тихой и велел оставаться на свадьбе.

— Давно дело было? — спрашивает Фрэнни, выходя из кабинки весь красный и направляясь к раковине.

— Пару минут назад, — говорит Стивен. — После того, как я помог разгрузиться какой-то там группе.

— Они уже здесь? — спрашиваю я и с этими словами распахиваю дверь и выглядываю из кабинки.

— Генри, они что, как-то связаны с тобой, что ли? — спрашивает у меня Стивен.

— Охренительно прямо, — с улыбкой отвечаю я и поправляю ему галстук на шее.

— Каким образом?

— Они будут мне играть, а я — петь «Далеко за синим морем». А потом я подарю Грейс вот это кольцо и сделаю ей предложение.

И я протягиваю Стивену раскрытую коробочку с кольцом. Он смотрит на него, разинув рот и широко раскрыв глаза. Дыхание у меня перехватывает, и я замираю в напряжении. Подбородок у Стивена начинает трястись, он силится что-то сказать, но не находит слов, и по его щеке скатывается слеза. Он похож сейчас на рыбу, которая ест рыбий корм в аквариуме. Он переводит взгляд на Фрэнни, который, я уверен, понимает все, что

я делаю и зачем это делаю. Еще мгновение — и у меня, бля, случится сердечный приступ, но тут Стивен улыбается и одновременно начинает плакать еще сильнее. Он пытается сесть на корзину с мусором, но в итоге чуть не падает, когда она из-под него вылетает. И Фрэнни тоже плачет. Не плачу только я один, потому что, во-первых, я не девчонка, а во-вторых, я всю эту байду не для того затеял, чтобы всем стало еще хуже, чем было.

— Ребята, я что, правда так сильно вас расстроил? — встревоженно спрашиваю я у братьев.

В ответ Стивен крепко обнимает меня дрожащими руками. За ним следом Фрэнни делает то же самое. Теперь, когда меня обнимают оба моих старших брата, я понимаю, почему они плачут. Наконец мы расцепляем объятья. Стивен с Фрэнни утирают глаза, им удается взять себя в руки.

— Генри, но ты ведь и петь-то толком не умеешь, — говорит мне Стивен.

— Еще как умею, — уверяю его я.

— Нет, совсем не умеешь, — говорит он.

— На крайний случай у меня есть запасной план, — говорю я.

— Запасной план? И какой же?

— Буду петь под фанеру в мамин вибромассажер, — поясняю я. — Тут есть еще один плюс:

поскольку он без шнура, значит не будет связывать движения во время танца.

— Танца? — переспрашивает Стивен. — Подожди, мамин *кто?*

— Вибромассажер, — повторяю я и вынимаю его из кармана.

У Стивена с Фрэнни глаза лезут на лоб. Стивен говорит: *Ну-ка быстро отдал сюда, ты, блядь, дебил,* а Фрэнни говорит просто: *О господи.* Они вдвоем одновременно выхватывают вибромассажер у меня из рук. Тот начинает жужжать, а они все тянут его каждый в свою сторону и никак не выпустят. Тут в туалет заходит святой отец Альминде, на секунду замирает, в изумлении глядя на моих братьев и их жужжащего дружка, затем медленно пятится назад к выходу. Стивен вырывает у Фрэнни массажер и со смехом швыряет в мусорную корзину.

— Уж лучше так, чем если меня застукают, когда я буду класть его на место, — говорит он. — Мне нужно еще выпить. Похоже, Генри, придется тебе петь вживую. А теперь иди и завоюй ее сердце, приятель.

И он снова обнимает меня, затем выходит из туалета, оставляя нас с Фрэнни вдвоем. Пять секунд спустя в дверь заваливается пьяный в

говно Фрэнсис Младший, бормочет *Йоу*, видимо, обращаясь к нам, и топает к писсуару.

— Генри, ты сегодня много общался со Стивеном? — спрашивает он.

— Нет, — отвечаю я.

— А ты не заметил — он что-нибудь пил?

— Нет.

— Готов поклясться, что минуту назад видел, как он пьет. Очень важно, чтобы ты сейчас сказал мне правду.

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться, и ничего больше не говорю.

Фрэнсис Младший краснеет, застегивается и подходит к раковине. Он смотрит на меня в зеркало и начинает нести что-то вроде: *Понимаешь, мне нужно знать, не собирается ли Стивен выкинуть что-то такое, что может его опозорить и опозорить всю нашу семью. Мы с тобой должны быть друг с другом откровенны. Это все на благо семьи. Вообще-то я не такой уж и плохой. Что, один раз сделаешь чего-нибудь из эгоизма — и уже плохой, так, что ли, получается? Да чушь это все. Любой мужик на моем месте поступил бы так же. Ей нужен эгоист — хорошо, получит эгоиста. Все хотят, чтобы я отстал от Стивена, — да пожалуйста. Тогда пошел он нахер. Я умываю*

руки. Бла, бла, бла, блядь, бла, бла, бла.

Пока он себе треплется и плюется в раковину, я придаю последние штрихи своей прическе и улыбаюсь зеркалу широкой и открытой улыбкой, точно так, как буду сейчас улыбаться со сцены Грейс, Тухи, вообще всем, кто там сидит. Во мне нет ничего, кроме любви. Поток всей этой хрени, которую он несет, иссякает минут через пять, ну максимум десять. Я улыбаюсь папе еще шире прежнего.

— Фрэнсис Тухи Младший, — говорю я, — всего через пару минут ты почувствуешь себя намного лучше.

— Что? — спрашивает он в недоумении. — Какого хрена ты так лыбишься?

Я обнимаю его. Будучи в полной растерянности, он не препятствует мне, но тут же быстро отстраняется и спрашивает, не пьян ли я случайно. Когда в ответ я покатываюсь со смеху, он случайно задевает ногой и опрокидывает мусорную корзину. Со дна доносится жужжание вибромассажера. Фрэнсис Младший как собака замирает на месте, прислушиваясь и наклонив голову, а потом выходит, что-то бормоча себе под нос. Дверь за ним закрывается — и вот я снова один. Я бросаю на себя последний взгляд

в зеркало и остаюсь очень доволен увиденным. Глубоко вдохнув, поправляю лацканы пиджака и громко произношу слово любовь. Предоставляя вибромассажеру и дальше лежать и вибрировать на дне корзины, я выхожу из туалета, задерживаюсь у нашего стола, чтобы сказать Сесилии (к ее вящему смущению и удивлению), что я люблю ее и горжусь тем, что я ее сын, а затем с огнем в груди направляюсь прямиком на сцену.

16

Гарри знакомит меня с ребятами из оркестра.

— Генри, вот, познакомься: на трубе у нас Мертвец Фрэдди, — говорит Гарри, — в свое время он играл в одном ансамбле с бывшим отчимом двоюродного брата Майлза Дэвиса.

— Йоу, Генри, — приветствует меня Мертвец Фрэдди. — Обломись, Гар, ошибочка. Это был бывший отчим двоюродного брата Пистона ЛаФунке.

— А вот Скелет Малхолик, он у нас сегодня на кларнете. У него ангина, но он все равно пришел.

— Как деля, бля? — здоровается Скелет. — Генри, етить твою налево, не слушай его, у меня геморрой, Гар, а никакая не ангина. А у вас часом подушечки под сиденье подложить не найдется?

— А это Пит Плисотрус, — продолжает знакомить меня Гарри. — Чувак так же хорошо гладит себе портки, как и играет на басу.

— Видал, как сидят на мне, Генри? — хвастается Пит. — Такими складками можно мясо разделывать.

Гарри знакомит меня с последним чуваком — Пятерней Фингерти, — после чего я поворачиваюсь спиной к толпе и дергаю плечами и ногами, стараясь их как можно больше расслабить. Незачем даже оглядываться — и так можно понять по гулу из-за спины, что народ пришел в волнение. Оно и понятно: диджей остановил пластинку, зажегся свет, на сцене настраивает инструменты маленький джазовый оркестр, здесь же, спиной к зрителям, разминается Тухи-младший, здесь же с видом заправского продюсера бегает туда-сюда Карран-младший и хлопает в ладоши, отдавая какие-то распоряжения. Определенно что-то намечается. Кроме шуток.

Гарри тащит к сцене алюминиевый стул для Грейс и ставит его в двух футах от диджейского пульта. Оркестр расположился справа у стены. Музыканты пробуют инструменты. Я, разминая шею, трусцой бегу на свое место на сцене. Гул в зале усиливается. Диджей тем временем включает микрофон — *щелк* — и протягивает его стоящему рядом с ним Гарри. Тот проверяет его, стуча по нему пальцем. *Тук-тук-тук. Раз, раз, раз, раз, два.* Я мысленно говорю себе: *Сосредоточься, просто не отпускай из сердца любовь — и Грейс будет твоей. Ты миллион раз репетировал все*

движения, ничего, бля, страшного нет. Зато твои родители перестанут драться и снова полюбят друг друга, как раньше. Присесть, два, три, четыре. Руки вперед. Колени согнул. Еще, два, три, четыре. Грейс любит, Стивен весел. Попой назад. Большая ферма. Деревья с шинами на веревках, чтоб кататься. Любовь и радость, никаких драк. Пчелы, деревья. Пошли руки, два, три, четыре. И назад, два, три, четыре. Вдох, выдох, вдох, выдох. Зелень. Трава. Благодать.

— Добрый вечер всем, — говорит Гарри, — как настроение? Как вы все прекрасно знаете, меня зовут Гарри Карран, и я стригу газоны по самой низкой цене. Помните, впереди осталась всего пара теплых недель. Так что торопитесь, и если вам необходима помощь специалиста по ландшафту, то, пожалуйста, стучитесь не задумываясь в дверь моего дома рядом со статуей святого Давида. Спасибо. Итак, сегодня мы приготовили специально для вас особое представление, так что усаживайтесь поудобнее и наслаждайтесь. Леди и джентльмены, для меня большая честь представить вам уже во второй раз за сегодняшний вечер единственного и неповторимого Генри Тухи.

Я срываюсь с места и подбегаю к своему другу Гарри Каррану. Улыбочка. Я беру микрофон у

него из рук, и мы с Гарри крепко обнимаемся. Затем он кладет мне руку на плечо и желает в левое ухо удачи. Зал встречает нас бурными и веселыми аплодисментами. Я ищу глазами Грейс и наконец вижу в толпе лиц ее улыбку; как раз в этот момент свет в зале начинает гаснуть, и мое сердце распускается, как цветок, под косым лучом прожектора.

— Как дела, ребята? — спрашиваю я. — Лично у меня — отлично. Есть кто-нибудь в зале, у кого нет?

Бурные возгласы и аплодисменты. Мои глаза успевают привыкнуть к свету. Я бегло смотрю на наш стол. Грейс смеется. Сесилия с Сес тоже смеются. Фрэнни смеется. Бобби Джеймс и Марджи Мерфи стоят и сосутся сзади. Стивен хлопает в ладоши. Фрэнсис Младший затаскивает Донну Куни в гардероб и захлопывает дверь. Бля, начну, пожалуй, с парочки шуток, посмотрим, может, это заставит его вернуться в зал.

— Есть тут кто-нибудь, кто читает Библию? — спрашиваю я у публики. — Очень интересная книжка, хочу вам сказать. Одни Откровения чего стоят, а? Единственное откровение, которое я оттуда для себя вынес, так это то, что Иоанн Богослов частенько баловался травкой. Семиглавые

чудовища, эпидемии, Страшный Суд? Мой суд, Иоанн, вот какой: завязывай с травкой и переходи на пиво. У семиглавого чудовища сразу станет на шесть голов меньше. Ну ладно, положим, на пять.

Смех. Аплодисменты.

— И еще, — продолжаю я, — к вопросу о Жирном Мэтте. — Смех в зале. — Кто-нибудь еще слышал о том, что никакой он на самом деле не итальянец? Я тут на днях попросил его сделать бутерброд по-итальянски, так он мне сказал…

Тут на сцену выбегает сам Жирный Мэтт и выхватывает у меня микрофон.

— Не заставляй меня вырубать микрофон из сети, братишка. Лучше пой свою песню — и дело с концом, — говорит он и возвращает мне микрофон, и взмахом руки приветствует аплодирующую толпу зрителей.

— Мэтт прав, — говорю я. — Сегодня я стою здесь перед вами, чтобы спеть песню для девушки, которую я люблю. И по такому случаю прошу эту девушку подняться сюда ко мне на сцену.

Сес бежит из зала на сцену и прыгает ко мне на руки. Микрофон стукается об мою голову — несильно, но через усилители звук получается громкий. Она вспрыгивает ко мне на спину и

принимается махать обеими руками в зал. Я спускаю ее с себя на стул.

— Конечно, я люблю тебя, Сес Тухи, — говорю ей я. — Но я имел в виду кое-кого другого. Другую девушку. Не догадываешься, о ком я?

— О маме? — спрашивает она в микрофон.

— Нет, не о маме.

— Тогда Фрэнни?

— Нет, и не Фрэнни тоже. Кто у нас тут выступает с шутками — ты или я? Ну, коль уж ты не можешь сама догадаться, тогда, так уж и быть, скажу. Грейс Макклейн, могу я попросить тебя выйти на сцену?

Грейс поднимается из-за стола. Она краснеет и вся в смущении дымит сигаретой.

— Ну же, Грейс, иди, — зову ее я. — Иди сюда, ко мне.

Публика хлопает ей. *Давай, Грейс* — слышится отовсюду. Аплодисменты нарастают. Когда они становятся совсем уж оглушительными, Грейс наконец улыбается и идет по направлению ко мне, к моей идеальной прическе, к моему белому костюму, к моим раскрытым объятьям и распахнутому сердцу. Она протягивает мне руку, чтобы я ей помог. Но сначала я эту руку целую.

— Что ты задумал, Хэнк Тухи? — спрашивает

она.

— Садись сюда и все увидишь, — отвечаю ей я.

Грейс садится, берет Сес к себе на колени и крепко ее обнимает. Обе они, девчонки, которых я люблю больше всего на свете, хихикают как ненормальные.

— Грейс Макклейн, — говорю я. — Я хочу, чтобы все здесь присутствующие сегодня узнали о том, как сильно я тебя люблю.

Лицо Грейс буквально горит под белым светом люстр от залившей его краски. Я никогда еще не видел таких больших зеленых глаз, но сейчас они, кажется, полны болью. На секунду я почти забываю обо всем, но снова встряхиваюсь, и настроение возвращается.

— О'кей, ребята. Песня Бобби Дэрина «Далеко за синим морем», — объявляю я. — Поехали, два, три, четыре.

Пошла музыка. Я хватаю Грейс за руку и запеваю первый куплет, текст вспоминаю по последнему слову в каждой строке: *воде, мне, стою, плыву.* Бум. Отлично. Я попадаю в ритм лучше, чем сам Бобби Дэрин. Теперь можно отпустить руку Грейс, поворот, и я иду к краю сцены, где веселятся и хлопают зрители. Тут еще раз поворачиваюсь, подмигиваю и показываю пальцем

на Грейс. Теперь плавно обратно к Грейс. Пошел второй куплет. Главное не перепутать, Тухи: *синева, глядя на меня.* Я прикладываю ладонь ко лбу ковшиком, как будто плыву на лодке по морю и высматриваю впереди землю. Дайте хоть дух перевести; тебе Хабиб с Сашей ставили этот танец — давай, валяй, попробуй только подведи их. Следующая строчка, бум, я прыгаю к Сес на колени — делать нечего, раз уж она сидит на коленях у Грейс. *Хлоп!* — пошли духовые. Ребята играют как надо — громко и с драйвом, — один в один, как «Далеко за синим морем» у Сесилии на пластинке. Я спрыгиваю с Сес и приставным шагом двигаюсь по направлению к зрителям. Берни Куни встает и идет к двери в гардероб. Я сплетаю пальцы в замок у себя за головой и под громкие раскаты трубы три раза выбрасываю таз взад-вперед, прямо перед сидящей Грейс. *On! On! On!* Они с Сес отклоняются назад к спинке стула, и при этом обе визжат и громко хохочут. Помимо них несколько девчонок в зале тоже чуть не валятся в обморок от восторга. Я делаю еще шаг и поворачиваюсь лицом к толпе зрителей, чтобы посмотреть, что там творится на противоположном конце зала. Берни Куни рвет на себя дверь в гардероб. Сначала он вытаскивает оттуда свою

жену и дает ей пощечину. Она падает. Вслед за ней он вытаскивает Фрэнсиса Младшего и бьет ему в лицо кулаком. Тот падает. К ним бежит Стивен, только что стоявший в стороне, футах в десяти оттуда. Сесилия тоже все видит и бежит туда же. За ней и Фрэнни.

Крадущейся походкой я подхожу к Грейс и Сес, у меня в глазах слезы, но сейчас плакать нельзя. Мы с Грейс держимся за руки. Она улыбается мне, уже спокойно. Мне хочется просто так вот стоять с ней, держась за руки, и дальше, но впереди еще важная часть танца, где нужно делать много всяких выкрутасов ногами. *Бумс, бумс, бумс, бумс, бумс, бац!* Гремят ударные. Я начинаю прыгать, как в жопу долбанный Фрэд Астер, и таким манером пересекаю всю сцену, пока не добираюсь до ударника и духовых, где на полу стоит и ждет меня бутылка из-под скотча с налитым в нее холодным чаем. Я тянусь за бутылкой, быстро ее открываю, запрокидываю голову и принимаюсь хлестать из горла. В зале смеются. Одним духом я приканчиваю бутылку, шатаясь, поворачиваюсь лицом к публике, рыгаю в микрофон (случайно) и падаю (специально). Толпа в зале ревет.

Начинают стучать барабаны — и вот я снова вскакиваю и скольжу по сцене в сторону сидящей

на стуле Грейс. В ритм с оркестром попадаю просто идеально. Стивен бьет Берни Куни кулаком в лицо, и тот отлетает к стене. Сесилия тоже метит в него отчаянным хуком, но промахивается и попадает по Донне, которая все еще лежит на полу. Стивен проводит еще один удар и на этот раз отправляет противника на пол в полный нокаут. Поднимается Фрэнсис Младший и оттаскивает Сесилию от Донны Куни. Фрэнни умоляет всех прекратить, но даже не пытается удержать никого из дерущихся. Пот катится с меня градом. Грейс смотрит мне в глаза и улыбается. Сес тоже смотрит на меня, а не на придурков сзади, и скандирует *Генри, Генри.*

Последняя строка — и я закончил. Всё. Я целую Грейс руку и смотрю на нее так нежно и проникновенно, как никогда раньше. Она улыбается, словно королева. Я кручу последний поворот и замираю с широко расставленными ногами и поднятой вверх правой рукой. У Грейс и Сес на лицах сияющие улыбки. Зрители, которые пока из-за громкой музыки не слышат, что творится у них за спиной, буквально ревут от восторга. Фрэнсис Младший поднимает Сесилию и швыряет на пол, не потому, что хочет сделать ей больно, а чтобы в драку больше не лезла. Стивен хватает

его за грудки. Фрэнни умоляет прекратить. Куни валяются на полу: Донна пришла в себя и плачет, Берни — на спине в отключке. Сес кричит мне, перекрывая ревущую в зале толпу: *Генри, ты был потрясный!* Я подхожу к Грейс, а сам в панике шарю по карманам в поисках коробочки с кольцом. Несколько человек замечают, что позади них Стивен и Фрэнсис Младший схватили друг друга за шиворот, и спешат их разнять. Кончики пальцев натыкаются на коробочку в кармане, я хватаю ее за обитые бархатом стенки. Кровь у меня в жилах леденеет от страха. Я опускаюсь на одно колено и подмигиваю Сес. Она подмигивает мне в ответ. Я делаю Грейс предложение, не убирая микрофон ото рта, чтобы вся толпа услышала и разделила с нами нашу любовь.

— Грейс Макклейн, я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Я открываю коробочку и протягиваю ей кольцо. Грейс с минуту смотрит на него не отрываясь, потом начинает плакать.

— Нет, — рыдая, выдавливает она из себя.

Как раз в этот момент Сесилия сжимает кулак покрепче и целит во Фрэнсиса Младшего, но кто-то успевает его оттащить. Удар достается Стивену и сбивает его с ног. Он моментально вскакивает,

глотая слезы и рукой держась за разбитый нос, и бросается к двери на улицу. Сесилия рвется за ним, но ее останавливают. Она кричит, плачет и сыплет вокруг себя ударами, но никак не может вырваться из захвата. У меня подгибаются колени. Половина присутствующих смотрит вперед на меня, другая половина — назад на мою семью. Кругом сплошные Тухи, и все выставляют себя полнейшими идиотами. Подбородок трясется. Не плакать, приказываю я себе, не будь бабой, столько людей на тебя смотрит.

— Нет? Но почему? — шепотом спрашиваю я у Грейс.

— Мы же дети, Генри, — говорит она. — Мы все еще дети.

Грейс с грустью глядит мне в глаза, и на секунду мне кажется, что я ее ненавижу. Я дышу так часто и тяжело, что плечи ходят ходуном. Меня тянет за руку Сес.

— Генри, а что там такое сзади стряслось?

— Не знаю. У тех уродов надо спросить, не у меня.

Я стою, уставившись на толпу, которая с интересом наблюдает за мной и за моей семьей. Сес все еще держит меня за руку, но я больше не желаю здесь находиться. Здесь уже никому ничем

не поможешь. Я хочу быть рядом со Стивеном, он единственный, кто меня поймет. Я вырываю свою руку из руки Сес, иду к двери и выскакиваю наружу, где прохлада и на углу стоит и работает вхолостую катафалк. В кабине, навалившись на руль, храпит мистер Макфадден. Где-то в стороне Тэк-парка в воздухе раздается сильный, резкий хлопок. Я в ужасе подпрыгиваю на месте и бегом устремляюсь на звук через опустевшую к вечеру Ав.

17

Стивен истекает кровью. Блядь, похоже его подстрелили. Какие-то пацаны бегут прочь, к машине, которая визжит истертыми шинами по асфальту где-то поблизости, а я бросаюсь к Стивену, чтобы держать, держать его плечи и голову у себя на коленях. У него из живота на землю течет кровь. Нужно не дать ей вылиться, и я ловлю ее руками и запихиваю обратно ему в живот. О господи.

— Стивен, смотри на меня, — говорю я. — Смотри сюда. Это я, твой брат Генри. Кто-нибудь вызовите «скорую», — что есть силы кричу я. — Пожалуйста, кто-нибудь, вызовите гребаную «скорую помощь»!

О черт, я вскочил и сдвинул ему голову. Я чуть не уронил его на землю. Какой я дурак. Нужно собраться. Господи, у него глаза закрываются. Блядь.

— Стивен, не закрывай глаза. Слышишь ты, говнюк, не смей закрывать глаза. Кто-нибудь, пожалуйста, блядь, хоть кто-нибудь помогите, — кричу я. Ветер свистит и кусает меня сзади за

шею, по Ав туда-сюда тащатся сонные машины, и никто меня не слышит, никто не остановится. Где мама с папой? Или хотя бы Фрэнни? Вы так нужны здесь.

Он закашливается и отхаркивает что-то изо рта. О господи, что это — кровь? Не пойму. Сирены. Где-то очень далеко, в миллионе кварталов отсюда. Слишком медленно ползут, гораздо медленней, чем теплая, даже горячая кровь из живота Стивена у меня между пальцев.

— Стивен, ты меня слышишь? — исступленно кричу я.

— Это я, Генри. «Скорая» уже едет, приятель. Слышишь, братишка? Слышишь сирены? Это за нами. А теперь главное не закрывай глаза и все время меня слушай.

— Генри? Мэган? — борясь с кашлем, бормочет он.

О господи. Он смотрит на меня, а у меня за спиной на стене портрет Мэган. Или он уже умирает и правда видит ее? Боже, у него опять изо рта пошла эта дрянь. Лицо белое, губы багровые. Мимо по Ав проносится машина и сшибает пивную банку. Я слышу, как грузовой автопоезд въезжает в город где-то чуть дальше пересечения Ав и 95-й в десяти кварталах к востоку. Мне с трудом

удается глотать холодный воздух, словно я задыхаюсь, словно я в панике. Без паники, говорю себе я. Нельзя, держись, ради Стивена. Не плачь и вообще не подавай виду, а не то он может сдаться и умереть.

— Не сдавайся, не умирай, Стивен, — внушаю ему я. — Еще раз повтори мое имя.

— Генри, — говорит он.

— Правильно, — говорю я, — твой брат Генри. Я здесь, с тобой.

О господи, сколько крови. И льется и льется дальше на асфальт. И на мой белый костюм тоже. Все, нет костюма, мама будет в ярости. Я держу ему голову и обнимаю его, но нельзя слишком сильно. Нельзя, чтобы кровь текла еще быстрее. Сирены визжат уже совсем близко.

— Я, блядь, не пойму — это что, обязательно, чтобы сирены орали так громко? — кричу я. — Заткните, блядь, свои сирены!

— Стивен, не оставляй меня здесь одного, — умоляю я.

Он не отвечает. Глаза закрыты, но он все еще дышит. Похож на младенца. Такие приятные на ощупь, мягкие волосы. Слышно, как распахивается дверь «У Манджоли», щелкает зажигалка, мужской голос вскрикивает *Черт возьми.* Потом

бум, дверь закрылась, *бум*, снова открылась, вываливаются тонны людей, что-то взволнованно спрашивают, шлепая ногами по бетону, бегут ко мне, машина визжит тормозами, водитель материт толпу, текущую через улицу. Уже куча людей окружила нас. Первым я вижу Фрэнни, потом маму с папой.

— Боже мой, Фрэн, там же Стивен и Генри, — вскрикивает Сесилия и бежит к нам.

— Господи помилуй, — произносит Фрэнсис, замирая на месте как вкопанный.

— Боже ты мой, — кричит кто-то вместе с ним.

Некоторые начинают вслух молиться.

— Генри, что здесь случилось? — спрашивает меня Фрэнни, который теперь тоже держит Стивена вместе со мной и мамой.

— В него стреляли, — сухо констатирует мама, но тут же начинает плакать.

— О господи, — только и может сказать папа, который по-прежнему стоит в стороне, не двигаясь с места.

— Стивена Тухи застрелили, — вопит кто-то на улице.

Мама плачет. *О господи* — продолжает твердить папа.

Люди из толпы зовут на помощь. Машины на-

чали съезжать на обочину и останавливаться: из них, стуча дверями, вылезают все новые и новые люди, спрашивают у кого-то поблизости «что случилось?», кто-то отвечает им «парня подстрелили», и так до бесконечности, и все это на фоне обращенной к Богу непрекращающейся молитвенной истерики.

— Где Сес? — спрашивает мама, все еще держа Стивена на руках и неистово озираясь.

— Сильно его не тряси, Генри, — резко и отрывисто, как помешанный, бросает мне Фрэнни.

— Кто трясет — я? — огрызаюсь я; еще одно слово, и я кинусь драться.

— Он еще дышит? — спрашивает мама.

— Думаю, еще дышит, — говорю ей я. — Думаю, да.

— Фрэн! — кричит мама, поворачиваясь к папе.

— О господи, — отвечает ей он.

— Фрэн, очнись, — рявкает она на него. — Иди помоги нам.

Он подчиняется, подбегает и втискивается между нами на коленях, как будто и не было никакого ступора.

— Стивен, — произносит он с каменным лицом и кладет руку ему на щеку.

Стивен открывает глаза и смотрит прямо на него.

— Папа? — неуверенно спрашивает он.

— Да, это я, твой папа, — говорит папа, шаря глазами по лицу Стивена.

— Прости меня, — шепчет ему Стивен.

— Тебе не за что просить прощения, — отвечает он тоже шепотом. — Это ты меня прости.

Они улыбаются настолько, насколько это сейчас возможно, глядя друг другу в глаза. Но тут, *бум*, посторонний.

— Так, с дороги, парень, с дороги, — кричит какой-то ублюдок в белом и прет прямо на нашу семью, прямо на меня.

— Не толкайся, — ору я на него. — Ты еще, блядь, кто такой, откуда взялся? Тут мой брат. Еще раз толкнешь — в морду получишь, слышал?

— Не мешай нам работать, — говорит ублюдок. — Отойди, парень, мы хотим помочь.

— Пошел на хер, — говорю я и замахиваюсь.

Фрэнни с папой валят меня на землю.

— Ублюдки, убью, — кричу я и рвусь из рук у папы и Фрэнни — только бы добраться до этих уродов из «скорой помощи»; я размахиваю руками и ногами, а уроды тем временем кладут Стивена на носилки и перекидывают друг другу

пакеты с каким-то прозрачным дерьмом внутри и с кучей каких-то трубок и проводов. Мама сквозь слезы просит меня успокоиться, но я все равно продолжаю молотить ногами по воздуху и махать кулаками. В перерывах между собственными воплями я слышу позади себя встревоженные голоса, слышу, как хрипит Стивен, как трещит голос по рации, слышу умножившийся хор воющих сирен. Красные всполохи загораются на лицах через каждые полсекунды. Я вижу дыру, которую мы пробили в круглом окне церкви. Она скалится на меня двумя рядами острых осколков, словно чудовищная пасть с клыками.

— Я его отец, — говорит папа и отпускает меня. — Я поеду с ним.

— Я тоже, — говорит мама, борясь с душащими ее рыданиями.

— Загружайте его, нужно ехать, — говорит один ублюдок в белом другому такому же.

— У него сильное кровотечение, — говорит этот, второй. — Если вы с нами, поторопитесь, нужно ехать прямо сейчас, скорее.

Мама с папой запрыгивают к Стивену в «скорую помощь».

— Фрэнни, возьми машину, встретишь нас там, — говорит папа.

— Генри, найди сестру, — говорит мама, — и отведи ее домой. Мы позвоним.

— Все разговоры потом, мэм, — встревает ублюдок в белом, — нам пора ехать.

Шварк. Врумм. «Скорая помощь» уносится прочь по Ав, увозя с собой маму, папу и умирающего брата. Какого хрена так громко орут сирены? Вот, заткнулись наконец. Самое, бля, время. Я поворачиваюсь посмотреть, что за ослы стоят там сзади меня и чешут языками. Парк забит народом. Две сотни идиотов субботним вечером сгрудились на залитой кровью спортплощадке. В этом, бля, даже есть что-то забавное. Я уже почти готов рассмеяться, но тут вдруг слышу чей-то плач. Это Ральф Куни — сидит на скамейке, опустив голову, и трясется. В руке пушка. Никто не видит его, кроме меня. Я срываюсь с места и прыгаю на него, сейчас я зубами выгрызу ему кадык. Бам. Пушка отлетает по бетону в сторону, Ральф падает, я сверху. Неистово молочу его кулаками по лицу и одновременно плююсь, плююсь в него. Разжимаю кулаки и вцепляюсь ему в лицо, он плачет и старается оттолкнуть меня ногами. Чьи-то руки пытаются меня оттащить, кругом слышны крики: «Остынь, Генри», — это мужские, и женские: «Боже мой, пистолет». Меня оттаски-

вают все дальше, но я еще могу дотянуться ему до лица. Я хочу содрать с него кожу, чтобы обнажить прячущийся под ней уродливый череп.

— Я с тебя шкуру спущу, — истошно кричу я.

Все-таки меня отволокли от Ральфа. Теперь он лежит, скорчившись на земле, и плачет. Пушка валяется в десяти футах у него за спиной, никто не смеет к ней прикоснуться. Появляются машины полиции. Распахиваются дверцы, на площадку высыпает толпа жирных копов и бежит к нам, шурша черными ботинками по шершавому бетону.

— Спокойно, Генри, — говорит мистер Джеймс: он стоит за мной и держит меня за руки. — Ребята, оружие вон там. — Мистер Джеймс кивком указывает копам на валяющийся рядом пистолет. — Стрелял вон тот парень, что лежит на земле.

При слове *стрелял* я снова начинаю вырываться, не говоря ни слова и ничего вокруг себя не слыша, пока мистер Джеймс не заламывает мне руки так, что их начинает колоть, как булавками. Я вижу перед собой Бобби Джеймса и по его губам читаю то единственное, что он твердит мне: *Сес.*

Сес.

Когда я перехожу через улицу, в моей голове

все еще звучат сирены, и чем больше я ускоряю шаг, тем медленнее иду вперед. Уличные фонари жужжат громко, как надземное метро. Гудки клаксонов и визг тормозов в двадцати кварталах отсюда отдаются в ушах с мощью реактивных двигателей. Я захожу к Манджоли, все взгляды, включая Грейс и Гарри, моментально устремляются на меня и на мой костюм. Грейс идет ко мне и хочет что-то сказать. Я хватаю ее за плечи и усаживаю задницей на стул. *Сядь,* — говорю ей я. *Не трогай меня.* Я беру плачущую Сес за руку и веду ее обратно на улицу Святого Патрика. Всю дорогу мы не произносим ни слова, Сес ревет, совсем как маленькая, и сыплет всхлипами, как из пулемета. Грейс и миссис Макклейн идут за нами и смотрят нам вслед, но тоже молчат и сильно к нам не приближаются. Кровь начинает засыхать у меня на белом костюме. В коротких перерывах между рыданиями Сес ноет, что мы идем слишком быстро. Макклейны следуют за нами все время, пока я волоку Сес за собой к дому, как тряпичную куклу. На пороге я поворачиваюсь на каблуках и вижу стоящих перед нами Макклейнов.

— Послушай, Генри, — говорит мне миссис Макклейн, — вам лучше не оставаться сегодня одним на ночь.

— Все нормально, — с безразличием в голосе говорю я. — Нас же двое.

— Ну хорошо, — говорит она, — но если что — непременно звоните нам, и мы тут же придем, ладно?

Я чувствую на себе взгляд Грейс, но ответить на него сейчас не могу. Вместо этого я молча киваю миссис Макклейн, затем снова поворачиваюсь к ней спиной, открываю дверь и пропускаю вперед Сес. Первое, что я делаю, когда захожу в дом вслед за ней, — это бросаю взгляд на телефон, в надежде, что Сесилия позвонит с новостями о Стивене, в надежде, что кровь перестала хлестать у него из живота.

18

В доме Тухи тихо и пахнет порошком для чистки ковров, полиролью и жидкостью для мытья стекол. Две лампы по краям стола излучают мягкий свет. Храпят собаки. На полу чисто и ничего не валяется. Все это действует на меня настолько умиротворяюще, что, кажется, еще чуть-чуть, и я усну прямо стоя. Два-три раза в год Сесилия устраивает в доме генеральную уборку и перемывает все сверху донизу перед тем, как отправиться в люди по какому-нибудь особенному поводу. По ее словам, самое приятное — это возвращаться потом в чистый дом, где все убрано, в свой собственный чистый дом, где они с мужем Фрэнсисом вырастили четверых детей. Фрэнсис с Сесилией возвращаются вечером после подобных выходов в свет нарядные, в самом что ни на есть хорошем расположении духа и с приятной тяжестью в животах от всего съеденного и выпитого за ужином. Вместе они садятся на диван. Он ослабляет галстук и швыряет куртку на стул. Она сбрасывает туфли и кладет ему ноги на колени. Он принимается их разминать. Они болтают и

играют в «мешки». Если это, конечно, можно так назвать. *Дай мне все свои восьмерки,* — говорит Сесилия. Фрэнсис Младший показывает ей все свои карты, она передумывает и требует у него валетов, девятки — словом, любые из тех карт, что у него на руках, какие ей больше нужны. Они обводят глазами комнату и смеются, глядя на фотографии своих четверых детей в разном возрасте с крупными и кривыми, точно воротнички на наших рубашках, молочными зубами, стоящих, опираясь на огромные колеса телеги, с дурацкими прическами на голове (разумеется, у всех, кроме меня). Сесилия говорит Фрэну: *Стивен с Фрэнни — прямо все в тебя.* Он смеется и замечает, что *это потому, что оба вечно хмурятся, оттого мы с ними и похожи.* Сесилия возражает ему, что *ничего они не хмурятся, а просто оба будут посерьезнее, чем ты.* Фрэн отвечает, что в *таком случае двое младших — вылитая ты, Сесилия. Только посмотри на их улыбки. И с юмором у них все в порядке. Вылитая ты, все в точности как у тебя, Сесилия. Они покоммуникабельней, что ли, да? — Первые двое — из тех детей, которые букашек собирают,* — говорит Сесилия. *А эти, наоборот, из тех, что их едят,* — добавляет Фрэнсис, а Сесилия смеется и говорит ему: *Вот*

видишь, можешь ведь, когда хочешь. Ты просто не даешь выхода своему юмору. Тут они замолкают и смотрят друг на друга, на чистую гостиную, в которой приятно пахнет и всё на своих местах, по крайней мере, до завтрашнего дня. Тикают часы на стене. Собаки попукивают во сне, на миг просыпаются от звука, затем снова засыпают. Фрэнсис и Сесилия сходятся на том, что *все о'кей. У нас четверо прекрасных детей. Фрэнни — примерный сын. Стивен — тот, возможно, слишком много о себе понимает, но тем не менее. Генри? Со странностями, конечно, но все равно очень славный. А Сес — ну она у нас вообще одна и самая замечательная.*

Сес. Стоит рядом и плачет — тихо и с опаской, наверняка боится, как бы меня снова не понесло.

— Генри, ты злишься на меня? — спрашивает она, прерывисто всхлипывая.

Я становлюсь на колени, чтобы быть к ней ближе.

— Нет, что ты, — успокаиваю ее я.

— А вид у тебя такой, как будто злишься, — заикаясь, между всхлипами выдавливает она.

Я достаю из кармана платок и проверяю, нет ли на нем крови — нет; затем я утираю ей лицо от слез — так, как обычно вытирают лобовое стекло

машины на автомойке.

— Сесилия, — говорю я, — пожалуйста, прекрати плакать, а не то своими слезами испортишь коврики для ног.

Она смеется сквозь слезы, потому что коврикам для ног в нашем доме уже давно ничего не страшно.

— Генри, а можно мы послушаем наверху пластинки? — спрашивает она.

— Конечно, можно.

— Круто. А принесешь мне поесть?

— О'кей. Чего тебе хочется?

— Если не трудно, то какао и сыр, — говорит она. — Две ложки какао. Четыре кусочка сыра. Молоко с пенкой. Спасибо тебе, братишка.

Она идет наверх в своем летнем сарафане и сережках из искусственного жемчуга — наряд в точности такой же, как у мамы сегодня на свадьбе. Остановившись на полпути, оборачивается и смотрит на меня взглядом настолько взрослым, что я вскакиваю.

— Генри, скажи: в Стивена стреляли из пистолета?

— Да, — невольно отвечаю я, не в силах соврать ей здесь и сейчас.

— Он умер? — снова спрашивает она.

— Нет, — отвечаю я. — Нет. Пока нет.

— Он умрет?

— Не знаю.

Она смотрит на мой костюм, затем обводит взглядом комнату.

— Ты скоро ко мне поднимешься?

— Да, сейчас, скоро поднимусь.

— Здорово. Только побыстрее, ладно? — С этими словами она скрывается наверху.

Я спешу на кухню. Две ложки какао в молоко с пенкой. Пять кусков сыра, потому что она всегда просит еще один после того, как съест свои четыре. Я ставлю телефон у нижней ступеньки лестницы, взбегаю наверх, отдаю еду Сес и иду за пластинками. Сгребаю в кучу штук тридцать и тащу их в ее комнату. Сверху оказывается «Альбом 1700» Питера, Пола и Мэри. Я кладу пластинку на диск проигрывателя, включаю его и сажусь на краешек кровати Сес, чтобы удобней было общаться с ней, сидящей напротив на маленьком стульчике. Комната наполняется музыкой. Сес жует сыр, держа кусок обеими руками, как белка орех.

— Какой вкусный сыр, — говорит она.

— Могу представить, — отвечаю я.

— Хочешь кусочек?

— Я не голодный.

— Тебе нужно есть больше сыра, — говорит она, — а то ты такой худенький. А сыр тебе поможет. У меня вон, видишь, даже складки появились. Думаю, это все от сыра.

— Да нет, я правда не голодный, — настаиваю я.

— Ты не хочешь есть из-за Грейс?

— Не знаю. Может быть, — честно отвечаю ей я.

— А они с мамой придут к нам? — спрашивает она.

— Нет.

— Это хорошо, — говорит она. — Сейчас я хочу просто побыть с тобой.

— Да, малышка, и я тоже, — говорю я и обнимаю ее, а она рыгает, правда, тихо.

— Это что было — благородная отрыжка? — интересуюсь я.

— Ты должен слышать телефон, когда позвонит мама, — говорит мне Сес.

— Бля, точно.

Питер, Пол и Мэри уносятся за горизонт на реактивном самолете и бог весть когда еще вернутся. Тишина в комнате отдается тяжелыми пульсирующими ударами, как головная боль, как биение

сердца. Мы сидим и смотрим в пространство.

— Генри, помнишь ту ферму с коровами, про которую ты мне рассказывал вчера вечером?

— Конечно, помню, — говорю я. — А что?

— Сколько лет еще ждать, пока мы туда переедем? — спрашивает она.

— Ну, я думаю, где-то лет через семь, а если повезет, то и через шесть. А что?

— Не хочу так долго ждать. Хочу сейчас.

Сес снова плачет, а я снова ее обнимаю. От нее пахнет сахаром. Она трется носом о мой испачканный кровью костюм. Я протягиваю ей платок, и она громко в него высмаркивается — ну просто туманный горн.

— Придется подождать, — говорю я. — Семь лет — это ерунда. Тебе сейчас уже целых восемь. А посмотри, как быстро годы пролетели.

— И правда, быстро, — соглашается она. — Я помню садик, как будто еще вчера туда ходила.

— Вот именно, — говорю я. — А следующие восемь лет пролетят и того быстрее. Посмотри на меня: мне тринадцать. Мужик уже.

— Ну, это ты сильно загнул, приятель, — прыскает она, все еще продолжая плакать, но уже не так сильно.

— Я только хочу сказать, что тебе просто нужно

стиснуть зубы и ждать. Все, что нам с тобой нужно, — это стиснуть зубы и ждать. Вместе.

— Все равно было бы здорово, если б мы уезжали туда уже завтра, — говорит Сес. — Даже не могу себе представить, как это — жить на ферме, где вокруг столько деревьев.

— Еще как можешь, — уверяю ее я. — А знаешь что? Давай до тех пор, пока не переедем на ферму, будем понарошку считать, будто мы живем в лесу. Прямо завтра и начнем. Как тебе?

— Не знаю, Генри, — говорит она. — Иногда мне кажется, что у тебя не все дома.

Я сигаю с кровати через ее голову, а она сидит, вжавшись в стульчик, и визжит.

— Ты что, хочешь сказать, я ненормальный, Сесилия, ты это хочешь сказать? Если да, то так оно и есть, — соглашаюсь я. — *Уууу уууу ахххх уууу уууу ахxх ахxх.*

Я кричу, изображая обезьяну, прыгаю по комнате и чешу себе подмышки. Сес смеется, а это как свежая кровь для давно засевшего у меня в заднице юмориста.

— Обезьяны. Не понимаю, почему на то, чтобы эволюционировать из обезьяны, человечеству потребовались миллионы лет? Да просто возьми ты эту обезьяну, нацепи на нее куртку «Филлиз» и

рабочие ботинки — вот и готов твой собственный портрет. Вылитый современный отец семейства. Я что-то не пойму: где здесь эволюция? Видела когда-нибудь, какие у папы на спине заросли? А голым его никогда не видела? Господи. Всякий раз, как он расхаживает в белых трусах по дому, я только и жду, что вот-вот из-за цветочного горшка высунется Элмер Фадд и пристрелит его из слоновьего ружья. Что за чухня у нас до сих пор стоит на проигрывателе? Неужели все те же Питер, Пол и Мэри? Пора сменить пластинку.

Пластинки следуют одна за одной: Айрн Баттерфлай, Конуэй Твитти, Лайтнинг Хопкинс, Литтл Ричард, Руфь Браун, Брюс Спрингстин, Чикаго, Бостон, Канзас, Исли Бразерз, Файв Сэйнтс, Рай Кудер, Кэрол Кинг, Тодд Рундгрен. Летят песни, летят шутки.

Кинкс.

— Покажите мне священника, и я покажу вам его счет в швейцарском банке и жену в штате Юта.

Тертлз.

— Даже мне становится неловко, когда тренеры в профессиональном спорте то и дело хлопают своих спортсменов по заднице. А это еще что за сборище голых Барби, Сес? Не иначе решила

основать здесь колонию для нудистов?

Сес смеется над всеми моими шутками, хотя больше половины из них не понимает. Я ловлю себя на том, что все время, пока травлю байки и шутки и меняю пластинки, не могу оторвать взгляд от залитых кровью рукавов пиджака и все пытаюсь куда-нибудь спрятать руки. Я представляю себе Стивена лежащим на столе в операционной, заполненной безразличным пиканьем приборов, дух покидает его тело, тело кладут в яму и присыпают землей, теперь их с Мэган разделяют всего каких-то десять рядов могильных плит, Фрэнсис с Сесилией кричат от горя, Сесилия прыгает в могилу вслед за гробом, Фрэнсис Младший вытаскивает ее, они сидят друг напротив друга за длинным столом, каждому адвокат что-то шепчет на ухо, нас с Сес расселяют по разным домам, ни там, ни там нет Стивена. Я не перестаю отгонять эти образы, то и дело возникающие у меня в голове. Любовь, что у меня внутри, помогает мне побороть все плохое. Чаще сыпь шутками, больше громких песен, ты, двурукая, двуногая, начиненная любовью бомба в запачканном кровью белом костюме; ты, что заставляешь корчиться со смеху свою сестру, пока врачи черт-те что творят с твоим умирающим

братом. В этом и заключается моя миссия сегодня, сейчас, завтра, вчера, каждый, бля, божий день, потому что я нужен Сес так же сильно, как и мне нужно, чтобы ей был нужен я.

Дело заканчивается тем, что Сес катается по кровати, держась за живот от смеха, и умоляет меня прекратить, а я скачу по комнате среди разбросанных повсюду пластинок, большинство из которых мы уже успели послушать. Кроме одной: «Abbey Road» Битлз. Я понятия не имею, сколько времени мы уже сидим дома. Час, может быть, два?

— Что это там у тебя, Генри, — «Abbey Road», что ли? — спрашивает у меня Сес, когда я поднимаю пластинку с пола. — Да ну, не люблю ее.

— Смеешься надо мной? — говорю я: ни хрена себе новости.

— Не, серьезно, — говорит она. — Мне нравится, где они все в одинаковых костюмах и поют «она тебя любит, йе, йе, йе», ну и всякое такое.

Я смеюсь ей в ответ даже несмотря на то, что наши, бля, с ней мнения на этот счет совершенно не совпадают, и прислоняюсь спиной к двери, чтобы слышать телефон. Пожалуйста, зазвони. Пожалуйста, не звони.

— Ну или поставь хотя бы «Here Comes the

Sun», — предлагает она. — Эта мне по крайней мере нравится.

— О'кей, — отвечаю я.

Мы вместе слушаем песню, улыбаемся друг дружке и тихо-тихо подпеваем. Как только песня заканчивается, внизу раздается телефонный звонок. Я спрыгиваю с кровати и несусь вниз по лестнице, чтобы ответить; когда я подбегаю и снимаю трубку, мой голос срывается.

— Генри? Это мама, — говорит Сесилия голосом настолько измученным, что по нему ей дашь не меньше восьмидесяти. Она сообщает мне новости. Я вешаю трубку и возвращаюсь наверх к Сес, которая лежит на кровати, натянув на себя одеяло аж до глаз.

— Он жив.

Она скидывает с себя одеяло и разводит руки, чтобы обняться. И я обнимаю ее крепко-крепко.

— Спать будешь? — спрашиваю я.

— Да, — говорит она. — А ты можешь поспать на полу рядом с моей кроватью?

— Хорошо. Только сгоняю за одеялом и подушкой. Сейчас вернусь.

— Круто. А можешь еще свет выключить?

— Конечно.

Я целую ее в лоб и тушу свет в комнате. Она

уже почти спит. Ее детское лицо похоже на лицо Стивена на спортплощадке, когда я держал его, истекающего кровью, на руках. Я спускаюсь вниз и выглядываю за дверь на улицу. На веранде дома Макклейнов стоит Грейс, курит и смотрит в наши окна. Я плавно и бесшумно закрываю и запираю дверь и поднимаюсь в ванную посмотреть на себя в зеркало. По всему костюму пятна крови. Прическа ни к черту. Я отодвигаю занавеску и в первый раз за несколько дней залезаю в ванну. Снова и снова я слышу, как Грейс отвечает мне «нет», вижу, как Стивен лежит весь в крови и как дерутся родители. Они даже не взглянули на меня, как я пою. Вода потоком льется на мой окровавленный белый костюм. Просачивается сквозь ткань на спине, стекает по ногам и утекает в слив. Я открываю кран еще сильнее, чтобы шум воды мог заглушить мои рыдания, от которых плечи содрогаются все равно что, бля, от кашля.

19

Йоу. С добрым утром. Как дела, придурок?

Ральф Куни выстрелил моему брату Стивену — который все еще не приходил в себя и продолжает оставаться в критическом состоянии — из пистолета в живот, когда две машины, битком набитые фиштаунскими, подрулили к спортплощадке, чтобы поквитаться за своих. Никто из них не имел никакого отношения к тем пятерым чувакам, которых здесь избили. Они не были их братьями, или друзьями, или хотя бы дальними родственниками. Скорее всего, такие же отморозки, как и те, что избивали тех пятерых.

Ральф сидел на спортплощадке весь вечер. Про пушку он никому ни слова не сказал, но говорил всем, кто к нему подходил, что в случае чего на него можно рассчитывать. Стивен появился в Тэк-парке одновременно с машинами. Он встал между Ральфом с его пушкой и десятком парней с бейсбольными битами. Ральф нажал на курок. Попал в Стивена, и тот упал. Фиштаунские побежали назад к машинам. С того момента Ральф не сказал никому ни слова, и теперь он сидит

там, куда, бля, обычно сажают таких пидоров, как он. В общем, хватит о нем. И без того есть чем заняться.

Я сижу у себя наверху на нашей со Стивеном двухъярусной кровати в белых трусах и выгляжу просто охренеть как сексуально. Я проснулся не так давно и в данный момент занят тем, что щеткой для пыли смахиваю с постера с Майком Шмидтом налипшие бумажные шарики. Покончив с этим, я снимаю постер со стены, сворачиваю его в трубочку и прихватываю сверху резинкой. Я не собираюсь его у себя оставлять, но у меня также нет никакого желания рвать его в клочья или сжигать, равно как и производить над ним любые другие церемониальные действа. Это будет все равно что плеваться бумажными шариками. У нас с Майком Шмидтом больше нет никаких косяков. Косяки с игроком третьей базы — это для детишек. А я мужчина. Мой член выстрелил, я сам получил выстрел в сердце и держал на руках раненного выстрелом в живот брата — и все это за один-единственный вечер. Долго ли теперь ждать, когда яйца обрастут? Я так не думаю.

Когда мне в 1978 году было семь лет, Майк Шмидт отказался дать нам со Стивеном и Бобби Джеймсом автограф. Фрэнсис Младший тогда

достал нам всем билеты на воскресную игру, где обещали раздачу личных вещей каждого спортсмена. Сначала он повез нас на машине в игрушечный магазин и покупал там все, чего мы только у него ни просили. В то время он был еще другой, счастливый. Мы втроем со Стивеном и Бобби Джеймсом настояли на том, чтобы отправиться на стадион как можно раньше, а то вдруг не успеем на раздачу. Чего они хотели там раздавать: бейсбольные перчатки, футболки, повязки на запястье, часы, гольфы, постеры, — не важно, главное, чтобы на всем на этом были коричнево-белые цвета «Филлиз» и личные автографы наших героев. В тот день мы, равно как и все остальные, пришли на стадион за два часа до первой подачи. Мы были полностью одеты под игроков «Филлиз», ну может, за исключением бандан. Хотя нет, по-моему, Бобби Джеймс и ее нацепил на голову. Не помню уже. Давно дело было.

Шмидт упражнялся с приемом подачи вдвоем с какой-то загорелой телкой с шарами как волейбольные мячи. Нас с ним разделяли от силы десять футов. И никого больше на всем стадионе. Мы подошли. Стивен вежливо обратился к нему «мистер Шмидт» и попросил поставить

автографы нам в программки. Шмидт даже не взглянул в нашу сторону. Просто сказал «нет» и как швырял туда-сюда мяч с этой своей телкой, так и продолжал швырять. Жутко униженные, удалились мы на свои места и больше за всю игру не обменялись ни словом. Молчали и всю дорогу домой. Я поднялся к себе в комнату и бросился рыдать в подушку, так же сильно и безутешно, как вчера. Я поклялся ненавидеть Майка Шмидта всю оставшуюся жизнь. Бобби Джеймса я тоже привлек к себе в союзники. Но хватит. К черту. Я прощаю тебя, Майк Шмидт. Усики-то у тебя все равно дурацкие, но в остальном все ништяк.

Я выхожу из комнаты в коридор. Сесилия стоит в коротком зеленом платье и соломенной шляпке — так она всегда наряжается, когда идет воскресным утром в церковь, если на улице тепло. Вид у нее изможденный, но все равно выглядит офигенно. Она с иронией оглядывает меня в моем нехитром наряде, состоящем из одних только трусов.

— Йоу, — говорит она. — Прямо так в церковь и пойдешь?

— Нет, могу еще галстук нацепить. Что, не нравятся мои трусы? Так ведь сама же и покупала.

Она смеется.

— Давай быстрей решай, в чем пойдешь. Яхве никого ждать не будет.

Сес выходит из своей комнаты, одетая точь-в-точь как Сесилия и с альбомом «Abbey Road» в руках.

— А я бы прямо так и пошла, Генри, — говорит мне она. — Всё веселее будет.

— Эй, — разочарованно вздыхает Сесилия. — А я думала, вы полюбили ходить на мессу с тех пор, как там начали петь эти девчонки с гитарами.

— Они, конечно, лучше, чем «Abbey Road», — говорит Сес, — но все равно не сказать, чтобы мне очень нравилось. Так и так слушать священника — скука смертная.

— Постой, ты сказала, тебе не нравится «Abbey Road»? — переспрашивает Сесилия.

— «Meet the Beatles» все равно лучше.

— Согласна, — говорит Сесилия. — Ну что, ребята, как насчет послушать по-быстрому одну песню оттуда? Пластинка же где-то тут, насколько я понимаю? — спрашивает она, указывая на дверь своей спальни.

— Третий ряд на стене слева, — возбужденно докладываю я.

— Ага, вот она, — говорит Сесилия и целует пластинку. — Споем что-нибудь?

— Что, как будто мы группа, прямо как у меня в комнате? — с восторгом спрашивает Сес.

— Да, прямо так и споем, — говорит Сесилия под наши с сестрой радостные вопли. — Какую песню?

— Как насчет «All My Loving»? — предлагаю я.

— Я не против, — отвечает Сесилия. — Но тогда — чур, я Джон.

— Я Пол, — говорю я.

— А я Ринго. И Джордж! — со смехом добавляет Сес.

Сесилия запускает песню с пластинки и берет вместо микрофона красную щетку. Я хватаю палку для штор в качестве гитары. Сес сворачивает в трубочки два каталога одежды — готовы импровизированные барабанные палочки. Начинается песня; мы поем в большой красный микрофон, играем на инструментах и прыгаем по комнате (я — в своих белых трусах, они — в летних платьях и соломенных шляпках), — и все это не изображая ровным счетом никого, кроме самих себя. И нам не нужно представлять, что мы поем где-то еще, кроме как здесь, в спальне у Сесилии Тухи, в доме Тухи номер 4017 по улице Святого Патрика, город Филадельфия, штат Пенсильвания, США, планета Земля, мать ее. Бум. Песня заканчивается так же

быстро, как и началась. Мы тяжело отдуваемся, хлопаем друг друга и обнимаемся.

— Вот это было здорово, — говорит Сесилия, широко улыбаясь. — Потом как-нибудь нужно будет обязательно еще раз так спеть. Иди одевайся, Генри.

— Что — уже? — хнычу я в ответ. — Мне еще в душ надо.

— В душ? Это что еще за новости? — как бы возмущается Сесилия. — Бегом, у тебя есть пять минут.

Одной рукой она швыряет пластинку Битлз к себе на кровать, а другой хватает Сес под мышку.

— С дороги, белотрус, — кричит она, отпихивает меня локтем и бежит вниз по лестнице, а Сес визжит, зажатая у нее под мышкой, словно любимый футбольный мяч.

Я ополаскиваюсь под душем, вылезаю из ванны и в темпе вытираюсь. Рукой приглаживаю волосы набок: геля и одеколона не надо. Прическа и так до сих пор чертовски здорово смотрится. Затем хватаю рубашку из Стивеновой половины шкафа, зеленую, из которой он вырос, без всяких там лосей, быков, бизонов и даже без носорогов. Обыкновенная чистая зеленая рубашка с воротничком. Завершаю свой гардероб, прибавив еще

широкие серые брюки, темные носки и туфли к ним в тон, и в таком виде спускаюсь в гостиную.

— Ни фига себе, — удивляется Сесилия.

— Йоу, Генри. Здорово выглядишь, — говорит Фрэнни (у самого у него вид отнюдь не здоровский), — классная прическа.

— Йоу, Фрэнни. Спасибо, — отвечаю я. — А ты вот — нет, и прическа у тебя так себе.

— Что? — переспрашивает он и бросает критический взгляд на свое отражение в рамке со стеклом, где стоит его фотография во втором классе.

На кухне звонит телефон. Мы с Фрэнни бросаемся к нему, кто быстрее успеет. Я первый.

— Алло?

— Генри, это папа, — говорит голос Фрэнсиса в трубке. — Как дела?

— Йоу. В порядке. А у тебя?

— Тоже нормально, — говорит он. — Слушай, твой брат очнулся пару минут назад.

— Он сейчас в сознании? — спрашиваю я, и голос у меня удивленный и счастливый.

— Нет, он тут же снова отключился, но главное, что в сознание все-таки пришел, и врачи сказали, что он пойдет на поправку. Вот, так что передай маме, что он приходил в себя.

— Понял. Ага, сейчас, только…

— Генри, подожди. Скажи маме… скажи, что я ее люблю, хорошо? Можешь сказать, пока я еще на проводе? Скажи ей про Стивена и что я ее люблю, пока я еще здесь.

— О’кей. Йоу, мам, — зову ее я.

— Йоу, — откликается она.

— Утром Стивен приходил в сознание. И папа говорит, что любит тебя.

Она переводит взгляд с меня на Сес и снова на меня, и на лице ее появляется улыбка.

— Скажи ему, что это хорошие новости.

— Мама говорит — это хорошие новости, — сообщаю я в трубку Фрэнсису Младшему.

— Замечательно, — говорит он. — Увидимся в больнице.

— Заметано, приятель. — Я дожидаюсь, пока он положит трубку, потом поворачиваюсь ко всем остальным Тухи и говорю: — Ну что, шоу продолжим, думаю, уже по дороге.

Мы выходим из дома. Улица Святого Патрика обрушивает на нас солнечную симфонию звуков: скрипят велосипеды, шипят поливалки на газонах, жужжат электрические газонокосилки, ругаются родители, пивные банки трещат под каблуками, — и всем этим дирижируют безжиз-

ненные истуканы святых. Сесилия отправляет себе в рот жвачку.

— Ты видела, Сес? Мама жует жвачку, — говорю я.

— Как ты сказал? Что мама?

— Она жует жвачку меньше чем за час до причастия. Это ведь нарушение церковных правил, разве нет?

— А фиг его знает, — отвечает Сес, забираясь ко мне на плечи.

Мы переходим на тротуар, ведущий к церкви. Рядом с церковью останавливается троллейбус, который идет до надземки и на котором мы скоро поедем в больницу, где лежит мой старший брат Стивен, и его сердце гонит по жилам хорошую, новую кровь вместо того старого дерьма, что было в нем раньше. Рядом с ним на виниловом кресле, обняв руками колени, сидит Фрэнсис Младший и, роняя слезы на пол, клянется себе, что дальше все будет только хорошо и все будут друг друга любить так сильно, как должны, так сильно, как только могут. Так и будет. Все хорошо. Солнце светит, и даже если пойдет дождь, то после дождя солнце всегда выходит снова… Если только не ночью, когда 10 000 других солнц мигают на небе.

Через полквартала я вижу Грейс, стоящую у

себя на веранде с зажженной сигаретой в зубах, и останавливаюсь.

— Йоу, чувак, в чем дело, почему стоим? — спрашивает Сес.

— Подожди, я на пять сек, — говорю я и подхожу к веранде Макклейнов.

— Эй, Хэнк, — тихим, мягким голосом говорит мне Грейс. — Я слышала, твой брат отлично держится.

— Похоже на то, — отвечаю я, хладнокровно и искоса глядя на нее.

— Ты еще злишься на меня за то, что я вчера отказалась выйти за тебя замуж, да?

— Нет, у нас все зашибись, — говорю я.

— Может, тебе стоит снова попытаться лет так через семь-восемь?

— Может, и стоит, — говорю я. — Но никаких гарантий давать не буду. К тому времени спрос на меня может резко подскочить.

— Просто если что — имей меня в виду. А пока — ты не против, если мы с тобой сегодня вечером еще раз поцелуемся?

Хьюстон, как слышно? — у нас тут член резко скакнул вверх (и продолжает подниматься).

— Ну, Генри, пойдем уже, — недовольно ноет Сес.

— О'кей, забились на свидание, — говорю я.

— На свидание с кем? — переспрашивает сбитая с толку Грейс.

Я показываю на Сес, сидящую у меня на шее:

— Сначала с ней, а уже потом с тобой. Определенно, с тобой потом.

— Круто, — говорит Грейс, улыбается и затаптывает ногой бычок. Она скрывается за дверью, а я думаю про себя, на хрен восемь, попытаюсь еще раз через семь.

— Генри, давай будем представлять, что мы в лесу, как ты вчера говорил, — просит Сес.

— О'кей, Сес, — соглашаюсь я и удобнее усаживаю ее у себя на плечах, — ты готова?

— Да, черт возьми, — говорит она. — Уже давно. С первого дня как родилась. Ну что, поехали?

Видишь однотипные дома по обеим сторонам улицы? — говорю я ей. — *Теперь это уже не дома, а скалы. Можно нырять с них прямо в воду. Да, в точности как Тарзан, только я хотел бы посмотреть на того человека, который заставит меня нацепить набедренную повязку. Что значит — а где река? Река — это вся улица. До свидания, улица Святого Патрика. Ух ты. Чуть в воду не влезли. Нужно быть осторожней: вода холодная и течение очень быстрое. Смотри, газонов боль-*

ше нет: теперь это деревья с густыми кронами, свисающими до самой воды. Их так много, что и не сосчитать. Ветви гнутся под тяжестью яблок, каждое из которых размером с надувной мяч. Давай, побежали скорей. Хватайся за меня покрепче. Нам ни в коем случае нельзя свалиться в реку. Не, это не скейтборд, а плот. На нем мы перепрыгнем на тот берег. Не бойся. Не упадем. Только посмотри, как красиво вокруг: река, деревья. Ты же видишь их, правда? Это потому, что в твоем сердце живет любовь. У тебя очень большое сердце, и от этого мне тяжело тебя нести, но я все равно ни за что на свете не уроню тебя. Тяжеловато тащить на себе столько любви, но не бойся, я не отпущу. Ну вот, мы уже и на том берегу, как я и сказал. Давай, побежали дальше. Посмотрим, кто быстрее — мы или эта древняя река…

— Генри Тобиас и Сесилия Реджина Тухи! — кричит нам сзади Сесилия. — Ну-ка притормозите! Нельзя явиться в церковь грязными и потными!

Мы останавливаемся.

— Ну что, Сес, будем ее слушаться? — спрашиваю я.

— Нет, — говорит она. — Заводи моторы, чувак.

Я издаю звук, подражая взлетающему самолету, и начинаю вертеться на месте так быстро, как только могу. Сес визжит.

— Хэнк, прекрати вертеть сестру и перестань ее смешить. У нее голова закружится.

Так я и поступаю. Я прекращаю вертеться, но и только. Смешить ее я не перестану никогда. Меня зовут Генри Тухи. У меня сердце в двадцать футов шириной и двадцать тысяч футов глубиной. Мы взлетаем вместе, я и Сес, и по прямой, не меняя направления, несемся к Ав, к церкви, к больнице, к папе, к нашему брату, к жизни, по пути обгоняя речные быстрины. С двух сторон красно-зелеными силуэтами нас обступают яблони, похожие на Рождество, похожие на счастье, покуда мы наконец полностью не растворяемся в них, словно в любви.